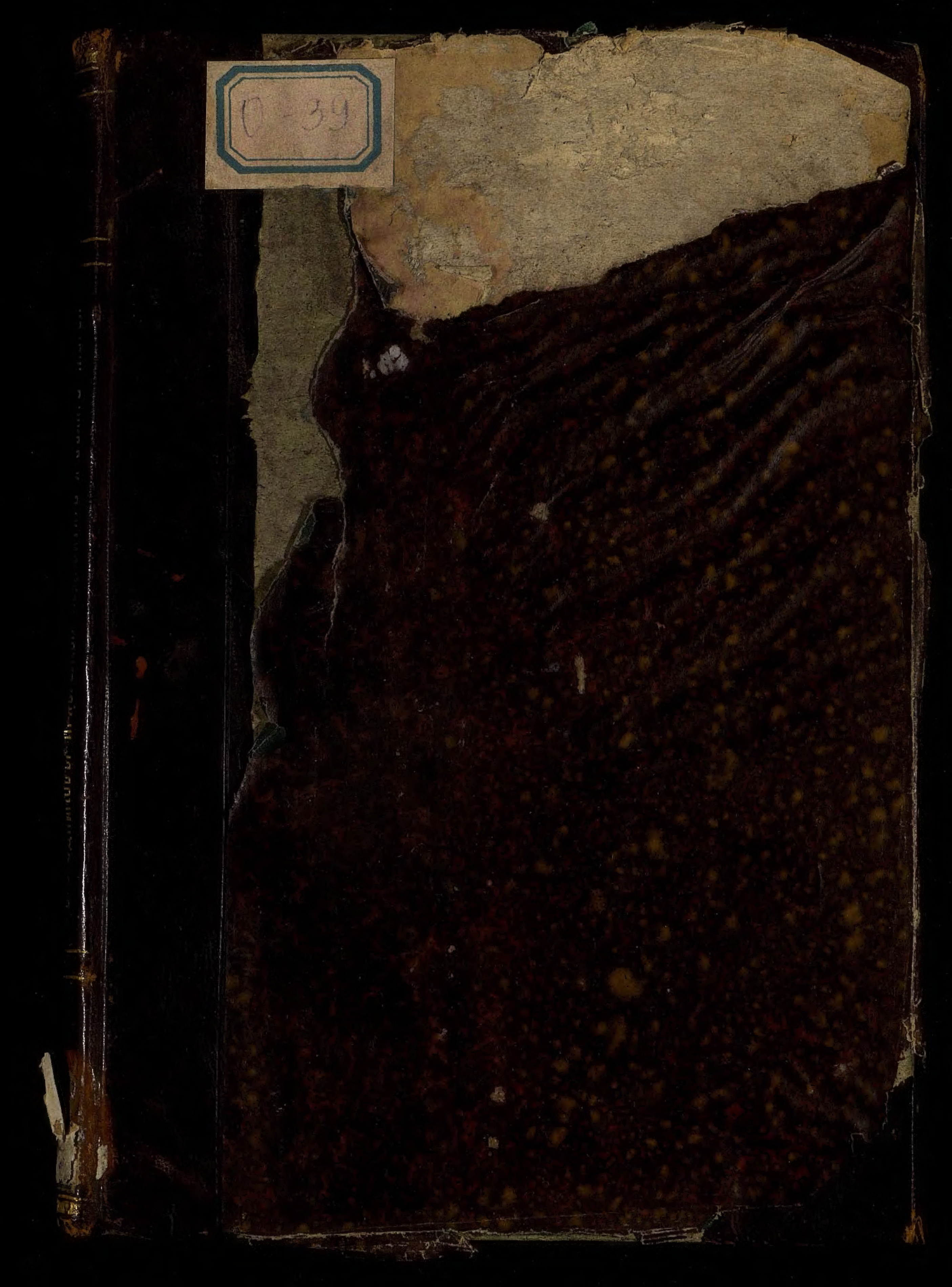

0-39

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXVIII~~ XXII. 5c II
Полка 3 9 5
№ 82 34. 14

0-39

ПРИБРЕЖЬЯ

ЛЕДОВИТАГО И БѢЛАГО МОРЕЙ СЪ ИХЪ ПРИТОКАМИ

ПО КНИГѢ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА.

5438

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Е. К. Огородникова.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ

С. Петербургъ.

№ 497. Типографія Майкова, въ домѣ Министер. Фин., на Дворц. площ.

1875.

1378/ [illegible]

Изъ записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. VII.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПРИБРЕЖЬЯ

ЛЕДОВИТАГО И БѢЛАГО МОРЕЙ СЪ ИХЪ ПРИТОКАМИ

ПО КНИГѢ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ СѢВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Географическія свѣдѣнія о древнемъ сѣверо-востокѣ Европейской Россіи (въ предѣлахъ губерній Архангельской и Вологодской), въ качествѣ относительныхъ или непосредственныхъ источниковъ для объясненія книги Большаго Чертежа, имѣютъ весьма разнообразное значеніе. Самый поверхностный обзоръ подробной географической карты этого края, въ соединеніи съ списками населенныхъ мѣстъ, изданными Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, открываетъ далеко не исчерпанный матеріалъ для древней этнографіи и географіи. Въ этомъ отношеніи, болѣе или менѣе древнія, русскія или иноязычныя названія мѣстностей, урочищъ, рѣкъ, рѣчекъ и пр. представляютъ (по выраженію одного изъ знатоковъ) „особый міръ окаменѣлостей географической номенклатуры" [1]), среди которыхъ знатокъ доисторическаго фин-

[1]) Библ. для Чт. 1837. XXII. 79: Опытъ историч. геогр. Н. И. Надеждина.

*

скаго востока читаетъ историческое значеніе племенъ, не только тѣхъ, коихъ остатки уцѣлѣли до настоящаго времени, но и тѣхъ, которыя исчезли, оставивъ послѣ себя одно только имя, да нѣсколько географическихъ намековъ на свое существованіе. Среди этихъ названій изслѣдователь старины найдетъ обильный запасъ такихъ географическихъ указаній, которыя наглядно раскрываютъ постепенный ходъ колонизаціоннаго движенія Славянъ, сопровождавшагося проповѣдью вѣры христіанской. Эти указанія сами собой приведутъ къ ясному понятію о томъ, какимъ образомъ, среди чудскихъ племенъ, постепенно укоренялась русская народность, заходившая въ глубь сѣвера то подъ вліяніемъ духа промышленнаго, то подъ вліяніемъ аскетизма монашескаго, и укрѣплялась тамъ, гдѣ вслѣдъ за движеніемъ новгородскихъ ватагъ вольницы, ушкуйниковъ, являлись церковь, погостъ, монастырь, куда подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ потомъ стекалось русское населеніе, откуда начиналось просвѣщеніе и обрусѣніе Чуди.

Хотя нѣкоторая часть этихъ свѣдѣній такого свойства, что не можетъ имѣть прямаго отношенія къ объясненію Большаго Чертежа, но и въ этомъ смыслѣ они не должны быть названы излишними, потому что даютъ возможность приблизительно опредѣлить эпоху ранѣе которой этотъ разнообразный матеріалъ этнографическихъ и географическихъ данныхъ не могъ служить готовымъ выработаннымъ источникомъ для составленія Большаго Чертежа.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не остановиться на томъ, что хотя вообще знакомство Новгородцевъ съ сѣверо-востокомъ Европейской Россіи началось довольно рано, хотя движеніе Новгородцевъ, собственно по рр. Онегѣ и Двинѣ, со включеніемъ ея западныхъ притоковъ, привело ихъ въ самую средину чудскаго востока (къ устьямъ Онеги и Двины), но это знакомство, особенно въ первые вѣка ихъ появленія тамъ, вправо и влѣво отъ Онеги и Двины, представляется отрывочными попытками завоевательнаго свойства, попытками, имѣвшими цѣлію только пріисканіе новыхъ данниковъ, только обогащеніе новгородской казны или выгоды частныхъ лицъ; самое же закрѣпленіе сдѣланныхъ въ этомъ краѣ пріобрѣтеній и начатки, прочнаго знакомства съ чудскими племенами принадлежатъ уже той эпохѣ, когда пребываніе Новгородцевъ въ этомъ краѣ освяща-

лось устройствомъ христіанскихъ церквей и стало принимать мирный характеръ взаимно-выгоднаго сосѣдства, сначала подъ вліяніемъ монастырскихъ обычаевъ, а потомъ подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ. Затѣмъ естественно, чѣмъ далѣе въ глубь временъ отъ этой эпохи, тѣмъ менѣе Славяне могли ознакомиться съ туземцами и опредѣлить географическія отношенія „чудскихъ языковъ" между собою, давая, какъ справедливо замѣчаютъ, племеннымъ различіямъ то этнографическое, то географическое значеніе [1]). Самыя названія племенъ заимствованы Новгородцами большею частію изъ случайныхъ источниковъ (что нерѣдко замѣчается и у западныхъ народовъ) и также случайно впослѣдствіи замѣнялись другими и присвоивались то тѣмъ, то другимъ племеннымъ особямъ.

Не только въ отдаленную историческую эпоху, но даже и въ настоящее время общепринятое географическое размѣщеніе племенъ чудскихъ на сѣверо-востокѣ, хотя и считается точнымъ [2]), но эта точность ни въ географическомъ, ни въ хронологическомъ смыслѣ не можетъ быть признаваема вполнѣ удовлетворительною. Финское населеніе сѣверо-востока, извѣстное подъ собирательнымъ названіемъ *Чуди*, обыкновенно размѣщаютъ слѣдующимъ образомъ: *Емь*—по сѣвернымъ берегамъ Финскаго залива; *Сумъ*—на сѣверо-западъ отъ Еми, по восточному берегу Ботническаго залива; *Карелы*—на востокъ отъ Еми, между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ, вплоть до береговъ Бѣлаго моря; *Заволоцкая Чудъ*—на востокъ отъ Карелы, по рр. Онегѣ и Двинѣ; *Пермъ*—на юго-востокъ отъ Чуди, по Двинѣ и по верховьямъ рѣки Камы; *Печера*—на сѣверъ отъ Перми, по р. Печерѣ; *Югра* и *Самоядъ*—на сѣверо-востокъ отъ Печеры, къ Уральскимъ горамъ и даже за ними до Лукоморья [3]). Хронологическая и географическая неточность этого размѣщенія, основаннаго впрочемъ на драгоцѣнныхъ указаніяхъ Нестора и дополненнаго тѣми свѣдѣніями, которыхъ не нашлось въ его перечисленіи [4]), очевидна будетъ даже изъ краткаго обзора тѣхъ общихъ истори-

---

[1]) Ueber die alt. Wohn. d. Jem Siogren. Mem. d. l'Ac. Imp. d. Sc. 1832. I. 319.

[2]) Тамъ же.

[3]) Времен. Моск. Общ. ист. и древн. 1850. VII. Бѣляева, 3; Изслѣд. Лерберга 1819. 23 и проч.

[4]) Полн. Собр. Лѣтоп. I. Лавр. 2, 5.

ческихъ свѣдѣній, которыя необходимо должны быть основою какого бы то ни было распредѣленія.

Но прежде чѣмъ говорить о значеніи распредѣленія Чудскихъ племенъ, не излишне обратиться къ значенію собирательныхъ названій этихъ племенъ. Лѣтописецъ называетъ ихъ Чудью, и перечисляя обитателей „полуночной страны", указываетъ въ Афетовой части Русь, *Чудь и вся языцы* [1]), т. е. всѣ чудскіе языки или племена, которые столь же общепринято называть и *Финскими* племенами. По мнѣнію знатоковъ, этотъ народъ, вышедшій отъ подножья Алтайскихъ и Саянскихъ горъ и оттѣсненный къ сѣверу, нѣкогда по своей многочисленности почти равенъ былъ Славянамъ. Въ предѣлахъ Европейскаго материка онъ дѣлается извѣстнымъ уже во второй половинѣ VI вѣка, судя по упоминанію Іорнанда, который, въ числѣ народовъ, усмиренныхъ Готскимъ королемъ Германрихомъ, называетъ Thuidi или Thividi, считаемыхъ Шлёцеромъ за Чудь [2]). Что касается до значенія слова Чудь, то оно толкуется весьма различно. Шлёцеръ, придавая слову Чудь значеніе имени нарицательнаго, производитъ его, какъ извѣстно, отъ слова чужой, иностранецъ [3]). Существуетъ мнѣніе, что слово Чудь, хотя и означающее народовъ Финскихъ, *должно считать чисто славянскимъ*, такъ какъ оно происходитъ отъ древняго славянскаго слова *щоудъ*, т. е. исполинъ, перешедшаго въ русское *Чудь*; даже самая форма слова этого чисто славянская, русская, подобно многимъ другимъ этого рода словамъ. На правдоподобность этого объясненія намекаетъ и существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Пермской губерніи, и вѣроятно, въ другихъ) преданіе, что Чудь вообще была великорослый и сильный народъ, или какъ выражается самое преданіе, богатыри [4]). Слово Чудь почти въ

---

[1]) Полн. Соб. Лѣт. I. Лавр. 2, 5.

[2]) Шафарикъ тоже полагаетъ, что Thividi Іорнанда несомнѣнно «Чудь»; Šafarik, Starožitnoste I, § 14 стр. 341.

[3]) Вѣстн. Ест. Наукъ. 1855. II. № 17, 197: Чудскія племена Эйхвальда; Несторъ Шлёцера. 1809. 1. 64.

[4]) Учен. Зап. Им. Ак. Н. по 2-му отд. 1859. V. 39, 41. Истор. замѣчанія Вл. И. Ламанскаго; Пермскій Сборникъ 1859. II. 6.

той же формѣ, какъ и у Іорнанда, встрѣчается и у Лопарей— именно въ словѣ Tiude, произносимомъ какъ Чудь [1]. Для насъ здѣсь любопытно то, что собирательное (по Нестору) названіе *Чудь* есть древнѣйшее изъ названій этого народа, и что оно, можетъ быть, даже совершенно славянское, явившееся у народовъ запада въ нѣкоторомъ измѣненіи и сохранившееся у Лопарей почти въ точномъ славянскомъ его произношеніи [2].

Имя Чуди на западѣ не удержалось и при весьма неопредѣленныхъ географическихъ границахъ замѣнено названіемъ *Финны* (Fennae). Это названіе первоначально и не могло имѣть того обширнаго географическаго значенія, какое доселѣ удерживается за названіемъ Чудь, по той причинѣ, что западнымъ народамъ не могли быть извѣстны не только границы Чудскихъ областей, но и точныя названія племенъ, хотя у разныхъ древнихъ писателей и встрѣ-

---

[1]) Lindahl et Orcheling. Lexic. Lapon. 1780. 4.

[2]) Вопросъ о происхожденіи слова «Чудь» и до сей поры можетъ еще считаться открытымъ. Конечно, ближе всего подходитъ къ истинѣ то объясненіе, что «Чудью Славяне называли Финскія племена не въ смыслѣ «чужихъ людей», встрѣченныхъ ими, а скорѣе людей «чудныхъ», странныхъ, необыкновенныхъ. Быть можетъ, даже и самое понятіе «чужой» образовалось не безъ вліянія понятія о чудности, странности, несходства. У всѣхъ культурновносительныхъ народовъ можно подмѣтить тотъ интересный фактъ, что они, при встрѣчахъ своихъ съ какими бы то ни было чужеродцами, относятся къ послѣднимъ какъ-то шутливо, съ высоты своего величія, какъ къ дѣтямъ; первое впечатлѣніе, производимое встрѣчею съ чужаками на культурнодвигательный народъ, сводится не къ понятію о несходствѣ съ нимъ встрѣченныхъ, а скорѣе къ понятію о странности явленія, о необыденности такой встрѣчи; первымъ дѣломъ подмѣчается какой-нибудь странный, непривычный обычай (потому-то и возможны были для Грековъ Ихтіофаги, Меланхлены и т. п.), какое-нибудь страннозвучащее слово (отсюда появленіе такихъ плеоназмическихъ названій, каково напр. Livland), какое-нибудь неупотребительное орудіе, характеризующее вновь встрѣченное племя (напр. Саксы), непонятность языка для туземцевъ и ихъ будто бы дѣтскій лепетъ (отсюда слово «варвары»). Славяне, встрѣтившись съ Финскими племенами, прямо назвали Финна Чудиномъ, Чудакомъ, чуднымъ, такъ какъ для Славянъ *чудно* было видѣть людей, не подходящихъ вовсе къ тому понятію о человѣкѣ, которое они себѣ составили; Славянинъ—человѣкъ, тогда какъ тотъ народъ, который не знаетъ по славянски, т. е., по ихъ понятіямъ, не умѣетъ говорить по людски, конечно,

чаются имена различныхъ Чудскихъ племенъ, приведенныя Шлёцеромъ [1]). Названіе Fennae преимущественно придавалось только тѣмъ Чудскимъ племенамъ, которыя занимали *низменныя, сырыя и болотистыя* мѣста, начиная отъ Ботническаго залива до Бѣлаго моря. Слово Fennae производится изъ языковъ исландскаго, англо-саксонскаго, шведскаго и другихъ, отъ слова fen— (пастбище, болото, низменное мѣсто). Въ этомъ значеніи слово Fennae встрѣчается у римскихъ писателей и относится къ Финляндіи [2]). Свѣдѣнія, встрѣчающіяся у Іорнанда о Финнахъ, относятся также до Финляндіи и Норвегіи и суть только заимствованіе у западныхъ народовъ, отнюдь не ведущее къ тому, чтобы по Іорнанду было два отдѣльные народа: Финны и Чудь, а только къ тому, что Іорнанду могли не быть извѣстны обитатели сѣверной Европы, принадлежавшіе къ одной народности съ Чудью, но называемые у западныхъ народовъ Финнами. Среди этихъ сѣ-

по всей справедливости можетъ назваться «нѣмотою»; такъ и лѣтописецъ, желая дать намъ понять о чуждости Югорскаго языка нашему и не понимая возможности говорить иначе, какъ по славянски или по гречески, утверждаетъ, что «Югра же людіе есть языкъ нѣмъ» (Полн. Собр. лѣтоп. Лавр. 1 107); такъ и для Грека всѣ остальные народы были людьми лепечущими, бормочащими что-то, но отнюдь не говорящими, какъ Греки. Названіе Финновъ „Чудью" не осталось безъ распространенія за предѣлы именно славянскаго міра: и Скиѳы Грековъ, и Тьюды Іорнанда, и Скуты Адама Бременскаго доказываютъ, что ошибочное въ этнологическомъ отношеніи прозвище получило извѣстное право гражданства и въ жизни, и въ наукѣ до той поры, пока такое же ошибочное, чисто географическое названіе Феннов или Финновъ не вытѣснило на югѣ и на западѣ слышанное отъ Славянъ слово «Чудь». Шафарикъ и цѣлая школа изслѣдователей связываютъ «Чудь» именно съ понятіемъ о чуждости вновь встрѣченнаго племени. Но впрочемъ считать эту теорію безусловно вѣрною пока еще преждевременно; понятіе о чуждости встрѣченнаго племени и психологически едва ли могло явиться у Славянъ, которые сами несомнѣнно не далеко еще ушли отъ дикости. Вообще вопросъ о «Чуди» далеко еще не можетъ назваться рѣшеннымъ и ждетъ новыхъ этнологическихъ изысканій, которыя изслѣдовали бы сравнительно происхожденіе названій племенъ у возможно большаго числа народовъ міра.

В. Майновъ.

[1]) Несторъ, Шлецера. 1809. I. 61—65.

[2]) Изслѣд. Лерберга. 1819. 23 и пр.

верныхъ Финновъ Іорнандъ различаетъ, подъ вліяніемъ шведскихъ извѣстій, Trefennae и Crefennae (лѣсныхъ и стадныхъ Финновъ). При изслѣдованіи Чертежа по Мурманскому и Терскому берегамъ было уже объяснено, что Trefennae перешли въ славянское *тре* или *тиръ* (оттуда Терская сторона), и потомъ позднѣе лѣсные и стадные Финны явились въ русскихъ актахъ въ значеніи *Лопи лѣшей* и *Лопи дикой.* Слово Fennae, первоначально имѣвшее собирательное значеніе, при ближайшемъ знакомствѣ западныхъ народовъ съ Чудью, впослѣдствіи дробится на нѣсколько отдѣльныхъ значеній, каковы: Kainulaiset, Karialaiset, Hämälaiset и Suomalaiset и др.,—названія чисто племенныя и относящіяся въ совокупности къ названію Fennae, какъ простые синонимы, для того же опредѣленія жителей, болотистыхъ и сырыхъ мѣстъ. Вѣроятно, примѣняясь къ этому, думаютъ, что общее народное названіе Финновъ есть нѣмецкое, Чудь — славянское и Суомалайне — своенародное [1]).

Всматриваясь въ хронологію историческихъ извѣстій, относящихся до „чудскихъ языковъ“, нѣкогда населявшихъ сѣверо-востокъ, конечно, прежде всего должно уяснить себѣ значеніе указаній Нестора, занесенныхъ имъ въ лѣтопись не ранѣе второй половины XI вѣка, и очевидно, представляющихъ перечень тѣхъ племенъ, которыя обитали на сѣверо-востокѣ до его времени. Несторъ, какъ извѣстно, называетъ на сѣверо-востокѣ Заволоцкую Чудь, Пермь, Печеру, Ямь и Югру [2]).

Хронологическое значеніе этихъ указаній не можетъ быть опредѣлено прямымъ путемъ; но оно выясняется совокупностью нѣкоторыхъ соображеній о торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ Юграми, имя которыхъ уже въ VI вѣкѣ было извѣстно Іорнанду, судя по упоминанію его о дорогихъ мѣхахъ, которые въ его время вывозились изъ Югры, жившей за Хозарами и Болгарами [3]). Древнія сношенія Новгородцевъ съ Юграми, отчасти подтверждаются извѣстіями лѣтописными. Такъ извѣстный разсказъ Нов-

[1]) Ист. Росс. Соловьева 1857. I. 46. Класс. народ. Россіи Видемана, Акад. кален. 1860. 366.

[2]) Полн. Собр. Лѣт. I. Лавр. 2. 5.

[3]) Мухам. нумизматика, Савельева. 1846. LXXVI.

городца Гюряты Роговича въ 1096 году указываетъ на знакомство Новгородцевъ съ Юграми, а извѣстія, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ подъ 1114 годомъ, убѣждаютъ въ томъ, что сношенія Новгородцевъ съ Юграми были и ранѣе 1096 года, такъ какъ лѣтописецъ въ 1114 году слышалъ отъ Ладожанъ, что еще „старіи мужи ходили за Югру и за Самоядь" [1]. Это приводитъ къ заключенію, что уже въ началѣ XI вѣка племена, жившія на западъ отъ Югры (Заволоцкая Чудь, Пермь, Печера и Самоѣды), находились въ такихъ отношеніяхъ къ Новгороду, что торговыя сношенія ихъ съ Юграми были возможны, хотя и трудно согласиться съ тѣмъ, что даже въ концѣ XI вѣка отношенія Новгородцевъ къ этимъ племенамъ были прочны, и что сношенія съ Юграми могли установиться не иначе, какъ при полномъ обладаніи всѣмъ тѣмъ пространствомъ, которое было занято вышеисчисленными племенами. Мнѣніе о древнемъ обладаніи Новгорода сѣверо-востокомъ Европейской Россіи хотя и имѣетъ за собою одно довольно неопредѣленное указаніе Двинскаго лѣтописца и поддерживалось Карамзинымъ, но и то и другое справедливо отвергаются академикомъ Шёгреномъ, который не признаетъ доказательствъ, приводимыхъ въ пользу этого мнѣнія достаточно убѣдительными [2]. Какъ бы то ни было, на этотъ разъ убѣдительно то, что племена, названныя у Нестора, дѣйствительно стали извѣстны Новгородцамъ уже въ началѣ XI вѣка. Но если перечисленіе и размѣщеніе ихъ у Нестора относится также къ началу XI вѣка, то для укрѣпленія необходимой между ними исторической связи, надобно уяснить предварительно, въ какомъ отношеніи эти племена въ XI вѣкѣ могли находиться между собою? Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Сумь, у Нестора вовсе не упоминаются, хотя и не должны быть изъяты изъ перечисленія. Другія, какъ Заволочьская Чудь, постоянно являются въ неопредѣленномъ географическомъ, собирательномъ значеніи различныхъ племенныхъ особей, и притомъ въ различное время помѣщаются то въ разныхъ частяхъ Обонежской пятины, то

---

[1] Полн. Собр. Лѣт. I. Лавр. 107. Ш. Ипатьев. 5.

[2] Древн. Р. Вивл. XVIII, Двинск. лѣт. 3. Ист. Карам. II. 24. Mem. de l'Ac. Imp. des Sc. I. 1832. Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russisch? Sjögren I. 1832. 491—526.

опредѣлительно между Онегой и Двиной,—или какъ Пермь и Печера, являются съ недостаточно выясненными взаимными отношеніями.

По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя считать точнымъ приведенное выше исчисленіе племенъ, не выяснивъ той исторической эпохи, въ которую они всѣ одновременно могутъ быть поставлены рядомъ.

Мы вышли бы за предѣлы настоящаго изслѣдованія, еслибъ занялись подробнымъ выясненіемъ этого размѣщенія; но для полноты и ясности всего вышесказаннаго кажется не излишнимъ прибавить къ этому хотя общій перечень свѣдѣній о каждомъ изъ названныхъ племенъ. Это тѣмъ болѣе кажется умѣстнымъ, что историческія свѣдѣнія о Чудскихъ племенахъ, обитавшихъ на сѣверо-востокѣ, являясь отдѣльно по каждому племени, подъ вліяніемъ различныхъ взглядовъ и толкованій лишены одного изъ существенныхъ условій — *взаимной исторической связи*, которая, не смотря на скудность древнихъ свѣдѣній, одна только въ состояніи хотя приблизительно установить какую либо хронологическую и историческую связь размѣщенія племенъ при вступленіи ихъ въ ясный историческій періодъ обитанія на сѣверо-востокѣ.

I. ЯМЬ.

Однимъ изъ старѣйшихъ Чудскихъ племенъ на сѣверо-востокѣ должна считаться *Ямь*, являющаяся въ различныя историческія эпохи въ различныхъ мѣстностяхъ. По указанію Нестора, въ XI вѣкѣ это племя жило на с.-востокѣ, занимая мѣсто рядомъ съ Юграми и Печерою; въ XII вѣкѣ Ямь, подъ тѣмъ же названіемъ, встрѣчается уже въ другомъ мѣстѣ, именно—въ юго-западномъ Заволочьѣ, между Онежскимъ озеромъ и Вологдою и на западъ отъ Онежскаго озера до Ладожскаго; въ первой половинѣ XIII вѣка Ямь уже находится исключительно въ предѣлахъ Финляндіи.

Древнѣйшее мѣстожительство Ями тамъ, гдѣ его указалъ Несторъ, подтверждается съ положительною ясностью, замѣчательнымъ изслѣдованіемъ акад. Шёгрена. На границѣ Устюжскаго уѣзда съ Сольвычегодскимъ, при устьѣ Вычегды, сообщаетъ г. Шёгренъ,

въ 61 вер. отъ Устюга, есть селеніе Котласъ (прежде Пырасъ), иначе называемое Котласскій погостъ [1]), въ которомъ существуетъ преданіе, что какъ въ немъ, такъ и въ окрестностяхъ его, кромѣ Чуди (въ которой г. Шёгренъ видитъ Заволоцкую Чудь), нѣкогда обитало особое племя Гамъ (Gam). Названіе это и по нынѣ встрѣчается даже далѣе на сѣверъ — въ Яренскомъ уѣздѣ [2]). Зыряне этого названія не считаютъ своимъ; оно, по ихъ понятіямъ,—*старое*, но не туземное (т. е. не зырянское). Въ пермскомъ нарѣчіи слова Гамъ также нѣтъ. Но что Гамы были особое племя, — это, по мнѣнію г. Шёгрена, подтверждается и писцовыми книгами 1707 года, гдѣ встрѣчаются фамиліи: Гамитиновъ, Гамовъ, Гановъ (въ Яренскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ). Тожество приведенныхъ указаній совпадаетъ въ этихъ мѣстахъ и съ преданіемъ о Гамахъ, бывшихъ предшественниками Зырянъ въ этомъ краѣ, гдѣ и доселѣ волость Гамъ (Гамское по спискамъ) [3]) сохранила свое названіе. Отсюда Гамы распространились къ с.-западу и с.-востоку, такъ какъ въ Удорскомъ краѣ и теперь одна небольшая рѣчка—притокъ р. Вашки—называется Гамъ-шоръ (по русски ручей Гамскій) [4]). Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ при истокѣ р. Пинеги, есть деревня Гамовская, а ниже ея — на р. Ижмѣ недалеко отъ Печеры—деревня Гамская [5]). Мѣстные жители разсказывали г. Шёгрену, во время его путешествія по востоку Россіи, что въ Пустошенской волости, въ восточной части Сольвычегодскаго уѣзда, на границѣ его съ Яренскимъ уѣздомъ, по ручью Тундею, на крутомъ обрывѣ, было одно мѣсто, называемое „Городокъ", принадлежавшее Чуди, древнимъ обитателямъ этого мѣ-

---

[1]) Спис. нас. м. Волог. губ. 1866. Уст. 11435. Изв. и Учен. Запис. Каз. Унив. 1868. вып. I. ст. П. Д. Шестакова, 57. Ueber die ält. Wohnsitze des Jem. Sjögren. Mem. de l'Ac. Imp. 1832. I. 284.

[2]) Напр. селеніе Емдинъ въ 83 в. отъ Яренска, на почт. трактѣ изъ Устьсысольска, при впаденіи р. Вымн въ Вычегду (Сп. нас. м. Волог. губ. № 12298). *В. М.*

[3]) Спис. нас. м. Волог. губ. 1860. Ярен. 12067.

[4]) Зыряно-Русск. Слов. Саввантова. 1850. 207. Опис. Вологод. губ. Услара, 1850. 94.

[5]) Спис. нас. м. Арханг. губ. 1860. Мезенск. 724.

ста. Ручей этотъ, конечно, не можетъ быть отысканъ на картахъ, если ему не соотвѣтствуетъ по спискамъ рч. Тундейка (Сольвыч. уѣзда), при которой стоитъ деревня Ѳоминская или Тундія. Къ этому можно прибавить, что и самая р. Вымь, вѣроятно, была обитаема племенемъ Ямью, такъ какъ она по зырянски называется Ем-ва (вода или р. Емь) [1]).

Всѣ эти указанія, по справедливому убѣжденію академика Шегрена, раздѣляемому и нашими лучшими современными историческими писателями, приводятъ къ тому заключенію, что въ извѣстный періодъ здѣсь жили Гамы или Ямь, въ сосѣдствѣ съ племенами, названными Несторомъ [2]).

Но эти мѣстности нельзя считать единственными при опредѣленіи древней области Ями. Говоря о походѣ въ Заволочье въ 1079 году [3]), г. Шёгренъ приводитъ одно весьма извѣстное свидѣтельство, относящееся къ этому времени и напоминающее о мѣстожительствѣ Ями въ другомъ мѣстѣ. Татищевъ указываетъ на слѣды Ями въ предѣлахъ Архангельской губерніи, — тамъ, гдѣ течетъ р. Емца [4]), и пріурочиваетъ къ ней походъ 1079 года, говоря, что онъ былъ предпринятъ въ Заволочье противъ Еми, жившей по берегамъ р. Еми. Г. Шёгренъ не только не отвергаетъ этого мнѣнія, но прибавляетъ, что Татищевъ, вѣроятно, взялъ это свѣдѣніе изъ какой-нибудь частной рукописи, такъ какъ онъ пользовался многими рукописями, до насъ не дошедшими [5]). Кромѣ того, можно привести и еще указаніе на мѣстожительство Ями въ эпоху, можетъ быть, позднѣйшую,—въ предѣлахъ Пермской губерніи, гдѣ также, какъ и въ Вологодской, встрѣчаются названія мѣстъ, напоминающія Гамовъ. Въ Оханскомъ уѣздѣ есть деревня Гамовъ, на р. Камѣ; въ Пермскомъ уѣздѣ показано селеніе Гамы и дер. Гамово [6]), изъ коихъ послѣдняя стоитъ при р. Сылвѣ, впадающей

[1]) Спис. нас. м. Вологод. губ. 1860. Сольвыч. 7189. Энциклоп. Лекс. Плюш. XII. 231.

[2]) Полн. Собр. лѣт. I Лавр. 2, 5.

[3]) Полн. Собр. лѣт. III. Новг. перв. 3.

[4]) На р. Емцѣ находится бывшій острогъ Емецкій въ 100 в. отъ Холмогоръ (Сп. нас. мѣстъ Арх. губ. № 1603.

[5]) Ueber die alt. Wohn. d. Jem. Sjogr. Mem. de. l'Ac. Imp. 1832. I, 267.

[6]) Спис. Пермск. губ. Перм. 70, 572; Ох. 3108.

въ Чусовую. Это указаніе, по видимому, совпадаетъ съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, встрѣчающимся въ 1396 году, гдѣ, въ числѣ „иноязычныхъ племенъ“, упоминается Пермь Великая, *Гамаль Чусовая* [1]. Хотя слово Гамаль, въ жизнеописаніи св. Стефана Великопермскаго и передѣлано въ „глаголемая“ (т. е. Пермь, глаголемая Чусовая), но слѣды племени Гамъ по рр. Сылвѣ и Чусовой и даже по рѣкѣ Камѣ, заставляютъ думать, что передѣлка эта не можетъ быть почтена правильною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мѣстныя изслѣдованія не разъяснятъ, что названія Гамъ, Гамаль (напоминающіе финское названіе Hämäläiset), встрѣчаемыя въ Пермской губерніи, не составляютъ доказательства пребыванія тамъ Ями. Слѣды Ями въ Сольвычегодскомъ и Яренскомъ уѣздахъ, если ихъ по древности предпочесть прочимъ указаніямъ, г. Шёгренъ однакожь не считаетъ слѣдами древнѣйшаго мѣстожительства Ями. Онъ указываетъ на то, во первыхъ, что племя Ямь нѣкогда жило въ самомъ южномъ Заволочьи, начиная отъ Ладожскаго озера до рѣки Сысолы (въ Вологодской губерніи), и что когда Русскіе явились въ южное Заволочье, то они жившую тамъ Ямь раздѣлили на двое: главная масса Ями потянулась къ западу, а остальная часть ихъ подвинулась еще ближе къ Перми по ту сторону Сѣверной Двины въ Сольвычегодскій и Яренскій уѣзды, гдѣ Ямь, можетъ быть, слилась съ Пермяками и съ Русскими; все это раздвоеніе Ями не могло случиться при Несторѣ. Во вторыхъ, г. Шёгренъ указываетъ, что свидѣтельство Нестора вѣрно въ томъ отношеніи, что Пермь (Зыряне) жила въ сосѣдствѣ съ Ямью, но не съ тою Ямью, которая найдена въ извѣстіи о Гамахъ, а съ тою, которая жила въ юго-западномъ Заволочьѣ [2]. Все вышесказанное сводится къ тому, что Ямь до Несторова времени, т. е. до XI вѣка, жила по правому берегу Двины къ югу и къ юго-западу, и что только съ поселеніемъ въ этой мѣстности Новгородцевъ она перебралась въ Сольвычегодскій и Яренскій уѣзды. Г. Шёгренъ затѣмъ прибавляетъ, что Гамы и Чудь Заволоцкая (подъ которою онъ разумѣетъ Кареловъ) были между собой *болѣе родственны*, чѣмъ съ Зырянами.

---

[1]) Полн. Собр. лѣтоп. V. Соф. перв. 230.

[2]) Ueber die Wohn. d. Jem. Siogr. Mem. de Acad. Imp. 1832. I. 292—299.

Ближайшаго хронологическаго опредѣленія, слѣдовательно, не можетъ быть сдѣлано, какъ только то, что извѣстіе Нестора объ Ями, записанное въ XI вѣкѣ, относится ко временамъ, по отношенію къ нему прошедшимъ, и что оно можетъ быть географически пріурочиваемо только къ той Ями, преданіе о которой академикъ Шёгренъ нашелъ на правомъ берегу Двины, въ окрестностяхъ Котласа и западнѣе.

Переходя къ Ями XII вѣка, жившей около Онежскаго озера въ юго-западномъ Заволочьѣ, обратимся снова къ г. Шёгрену. Пребываніе тамъ Ями онъ подтверждаетъ яснымъ свидѣтельствомъ одного изъ извѣстныхъ древнѣйшихъ актовъ, именно уставной грамоты Олега Святославича (1138 г.), указанія которой представляютъ распредѣленіе племенъ, помогающее опредѣлить съ точностью мѣстожительство Ями въ тѣхъ мѣстахъ. Указанія этой грамоты, относящіяся до береговъ Онеги и Двины съ нѣкоторыми ихъ притоками, будутъ разсмотрѣны, по принадлежности, на своихъ мѣстахъ; здѣсь же остановимся собственно на тѣхъ подробностяхъ грамоты, которыя приблизятъ насъ къ искомой Ями при Онежскомъ озерѣ, и о которыхъ съ подробностію говоритъ г. Шегренъ. Изъ приведенной грамоты, въ числѣ мѣстъ, лежащихъ на востокъ отъ Онежскаго озера, г. Шёгренъ приводитъ: *Пингишъ*, *Пороіопускъ*, *Вавдитъ* и *волокъ на Мошъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей имъ приблизительно опредѣлены. Въ Пудожскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ большаго Водлозера, есть деревня Вавди-поле. Если эта деревня называлась также Вавдитъ-поле, то это и есть искомый Вавдитъ. На востокъ отъ Водлозера, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, протекаетъ рѣка Моша. Она вытекаетъ изъ Мошозера и протекаетъ черезъ озера Водло. Въ настоящее время въ этой мѣстности находится двѣ волости: вотчина Мошинская и Усть-Мошинская; здѣсь то, сообразно указанію грамоты 1138 года („у Вавдита на волоцѣ Моши у Ями“), и есть искомое мѣсто жительства этого племени въ XII вѣкѣ,—непосредственно около Моши и на томъ же волокѣ, которому до сихъ придается названіе Заволочья [1]). Можно къ этому прибавить, что на присутствіе Ями даже въ сосѣднихъ съ этими

---

[1]) Ueber die Wohn. d. Jem. Sjogren. Mem. de l'Acad. Imp. 1832 I. 332.

мѣстахъ указываетъ профессоръ Кастренъ; именно онъ селитъ ихъ въ Русской Кареліи, гдѣ многія мѣста получили названіе отъ Ями, какъ напримѣръ, деревня Hämë, Hämëlen-niemi, Hämëlen-saari и проч. [1]). Обращаясь къ доказательствамъ другаго рода относительно пребыванія Ями въ XII в. въ окрестностяхъ Онежскаго озера, г. Шёгренъ останавливается на двухъ древнихъ извѣстіяхъ о походахъ Новгородцевъ на Ямь въ 1042 и 1079 годахъ. Приводимъ для ясности доказательства оба извѣстія вполнѣ. Подъ 1042 г. лѣтописецъ говоритъ: „Иде Володимерь сынъ Ярославль изъ Новаго города на *Ѣмь* и побѣди ихъ и плѣниша множество *Ими* и помроша кони у вой Володимеровыхъ, яже дышащимъ имъ здираху кожу съ нихъ съ живыхъ, толико бѣ лютъ моръ на кони“. Подъ 1079 годомъ въ лѣтописи сказано: „Убиша за Волокомъ (по другимъ спискамъ: въ (Заволочьи) князя Глѣба 30 Мая“ [2]). Выше уже упомянуто было, что послѣдній изъ этихъ походовъ, по мнѣнію Татищева, относился къ Ями, жившей по р. Емцѣ, на бер. Двины; но г. Шёгренъ склоняется къ тому, что Ямь 1079 года надобно искать тамъ, гдѣ она оказалась въ 1138 году, т. е. близь Онежскаго озера. Относя этотъ походъ къ южному Заволочью, г. Шёгренъ замѣчаетъ, что въ предѣлахъ этого же Заволочья, между Бѣлымъ озеромъ и Вологдою,—и теперь живутъ Финны, у Русскихъ называемые Чудью. Эта современная намъ Чудь Бѣлозерская, по мнѣнію г. Шёгрена, есть смѣсь нѣсколькихъ чудскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ Ями и Веси, изъ которыхъ послѣдніе жили въ Бѣлозерскомъ краѣ въ IX вѣкѣ. Главное участіе въ этой смѣси принимала Ямь, судя по сходству чудскихъ нарѣчій (южнаго на востокѣ и сѣвернаго на западѣ); что же касается до присутствія въ этой смѣси Веси, то по мнѣнію г. Шёгрена, ея нельзя отрицать, но трудно опредѣлить въ точномъ размѣрѣ, такъ какъ неизвѣстно, до какихъ предѣловъ она распространялась на востокъ. Если, по мнѣнію г. Шёгрена, изъ вышеприведеннаго из-

---

[1]) Путеш. Кастрена 1838. Магаз. Землевѣд. VI 42. 36.

Между Лачезеромъ и Водлозеромъ существуетъ и до сихъ поръ урочище Ямсельга; тутъ же недалеко и озера Ямиламба. *В. М.*

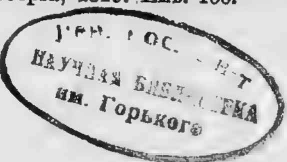
[2]) Полн. Собр. лѣт. XV. Твер. 142. V. Соф. 157. III. Новг. перв. 1—3 I. Лавр. 66. 85.

вѣстія о походѣ 1079 года выводить обратно заключеніе о походѣ 1042 года, то можно было бы сказать, что Новгородцы въ 1042 году столкнулись въ первый разъ съ самыми южными Емянами, жившими по эту сторону Волока, а 37 лѣтъ спустя вступили въ самый Волокъ и узнали, что Ямь распространилась и тамъ—въ Заволочьи, гдѣ былъ убитъ „Глѣбъ, сынъ Святославль“ [1]). Можно думать затѣмъ, что по этому же направленію, т. е. отъ Новгорода къ берегамъ Бѣлаго озера, былъ совершенъ и походъ въ 1123 году, о которомъ лѣтопись говоритъ: „на весну ходи Всеволодъ на *Ямь* во великое говенье и побѣди я, но лютъ бяше путь, иже купляху по ногатѣ хлѣбъ“ [2]). Если бы этотъ походъ былъ сдѣланъ въ Финляндію отъ Новгорода къ Ладожскому озеру, гдѣ предполагаютъ въ это время Ямь, то снабженіе хлѣбомъ едва ли могло бы встрѣтить затрудненіе на такомъ привычномъ пути; но представляя себѣ этотъ походъ на Востокъ, въ предѣлы Бѣлозерья, и вѣроятно—конницей, весьма сбыточно предполагать, что въ „великое говенье“, слѣдовательно, въ началѣ весны, они не нашли по пути достаточно хлѣба, и что „путь бѣ лютъ, иже купляху хлѣбъ по ногатѣ“. Это особенно правдоподобно по сравненію приведеннаго событія съ послѣдующими упоминаніями о Ями, начиная съ 1142 по 1228 годъ [3]). Извѣстія всѣхъ этихъ годовъ таковы, что не представляютъ почти ни одной черты, которая говорила бы въ пользу движенія Новгородцевъ на востокъ въ Бѣлозерскій край; напротивъ изъ текста указаній очевидно, что всѣ эти походы, какъ со стороны Ями на Новгородцевъ, Кареловъ и Водь, такъ и со стороны Ладожанъ-Новгородцевъ и Кареловъ, ихъ союзниковъ, относятся къ Ями финляндской, и чѣмъ позднѣе хронологическое указаніе, тѣмъ это заключеніе будетъ вѣрнѣе. Если даже въ XII вѣкѣ Ямь и была уже въ

[1]) Ueber die Wohn. d. Jem. Sjögr. Mem. d. l'Ac. Imp. 1832. I. 278—282. Ист. Россіи, Солов. I. 226.

[2]) Полн. Собр. IV. Новгор. Четвер. 2. V. Соф. перв. 156. XV. Твер. 193.

[3]) Полн. Собр. лѣт. 1142. Ш. Новг. Четв. 7. V. Соф. перв. 159. XV. Твер. 203. 1143. Ш. Новг. перв. 9; XV. Твер. 205; 1147. Ш. Новг. перв. П. V. Соф. пер. 160; XV. Твер. 211, 1186. Ш. Новг. перв. 42., V. Соф. перв. 173. XV Твер. 317. Изслѣд. Лерберга, 1819. Емь. 100.



5438

предѣлахъ Финляндіи, то это не противорѣчитъ указанію въ томъ же вѣкѣ на Ямь около Бѣлаго и Онежскаго озеръ и опредѣляетъ только путь постепеннаго движенія Ями съ востока на западъ, начавшагося въ XII вѣкѣ, и не исключаетъ той мысли, что поселенія Ями были и около Ладожскаго озера, гдѣ ихъ мѣсто заняли Карелы, съ которыми Ямь, можетъ быть, за эту именно мѣстность въ послѣдствіи и враждовала упорно. Мы здѣсь не распространяемся объ Ями Финляндской, такъ какъ это было бы умѣстно сдѣлать при этнографическо-историческомъ обзорѣ Финляндіи. Не говоримъ и объ Ямбургѣ, который своимъ названіемъ даетъ поводъ думать, что и по южному берегу Финскаго залива встрѣчалась когда-то Ямь. Замѣтимъ только, что самое раннее присутствіе Ями въ этихъ мѣстахъ относится къ 1149 году, когда, по указанію лѣтописца на р. Лузѣ Ямь имѣла столкновеніе съ Вотью, и когда Вотяне истребили выходцевъ финляндскихъ всѣхъ до единаго.

Что касается до тождества Гамовъ съ Ямью (Нестора) и Hämëlaiset (въ Финляндіи), то оно основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: Гамъ, по мнѣнію академика Шёгрена, уже само по себѣ близко сродно Hämë и Hämeh; но въ русскомъ языкѣ финское H изчезаетъ, и притомъ у Зырянъ еще скорѣе, такъ какъ они вмѣсто H финскаго употребляютъ русское X (ch). Русскіе переиначили слово Гамъ сначала въ Jam (Ямь), а потомъ въ Jem (Емь). По этимъ же причинамъ Русскіе въ зырянскомъ краѣ (и въ писцовыхъ книгахъ) передѣлали Гамовскую въ Емовскую и туземную фамилію Гамовъ въ Емовъ. Замѣчательно и то, что названія Ямь или Емь, такъ рано упоминаемыя въ лѣтописи, далѣе снова измѣняются. Такъ въ 1496 году говорится о походѣ въ „Гамскую землю“ или до „Гамскаго городка“, подъ которымъ разумѣется Тавастгусъ и племя Тавасты или Hämëlaiset [1]).

Слово Hämë, по замѣчанію Шёгрена, не можетъ быть объясняемо изъ финскихъ нарѣчій (вѣроятно—разумѣя подъ ними нынѣшнія финляндскія нарѣчія) и производится, по его мнѣнію, отъ лопарскаго слова Heibma (жилище). Лербергъ указываетъ, какъ кажется правдоподобнѣе, источникъ происхожденія слова Hämë отъ эстон-

---

[1]) Ueber die Wohn. d. Jem. Sjögr. Mem. de l'Ac. Imp. 1832, 289—292.

скаго слова Häm (въ родит. пад. Häme), что значитъ водянистый, мокрый, сырой [1]).

II. ЮГРА.

Другое столь же древнее Чудское племя—*Югра* (Угра), которое, по указанію Нестора, жило за Печерой, на крайнемъ сѣверо-востокѣ. Самыя раннія, хотя и не опредѣленныя извѣстія объ этомъ племени встрѣчаются, какъ уже упомянуто было выше, въ VI вѣкѣ у Іорнанда, указывающаго жилище Югровъ за Хазарами и Болгарами. Арабскіе писатели X вѣка знали Югру подъ названіемъ Юра. Извѣстія Абу-Хамета, Ибнъ-Батуты, Ибнъ-Фодлана и др., собранныя въ почтенномъ трудѣ П. С. Савельева [2]), сообщая свѣдѣнія о характерѣ торговли Болгаровъ съ Юграми, о способѣ путешествія въ Югорскую страну зимой на собакахъ, объ разстояніи этой страны отъ Болгарской земли и даже о моржовой и тюленьей ловлѣ на берагахъ Ледовитаго моря и проч., имѣютъ характеръ истины и приводятъ въ сѣверо-восточный уголъ Мезенскаго уѣзда, къ подножію Уральскаго хребта, въ тѣ мѣста, гдѣ память объ Юграхъ уцѣлѣла доселѣ въ названіяхъ Югорскихъ горъ и Югорскаго шара. Къ этому крайнему сѣверо-востоку приводитъ насъ и указаніе Нестора въ 1096 году; „Яже слышахъ,“ сказано въ лѣтописи,—„прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми, Гюрята Роговичь Новгородецъ глаголя: яко послахъ отрокъ свой на Печеру—люди яже суть дань дающе Новгороду, и пришедшу отроку моему къ нимъ и оттуду иде на *Югру* (въ Угру, въ Угры). Югра же людіе есть языкъ нѣмъ и сѣдятъ (сосѣдятъ) съ Самоядью на полуночныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему... суть горы заидуче луку моря, имъ же высота яко до небеси. Есть же путь до тѣхъ горъ, непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“ [3]). Ясность этого указанія, въ соединеніи съ тѣми свидѣтельствами, важными для насъ по своей

---

[1]) Ueber die Wohn. d. Jem. Sjögr. M. de l'Ac. Imp. 1832. I. 299—300. Изслѣдов. Дерберга, 1819. 124.

[2]) Мухам. Нумизматика, 1846. CIV. и сл.

[3]) Пол. Соб. Лѣт. I Лавр. 107.

древности, которыя сохранились у восточныхъ писателей, — не оставляетъ сомнѣнія, что еще въ XI вѣкѣ, если не ранѣе, Югры жили тамъ, гдѣ ихъ видѣлъ „отрокъ“ Гюряты Роговича въ 1096 году. Вообще же, какъ извѣстно, мнѣнія о мѣстопребываніи Югры весьма разнообразны. Нѣкоторые помѣщали древнюю Югру на р. Югѣ (Татищевъ и Болтинъ), другіе—на Вычегдѣ (Шлёцеръ), третьи—отъ береговъ Бѣлаго моря, чрезъ Уралъ, до Оби (Георги). Изъ всѣхъ собранныхъ Лербергомъ по этому предмету мнѣній оказывается, что только Фишеръ и Миллеръ отводили Юграмъ мѣсто по берегамъ Ледовитаго моря между Печерою и Уральскимъ хребтомъ [1]. Самъ Лербергъ, а за нимъ и другіе, полагаютъ мѣстожительство древней Югры за Ураломъ, по обоимъ берегамъ Оби и далѣе до береговъ р. Аяна на востокъ [2]. Есть впрочемъ мнѣніе современное—г. Европеуса, который, умалчивая о неопровержимой истинѣ историческихъ свидѣтельствъ, приведенныхъ выше, выводитъ древнюю Югру съ береговъ р. Юга, съ тою существенною разницей въ сравненіи съ мнѣніями Татищева и Болтина, что указываетъ для этого опредѣленную эпоху—884 годъ. По вопросу о томъ, какіе народы обитали въ сѣверной и средней Россіи до Славянъ, принявъ за основаніе темные разсказы венгерскихъ лѣтописцевъ Анонима и Кезаи, жившихъ въ XIII вѣкѣ и вооружившись филологическими, весьма впрочемъ любопытными соображеніями, основанными на характеристикѣ названій рѣкъ, рѣчекъ и пр. по разнымъ финскимъ нарѣчіямъ, г. Европеусъ заключаетъ, что Югорское населеніе въ старину (очевидно дославянскую) распространялось по всей сѣверной половинѣ Россіи отъ береговъ Ледовитаго моря до верховьевъ Дона и отъ Вислы и Балтійскаго моря до Урала [3]. При этомъ условіи, конечно, и р. Югъ, впадающая въ Двину, оказалась бы въ области Югорской. Но такое мнѣніе не имѣетъ въ себѣ исторической доказательности и убѣдительно только со стороны филологическихъ наведеній и то не въ пользу *Югорскаго населенія*, а въ пользу того, какъ нѣкогда обширна была область Чудскихъ

---

[1]) Изслѣдов. Лерберга. 1819 4.

[2]) Изслѣд. Лерберга 1819. 4. Мухам. Нумизматика, Савельева 1846. CIV.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1868 Іюль. По вопросу о народахъ средней и сѣверн. Россіи до Славянъ, Европеуса, 70.

племенъ, которыя, еще по свидѣтельству Тацита, жили на сѣверъ отъ Венедовъ—въ Волыніи и Литвѣ [1]).

Разсказы безъимяннаго венгерскаго лѣтописца, нотарія короля Бѣлы, еще со временъ Карамзина признаны *сказкой, недостойною имени лѣтописи.* Пользуясь свидѣтельствомъ анонима о движеніи Югровъ съ береговъ Юга на Суздаль (Susudal) и Кіевъ въ 884 году, трудно не обратить вниманія на весь разсказъ этого лѣтописца, исполненный самыхъ невѣжественныхъ анахронизмовъ, какъ это справедливо доказываетъ Карамзинъ [2]), и потому трудно не согласиться съ тѣмъ, что и баснословное движеніе Югровъ съ береговъ Юга также не можетъ быть признано историческимъ фактомъ. Не подкрѣпляетъ этого факта и свидѣтельство венгерскаго лѣтописца Кезаи, по его совершенной неопредѣленности, указывающей только на движеніе Венгровъ черезъ земли Бѣлыхъ Кумановъ и Бессовъ (послѣднихъ г. Европеусъ выводитъ изъ нынѣшней Молдавіи и считаетъ за Весь). Не подтверждаетъ этого факта и то обстоятельство, что, найдя по нѣкоторымъ указаніямъ пребываніе Чуди на берегахъ Юга, г. Европеусъ, по названію мѣстностей заключаетъ, что эта Чудь не была собственно финскаго, но югорскаго происхожденія [3]). Не говоря о разницѣ, которую отмѣчаетъ авторъ между Чудью финскаго и югорскаго происхожденія, нельзя не обратить вниманія на то, что, по вышеприведенныму изслѣдованію акад. Шёгрена, положительно доказано, что въ дославянскій періодъ область Чуди простиралась отъ Южнаго Заволочья до береговъ Двины, слѣдовательно, и по р. Югу, и считалась за такъ называемую „Заволоцкую Чудь“. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что движеніе Югровъ въ 884 году на Суздаль даетъ право думать о значительной извѣстности этого города, тогда какъ изъ житія св. Ѳеодора епископа Ростовскаго видно, что даже въ 990 году, когда епископъ Ѳеодоръ долженъ былъ удалиться изъ Ростова и жилъ

---

[1]) Чтен. въ Имп. М. Об. истор. и древ. Росс. 1847 № 9. 111. Историч. разсуж. о Финнахъ, Сабинина.

[2]) Ист. Карамзина. I. пр. 302.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1868. Іюль ст. Европеуса, 67, 70. Изслѣдов. Лерберга, 1819, Югрія, 47.

въ Суздалѣ, — эта мѣстность была простымъ селеніемъ и въ значеніи города въ первый разъ въ лѣтописи упоминается только въ 1024 году [1]). Что касается до филологическихъ соображеній г. Европеуса, то по богатству географическихъ матеріаловъ, имъ употребленныхъ для доказательства его югорской теоріи, это будетъ едва ли не первый опытъ, который наглядно даетъ возможность обнять обширную Чудскую область въ ея географическомъ значеніи, именно въ дославянскій періодъ; но въ то же время онъ можетъ привести только къ убѣжденію, что все пространство этой области было нѣкогда занято Чудью, раздробленною на нѣсколько отдѣльныхъ нарѣчій или языковъ, какъ выражается Несторъ, а не исключительно Юграми. Филологическая разработка географическихъ названій, ихъ словопроизводство и проч. должны, конечно, обнаружить сходство югорскихъ словъ съ разными чудскими нарѣчіями; но это сходство можетъ повести только къ заключенію о тожественности происхожденія Чудскихъ племенъ, о тожественности Югровъ съ Чудью, какъ то доказывается современными изслѣдованіями, и это тожество, сохранившееся въ географическихъ названіяхъ до нынѣ, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе представляется несомнѣннымъ. Въ подтвержденіе этого, между прочимъ, даже можно указать на свидѣтельство Сайновича (Joan. Sajnowics), который въ 1770 году писалъ, что онъ—Венгерецъ по происхожденію (по рожденію и воспитанію), отъ Датскаго и Норвежскаго короля Христіана VII будучи посланъ съ Максимиліаномъ Гелломъ (Hell) въ Лапландію для наблюденія за прохожденіемъ планеты Венеры, жилъ нѣкоторое время въ Вардегузѣ (на берегу Ледовитаго моря). Занимаясь между прочимъ изученіемъ лопарскаго языка, онъ нашелъ положительное сходство его съ венгерскимъ и привелъ въ своемъ сочиненіи значительное число словъ, подтверждающихъ его заключеніе. Подобное мнѣніе подтверждается и новѣйшими филологами [2]). Такимъ образомъ это тожество можетъ быть открыто и въ другихъ чудскихъ языкахъ, какъ это и дѣлаетъ г. Европеусъ касательно племени Веси [3]), ко-

---

[1]) Степен. кн. 1. 138. Рус. свят. Филар. Чер. Іюнь 37.

[2]) Joan. Sajnowics, Demonstratio idioma Ungarorum et Laporum idem esse. 1770. 31 etc.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1868, Іюль, ст. Европеуса, 60.

торое онъ, въ пользу своей теоріи, прямо считаетъ вѣтвью древняго Югорскаго племени, тогда какъ Югры въ дѣйствительности составляли сами вѣтвь обширнаго Чудскаго народа. Вопросъ объ этимологическомъ значеніи географическихъ названій, въ смыслѣ этнографическомъ, былъ уже съ глубокимъ знаніемъ дѣла поставленъ на очередь Н. И. Надеждинымъ въ его „Опытѣ исторической географіи", но къ сожалѣнію, изслѣдованіе это не было обнародовано вполнѣ. Однакожь и въ томъ, что сообщаетъ Н. И. Надеждинъ, онъ не расходится съ результатами новѣйшихъ изслѣдованій, признавая, что первоначальными обитателями сѣверо-востока Европы была Чудь [1]).

Указанія Нестора въ 1096 году, очевидно, относятся только къ тѣмъ Юграмъ, которые жили по эту сторону Урала, въ сосѣдствѣ съ „Самоядью". Что касается вообще до Югріи, находившейся въ предѣлахъ нынѣшней Азіятской Россіи, то непосредственное знакомство съ нею Русскихъ началось, конечно, позднѣе XI вѣка. Мнѣніе Лерберга о томъ, что въ 1032 году походъ Глѣба къ Желѣзнымъ воротамъ былъ сдѣланъ на Югровъ [2]), уже въ настоящее время оставлено, благодаря изысканіямъ по этому предмету акад. Шёгрена, съ которыми мы еще встрѣтимся впослѣдствіи. Самый характеръ лѣтописнаго разсказа въ 1096 году указываетъ на то, что извѣстіе, сообщаемое Новгородцемъ Гюрятою, относится къ странѣ, которую Славяне еще не знали близко, и что даже извѣстія XII вѣка, сохранившіяся въ лѣтописи относительно Югровъ,— весьма неопредѣленны. Въ 1187 году, напримѣръ, говорится: „въ то же время избьени быша *Печерскьи* данники и *Югорьскіи* въ Печерѣ, а другіе за *Волокомъ*" [3]). Нѣкоторые объясняютъ это мѣсто лѣтописи такимъ образомъ, что Печерскіе и Югорскіе *данники* возмутились и усмирены были силою оружія [4]). Гораздо ближе къ дѣйствительности то мнѣніе, котораго держатся Карамзинъ, Соловьевъ и пр., а именно то, что не данники возмутились, а возмутились жители Печеры, платившіе дань Новгородцамъ, и избили данниковъ, т. е.

---

[1]) Биб. для чтенія 1837. XXII. Опытъ ист. геог. Надеждина, 35.
[2]) Изслѣдов. Лерберга, 1819. 80, 81.
[3]) Пол. Соб. Лѣтоп. III. Новг. Перв. 19.
[4]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1855. Опытъ изслѣд. объ Заграхъ А. Б-на. 172.

сборщиковъ дани Печерскихъ и *Югорскихъ* [1]), и притомъ никакого усмиренія оружіемъ быть не могло и не было. Ясно, что это было общее возстаніе иноязычныхъ племенъ на сѣверо-востокѣ противъ Новгородцевъ, ибо избіеніе данниковъ совершено было не на одной Печерѣ, но и за Волокомъ. Въ этомъ единствѣ возстанія отчасти выражается и то, что между племенами, жившими тогда на сѣверо-востокѣ и обложенными уже новгородскою данью, была еще крѣпкая междуплеменная связь, допускавшая возможность общаго союза, когда рѣчь шла объ освобожденіи отъ общихъ ихъ притѣснителей—Новгородцевъ. Если подъ „волокомъ", упоминаемымъ въ лѣтописи въ 1187 году, разумѣть то обширное, лѣсистое пространство, которое находилось между рѣками Онегой и Сѣверною Двиной, то „за волокомъ" будетъ значить за Двиной, т. е., въ томъ пространствѣ, гдѣ по Нестору жила Пермь. Но можетъ быть, здѣсь подъ „волокомъ" разумѣется другое пространство, также находившееся въ области Пермской.

Нѣсколько позднѣйшее (именно подъ 1193 годомъ) извѣстіе, встрѣчающееся у Нестора, представляетъ уже несомнѣнный походъ— вслѣдствіе избіенія данниковъ,—и походъ прямо противъ Югровъ, независимыхъ, можетъ быть, потому, что Югры болѣе прочихъ Чудскихъ племенъ, какъ по характеру своему, такъ и по отдаленности отъ нихъ Новгородской силы, были способны упорно отстаивать свою независимость. Въ лѣтописяхъ не сохранилось свѣдѣнія о томъ, когда Югры сдѣлались данниками Новгорода, но это отчасти можно уже заключать изъ того, что въ 1187 году на Печерѣ жили, кромѣ Печерскихъ, и *Югорскіе данники*, чего конечно не могло бы быть, если бы прежде того Югра не находилась уже въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, и если бы Печера въ это время не была доступна Новгородцамъ, какъ страна зависимая. Походъ 1193 года, предпринятый Новгородцами на Печеру для наказанія туземцевъ, приводитъ уже не только за Печеру, но и въ область Югорскую. Лѣтописецъ говоритъ: „въ тоже лѣто идоша изъ Новгорода въ *Югру* ратью, съ воеводою Ядрѣемъ и придоша въ Югру и *възяша городъ* и придоша къ *другому городу*" [2]). Въ лѣтописяхъ ни разу

---

[1]) Ист. Карам. III. 54. Истор. Рос. Солов. II. 384.

[2]) Полн. Собр. Лѣтописей III. Нов. пер. 21.

не встрѣчается указанія на то, чтобы города или укрѣпленныя мѣста Югровъ была по эту сторону Урала; путь въ Югорскую землю въ концѣ XII вѣка уже конечно былъ извѣстенъ, а потому можно предполагать, что Новгородцы въ 1193 году были за Ураломъ, гдѣ впослѣдствіи дѣлаются извѣстными многіе „Югорскіе города". Походъ этотъ былъ предпринятъ зимой, потому что, по вступленіи съ Юграми въ переговоры, мужи ихъ, отпущенные въ Югорскій „городъ", были избиты на канунѣ св. Варвары, то-есть, 3-го декабря, а на праздникъ св. Николы, то-есть, 6-го декабря, „вылѣзъше (Югорцы) изъ города и изъсѣкоша вся". Этотъ зимній походъ, если онъ былъ предпринятъ за Уралъ, долженъ былъ представлять почти тѣ же трудности, которыя такъ ярко описаны въ 1096 году, и хотя въ лѣтописи не говорится, какимъ путемъ онъ былъ совершенъ, но вѣроятно однимъ изъ тѣхъ, о которыхъ упоминалось—въ 1096 году, и которые были проложены Зырянами. Послѣ 1193 г. не встрѣтилось указаній, которыя могли бы подтвердить окончательное преобладаніе Новгородцевъ надъ Юграми, и мы прямо узнаемъ только то, что въ XIII вѣкѣ Югрысо ставляли уже Новгородскую *волость*, упоминаемую въ Новгородскихъ грамотахъ 1265 года. Дальнѣйшія извѣстія о походахъ въ Югорскую землю, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ не ранѣе XIV вѣка—въ 1323, 1329, 1364 годахъ [1]), не много прибавляютъ къ географическимъ свѣдѣніямъ о Югорской землѣ, хотя походъ 1364 года приводитъ насъ за р. Обь. „Той зимы," говоритъ лѣтописецъ, „Новгородци пріѣхаша, дѣти боярскіи и молодыи люди, и воеводы Александръ Абакумовичъ, Степанъ Ляпа, воеваша по *Обь* рѣкѣ до моря, а другая половина рати по верхъ Оби воеваша". Отъ конца XV вѣка, въ Разрядныхъ книгахъ сохранились два извѣстія объ Юграхъ, свидѣтельствующія о совершенномъ покореніи Югорской земли, весьма понятномъ послѣ 1471 года, когда всѣ Новгородскія владѣнія перешли во власть Москвы. Извѣстія эти имѣютъ особенную важность при изслѣдованіи Большаго Чертежа. „Въ лѣто 1499," сказано тамъ, „великій князь Иванъ Васильевичъ посла воинство свое на Угорскую землю и на Гогуличи (Вогуличи), и

---

[1]) Полн. Соб. Лѣт. III Новг. перв. 73. 74. IV Новг. Уст. 64.

шедше взяша грады ихъ и землю повоеваша и князей поплѣни... Въ лѣто 1501 посла великій князь Петра Ѳедоровича Ушатаго, да поддалъ ему дѣтей боярскихъ Вологжанъ и пошли до *Пѣнежскаго волоку* рѣками, 2000 верстъ, да тутъ сождались съ Двиняны и Пинѣжаны, да съ Вожаны, и пошли съ Ильина дня *Колодою рѣкою* 250 верстъ, съ *Оленьяго броду* на *многія рѣки* ходили и пришли въ *Печеру* рѣку до *Усташа града*,—и тутъ воеводы сождаались: князь Петръ (Ушатой) съ княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Василіемъ Гавриловымъ, да тутъ (то - есть, у Усташа) осѣновали и *городъ зарубили* (поставили, стало быть, новый городъ), а съ Печеры рѣки воеводы пошли на Введеніевъ день Пресвятыя Богородицы (на 21-го ноября). А отъ Печеры воеводы шли до *Камени* 2 недѣли, а тутъ развелися: князь Петръ, да князь Семенъ черезъ Камень щелью,—а камени въ облакахъ невидати, ... и убили воеводы на камени *Самоѣдовъ* 50 человѣкъ и взяли 200 оленей. Отъ Камени шли недѣлю до перваго городка *Ляпина* всѣхъ по та мѣстъ шли 4650 верстъ. Изъ Ляпина встрѣтили съ *Одоры* на оленяхъ Югорскіе князи, а отъ Ляпина шли воеводы на оленяхъ, а рать на собакахъ. Ляпинъ взяли и поимали *33 города* [1]). . . .“ Переводя на географическую современную карту направленіе этого похода, можно отчасти воспользоваться объясненіями Лерберга, отступивъ отъ нихъ только при началѣ. Ушатый, какъ говорится въ Разрядныхъ книгахъ, прошелъ „до Пинежскаго волока“ рѣками 2000 в. (очевидно, Сухоною, Двиною и Пинегою). Тамъ, гдѣ Пинега, текущая сначала съ ю.-в. на с.-з., вдругъ измѣняетъ свое теченіе на ю.-з., гдѣ на правомъ берегу этого изгиба стоитъ г. Пинега, и гдѣ на мѣстѣ его стояло селеніе *Пинежскій волокъ*, упоминаемое въ 1471 году, какъ указано ниже, — воеводы вждидалися съ прибытіемъ отрядовъ: Пинежскихъ, Двинскихъ и Важскихъ. Отъ этого „волока“, какъ говорится въ приведенномъ извѣстіи, они пошли р. Колодою, и съ Оленьяго брода, на многія рѣки, которыми пришли въ р. Печеру. Лербергъ полагаетъ, что подъ названіемъ волока здѣсь надобно разумѣть лѣсистое пространство между Пинегой и Кулоемъ, черезъ которое, перетащивъ суда

[1]) Опис. Сиб. Царства, Фишера. 1787. кн. I. 50.

на двѣ версты, воеводы вошли въ р. Кулой и на судахъ проплыли по р. Кулою около 150 верстъ, именно до того мѣста, гдѣ р. Кулой очень близко сходится съ Мезенью, и гдѣ вѣроятно былъ Оленій бродъ, который облегчалъ входъ въ р. Мезень. Кажется, съ избѣжаніемъ двойной переволоки судовъ, этотъ путь могъ быть совершенъ съ большею краткостію иначе. Отъ волока пинежскаго Ушатый пошелъ вверхъ по теченію р. Пинеги до устья Ежуги (упоминаемой въ Чертежѣ), и отсюда вверхъ по Ежугѣ, до устья р. *Колодливой*, показанной на картахъ, болѣе подходящей къ названной р. Колодѣ, чѣмъ Кулой. Вверхъ по теченію р. Колодливой, воеводы могли подойти на близкое разстояніе къ Мезени, гдѣ между истокомъ р. Колодливой и Мезени вѣрнѣе предполагать топкія болота, черезъ которыя былъ „Оленій бродъ", приводившій къ берегу Мезени. Дальнѣйшее движеніе московскихъ отрядовъ „по многимъ рѣкамъ до Печеры", у Лерберга объяснено съ полною вѣроятностію. Воеводы шли далѣе по Мезени, вверхъ по притоку ея—р. Пезѣ, затѣмъ изъ нея волокомъ до *двухъ* озеръ, потомъ по одному изъ нихъ, лежащему влѣво, въ рч. Рубиху, въ Чирку, Чиркою въ Цилму и изъ нея въ Печеру. Печерою шли до города *Усташа*, который, по мнѣнію Лерберга, находился, при впаденіи въ Печеру р. Щугоръ (Счугора по Большому Чертежу). Здѣсь воевода Ушатый „осенѣвалъ", поджидая своихъ товарищей Семена Курбскаго и Василія Гаврилова, которые, какъ объясняетъ Лербергъ, съ войсками своими двигались отъ Устюга, Вычегды, Вымп и Сысолы. Очень вѣроятно, что они также шли водой, вверхъ по Вычегдѣ, въ Южную Мылву волокомъ, въ Сѣверную Мылву и по ней въ Печеру [1]). Отъ Печеры, или правильнѣе, изъ Усташа, по окончаніи осени, они пошли къ Уральскому хребту („до Камени"), гдѣ отряды раздѣлились. Ушатый и Курбскій пошли „за Камень" *щелью* [2]) (т. е. горнымъ ущельемъ, коего вершины

---

1) Изслѣд. Лерб. 1819. 10—12.

2) Слово щелье или щельё сохранилось и до сей поры въ областныхъ нарѣчіяхъ; на Сѣверѣ, именно, оно употребляется, вмѣсто слова скала, скалистый хребетъ, для отличія отъ сележнаго мѣста или сельги, подъ которою подразумѣваютъ хребетъ ровный и тянущійся на значительное разстояніе. Ясно, что и щелье, и скала происходятъ отъ одного корня, но

терялись въ облакахъ), по ту сторону хребта на Обь, къ городку Ляпину, со взятіемъ котораго захватили всего *33 города*. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что походъ совершался зимой; слѣдовательно могъ быть совершенъ только на оленяхъ или собакахъ; но въ приведенномъ указаніи и объ этомъ способѣ путешествія говорится, такъ что только отъ Ляпина воеводы пошли на оленяхъ и собакахъ. Стало быть, одинъ способъ оставался идти черезъ камень *на лыжахъ*, по снѣжному насту, въ глубинѣ ущелья между горными ложбинами. Путь за Камень, до р. Оби, описываетъ Герберштейнъ такимъ образомъ: „На гору Камень нужно входить три дня; спустившись съ нея, идти до рѣки Artavuicha, потомъ до р. Sibut, оттуда до крѣпости Lepin, отъ него по р. Sassa (Сосва); оставивъ Сосву вправѣ (?), достигаешь р. Oby (Оби)". Все это извѣстіе Герберштейнъ заимствовалъ, по словамъ его, изъ какого-то дорожника, видимо исказивъ названія рѣкъ, среди которыхъ можно узнать только Сосву и Обь; впрочемъ и для р. Sibat указываютъ р. Сыгву [1]).

Что касается до *33 городовъ*, завоеванныхъ тогда московскими воеводами, то о нихъ всѣ указанія сохранились въ описаніи Большаго Чертежа, гдѣ исчислены по р. *Оби*: Негей, Носовой, Ирка, Войкаръ или Ночной, Уркаръ или Бѣлой, Чемашъ, Шеркаръ, Нецкгаркоръ, Курмышъ-Юрганъ, Атлымъ, Карымканъ, Емдыръ, Калымъ, Обской-большой, Ласлыпей, Сабдинъ, Сускоръ или Роговой, Березовой; по р. *Карыму* (притоку Лосмы), Мазымъ (Казымъ); по р. *Суруту* (притоку Оби): Сургутъ (Сургучь), Лунпукъ высшій; по р. *Сосвѣ* (притоку Сыгвы): Юиль, Мунқусъ, Ляпинъ, Искаръ Тапсы, Нячинъ, Заглей, Вороней, Хюликоръ, Естымъ, Махтынъ [2]),

---

первое не означаетъ нигдѣ ущелья, а потому и воеводы двинулись «за Камень щелью»—значить что они пошли «горою, наволокомъ», какъ до сихъ поръ говорятъ на Сѣверѣ. Лѣтописецъ упоминаетъ о пути «горою», именно для того, чтобы отличить этотъ новый путь отъ прежняго воднаго. Въ Заонежьѣ и до сихъ поръ говорятъ: «я поѣду въ Повѣнецъ горою, наволокомъ»; тоже хотѣлъ выразить и лѣтописецъ. ***В. М.***

[1]) Зап. о Моск. Герберштт. пер. Аноним. 1866. 124. Спис. нас. м. Тоб. губ. 1871. LXIV.

[2]) Книга Б. Черт. Спасск. 1846. 203—207.

Не входя въ разсмотрѣніе этихъ указаній, которое завело бы за предѣлы плана предпринятой работы, мы ограничимся только замѣчаніемъ, что многіе изъ этихъ городовъ и въ настоящее время могутъ быть пріурочены къ различнымъ населеннымъ мѣстностямъ, лежащимъ по р. Оби и ея притокамъ [1]). Очевидно, однакожъ то, что свѣдѣнія объ этихъ 33 городахъ, могли быть внесены въ Чертежъ только послѣ этого рѣшительнаго похода Ушатаго и Курбскаго за Уралъ, и что они, вѣроятно, заимствованы изъ источниковъ, которые не сохранились до насъ и не уцѣлѣли въ разрядныхъ книгахъ.

Для полноты доказательствъ о томъ, что Югры жили нѣкогда и по эту сторону Урала, можно еще обратиться къ нѣкоторымъ позднѣйшимъ картографическимъ указаніямъ. Академикъ Миддендорфъ къ своему извѣстному путешествію приложилъ небольшую карту сѣверо-востока Россіи Себастьяна Мюнстера 1544 г., въ коей для насъ впрочемъ замѣчательно только то, что *на правомъ берегу* безъимянной рѣки (по видимому Печеры) показаны Югры (Juhri). Это напоминаетъ мнѣніе Миллера и Фишера, отводившихъ для Югровъ пространство за Печерой до Каменнаго Пояса. На картѣ Герберштейна Югры показаны уже за р. Обью. На картѣ Герарда Гесселя, составленной въ 1614 году, по обоимъ берегамъ Оби показана Samojada. По чертежу Ремезова, приложенному къ путешествію Миддендорфа и послужившему основаніемъ извѣстной картѣ Витзена, между р. Обью и Печерой показана „Остяцка земя—Обдора“ [2]).

Говоря о времени появленія названія Югровъ въ русскихъ лѣтописяхъ, нельзя не имѣть въ виду того, что Новгородцы, въ 1032 году уже бывшіе въ землѣ Зырянъ, отъ нихъ только впервые могли узнать объ этомъ названіи; это естественно потому, что Зыряне узнали Югру ранѣе Славянъ, будучи давнишними посредниками торговыхъ сношеній Югровъ съ Булгарами. По замѣчанію Шёгрена слово Югра (Jogra) сохранилось и доселѣ между Зырянами. Они называютъ своихъ сосѣдей Остяковъ: Jograjass (Jass—окончаніе слова

---

[1]) Спис. нас. мѣс. Тоб. губ. 1871. LXIII.

[2]) Путеш. въ С. В. Сибирь, Миддендорфа, 1860. I. 30, 31. Сказанія Совр. о Дмит. Самозв. Устр. 1837. 239.

Jogra и означаетъ множественное число). Замѣчательно, что и Самоѣдовъ на своемъ языкѣ Зыряне называютъ Jogra (Эгра) [1].

Общее названіе у Зырянъ этихъ отдѣльно понимаемыхъ племенъ даетъ поводъ думать, что когда-то Остяки и Самоѣды извѣстны были подъ однимъ названіемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что совпадаетъ съ результатами изслѣдованія Шёгрена, Кастрена, Регули и др., которые, открывъ сходство Венгерскаго языка съ Финскими (или что то же—съ Чудскими) нарѣчіями, на основаніи положительныхъ доказательствъ приходятъ къ тому заключенію, что обработанный языкъ Мадьяровъ и грубыя нарѣчія Остяковъ, Самоѣдовъ и Вогуловъ имѣютъ одинаковое происхожденіе, и что Венгры, наравнѣ съ этими племенами, суть потомки древней Югры [2]. Это приводитъ насъ къ тому заключенію, что названія Самоѣдъ и Остякъ имѣютъ въ сравненіи съ названіемъ Югровъ позднѣйшее происхожденіе, хотя Самоядь и извѣстна по лѣтописямъ уже въ исходѣ XI вѣка. О происхожденіи слова Самоядь будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Что же касается до названія „Остякъ", то Клапротъ производитъ его отъ слова *Асъяхъ*, которое надо понимать, какъ мѣстное названіе тѣхъ же древнихъ Югровъ. Объясняется слово Остякъ и отъ названія *Уштъ-Экъ* (по формѣ тожественное съ словами Пермякъ и Вотякъ), даннаго жителямъ Оби Татарами, не ранѣе XIII вѣка: слово это значитъ—дикій, оставленный человѣкъ [3].

III.

ПЕЧЕРА.

Печера, названная у Нестора въ числѣ древнѣйшихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверо-востокѣ, рядомъ съ „Самоядью", подъ географическимъ своимъ наименованіемъ очевидно скрываетъ племя отдѣльное отъ Самоѣдовъ и Югровъ, одновременно упоминаемыхъ

[1]) Мухам. нумизм., Савел. 1846. CV Энцик. Лекс. Плюш. 1838. XI. 123. Н. И. Надеждина.

[2]) Вѣст. Геог. Общ. 1852. XIV. объ Babylon Babylon Юграхъ. А. Б. 181.

[3]) Геогр. слов. Семенова, Ш. 7 34. Сбор. 1859. II. 53.

подъ 1096 годомъ. Собственное названіе „Печера", конечно, заимствованное отъ рѣки того же имени, есть опредѣленіе довольно обширной древней области, въ предѣлы которой входили: земли восточной половины Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, а также земли Яренскаго, Устьсысольскаго, и частью Сольвычегодскаго уѣздовъ Вологодской губерніи [1], въ предѣлахъ которой исторія довольно рано встрѣчается съ Зырянами. Время появленія ихъ на сѣверо-востокѣ съ точностію неизвѣстно, и въ этомъ отношеніи можно указать только на предположеніе, что они составляютъ смѣсь *Комановъ* и *Сиряковъ*, оттѣсненныхъ на сѣверъ изъ прежняго ихъ жительства — съ береговъ Каспійскаго моря. Команы, какъ полагаетъ Эйхвальдъ, обитали въ нынѣшнихъ степяхъ кочующихъ Калмыковъ, по р. Кумѣ, въ сосѣдствѣ съ Сирякамп (Sirakes— Страбона) и часть ихъ, вмѣстѣ съ Мадьярами, переселилась на западъ, а другая—въ сѣверную Россію. Это предположеніе г. Эйхвальда мы приводимъ здѣсь не какъ выраженіе окончательнаго нашего согласія съ мнѣніемъ его, потому что этого вопроса мы надѣемся коснуться съ большею подробностію въ то время, когда мы, при изслѣдованіи Чертежа, приблизимся къ берегамъ Каспійскаго моря—тогда представится случай говорить и о вѣроятности предположенія г. Эйхвальда; здѣсь же приводимъ мы это мнѣніе только ради полноты указаній [2]. Какъ далеко это смѣшанное племя, названное *Зырянами*, зашло на сѣверъ,—это отчасти объясняетъ Шегренъ, который въ своемъ изслѣдованіи объ Ямп указываетъ на преданіе сохранившееся до сей поры у Зырянъ, изъ котораго слѣдуетъ заключить, что еще въ XI вѣкѣ Зыряне заняли мѣста по берегамъ Вычегды и Двины, до того населенные Ямью. Извѣстія арабскихъ писателей, приведенныя выше, о торговлѣ Болгаровъ съ Юграми, относящіяся къ X вѣку, не допуская той мысли, что Болгары сами имѣли непосредственное сношеніе съ Юграми, заставляютъ предполагать между ними посредниковъ, которыми по географическому положенію торгующихъ земель (Югорской — на

---

[1] Вол. Г. В. 1846. № 13. Истор. значеніе земель, вошед. въ составъ Волог. губ.

[2] Вѣст. Ест. Наукъ 1851. II № 7. Чудскія плем. Эйхвальда, 204—206.

крайнемъ востокѣ и Болгарской – по берегамъ Волги) естественно видѣть въ Зырянахъ, отличающихся и понынѣ торговою предпріимчивостію и развитостію, какъ качествами, оставшимися имъ въ наслѣдство отъ ихъ старобытнаго значенія въ краѣ, не только по отношенію къ Югорской землѣ, но можетъ быть и къ древнему торговому значенію Біармии. Къ этому заключенію приводятъ историческія доказательства. Въ Никоновской лѣтописи, подъ 1032 годомъ встрѣчается извѣстное указаніе о походѣ Новгородцевъ на востокъ: „Улѣбъ иде на Желѣзнаа ворота изъ Новгорода, а вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамъ погибоша“ [1]). Споръ о томъ, гдѣ были эти Желѣзныя ворота, начавшійся едва ли не со временъ Миллера, кажется нынѣ разрѣшается съ большею правдоподобностію. Полагали, какъ извѣстно, что походъ этотъ былъ направленъ на Югровъ,—къ самой крайней оконечности Уральскихъ горъ, и можетъ быть, далѣе и притомъ совершенъ моремъ. Хотя и можно допустить морскія плаванія Русскихъ на островъ Вайгачь, Новую Землю и даже на Грумантъ ради цѣлей промышленныхъ въ древнія времена, хотя и есть извѣстія, допускающія плаваніе Русскихъ моремъ къ Терскому берегу и за Святой Носъ, а также за Уральскій хребетъ до рѣки Енисея, но совершеніе похода въ XI вѣкѣ отъ береговъ Бѣлаго моря къ Новой Землѣ представляетъ совершенно другія условія, чѣмъ плаваніе промышленнаго люда на острова Ледовитаго моря, составлявшаго привычную стихію промысла, но едва ли излюбленнаго для Новгородской рати, невсегда удачно расправлявшейся и на сухомъ пути съ дикою Чудью. Если описанія неудачныхъ новгородскихъ походовъ и на сухомъ пути сопровождались извѣстными, такъ сказать, оправдательными подробностями, то тѣмъ болѣе походъ 1032 года, Ледовитымъ моремъ, когда „мнози (изъ новгородскихъ удальцевъ) тамъ погибоша“, могъ бы оставить по себѣ память, какъ въ чудесныхъ разсказахъ современниковъ, такъ и на страницахъ лѣтописи. Но лѣтопись именно въ этотъ разъ молчитъ о всякихъ подробностяхъ. Указываютъ на то, что проливъ между Новой Землей и Вайгачемъ когда-то назывался Желѣзными воротами; но и это

[1]) Пол. Соб. лѣт. IX 49. ср. Матер. для истор. геогр. Барсова, 1865. 73' Мухам. нумизм., Савельева. 1846. CXIII.

ничѣмъ не подтверждается, а напротивъ, по свидѣтельству нашихъ знаменитыхъ мореходовъ, этотъ проливъ издавна извѣстенъ подъ названіемъ Карскихъ воротъ или просто Воротъ, которыя никогда не назывались желѣзными. Есть, какъ извѣстно, Желѣзныя ворота и притомъ двои—на Бѣломъ морѣ: одни—между сѣверною оконечностію Мудьюжскаго полуострова и материкомъ, другія—между островомъ Соловецкимъ и Муксальми; но ни къ однимъ изъ этихъ Желѣзныхъ воротъ походъ Улеба на Югровъ уже никакъ не могъ быть направленъ, такъ какъ Югры въ XI вѣкѣ жили далеко на востокъ [1]). По мнѣнію Шёгрена, походъ этотъ былъ совершенъ въ мѣста, отъ Новгорода менѣе отдаленныя, и притомъ по пути первоначальнаго движенія Новгородцевъ на востокъ. Въ 80 верстахъ отъ Устьсысольска, на правомъ берегу Сысолы, академикъ Шёгренъ, во время путешествія своего по с.-востоку Россіи, отыскалъ, близь селенія Вотчи [2]), урочище (въ одной верстѣ отъ Сысолы), имѣющее видъ возвышеннаго кургана и называющееся въ народѣ „городкомъ" (у Шегрена Karill, по зырянски Кыр-ылъ или Кырулъ [3]), вѣроятно—отъ зырянскаго слова Кыр—городъ, округъ). Курганъ этотъ имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, и вблизи были находимы оружіе и древнія монеты. По туземному преданію это мѣсто и понынѣ называется *Желѣзными воротами*. На давнее тамъ пребываніе Зырянъ намекаетъ и названіе самой Сысолы. Шёгренъ указываетъ на тождество словъ Сысола съ зырянскимъ словомъ *Сыкъ-тывъ*. Есть, по свидѣтельству Шёгрена, указаніе и на то, что д. Вотча, находящаяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ „Городкомъ", была нѣкогда значительнымъ мѣстомъ и какъ бы главнымъ городкомъ всего края, и можно полагать, что походъ Новгородцевъ въ 1032 году былъ предпринятъ именно въ южную часть обширной Печерской области, захватывавшей и теченіе Сысолы, заселенной въ XI вѣкѣ Зырянами. Судя однакожъ по неудачному

---

[1]) Чет. путешествія въ Сѣв. море Ѳ. П. Литке I. 8. Wann und wie wurden Sovolotschie Russ. Sjögren, Mem. d. l'Ac. Imp. 1832. I. 513.

[2]) Сп. нас. мѣст. Волог. губ. № 10058, по зырянски Вол-ся.—*В. М.*

[3]) Въ Сп. нас. мѣст. Волог. губ. подъ № 10060, значится дер. Подгорье, а по зырянски Кыр-Ылъ: это и есть та мѣстность, которую Шёгренъ называетъ по народному „городкомъ".—*В. М.*

окончанію похода, очевидно не въ этотъ разъ область Печерская обложена была данью, извѣстною подъ именемъ „Печерской“. Полагаютъ, что это случилось ранѣе 1032 года. Но какъ бы то ни было, уже въ 1096 году „Печера (были) людіе, яже суть дань дающе Новгороду“. Принимая Печерскую область за древнее мѣстожительство Зырянъ и примѣняя къ тому значеніе лѣтописныхъ указаній 1032 и 1096 годовъ, нельзя однакожъ съ положительностію утверждать, что обитатели р. Сысолы у Кыр-Ыла и „Печера“, называемая у Нестора между Пермью и Самоядью, были исключительно одинъ и тотъ же народъ, т. е. Зыряне. Извѣстно весьма правдоподобное мнѣніе, что Русскіе въ XII вѣкѣ разумѣли подъ названіемъ племени Печеры и Самоѣдовъ [1]). Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что, какъ увидимъ ниже, Самоѣды, въ первую эпоху появленія на з. отъ Урала, на берегахъ Печеры имѣли столкновеніе съ какимъ-то племенемъ, имъ неизвѣстнымъ, о которомъ у нихъ сохранилось только преданіе.

Независимо отъ сближенія этихъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу тождества Зырянъ съ Печерянами, нельзя не обратить вниманія и на разсказъ Гюряты Роговича, который едва ли безусловно можно считать простымъ баснословіемъ, и въ которомъ, по видимому, есть нѣкоторыя черты, также указывающія на Зырянъ. Отрокъ Гюряты Роговича слышалъ отъ Югровъ слѣдующее: „Дивно мы находихомъ чюдо, егоже не есьмы слышали прежде сихъ лѣтъ: се же третье лѣто поча быти. Суть горы *заидуче луку моря*: и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ и сѣкуть гору; хотяще высѣщися [2]); въ горѣ той просѣчено оконцо мало, и туда молвять и есть не разумѣти языкъ ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто даетъ имъ ножъ или сокиру

---

[1]) Вол. губ. вѣд. 1846. № 3. Татищевъ, Рус. Ист. к. 1. гл. 29. 374. Изслѣдов. Дерб. 1819. Югрія. 53. Histor. Ethnogr. Abhandlungen über den Finnisch-Rus. Norden, Sjögren. 1861. 284.

[2]) Почти то же самое слышалъ г. Немировичъ-Данченко отъ Лопарей которые прямо говорятъ, что шумитъ и кличетъ запертая въ щельѣ „Чудь“. Ср. чтеніе г. Немировича въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Р. Г. Общ. октябрь 1874 г. *В. М.*

(сѣкиру), дають скорою (шкурою) противу" [1]). Это лѣтописное указаніе совпадаетъ съ извѣстіемъ одного изъ арабскихъ писателей X вѣка (Абу-Хамеда), который разсказываетъ, что въ страну Югровъ ввозятъ Булгары изъ странъ Ислама простые клинки, которые покупаются Юграми по дорогой цѣнѣ [2]). Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ рѣчь идетъ о тѣхъ Юграхъ, которые еще въ X вѣкѣ жили по ту сторону Урала и вели мѣновую торговлю съ Болгарами, за „сокиры" платя „скорою". Предполагаютъ, что посредниками этой мѣновой торговли были Вогулы, такъ какъ они и доселѣ живутъ по эту сторону Урала—по р. Вишерѣ (по зырянски „Висеръ"), впадающей въ Каму [3]). Нельзя согласиться съ этимъ не только по неубѣдительности довода, но и потому, что пребываніе Вогуловъ по сю сторону Урала въ X вѣкѣ не подтверждается никакими свидѣтельствами, а напротивъ извѣстно, что Вогулы въ этомъ краѣ являются позднѣе. Если Зырянъ въ началѣ XI вѣка мы уже находимъ въ предѣлахъ Печерской области, на томъ пути, которымъ могли производиться торговыя сношенія приволжскихъ обитателей съ с.-востокомъ, то правильнѣе видѣть именно Зырянъ въ качествѣ посредниковъ между Болгарами и Юграми въ X вѣкѣ. Въ лѣтописи положительно говорится, что отрокъ, посланный на Печеру Гюрятою Роговичемъ былъ у Югровъ, и какъ кажется, судя по указанію 1096 года, у тѣхъ именно Югровъ, которые жили по сю сторону Урала; потому что они описываютъ горы, которые находятся на востокъ отъ нихъ, „заидуче луку моря", понимая подъ этимъ лукоморье, луку моря, которая образуется на востокъ отъ такъ называемаго Медянскаго заворота. Если это вѣрно, то во всякомъ случаѣ, не могло быть того, чтобъ онъ (отрокъ) *отъ Югровъ же*, какъ сказано въ лѣтописи, могъ слышать *объ нихъ же самихъ* разсказъ о мѣновой торговлѣ зауральскихъ жителей черезъ „оконце". Нельзя остановиться и на томъ, что разсказъ о „чюдѣ", сдѣлавшимся извѣстнымъ только съ 1093 года („сеже третье лѣто нача быти",

---

[1]) Пол. Собр. лѣт. I. Лавр. 107.
[2]) Мухам. Нумизм., Савел. CVI.
[3]) Тамъ же, CVII.

говорится въ 1096 году) относится къ тѣмъ же Юграмъ XI вѣка. Здѣсь, въ разсказѣ лѣтописца, надобно думать, смѣшаны два разныя по времени событія: одно изъ нихъ о мѣновой торговлѣ относится къ X вѣку, а другое о просѣкѣ Урала съ западной стороны—къ исходу XI вѣка, и вѣроятно, къ Зырянамъ, которымъ приписываютъ проложеніе дороги за Уралъ въ 1093 году, и въ которыхъ Карамзинъ признаетъ древнихъ Печерянъ [1]). Если несомнѣнно то, что естественныя урочища въ своихъ названіяхъ долѣе удерживаютъ старину, чѣмъ искуственные слѣды народной осѣдлости, то давнее пребываніе здѣсь Зырянъ подтверждается названіемъ многихъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ чисто зырянское происхожденіе,—и чѣмъ восточнѣе отъ р. Выми, тѣмъ чаще встрѣчаются зырянскія названія естественныхъ урочищъ. Теченіе самой Выми въ предѣлахъ такъ называемаго нѣкогда Удорскаго края, а потомъ и самая область Выми составляетъ также древнее мѣстожительство Зырянъ. Устье Выми считается у Зырянъ священнымъ мѣстомъ—во всей языческой Зырянской сторонѣ. Мѣстное преданіе говоритъ, что панъ-сотникъ (то есть, сотникъ Пама), какъ главный противникъ христіанства при св. Стефанѣ Великопермскомъ, былъ князь, или проще сказать, старѣйшина Вымичей и жилъ въ Княжь-Погостѣ, окрестности котораго дѣйствительно представляютъ слѣды древняго укрѣпленнаго городища. Одна изъ деревень этого погоста и понынѣ называется Удорою [2]).

Все это приводитъ къ заключенію, что значительную часть обширной Печерской области Зыряне занимали уже въ XI вѣкѣ. Другой вопросъ состоитъ въ томъ, кому принадлежало, или кѣмъ было занято въ древности устье Печеры и въ какую, хотя приблизительно, эпоху Зыряне могли появиться тамъ. Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ разъясненія исторической связи, которая, безъ сомнѣнія, существовала между Печерой и другими племенами, обитавшими тамъ ранѣе XI вѣка.

Что касается до происхожденія названія этого племени, то объ

---

[1]) Вол. Г. Вѣд. 1843. № 13. Изслѣд. Лерб. 1819. Югра. 79. Ист. Карамз. I. пр. 73.

[2]) Вол. Г. Вѣд. 1839 № 21. Сп. нас. м. Вол. г. Яренс. 12279 (Слѣдуетъ замѣтить, что въ спискахъ селеніе это названо „Княжногостское". *В. М.*).

этомъ существуютъ два мнѣнія. Производятъ названіе Зырянъ отъ зырянскаго слова Зырӧдӧтајас или Зырӧтајr,—что значитъ „сдвинутые“, — объясняя это тѣмъ, что Зыряне вытѣснены были изъ прежнихъ мѣстъ своего жительства (съ береговъ Камы), въ страну, нынѣ ими занимаемую. Кажется, справедливѣе то объясненіе, что названіе Зырянъ чисто финское, и что Русскіе заимствовали его отъ Западной Чуди, подобно названію Ями (Hämëlaiset), Суми (Suomalaiset) и Зыряне (Syrialaiset)—послѣднее отъ Syria—край, предѣлъ, а leinen или lai родъ, племя; русское названіе „Зыряне“ есть измѣненное по свойству языка Syrialaiset. По лѣтописи это племя, упоминаемое въ первый разъ подъ 1396 г., является подъ названіемъ Сирняне, Серьяне, — которое ужь очень близко подходитъ къ слову Syrialaiset. Сами себя Зыряне называютъ Коми-мортъ, Коми-асъ, а Пермскую губернію—Комму, т. е. земля Коминовъ, что снова напоминаетъ Комановъ, вышедшихъ съ береговъ Каспійскаго моря. Коми-мортъ значило бы въ переводѣ человѣкъ, живущій въ землѣ Коминовъ. У Зырянъ слово „мортъ“ значитъ и человѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ „урожденный Зырянинъ“. Особи же этого племени, не составляющія урожденныхъ Зырянъ, называются Jos-mort, во множественномъ числѣ Wojtyr или Wojtyrias,—въ противоположность Mortias, т. е. кровнымъ Зырянамъ [1]).

IV. САМОѢДЫ.

Первое упоминаніе въ лѣтописяхъ объ этомъ племени, какъ уже было сказано, относится къ 1096 году, когда „Самоядь“ жила въ сосѣдствѣ съ Юграми, „на полуночныхъ странахъ“. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что уже въ ту пору Самоѣды различались отъ ихъ сосѣдей, Югровъ и Печерянъ. При обзорѣ историческихъ свѣдѣній о Печерѣ по возможности выяснено, что тождественность этого племени съ Зырянами болѣе чѣмъ вѣроятна; но утверждать, что и въ XI вѣкѣ устье р. Печеры было

[1]) Грам. Зыр. Савваит. 1850. пред. I., Пут. Лепехина IV. 415. Полн. Соб. лѣтоп. V. Соф. пер. 250. Энцик. Лекс. Плюш. XI. 121; Магаз. Землев. 1860: Пут. Кастрена, 206.

уже занято Зырянами, можно только условно, за недостаточностію историческихъ данныхъ. Одинъ изъ современныхъ финнологовъ, Регули, полагаетъ, что долина р. Усы (впадающей въ Печеру съ правой стороны) и страна, простирающаяся на сѣверъ отъ этой рѣки, по правамъ давности, принадлежитъ Самоѣдамъ, а вся мѣстность къ Югу отъ р. Усы должна быть разсматриваема, какъ достояніе Зырянъ. Далѣе этотъ ученый знатокъ прибавляетъ, что хотя на Уралѣ даже до береговъ Кары живутъ Остяки и Вогулы, однако оба эти племени недавно сдѣлались обитателями Урала, особенно Вогулы. За нѣсколько поколѣній тѣ же самыя мѣста принадлежали Самоѣдамъ, такъ что и доселѣ названія почти всѣхъ горъ сохранились самоѣдскія [1]).

Давняя принадлежность этихъ мѣстъ Самоѣдамъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ изслѣдованіяхъ академика Кастрена, который, на основаніи мѣстныхъ преданій, утверждаетъ, что Югорское племя нѣкогда вытѣснило Самоѣдовъ съ нижняго теченія Оби по направленію къ берегамъ Ледовитаго моря. Это преданіе существуетъ между Остяками и подтверждается тѣмъ, что остяцкое населеніе дѣйствительно занимало въ прежнее время болѣе южныя мѣстности, которыя уступило Тюркскимъ племенамъ [2]). Если Самоядь Нестора составляетъ хотя не близкихъ потомковъ тѣхъ ихъ единоплеменниковъ, которые были вытѣснены Юграми (Остяками), сначала на сѣверъ по теченію Оби, а потомъ на эту сторону Урала, то появленіе Самоѣдовъ здѣсь можно отнести не позднѣе, какъ къ X вѣку, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ мы знаемъ Югровъ уже въ низовьяхъ Оби. Движеніе Самоѣдовъ къ берегамъ Печеры тоже имѣетъ за себя весьма древнія, хотя и неопредѣленныя указанія. Въ путешествіи академика Лепехина приводится извѣстіе, что Самоѣдская земля въ нынѣшнемъ Мезенскомъ уѣздѣ наполнена запустѣлыми жилищами какого-то неизвѣстнаго племени. Они имѣютъ видъ пещеръ, встрѣчающихся во многихъ мѣстахъ—при озерахъ, по тундрѣ и въ лѣсахъ—и вырытыхъ въ горахъ и холмахъ. Что онѣ когда-то были обитаемы, — это доказываютъ находимыя

---

[1]) Зап. Р. Г. Общ. 1849. III. Письмо Регули къ Кеппену. 159.

[2]) Etnolog. Vorlesungen über die Altaischen Völker, Castrén, 1857. 86.

въ пещерахъ печи, остатки глиняной, желѣзной и мѣдной посуды и даже человѣческія кости. Жилища эти принадлежали какому-то Чудскому племени, которое по преданію существующему у Самоѣдовъ, извѣстно подъ названіемъ Сыртъ-э. Племя это, жившее въ пещерахъ и тайкомъ совершавшее свои промыслы, по сказанію Самоѣдовъ, спряталось въ землю и тамъ живетъ до сихъ поръ [1]. Едва-ли не къ этому же народу-невидимкѣ относится сохранившееся на мѣстѣ чудское (можетъ быть, пермское) преданіе объ великанѣ Ягъ-Мортѣ. Этотъ Ягъ-Мортъ неизвѣстно откуда пришелъ, былъ высокаго роста, обросшій *черною* бородою (замѣчателенъ черный цвѣтъ волосъ, какъ признакъ южнаго происхожденія); одежду онъ носилъ изъ медвѣжьей шкуры, былъ дикъ и золъ, слылъ волшебникомъ, повелѣвалъ стихіями, помрачалъ свѣтила небесныя, и истребляя Чудь, былъ безнаказаннымъ опустошителемъ Запечерья. Пропала у Чудина красавица-дочь, по имени Райда. Женихъ ея съ 100 охотниками рѣшился отмстить Ягъ-Морту. Собрались мстители на берегъ Ижмы, подкараулили его, поймали, и обрубивъ ему руки заставили вести себя въ его жилище, на какую-то р. Кучу, гдѣ Ягъ-Мортъ жилъ въ глубокой ямѣ. Тамъ нашли и остатки трупа Райды [2]. Общее преданіе Русскихъ и Самоѣдовъ объ этомъ Чудскомъ племени Сыртъ-э, по мнѣнію Кастрена, можетъ быть отнесено именно къ тѣмъ Финнамъ, которыхъ Самоѣды нашли на берегахъ Печеры и очевидно вытѣснили ихъ оттуда. Характеръ враждебныхъ столкновеній Самоѣдовъ съ Сыртянами, выражается и въ преданіи объ Ягъ-Мортѣ [3], который, кстати замѣтить, напоминаетъ Jos-Mort'овъ зырянскихъ. Что это Чудское племя дѣйствительно тамъ жило, это доказывается множествомъ мѣстныхъ

---

[1]) Путеш. Лепех. 1772. IV. 203, 204. Ethn. Vorlesungen von Castrén, 1857. 86. Вѣстн. Геог. Общ. 1855. XIV. Самоѣды, арх. Веніам. 103. Изслѣд. Лерберга, 1819, Югрія, 53, прим. 2.

[2]) Вол. Г. Вѣд. 1848. № 21.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что воспоминаніе объ Ягъ-мортѣ проявляется и въ нѣкоторыхъ названіяхъ мѣстностей въ Прижемскомъ краѣ; такъ напр. см. въ Сп. нас. мѣст. Арх. губ. № 714 (Ягъ-пурга), Волог. губ. №№ 9976 (Ягъ-доръ), 10052 (idem), 10066 (Ягъ-Ыбъ), 10103 (Ягъ), 10284 (Ягъ-божъ) и 12300 (Ягъ).

В. М.

чудскихъ названій, встрѣчающихся въ земляхъ Самоѣдовъ. Даже болѣе или менѣе значительныя рѣки въ томъ краѣ имѣютъ финскія названія. Такъ, названіе Ижмы производятъ отъ финскаго слова Jso-moa, что значитъ тундра, у Русскихъ называемая Большеземельною тундрою и составляющая переводъ Самоѣдскаго Arkaja; названіе другой рѣки Цилмы производятъ тоже отъ финскаго слова Kylma; р. Пеша—отъ финскаго слова Pesä, Oja и Kuloi—также по фински значатъ рыбныя рѣки. Эти объясненія принадлежатъ Кастрену. Онъ полагаетъ, что сюда же должно отнести и скандинавское преданіе о Біарміи и ея финскихъ племенахъ, которыя прежде обитали по тундрѣ, лежащей на западъ отъ Урала, или по крайней мѣрѣ по берегамъ рѣчекъ, которыя протекаютъ по тундрѣ. Самое названіе „тундра" передѣлано изъ финскаго слова tunturi, и его въ самоѣдскомъ языкѣ нѣтъ [1]).

Какъ бы то ни было, не лишено историческаго вѣроятія то, что Самоѣды по эту сторону Урала должны были появиться прежде Югровъ, и что они нашли р. Печеру уже занятою Чудскимъ племенемъ Сыртъ-э. Что касается до племени Печеры, упоминаемаго у Нестора въ одно время съ Самоѣдами, то здѣсь, по видимому, есть географическая неточность въ опредѣленіи того пространства, за гранью котораго уже начинаются земли Самоѣдовъ. Этою чертой, можетъ быть, и надобно признать, по указанію Регули, рѣку Усу (хотя по книгѣ Большаго Чертежа мы и встрѣчаемъ Самоѣдовъ въ исходѣ XIV в. близь р. Щугора), а дальнѣйшее отъ Усы внизъ по теченію Печеры пространство слѣдуетъ отвести въ XI вѣкѣ Самоѣдамъ, понимая указаніе Нестора какъ географическое, т. е. какъ указаніе прямо на р. Печеру, находившуюся въ области Самоѣдскаго племени, и сближаясь съ тою мыслію, что Русскіе въ XI вѣкѣ подъ названіемъ Печеры разумѣли Печерскую область, обнимающую все теченіе этой рѣки, но не ясно различали въ ней жителей верхняго и средняго ея теченія (Зырянъ) отъ жителей нижняго теченія (Самоѣдовъ).

Карамзинъ, ссылаясь на Фишера, утверждаетъ что Русскіе считали Лопарей (Сумь) и Самоѣдовъ за одинъ народъ [2]), но кажется,

---

1) Ethn. Vorlesung. v. Castr. 1857. 86.

2) Ист. Карам. II, пр. 61.

не удобнѣе ли будетъ остановиться только на томъ, что земли, нынѣ занимаемыя Самоѣдами между Мезенью и Печерою, нѣкогда, можетъ быть, были обитаемы единоплеменниками Лопарей или прямо племенемъ Сумью и потому называются у Лопарей Суо-маа, Самалянда, Самаедна.

Съ исхода XI до исхода XIV вѣка лѣтописи русскія умалчиваютъ о Самоѣдахъ, хотя въ этотъ періодъ, при неоднократныхъ походахъ Русскихъ съ разныхъ сторонъ на Югровъ, казалось бы, нельзя было миновать Самоѣдскихъ земель. Въ 1396 году, при перечисленіи „иноязычныхъ" племенъ, Самоѣды названы послѣ Печеры и Вогуличей. Нѣсколько позднѣе, во время похода Русскихъ на Югровъ, подъ предводительствомъ Ушатаго и Курбскаго, въ 1501 году упоминается, какъ уже замѣчено выше, снова объ Самоѣдахъ, у которыхъ вои Русскіе отняли оленей. Очевидно, здѣсь въ обоихъ случаяхъ говорится только о тѣхъ Самоѣдахъ, которые жили на востокъ отъ Печеры. Что касается до Мезенскихъ земель, лежащихъ между Мезенью и Печерою, то нельзя думать, чтобъ онѣ были заняты Самоѣдами въ глубокой древности, — это очевидно изъ того, что рѣки и рѣчки, перечисляемыя по Большему Чертежу на этомъ пространствѣ, большею частію носятъ русскія или финскія названія, но не самоѣдскія, которыя, какъ позднѣйшія, если и существуютъ, то не вошли въ употребленіе.

Въ концѣ XV столѣтія Самоѣды, подобно прочимъ обитателямъ с.-востока, были подчинены Московской власти. Изъ грамоты царя Ивана Васильевича Грознаго, данной Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ въ 1545 году, видно между прочимъ, что отцы ихъ и дѣды да и они свои ухожаи вѣдали и рыбныя ловли и звѣря всякаго били отъ толстой тундры, Самоядскую тонь, да мелкую тонь, да противъ тѣхъ тоней по тундрѣ берегу, да Волонгу рѣку до Пеши, да Индегу рѣку до Желѣзныя рѣки. Всѣ эти „ухожаи", какъ видно изъ той же грамоты, у нихъ отнимали „Печеряне и Пермяки за себя". Слѣдовательно, только съ 1545 года, по указу царскому, Самоѣды Канинскіе и Тіунскіе вступили въ безспорное владѣніе своими землями „по старинѣ, по тому, какъ отцы и дѣды тѣ ловли и ухожаи вѣдали".

Нѣсколько позднѣе этого года Самоѣды были обложены ясакомъ или „луковою данью“. По мѣсту жительства наименованіе свое Самоѣды получили отъ разныхъ тундръ: *Канинскіе*, *Тіунскіе* или Тиманскіе и *Большеземельные*. Послѣдніе позже были подраздѣлены по приказамъ, къ которымъ были приписаны по уплатѣ ясака: *Пустозерскіе, Устьцылемскіе, Ижемскіе*, а также и по мѣстамъ, на которыхъ кочевали: *Югорскіе* (при Югорскомъ шарѣ), *Карскіе* (у р. Кары) или Носовые. Сверхъ того, встрѣчается названіе *лѣсныхъ* Самоѣдовъ, занимающихся промысломъ лѣсныхъ звѣрей [1]). Здѣсь кстати припомнить, что въ Чертежѣ упоминается также о Самоѣдахъ Запечерскихъ: „А вверхъ Усы рѣки до верхъ горы Князьковой 150 верстъ, и промежъ тѣхъ рѣкъ и рѣки Пузки *Самоядь кочевая*“.

Мнѣнія о происхожденіи названія Самоѣдовъ тщательно собраны и объяснены въ почтенномъ трудѣ архимандрита Веніамина, изъ котораго здѣсь и представляются общія извлеченія. Въ Сибири западные Самоѣды сами себя называютъ Нянецъ (человѣкъ) или Нянца (люди) или Хасово (мужи). Самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ, также называютъ себя Канинскіе и Тіунскіе—Нянецъ, а Большеземельныя—Хасово. Это очевидно указываетъ на родство Сибирскихъ и Архангельскихъ Самоѣдовъ. Названія „Самоѣдъ“ кажется, надобно искать не въ самоѣдскомъ языкѣ. Обскіе Остяки называютъ ихъ *Юрданъ-яхъ*, Пермяки—*Яранъ*, Вогуличи—*Юренъкумъ*. У насъ происхожденіе слова Самоѣдъ объясняется различно. Нѣкоторые, какъ Лербергъ, считаютъ это слово русскимъ, образовавшимся изъ слова „Семгоѣдъ“ (названіе не существующее). Бѣлявскій, въ своей „Поѣздкѣ къ Ледовитому морю“, замѣчаетъ, что Самоѣды между собою одинъ другаго называютъ не по имени, а просто общимъ родовымъ названіемъ Хасово, отъ хазъ—самъ и ово—одинъ, и изъ соединенія этихъ словъ Бѣлявскій составляетъ русское слово Самъ-одинъ или Самъ-единъ. Независимо отъ явной искуственности этого объясненія, оно, вопервыхъ, можетъ быть примѣнимо только къ Большеземельнымъ Самоѣдамъ, происходящимъ изъ рода Хасова (мужей), а вовторыхъ, ни Самъ-одинъ, ни Самъединъ никогда и нигдѣ не встрѣчается ни въ народномъ обращеніи,

[1]) Вѣстн. Г. Общ. 1855. XIV, Самоѣды, арх. Веніамина, 103—105.

ни въ актахъ, гдѣ постоянно пишется Самоядь или Самоѣдъ. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ Самоѣды называются *Сыроядцами*, такъ какъ они ѣдятъ сырое мясо. Думаютъ, что Русскіе, замѣтивъ это, дали имъ названіе Самоѣдовъ; но кажется, названія Самоѣдовъ и Сыроядцовъ не связаны происхожденіемъ, потому что они почти одновременно встрѣчаются въ актахъ, и слѣдовательно, не служатъ другъ другу объясненіемъ. Вѣрнѣе, какъ кажется, въ этомъ случаѣ, остановиться на томъ, что племя, извѣстное у насъ подъ названіемъ Самоѣдовъ, никогда не признавало этого названія своимъ собственнымъ, и что оно, какъ полагалъ еще Фишеръ и какъ думаютъ позднѣйшіе финнологи,—финскаго происхожденія и употребляется у Лопарей для обозначенія земли, которую они издревле занимали и называли Самоянда или Самоедна. Русскіе изъ этого слова сдѣлали Самоядь и Самоѣды, считая иногда Лопарей и Самоѣдовъ за одно племя. Полагаютъ однакожь, что и это объясненіе неудовлетворительно, между прочимъ потому, что, если Русскіе когда-либо и сочли оба эти племени за одно, то нѣтъ причины, почему они могли бы перенести названіе Лопарской земли на Самоѣдовъ [1]). Но мы уже имѣли случай въ своемъ мѣстѣ обратить вниманіе на то обстоятельство, что Русскіе, или точнѣе, Славяне Новгородскіе, въ пору первоначальнаго ихъ знакомства съ с.-востокомъ, племена, тамъ обитавшія, различали подъ тѣми названіями, какія до нихъ доходили по слухамъ отъ ближайшихъ сосѣдей, и замѣняли ихъ другими, если сталкивались съ этими племенами ближе. Не разъ поэтому одно и то же названіе присвоивалось разнымъ племенамъ, или одно и то же племя являлось подъ разными названіями. Не зная обитателей сѣвернаго прибрежья подъ собственнымъ ихъ названіемъ (если оно и было у нихъ общее всему племени), они назвали ихъ Самоѣдами отъ названія лопарскаго — Самоянда. Труднѣе, какъ кажется, объяснить то, какимъ образомъ названіе Самоядь появилось такъ рано и попало въ лѣтопись еще въ концѣ XI вѣка? Для объясненія этого, за неимѣніемъ прямыхъ историческихъ доказательствъ, можно допустить только то, что слово Самоянда (русское—Самоядь) Славяне Новгородскіе узнали отъ Кареловъ,

[1]) Вѣстн. Г. Общ. 1855, XIV. Самоѣды, арх. Веніамина, 98—160.

которые, очень рано оставивъ берегъ Бѣлаго моря и проникнувъ въ Русскую Лапландію, были издавна пособниками Славянъ въ завоеваніи Лопской земли, знали ближе ихъ отдаленный и еще недоступный тогда для Славянъ сѣверный край и (вѣрно или не вѣрно — не въ томъ дѣло) передали имъ, что земли, лежащія на сѣверъ отъ нихъ, принадлежатъ племени Сумь и называются у нихъ Самоянда.

V. ПЕРМЬ.

Предположеніе г. Эйхвальда о Команахъ и Сирякахъ, вытѣсненныхъ на сѣверъ съ береговъ р. Кумы, можетъ быть примѣнимо и къ племени, извѣстному у Нестора подъ названіемъ „Перми". Если древніе Сиряки имѣютъ какое-либо тождество съ Серьянами или Зырянами, а Команы—съ древними обиталелями нынѣшней Пермской губерніи, давшими ей названіе Ком-му (земля Коминовъ или Командовъ), то Пермяки, подобно Зырянамъ, имѣютъ одинаковое право съ ними на давность обитанія ихъ на с.-востокѣ. Будучи родственно съ Зырянами по прежнему мѣсту жительства, племя Пермь, конечно, имѣло много общаго съ ними не только въ религіозныхъ понятіяхъ, но и въ языкѣ, а потому не удивительно, что древнія извѣстія о Перми легко примѣнялись и къ Зырянамъ. Самое значеніе названій Пермь и Зыряне, какъ увидимъ ниже, ведетъ къ заключенію о близкомъ сосѣдствѣ и безразличіи этихъ племенъ въ старину. Родственная близость этихъ племенъ въ древности выражается даже и въ томъ, что въ области Зырянъ, на устьи Вымы (по зырянски: Ем-гинъ) была *древняя Пермь*, та самая, которая въ Чертежѣ названа „Старою Пермью", вѣроятно, въ отличіе отъ Чердыни, которая также впослѣдствіи называлась Великою Пермью. Такое значеніе Усть-Вымы находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что св. епископъ Стефанъ, жившій въ Усть-Выми, называлъ себя епископомъ Велико-Пермскимъ; впрочемъ титулъ этотъ можно производить и не отъ города Великой Перми, но отъ цѣлой страны, называвшейся Великою Пермью. Существованіе въ этомъ краѣ туземныхъ князьковъ подтверждается не только пре-

даніями о мѣстныхъ князьяхъ, жившихъ въ Княжъ-Погостѣ, а по отношенію къ сосѣдственнымъ мѣстностямъ занесено и въ лѣтописи, какъ дѣйствительный фактъ. Въ 1397 году Новгородскій посадникъ Своеземцевъ купилъ Важскую область отъ мѣстныхъ князьковъ Азики, Хараганца, Ровда и Игнатца, которые въ лѣтописяхъ названы „Вятскими старостами" [1]).

Что касается до „пермскихъ князьковъ", то о существованіи ихъ извѣстно еще изъ скандинавскихъ сагъ, въ которыхъ разсказывается, что уже до Рождества Христова конунги Норвежскіе и Датскіе вступали въ родство съ Пермскими князьками, каковы Кузо (Cuso Finnorum, Byarmorumque princeps) или Ектеръ (Egtherus Biarmiae dux) и т. д. [2]). Эти извѣстія, не имѣющія опредѣленнаго историческаго значенія, могутъ служить однакоже намекомъ на связь, въ которой издревле находилась Великая Пермь съ западными народами. Здѣсь кстати замѣтить, что имя баснословнаго князя Кузо напоминаетъ названіе одного изъ селеній Пинежскаго уѣзда, д. Кузоменской [3]), въ 57 в. отъ г. Пинеги. Область Великой Перми была обширна. При обозрѣніи общихъ историческихъ свѣденій о Самоѣдахъ было указано, что даже въ 1545 г. Пермяки старались удержать за собою Мезенскія самоѣдскія тундры и тони; эти притязанія, очевидно, были основаны на томъ, что область Пермяковъ, прежде появленія Самоѣдовъ на р. Мезени, простиралась далеко на сѣверъ. Что касается до остальныхъ ея границъ въ другія стороны, то это приблизительно опредѣляется, какъ въ Архангельской, такъ въ Вологодской губерніяхъ, указаніемъ на многія селенія, напоминающія обитаніе Пермяковъ. Таковы на р. Пинегѣ: д. *Пермяки* (нынѣ Чикинская, Пермскій погостъ, въ 38 вер. отъ г. Пинеги), извѣстная съ 1471 года, а также дд. *Пермилово* въ 149 в. отъ города и *Перминская* въ 142 в., въ томъ же Пинежскомъ уѣздѣ, д. *Пермиково* (можетъ быть, позднѣй-

---

[1]) Вол. Губ. В. 1840 № 21, 1846 № 18. Рус. св. Фил. Черн. Январь, 111.

[2]) Жур. М. В. Дѣлъ 1852. Іюль: Перм. Губ. въ археолог. отношеніи, Савельева, 115.

[3]) А также и въ Волог. губ. Кузды-Божъ, Кузоверская, Кузымыльская Кузь-Пель, Кузь-Слуда-Боръ и др. Сп. нас. мѣстъ Волог. губ. №№ 10270, 2371, 10265, 10250. *В. М.*

шій выселокъ съ правой стороны Двины), въ 115 в. отъ Холмогоръ; въ губерніи Вологодской селенія: въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ — *Пермигорская*, въ Никольскомъ уѣздѣ — *Пермяковская* также, вѣроятно, принадлежатъ къ области Пермской [1]). Какъ эти указанія ни отрывочны, но всѣ они получаютъ значеніе при несомнѣнномъ свидѣтельствѣ Нестора, что въ XI вѣкѣ „Пермь" обитала между Заволоцкою Чудью и Печерой, т. е. по преимуществу въ уѣздахъ Пинежскомъ, Сольвычегодскомъ, и можетъ быть, въ западной части уѣзда Мезенскаго. Если при томъ припомнимъ упоминаемыя въ лѣтописяхъ подъ 1187 годомъ извѣстія объ избіеніи данниковъ „за волокомъ", то для старобытности Пермяковъ по р. Пинегѣ прибавится еще прямое доказательство. Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о географическомъ значеніи Біарміи и о связи этого значенія съ Пермскою землей. Въ началѣ XI вѣка (около 1027 г.) скандинавскіе викинги были на берегахъ Бѣлаго моря для обмѣна товаровъ и, нагрузивъ свои корабли вымѣненными мѣхами бѣличьими, бобровыми и собольими, задумали ограбить капище пермскаго божка Юмалы и могилы священной рощи, въ которыхъ хоронили богатыхъ Біармійцевъ. Набѣгъ викинговъ былъ не удаченъ; но какъ видно, въ этотъ разъ (въ 1187 г.) они не побоялись густой населенности края (какъ Отеръ, бывшій въ этихъ мѣстахъ въ IX в.) и прошли, по правому берегу Двины до тѣхъ мѣстъ, противъ которыхъ на другомъ берегу рѣки стояли Холмогорскіе посады. Въ этихъ мѣстахъ, если вѣрить преданію, была роща, гдѣ и стоялъ истуканъ Юмалы. Указываютъ на д. *Побоище* (Сп. нас. мѣстъ Арх. губ. № 1543), нынѣ называемую Побойная или Побойская (Холмог. у. въ 10 в. отъ города), гдѣ, по преданію, была битва Чуди съ Скандинавами. Таковы извѣстія, относящіяся у Скандинавовъ къ древней Біарміи; очевидно, подъ нею нельзя разумѣть только Пермь, т. е. ту приблизительно опредѣляемую область, которую можно отвести для этого племени, согласно указаніямъ Нестора на востокъ отъ Сѣверной Двины. Названіе Біарміи придавалось Скандинавами не только

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., уу. Пинежск. 25, 150, 186, 309, Холмог. 336, 1543. Волог. губ: Сольвычег. 8059, 8020, Никол. 6944. Мух. Нумизм. Савельева, XI, CXII; Арх. сборн. 1863. Ч. I. К. I. Базилев. 308.

этому пространству, но распространялось и далѣе на западъ. Такимъ образомъ Біармія узнается въ древней Кареліи, которой главный городъ Карелы (Кёксгольмъ) назывался также *Бярмы*, а по замѣчанію финнологовъ, въ русской Кареліи еще и доселѣ встрѣчаются слѣды Біармійцевъ въ смѣшеніи съ другими племенами [1]). Такъ какъ Карелы очень рано заняли все пространство отъ Ладожскаго озера до Бѣлаго моря, и слѣды ихъ пребыванія доселѣ сохранились у береговъ Двины, то можно думать, что Пермь за одно съ Кареліей носила имя баснословной Біарміи, изчезнувшей, или скорѣе, скрывшейся подъ названіемъ Заволоцкой Чуди. Весьма справедливо мнѣніе одного изъ нашихъ почтенныхъ археологовъ, П. С. Савельева, что названіе Біармійцевъ (Biarmar у Скандинавовъ, Beormas у Англосаксовъ, Permii—у Византійцевъ и Великая Пермь или просто Пермь—въ русскихъ лѣтописяхъ) не слѣдуетъ пріурочивать исключительно къ нынѣшнимъ Пермякамъ. Названіе Пермь есть нарицательное. Шёгренъ указываетъ на зырянское слово periny (брать, отбирать) и объясняетъ, что причастіе отъ этого слова будетъ periema, или какъ обыкновенно произносятъ, periem, т. е. взятое, отнятое. По мнѣнію Шёгрена, названіе страны, занятой Зырянами, въ значеніи отнятой (periem), объясняется такимъ образомъ, что Зыряне отняли эту страну у прежнихъ ея обитателей и при столкновеніи съ Русскими назвали ее „отнятою". Оно было бы очень правдоподобно, если бы можно было объяснить —какой же народъ вытѣснили отсюда Зыряне, такъ какъ они сами, по видимому, должны считаться первыми поселенцами въ этомъ краѣ, являясь на берегахъ Печеры подъ именемъ Сыртъ-э. Обратимся затѣмъ къ другимъ объясненіямъ. Извѣстно также финское слово Päärmä, что значитъ „Украйна", т. е. то же, что Syria (откуда Syrialaiset); такимъ образомъ названія Пермяки и Зыряне имѣютъ синонимическое значеніе и оба означаютъ жителей Украйны, украинцевъ финскаго востока. Въ этомъ смыслѣ и Зырянская земля дѣлается частью древней Біарміи. По справедливому замѣчанію Савельева, только съ помощію археологіи можетъ быть удастся

---

[1]) Слов. Геог. Щекатова, I. 424 Маг. Землев. 1860: Путеш. Кастрена, 56.

прійдти къ болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о древней Біарміи. При этомъ не излишне имѣть въ виду опредѣленіе границъ Пермской земли, встрѣчающееся въ жизнеописаніи Стефана Великопермскаго, написанномъ инокомъ Епифаніемъ. Это описаніе впрочемъ болѣе относится къ опредѣленію южныхъ границъ Пермской области, т. е., къ Пермской и Вятской губерніямъ, которыя не входятъ въ объемъ настоящаго изслѣдованія [1]).

VI. СУМЬ.

Сумь принадлежитъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Архангельской губерніи. Объ этомъ племени даже не упоминается у Нестора при перечисленіи „Чудскихъ языковъ", и Сумь въ лѣтописяхъ впервые названа въ 1240 году, когда она положительно дѣлается извѣстною въ предѣлахъ Финляндіи. „Придоша", говорится въ этомъ году,—„Свѣи въ силѣ велицѣ и Мурмане и *Сумъ* и Ѣмь, въ корабляхъ множество много зѣло.... и сташа въ Невѣ устьѣ Ижоры... и хотяще воспріяти Ладогу.." [2]). Но это упоминаніе не есть древнѣйшій слѣдъ въ исторіи Сумскаго племени, такъ какъ несомнѣнное свидѣтельство пребыванія Суми и доселѣ сохранилось на берегахъ Бѣлаго моря въ названіяхъ р. Сумы и Сумскаго посада, и нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что нѣкогда, въ очень давнее время, это Чудское племя жило здѣсь—до тѣхъ поръ, пока его не вытѣснили отсюда подвигавшіеся на сѣверъ Карелы. Хотя въ подтвержденіе этого и нельзя привести хронологическихъ указаній, но есть доказательства, могущія нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ. Еще во времена Тацита и Іорнанда, какъ извѣстно, въ сѣверной части Скандинавскаго полуострова жилъ кочующій народъ на пространствѣ между заливами Ботническимъ и Финскимъ до береговъ Бѣлаго моря. Этотъ народъ, замѣченный и въ IX вѣкѣ, назывался Финнами. Съ водвореніемъ въ Финляндіи Шведовъ, во второй половинѣ XII вѣка, это племя на-

---

[1]) Ж. М. Вн. Д. 1852. Іюль 118—123, ст. Савельева. Histor. Ethnol. Abhandlung. v. Sjögr. 1866. I. 288—296.

[2]) Полн. Соб. лѣт. Новг. 10. Изслѣд. Лерб. 1819. 128.

звано Лаппами или Лопарями, а въ исходѣ XIV вѣка оно и въ старинныхъ русскихъ актахъ является подъ названіемъ Лопи (дикой и лѣшей). Названіе Лопи справедливо производится отъ эстонскаго слова Lappegunda (Lappe—крайній, послѣдній и gunda—округъ): оно очевидно отъ Эстовъ перешло къ западнымъ народамъ и Шведамъ [1]). Лопари, какъ уже не разъ было упомянуто, этого названія никогда не считали собственнымъ и называли сами себя Saome, Samo, Suomaa, Suomalayset, а землю свою—Suomalande или Suomaedna. Изъ народнаго названія составились названія: Сумь, Суомен-маа, которое теперь принадлежитъ Финляндцамъ. Лербергъ замѣчаетъ, что распространеніе этого названія на всю Финляндію можетъ быть принято какъ доказательство того, что вся эта страна принадлежала къ древней области Сумскаго племени, и притомъ, что къ этому же племени относится и упоминаніе о *Сумскомъ князѣ* въ лѣтописяхъ подъ 1318 годомъ, когда „ходиша Новгородци войною за море въ рѣку Полную и много воеваша и взяша градъ Людеревъ *Сумскаго князя*". Подъ названіемъ Людерева здѣсь разумѣется городъ Або или собственно Абовскій замокъ, построенный тогдашнимъ правителемъ Финляндіи Людеромъ Кюрнскимъ. Названіе же Сумскаго князя относится къ брату шведскаго короля Волдемару, который объявленъ былъ герцогомъ Финляндскимъ въ 1310 году и убитъ въ 1317 году. Съ мнѣніемъ Лерберга относительно обширной древней Сумской области соглашаются и другіе [2]). Такимъ образомъ, необходимо прійти къ заключенію, что когда-то Сумская область обнимала обширное пространство, можетъ быть—отъ Ботническаго залива до Бѣлаго моря, и имѣла въ древнемъ этнографическомъ мірѣ сѣверо-востока большое значеніе. Если несомнѣнно, что Лопь въ древнія времена называлась Сумью, то предѣлы Сумской области были даже обширнѣе. Въ IX в., по указанію Отера, по лѣвому берегу Двины, на поморьѣ (слѣдовательно, между Онегой и Двиной) встрѣчались бродячіе Финны-рыболовы, подъ которыми едва ли не слѣдуетъ разумѣть также Сумь. Извѣстно, что земли, нынѣ обитаемыя Мезенскими

[1]) Изслѣд. Лерб., 174. 178.

[2]) Изсл. Лерб., 158, 171—174; Вѣстн. Ест. Наукъ 1855, II, Чудск. племя, Эйхвальда, 210; Allgem. Nord. Gesch. v. Schlözer, 294, 295.

Самоѣдами, у Лопарей называются Самоянда, и что если нельзя считать Лопарей и Самоѣдовъ за единоплеменниковъ, то можно думать, что нѣкогда земли Самоѣдовъ были заняты племенемъ Сумью. При обзорѣ Мурманскаго и Терскаго береговъ уже были приведены свѣдѣнія о томъ, что Лопари и Сумь даже въ XVI в. занимали не только весь нынѣшній Кемскій уѣздъ, но и часть Архангельскаго, а также жили въ мѣстностяхъ, смѣжныхъ съ этими уѣздами въ предѣлахъ губерніи Олонецкой.

Можно здѣсь припомнить и то, что, по указанію профессора Кастрена, приведено выше о столкновеніи Лопарей съ Карелами во время такъ называемой „подземной войны". Преданіе объ этой войнѣ, сохранившееся у туземцевъ, вѣроятно относится къ движенію Кареловъ между VIII и XI вѣками, когда они занимали пространство отъ Бѣлаго моря на западъ, и когда они вѣроятно, нѣсколько позднѣе, подъ предводительствомъ посаженника Новгородскаго Валита Карелянина, вторгались въ такъ называемую русскую Лапландію и оставили послѣ себя на Мурманскомъ берегу память въ названіи Валитова городища и залива Варенга.

Что Сумь обитала въ нижней части Кемскаго уѣзда, гдѣ она оставила по себѣ память въ мѣстныхъ названіяхъ, тому отчасти служитъ доказательствомъ и извѣстіе, приводимое Лербергомъ же, что въ XIV вѣкѣ, когда Русскіе стали различать Лопь дикую и Лопь лѣшую, для географическаго отличія отъ нихъ, они иногда прибавляли еще Лопь *Сумскую*, подъ которою надобно разумѣть собственно обитателей р. Сумы. Лербергъ полагаетъ, что Лопь на р. Шуѣ составляла ближайшихъ родичей или даже потомковъ Суми [1]). Но кажется, въ такомъ случаѣ и Лопарей Кемскихъ надобно признать ближайшими потомками Суми, какъ по близости разстоянія между рр. Кемью и Шуей, такъ въ особенности по тому, что въ этомъ краѣ преданіе указываетъ на пребываніе какого-то лопарскаго владѣтеля, какъ бы намекая на то, что здѣсь жили властители южной Суми, коимъ принадлежала и р. Сумь.

Совершенное отсутствіе до половины XIII вѣка въ лѣтописяхъ упоминанія объ Суми, кажется, можетъ быть доказательствомъ того

---

[1]) Изслѣд. Лерб., 175, 176.

что Новгородцы укрѣпились въ Лопской землѣ только вслѣдъ за движеніемъ Кареловъ, которыхъ они, въ дѣлѣ обладанія этою землей, употребляли какъ своихъ пособниковъ, и даже есть поводъ думать, что Лопская земля, въ ограниченномъ ея значеніи, была относительно сбора дани и налоговъ въ пользу Новгорода на отвѣтственности Кареловъ. Это можно заключить изъ того, что даже въ одномъ изъ актовъ 1504 года о земляхъ „дикой Лопи" говорится какъ о мѣстностяхъ, находившихся въ какой-то зависимости или связи съ Кareліею: „въ Новгородской же земли даю сыну (Іоанну—будущему вел. князю Іоанну III) Корельской городокъ съ волостьми и съ погостами и со всѣми пошлинами и *со всѣмъ тѣмъ, что къ Корельской землѣ потягло, и съ дикою Лопью*" [1]).

Что касается до древняго историческаго значенія Суми въ предѣлахъ Финляндіи, то подробное разсмотрѣніе свѣдѣній по этому предмету относится къ древней географіи Финляндіи, не входящей въ предѣлы этого изслѣдованія. Здѣсь можно признать за несомнѣнный фактъ только то, что движеніе Суми совершилось по тому же направленію, какъ и другихъ племенъ — съ востока на западъ — въ Финляндію, и что это движеніе совершилось гораздо ранѣе появленія въ этомъ краѣ Славянъ.

VII. КАРЕЛЫ.

П историческомъ обзорѣ свѣдѣній объ этомъ племени удобнѣе остановиться на тѣхъ географическихъ указаніяхъ, которыя нетолько намекаютъ на слѣды пребыванія этого племени въ той или другой мѣстности, но еще и подтверждаются названіями мѣстностей, происшедшими прямо отъ описываемаго племени. Начнемъ съ того, что между рр. Кемью и Выгомъ по западному берегу моря впадаетъ въ него рч. Шуя, называемая въ актахъ XVI вѣка *Шуею Корельскою*, какъ бы въ доказательство того, что въ этихъ мѣстахъ, составлявшихъ центръ южной Сумской бласти,

---

[1]) Вивл. Нов. 1791, II, 408—418; Собр. Гос. грам., I, 283—389; ср. Доп. къ Акт. Ист., I, 387.

*

Карелы, вытѣснившіе Сумь, съ большимъ упорствомъ держались, уступивъ только напору Русскихъ. Изъ четырехъ устьевъ С. Двины одно долго называлось *Карельскимъ*; оно составляется изъ притоковъ Двины, отдѣляющихся отъ Пудожемскаго устья. Названіе этого устья Карельскимъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, встрѣчается даже въ актахъ XVII вѣка. По сосѣдству съ этимъ устьемъ, по южному берегу Бѣлаго моря стоитъ монастырь *Карельскій-Николаевскій*. Изъ исторіи его видно, что онъ былъ основанъ въ 1410 году преподобнымъ Евфиміемъ *среди Кареловъ, жившихъ* тогда по морскому прибрежью уже *между русскими поселенцами* и извѣстныхъ по грамотамъ Соловецкаго монастыря подъ названіемъ *Карельскихъ дѣтей*; ихъ было тогда пять родовъ: *Курольцы, Равкульцы, Вымольцы, Тиврольцы* и *Валдолеи* или Валдольскій родъ. Можно предполагать, что на пространствѣ между Шуей Карельскою и Карельскимъ устьемъ, въ сосѣдствѣ съ поморскими Лопарями и даже въ смѣси съ ними, жили и Карелы, что могло бы подтвердиться филологическимъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ названій; но и немногія географическія указанія, приведенныя здѣсь (одно относящееся къ XV вѣку, а другое—къ первой половинѣ XVI вѣка), свидѣтельствуютъ, что Карелы, какъ самобытное племя, оставили бѣломорскій берегъ уже никакъ не позднѣе XIV вѣка. Это подтверждается съ другой стороны и тѣми хотя немногими положительными историческими данными, которыя относятся къ эпохѣ первоначальнаго водворенія ихъ между Онегой и Двиной. При подробномъ изслѣдованіи историческихъ указаній, относящихся до этого пространства въ бѣломорскомъ краѣ, замѣчено, что берега р. Онеги заняты были Новгородцами уже въ XII вѣкѣ, такъ какъ въ 1133 году *на Онегѣ* были уже *два погоста—Волдуевъ и Тудоровъ*. При недостаткѣ какихъ-либо географическихъ и историческихъ свѣдѣній для этого времени, можно только замѣтить, что положеніе новгородскихъ погостовъ *на Онегѣ* слишкомъ неопредѣленно даже для приблизительнаго ихъ пріурочиванія; но кажется, они находились не въ нижнемъ теченіи Онеги—во первыхъ, потому, что занятіе устья Онеги, по несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ, совершилось гораздо позднѣе, и во вторыхъ, потому, что вообще движеніе Новгородцевъ было первоначально направлено къ обладанію

устьями Двины [1]). Если устье р. Онеги и принадлежало Новгородцамъ ранѣе XVII вѣка, то это обнаруживается только во второй половинѣ послѣдняго, съ основаніемъ Кійскаго монастыря. *Иванъ-погостъ*, какъ единственное древнѣйшее поселеніе новгородское на лѣвомъ берегу Двины, справедливо пріурочиваясь къ числу посадовъ Холмогорскихъ, доказываетъ, что движеніе ихъ не только по Онегѣ, но даже и по лѣвому берегу Двины, совершилось позднѣе XII вѣка. За то на правомъ берегу Двины, съ XII вѣка (между 1110 и 1165 годами) дѣлается извѣстнымъ монастырь *Михайловъ Архангельскій*, давшій свое названіе городу Архангельску. Затѣмъ новгородскія поселенія, на островахъ Двинскаго устья, по указанію старинныхъ актовъ, извѣстными становятся только въ исходѣ XIV вѣка (въ 1398 г.), какъ напр. Княжь-Островъ, Лисье-островъ, Чухчелема, Ухтъ-островъ; нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ (какъ Княжь-островъ и Ухтостровъ), бывшія древнимъ мѣстожительствомъ волостелей новгородскихъ, по свидѣтельству Архангельскаго лѣтописца, входили въ составъ такъ называемой Двинской Свободы, какъ собирательнаго названія древнихъ въ этомъ краѣ новгородскихъ колоній; большая часть остальныхъ устье-двинскихъ поселеній упоминается только въ началѣ XV вѣка (1411—1419 гг.), а именно: Терпиловъ станъ, Кегъ островъ, Кярь островъ, Чиглонимъ и Хечинимъ. Основываясь на этомъ, кажется, можно сказать, что мѣстности, гдѣ сохранились слѣды пребыванія Кареловъ, т. е. *нижнее теченіе Онеги и берегъ моря между Онегой и Двиной*, не были заняты Славянами, такъ какъ самыя раннія ихъ поселенія лежатъ за предѣлами того пространства, которое, какъ увидимъ ниже, было за долго до XI вѣка занято Карелами, и такъ какъ, съ другой стороны, поселенія Новгородцевъ дѣлаются здѣсь извѣстными только послѣ 1471 года, т. е. съ паденіемъ Новгорода, при описаніи „Двинскихъ земель". Пространство, нами отмѣченное, впрочемъ исторически извѣстно уже съ IX вѣка. Около этого времени на берегахъ Бѣлаго моря является извѣстный скандинавскій плаватель

[1]) См. Сп. мѣстъ Арх. губ., гдѣ подъ № 2247 значится въ Шенкур. уѣздѣ сл. Волдуевская, а подъ № 1533 въ Холмог. уѣздѣ сл. Тутуровская; хотя обѣ слободы расположены и не на самомъ берегу р. Онеги, но не особенно далеко отъ этой рѣки. *В. М.*

Отеръ (Ohter), разсказы котораго объ этомъ краѣ сохранились въ исторіи путешествій на сѣверъ Форстера и переведены въ приложеніи къ путешествію графа Ѳ. П. Литке. Въ этомъ извѣстіи описываются только берега, такъ какъ внутрь страны Отеръ не проникалъ; но и это описаніе даетъ нѣкоторое понятіе о степени тогдашней населенности поморья. Отеръ нашелъ, что одинъ берегъ рѣки (вѣроятно, правый р. Двины), къ которой онъ пришелъ, былъ населенъ, и что до нея (т. е. отъ нея влѣво) вся видѣнная имъ страна представлялась пустынею, не имѣвшею постоянныхъ жителей, кромѣ рыболововъ и звѣролововъ изъ *Финновъ*, но что страна Беормовъ (вѣроятно, Пермь, лежавшая за Двиной) *населена часто*, почему Отеръ и не рѣшился вступить въ нее; Отеру однакожь казалось, что Беормы и Финны говорятъ однимъ языкомъ [1]). Что здѣсь жили Финны—это подтверждается отчасти и самымъ названіемъ Двины, которое производятъ отъ финскаго слова Wina или Wienan-joki [2]). Что касается до отношенія этихъ Финновъ къ Кареламъ, то за разъясненіемъ этого необходимо обратиться къ первоначальной исторіи Кареловъ. Подъ названіемъ Каріаландіи, по скандинавскимъ сказаніямъ, разумѣлась страна отъ Финскаго залива до Гандвига или Бѣлаго моря [3]). Но это общее географическое опредѣленіе, не лишенное правдоподобности исторической, должно уступить мѣсто прямымъ историческимъ извѣстіямъ, тщательно собраннымъ въ изслѣдованіяхъ профессора Кастрена. Кромѣ Суми, въ населеніи древней Финляндіи различаютъ двѣ отрасли одной и той же Чудской вѣтви: Ямь (Hämälaiset) и Кареловъ (Karialaiset). Эти два племени жили самостоятельно, находясь даже иногда въ непріязненныхъ отношеніяхъ между собою. Имя Кареловъ извѣстнымъ становится съ 877 года, когда король Квеновъ Фаравидъ просилъ помощи у Тор-

---

[1]) Четырекратн. путеш. Ѳ. П. Литке въ Ледов. океанъ, 1828, 121.

Слово Двина можетъ быть произведено и отъ арійскаго корня, означающаго воду и теченіе; тотъ же корень мы находимъ въ названіяхъ рѣкъ Донъ, Дунай и др.; существуетъ даже предположеніе, что Сѣв. Двина всегда называлась у финскихъ народовъ рѣкою по преимуществу большою, главною рѣкою, т. е. Іокі, откуда явилось и руское названіе р. Юга. *В. М.*

[2]) Ж. М. Нар. Просв. 1868, Іюль, статья Европеуса, 50.

[3]) Ж. М. Вн. Д. 1852, Іюль, стат. Савельева о Пермск. губ., 143.

фолька, леннаго владѣтеля Финляндіи, противъ Кареловъ, разорявшихъ Квенскія земли, и Торфолькъ, соединившись съ Квенами, разбилъ Кареловъ на голову. Допускаютъ догадку, что эти Квены и Карелы, иногда враждовавшіе между собою, были одноплеменники и жили когда-то первоначально на берегахъ Бѣлаго моря, откуда, перейдя волокъ, подвинулись до Каяны, а потомъ распространились вокругъ восточной части Ботническаго залива. Эта догадка, по мнѣнію Кастрена, правдоподобна, потому что Шведскіе и Финскіе Квены и доселѣ говорятъ на карельскомъ языкѣ. О Квенахъ упоминается еще въ XI вѣкѣ, при королѣ Шведскомъ Эймундѣ, который въ 1052 году отправилъ для завоеванія Квенландіи сына своего Онунда, погибшаго тамъ съ своей дружиной. Завоевательное движеніе Шведовъ однакожъ въ этомъ же вѣкѣ кончилось тѣмъ, что Квены сдѣлались данниками ихъ и были обращены въ христіанскую вѣру. По извѣстіямъ скандинавскихъ сагъ, Квены жили и западнѣе Ботническаго залива, и вѣроятно, распространялись до Гелзингландіи. Передвиженіе Квеновъ на востокъ отъ Ботническаго залива объясняется тѣмъ, что Норманны и Шведы начали колонизовать эту страну [1]); вѣроятно, это произошло, судя по предшествовавшимъ событіямъ, не ранѣе исхода XI вѣка. Какъ бы то ни было, около этого времени Квеновъ и ихъ единоплеменниковъ Кареловъ нельзя уже искать (на берегахъ Ботническаго залива, но гдѣ-либо восточнѣе. Въ этомъ направленіи естественнымъ представляется обратиться къ берегамъ Ладожскаго озера, которые такъ долго были спорнымъ пунктомъ между разными племенами и народностями: Сумью, Ямью, Карелами, Ижорами, Шведами и Русскими.

При обзорѣ историческихъ свѣдѣній о Ями было упомянуто, что въ XII вѣкѣ это племя еще обитало около Онежскаго озера, тамъ, гдѣ ихъ указываетъ грамота 1138 года. Движеніе этого племени на западъ несомнѣнно вело ихъ къ берегамъ Ладожскаго озера, и берега его, особенно западный, какъ видно изъ лѣтописей, постоянно были мѣстомъ столкновенія Ями и Кареловъ. Ладожское озеро (въ старину называвшееся Нево-озеро), какъ из-

[1]) Ethnolog. Vorlesungen über die Altaisch. Völker v. Castren, 1857, 144—147.

вѣстно, лежало на водномъ пути „изъ Варягъ въ Греки", а потому оно и для Новгородскихъ Славянъ естественно составляло одинъ изъ важнѣйшихъ путей колонизаціи. Справедливо думаютъ, что Славяне Новгородскіе, утвердившись на истокѣ Волхова изъ озера Ильменя, гдѣ является Новгородъ, медленно приближались къ озеру Нево; ибо если Ладога и существовала до прибытія Рюрика, то она была не при самомъ устьѣ Волхова [1]). Медленность этого движенія, кажется, безспорно можетъ быть объяснена тѣмъ, что берега Ладожскаго озера въ IX вѣкѣ были для Славянъ не доступны. Полагаютъ, что столкновеніе Ями съ Карелами у береговъ Ладожскаго озера происходило не безъ участія Новгородскихъ Славянъ, и что Карелы, оттѣсняя Ямь отъ Ладожскаго озера только помогали Новгородцамъ. Но это даетъ поводъ предполагать, что Новгородцы ранѣе XII вѣка были въ союзѣ съ Карелами. Это правдоподобно только въ той степени, что впервые упоминаемое участіе Кареловъ въ походѣ Новгородцевъ въ 1141 году (вмѣстѣ въ Ладожанами на городъ Копорье) [2]), конечно предполагаетъ уже, существованіе прежде того дружественныхъ или союзническихъ отношеній этихъ племенъ. Встрѣчается и такое мнѣніе, что Карелы даже въ IX вѣкѣ были уже знакомы съ Новгородцами и вмѣстѣ съ другими Чудскими племенами, принимали участіе въ призваніи Варяговъ на княженіе въ Новгородъ [3]); но это едва ли можно допустить, имѣя въ виду даже одно то, что Новгородскіе Славяне въ IX вѣкѣ еще не проникли до устья Волхова,—и притомъ именно потому, что послѣднее было занято племенами непріязненными, и что, съ другой стороны, Карелы въ IX вѣкѣ, какъ кажется, находились еще на сѣверо-западѣ Финляндіи, далеко отъ Ладожскаго озера, къ берегамъ котораго они двинулись только въ XI вѣкѣ, тѣснимые колонизаціей Шведовъ.

Если въ первой половинѣ XII вѣка Карелы уже были союзниками Новгородцевъ въ ихъ походѣ на Ямь, то очевидно, въ смыслѣ союзниковъ же Новгородскихъ, приблизительно около того же вре-

---

1) Ист. Росс. Соловьева, I, 6.

2) Ethnol. Vorlesung. über die Altaisch. Völker v. Castren, 150—151.

3) Specimen Historicum etc. 1825, II, 30.

мени, они являются и въ землѣ Лопарей или Суми, во времена „подземной войны" и при Валитѣ Карелянинѣ. Самое позднее лѣтописное указаніе о Карелахъ, въ предѣлахъ сѣверо-востока, относится къ 1396 году [1]).

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ историческое значеніе Кареловъ съ VIII по XIV вѣкъ, можно сказать, что область ихъ, подобно области Ями, въ длинный періодъ передвиженія съ запада на востокъ и обратно, занимала пространство отъ береговъ Ладожскаго озера до Бѣломорскаго прибрежья, откуда они, вѣроятно въ концѣ XIV вѣка, напоромъ русской колонизаціи были отодвинуты на западъ, оставивъ въ Бѣломорскомъ краѣ „Карельскихъ дѣтей".

Къ этому обозрѣнію можно прибавить только то, что даже при относительной достовѣрности историческихъ извѣстій, такъ называемая „Заволоцкая Чудь" положительно не составляла, среди изчисленныхъ нами племенъ, отдѣльнаго самобытнаго племени, и потому естественно, что чисто *географическое названіе* не можетъ быть примѣняемо опредѣлительно ни къ одному изъ названныхъ племенъ, и для такой этнографической особи, какова „Заволоцкая Чудь", нельзя отыскать и мѣста среди прочихъ чудскихъ племенъ. Какъ простой географическій терминъ, самое названіе „Заволочья" имѣетъ въ разные періоды различное по пространству географическое значеніе. Не говоря о мѣстныхъ значеніяхъ этого термина по отношенію къ тому или другому „волоку", какъ это не разъ окажется при изслѣдованіи Чертежа по губерніямъ Архангельской и Вологодской, достаточно припомнить, что подъ Заволочьемъ разумѣлось и пространство отъ Прикубенскаго края до р. Сысолы; Заволочьемъ называлось и пространство между Онегой и Двиной; подъ названіемъ Заволочья встрѣчается и то пространство, которое лежитъ къ востоку отъ Двины до предѣловъ баснословнаго Іотунгейма. Можетъ быть, не ошибочно будетъ думать и такъ, что понятіе Новгородцевъ о протяженіи Заволочья измѣнялось и расширялось по мѣрѣ того, какъ они съ разныхъ сторонъ проникали въ эту страну. Слѣдовательно еще разъ, если правильно будетъ признать неопредѣленность Заволочья даже какъ

---

[1]) Пол. Соб. Лѣт., V, Соф., I, 230.

географическаго термина, то и такъ называемая „Заволоцкая Чудь" своимъ названіемъ должна выражать только недостаточность точнаго знакомства Новгородцевъ съ Чудскими племенами.

Затѣмъ, если представить себѣ самый ранній періодъ распредѣленія „Чудскихъ языковъ" на сѣверо-востокѣ, т. е. передъ появленіемъ тамъ Новгородскихъ Славянъ, то представится слѣдующая географическая картина этого края по племенамъ: 1) *Югры* (Юра, Іограіасъ, Остяки) по крайней мѣрѣ съ X вѣка, жившіе въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Архангельской губерніи, въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами; 2) *Самоѣды* (можетъ быть, подъ неопредѣленнымъ названіемъ Печеры), не позднѣе X вѣка находившіеся при устьѣ Печеры и по правую сторону Усы до Уральскихъ горъ; 3) *Зыряне* (Печера, Сиряки, Сыртъ-э, Серьяне, Syrialaiset), тоже въ X вѣкѣ жившіе въ предѣлахъ Печерской области и въ сосѣдственныхъ съ нею мѣстностяхъ—по р. Сысолѣ (гдѣ Новгородцы нашли ихъ въ 1032 году) и внизъ по теченію Печеры до р. Усы; 4) *Ямь* (Гамъ, Емь, Hämäloiset, Гамаль), уже въ XI вѣкѣ положительно извѣстная по берегамъ Двины, южнѣе Вычегды, т. е. въ южномъ Заволочьи и далѣе къ западу, не только до Кубенскаго озера, гдѣ издревле извѣстна Чудь, но даже до озера Онежскаго, гдѣ Ямь положительно указывается въ 1138 году, не говоря ужь о Ями Приладожской и Финляндской, находившейся въ предѣлахъ Финляндіи послѣ 1123 года; 5) *Пермь* (Біармія, Парма, Пермія, Комины), уже въ IX вѣкѣ извѣстная Отеру по берегамъ Двины тамъ же, гдѣ въ IX вѣкѣ (въ 1017 году) ихъ нашли скандинавскіе викинги; 6) *Карела* (Karialaiset, Бярмы, Квены), во второй половинѣ IX вѣка начавшая движеніе изъ глубины Финляндіи, сначала къ Ладожскому озеру, а потомъ распространившаяся по Заонежью до береговъ Бѣлаго моря, по крайней мѣрѣ въ XI вѣкѣ, и удалившаяся оттуда на западъ въ XIII вѣкѣ; 7) *Сумь* (Suoma, Suomalaiset, Лопь, Лопари), позднѣе IX вѣка съ положительною ясностію занимавшая юго-западное побережье Бѣлаго моря и весь нынѣшній Кемскій уѣздъ и потомъ являющаяся, по историческимъ памятникамъ, въ Финляндіи въ 1240 году и позднѣе, именно въ XIV вѣкѣ.

Такимъ образомъ, географическое распредѣленіе племенъ у Нестора является близкимъ къ точности только относительно тѣхъ

племенъ, которыя жили на востокъ отъ Двины (Югра, Печера, Пермь, Ямь) и не досказано относительно Кареловъ и Суми именно потому, что хотя Новгородцы въ XII вѣкѣ и занимали среднее теченіе Онеги и нижнее теченіе Двины, но въ XI вѣкѣ не различали еще Кареловъ отъ Ями, называя то тѣхъ, то другихъ „Заволоцкою Чудью", и еще менѣе знали Сумь, которая въ XII вѣкѣ стала имъ извѣстна подъ именемъ Лопарей.

Хотя при недостаткѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній и изслѣдованій и трудно составить себѣ точное понятіе о племенныхъ обитателяхъ сѣверо-востока до появленія тамъ Славянъ, однакожь нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что принятое нынѣ наукою распредѣленіе еще не освободилось отъ весьма замѣтныхъ неточностей.

Емь, по этому распредѣленію указывается *по берегамъ Финскаго залива*, гдѣ она съ большею правдоподобностію можетъ быть поставлена только съ XII вѣка, такъ какъ въ XI вѣкѣ мы знаемъ ее еще по берегамъ р. Двины.

Сумь указывается *на западъ отъ Еми по восточному берегу Ботническаго залива*, гдѣ она извѣстна съ положительною ясностію только съ XIII вѣка, и несомнѣнно задолго ранѣе того вѣка извѣстна была на берегахъ Бѣлаго моря.

Карелы помѣщены на огромномъ пространствѣ *между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ;* но исторически извѣстно, что они въ IX вѣкѣ были еще въ глубинѣ Финляндіи, и только въ XI столѣтіи ихъ можно предполагать по берегамъ Бѣлаго моря.

Заволоцкая Чудь помѣщается *на востокъ отъ Карелы между Онегой и Двиной*, гдѣ мы знаемъ только Кареловъ и Ямь, которыхъ Новгородцы называли Заволочьскою Чудью, никогда не существовавшею въ значеніи племенной особи.

Пермь, указываемая *на юго-востокъ отъ Заволоцкой Чуди*, вѣрнѣе можетъ быть признаваема жившею на востокъ и на юго-востокъ отъ Кареловъ и Ями, по крайней мѣрѣ съ X вѣка.

Печера, помѣщаемая *на сѣверъ отъ Перми*, вѣрнѣе находилась съ X вѣка на всемъ пространствѣ обширной Печерской области, т. е. на востокъ отъ Перми.

Югра и Самоядь помѣщены *безразлично на сѣверо-востокъ отъ Печеры*; но въ этомъ смыслѣ Самоѣды, въ извѣстную эпоху (около X

вѣка), сами извѣстны были подъ названіемъ Печеры, слѣдовательно Югра тогда была за Печерою.

Такова неполнота и неточность свѣдѣній, оставшаяся намъ въ источникахъ Новгородскаго происхожденія.

На всемъ пространствѣ своихъ первыхъ походовъ на сѣверо-востокъ (въ 1032, 1042 и 1079 годахъ) Новгородцы могли столкнуться прежде всего съ Ямью. Первый извѣстный походъ въ 1032 году, совершенный по первоначальному пути движенія на востокъ, былъ направленъ въ южное Заволочье, къ р. Сысолѣ, гдѣ Новгородцы нашли южныхъ Печерянъ или Зырянъ. Оставаясь при этомъ мнѣніи о походѣ 1032 года, нельзя не замѣтить, что доказательства академика Шёгрена еще нуждаются въ разъясненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ въ томъ смыслѣ, что Новгородцы, если они двигались по южному Заволочью сухимъ путемъ, должны были пройдти огромное пространство, на которомъ, вѣроятно, также жила Чудь, или вѣрнѣе сказать, Ямь, — и что столкновеніе съ этимъ племенемъ могло даже помѣшать этому дальнему походу, не говоря уже о томъ, что оно могло оставить по себѣ память въ самыхъ сказаніяхъ о походѣ. Что столкновеніе Новгородцевъ съ Чудью въ южномъ Заволочьи могло случиться, — на это намекаютъ существующія въ Вологодской губерніи преданія о Чуди, которая, защищая земли свои отъ пришельцевъ, отчаянно гибла въ борьбѣ съ ними. При явной неудачѣ отпора, какъ говоритъ преданіе, туземцы выкапывали себѣ ямы, прикрывали ихъ сверху земляною насыпью, утвержденною на подпоркахъ, и отбивались, дѣлая вылазки, а въ крайности подрубали подпорки и заживо хоронили себя въ подземельяхъ. Указываютъ даже на остатки такихъ добровольныхъ могилъ на кладбищѣ города Никольска. На высокомъ берегу Двины указываютъ также на городище съ сохранившимися остатками земляныхъ насыпей, гдѣ Чудь защищалась, кидая стрѣлы и скатывая съ высоты укрѣпленія бревна. Объ отчаянной гибели Чуди въ землянкахъ есть даже указаніе въ Двинскомъ лѣтописцѣ, гдѣ говорится, что Заволоцкая Чудь... „отъ святаго крещенія избѣгоша, въ погребахъ и въ пустыхъ храминахъ погибоша“ [1]). Многія церкви

---

[1]) Hist.-Ethnol. Abhandl. von *Sjögren*, I, 288.

и часовни поставлены на такихъ мѣстахъ, гдѣ Чудь сама себя истребляла или гибла въ битвѣ съ Русскими, — можетъ быть, близко къ тому пути, по которому могли проходить Новгородцы, если пробирались на Сысолу сухимъ путемъ. Если же Новгородцы избирали для своихъ походовъ водный путь, т. е. изъ Кубенскаго озера двигались къ Сухонѣ, въ Двину и Вычегду до Сысолы, то и это предположеніе не возможно отвергать, имѣя въ виду самую дальность похода и удобства передвиженія. Самую цѣль похода въ такой отдаленный край можно объяснить только намѣреніемъ Новгородцевъ добраться до того важнаго торговаго пути Болгаръ съ Юграми, о которыхъ они, конечно, знали прежде, чѣмъ сами достигли его.

Въ 1042 году, по прямому историческому свидѣтельству, Новгородцы, имѣя дѣло съ Ямью, столкнулись съ нею въ самомъ южномъ Заволочьи, а потомъ въ 1079 году обратились въ сѣверо-восточное Заволочье; слѣдовательно, первое знакомство ихъ съ притоками Двины (Сухоною и Вычегдою) относится къ тому періоду, когда они ходили въ южное Заволочье къ Желѣзнымъ Воротамъ. Затѣмъ извѣстно, что другой путь Новгородцевъ на сѣверо-востокъ шелъ отъ Ладожскаго озера системою рѣчекъ и озеръ до Онеги и какъ продолженіе Сухоно-Двинскаго пути по С. Двинѣ, а изъ нея „разными рѣками“ до Печеры. И на этомъ пути Новгородцы прежде всего должны были встрѣтиться съ такъ называемою Заволоцкою Чудью, подъ именемъ которой надобно разумѣть Ямь. Въ своемъ мѣстѣ замѣчено, что Новгородцы, идя къ р. Онегѣ, очень поздно добрались до ея устья, но за то безпрепятственно прошли до устьевъ Двины, гдѣ послѣ 1110 года уже существовалъ Михайловъ монастырь, какъ центръ христіанской паствы на всемъ пространствѣ отъ Емцы до устья Двины, тогда едва ли не единственный среди такъ называемой „Двинской свободы“, состоявшей изъ нѣсколькихъ древнихъ Новгородскихъ поселеній, очевидно существовавшихъ ранѣе 1110 года. Среди нихъ надобно назвать и Ивань-погостъ, какъ зародышъ Холмогоръ, извѣстный изъ грамоты 1138 года. Названные въ этой грамотѣ погосты „по Онегѣ“ и мѣстности не только въ Заонежьѣ, но и по Двинѣ (какъ р. Тойма), очевидно были уже заняты Новгородцами, и какъ пункты колонизаціи, уже

были обложены десятиною „отъ виръ и продажъ“, въ пользу Новгородскаго епископа.

Преслѣдуя далѣе къ востоку хронологическую связь событій, опредѣляющихъ знакомство Новгородцевъ съ этимъ краемъ, мы припомнимъ сказаніе 1094 года: въ немъ ясно выражена зависимость Печеры отъ Новгорода, какъ данниковъ. Если къ этому прибавить сказаніе лѣтописца подъ 1114 годомъ, что еще „старіи мужи“ ходили за Самоядь, то правильно будетъ предполагать, что знакомство съ Юграми, какъ уже данниками съ 1187 года, началось ранѣе 1096 года. Но объ этомъ дальнемъ періодѣ мы ничего не знаемъ. Походы по Югру, какъ на данниковъ, продолжались до конца XII вѣка; въ концѣ того же вѣка (въ 1187 году) было, какъ извѣстно, общее противъ Новгородцевъ возстаніе Югры, Печеры, и вѣроятно, Перми. Всѣ эти факты приводятъ къ тому заключенію, что Новгородцы, преслѣдуя свои промышленныя цѣли, уже въ XI вѣкѣ сдѣлались грозой этого отдаленнаго края; но нѣтъ основанія утверждать, что даже и въ XIII вѣкѣ они были полными обладателями сѣверо-востока, хотя упорно называли Пермь, Печеру и Югру своими волостями. Можно даже сказать, что чѣмъ ближе къ XIV вѣку, тѣмъ завоевательное призваніе Новгородцевъ въ этомъ краѣ менѣе имѣло полнаго значенія. Это зависѣло отъ многихъ причинъ — и прежде всего отъ причинъ внутреннихъ, состоявшихъ въ несостоятельности „Господина Великаго Новгорода“, который зачастую подчинялся разнымъ вліяніямъ. Безсиліе этого „Господина“ ясно указывается, напримѣръ, въ событіяхъ 1176 года, когда нѣкоторые изъ Новгородцевъ, очевидно недовольные внутренними порядками, своевольно удалились изъ Новгорода и основали на берегахъ Вятки особую, независимую колонію. То же самое сказывается и гораздо позднѣе въ своеволіи Луки Варѳоломѣева, который, по свидѣтельству лѣтописца, въ 1342 году, „не послушавъ Новгородцовъ и митрополича благословенія и владычня, скопивъ съ собой холоповъ-сбоевъ и поиде за Волокъ на Двину и постави городъ Орлецъ и взя землю Заволотскую по Двинѣ, вси погости на щитъ“. Своеволіе такихъ Новгородскихъ удальцовъ, извѣстныхъ подъ именемъ ушкуйниковъ, продолжалось въ теченіе всего XIV и даже въ началѣ XV вѣ-

ка [1]). Даже такіе собственники, какъ Мареа Борецкая, Своеземцовъ и Окладниковъ, которые, хотя въ видахъ личныхъ интересовъ, могли заботиться о благосостояніи ихъ частныхъ владѣній, въ сущности были элементомъ, нарушающимъ единовластіе Новгорода въ этомъ краѣ. Не говоря о той эпохѣ, когда Новгородъ вошелъ въ распрю съ зарождающеюся „Москвой" и безсиленъ былъ удержать право свое на столь древнія свои волости, можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что Новгородцы, народъ промышленный и болѣе свободолюбивый, чѣмъ свободный, мало заботились объ осторожной внутренней политикѣ, и отсутствіе этого качества едва ли не съ самою большею рѣзкостью выразилось въ отношеніяхъ ихъ къ сѣверо-восточнымъ инородцамъ, среди которыхъ они большею частью являлись какъ собиратели даней и поработители, а не какъ мирные колонизаторы, которые въ благоденствіи инородцевъ могли найдти свои высшіе и матеріальные и духовные интересы. Даже распространеніе христіанства, за немногими исключеніями, болѣе можно приписать Ростову, нежели Новгороду.

При такой внутренней политикѣ естественно, что интересы Новгородцевъ, въ знакомствѣ съ Чудскими племенами, не заходили далѣе промышленныхъ и торговыхъ побужденій, и что въ слѣдствіе того, отъ всей ихъ дѣятельности, въ продолженіе болѣе чѣмъ четырехъ вѣковъ, не многое могло достаться на долю историческихъ требованій. И дѣйствительно, историческія свѣдѣнія, добытыя Новгородцами или по крайней мѣрѣ сохранившіяся до насъ, очень скудны для древней эпохи историко-географическаго вѣдѣнія.

Географическія данныя о сѣверо-востокѣ начинаютъ проясняться только съ XII вѣка, отъ котораго намъ осталось драгоцѣннымъ памятникомъ письменности грамота Новгородскаго князя Олега Святославича 1138 года, которая знакомитъ насъ съ Пріонежскимъ краемъ, съ берегами Онеги и съ частію Двины. Въ томъ же вѣкѣ и по нижнему теченію Двины до устьевъ ея мы узнаемъ колоніи Новгородскія только, впрочемъ, по грамотѣ, данной Новгородскою духовною властію Михайлову монастырю, сдѣлавшемуся

---

[1]) П. С. Лѣт., III, Новг. I, 23. Русск. Народоправ. Костомарова, II, 119—124.

извѣстнымъ не ранѣе 1110 года и находящемуся нынѣ въ предѣлахъ гор. Архангельска. Не ранѣе какъ съ устройствомъ этого монастыря и его обширнаго прихода, можно предполагать начало хотя самаго ограниченнаго знакомства съ областью „Тре" или такъ называемою въ послѣдствіи „Терской стороной,"—знакомство, сдѣланное моремъ и возможное только послѣ утвержденія Новгородцевъ въ устьяхъ Двины. Походы Новгородцевъ съ береговъ Двины на востокъ, хотя и столь же ранніе, не оставили никакихъ географическихъ записей, и самый путь Новгородцевъ до Печеры выясняется гораздо позднѣе — только въ самомъ концѣ XV вѣка. Къ XII же вѣку проясняется знакомство Новгородцевъ съ Прикубенскимъ краемъ, заселеннымъ Ямью, гдѣ около Кубенскаго озера былъ когда-то, извѣстный только по преданію, *Кубенскій городокъ*, и потомъ упоминаются Вологда (въ 1147 году), а сѣвернѣе ея Вель (въ грамотѣ 1138 года) и нѣкоторыя другія рѣки, принадлежащія къ системѣ двинскихъ притоковъ.

XIII вѣкъ немного прибавилъ къ предыдущему. Узнаемъ только, что въ 1216 г. жители Терскаго берега были уже данниками Новгородцевъ, и что во второй половинѣ этого вѣка являются на Мурманскомъ поморьѣ двѣ волости—Кола и Тре, обѣ, какъ извѣстно, принадлежавшія области одного и того же племени Сумп или Лопарей, извѣстной сначала Новгородцамъ болѣе только въ восточной ея половинѣ, т. е. въ волости Тре или Тиръ. Въ томъ же вѣкѣ оказываются у Новгородцевъ и въ другихъ частяхъ сѣверо-востока—волости Пермь, Печера, Югра и болѣе другихъ спорная Вологда, но при тѣхъ же неопредѣленныхъ признакахъ географическаго знанія, которыми отличается знакомство Новгородцевъ съ краемъ и прежде.

XIV вѣкъ болѣе богатъ географическими свѣдѣніями; но въ этомъ отношеніи являются уже слѣды дѣятельности не Новгорода, а Москвы, такъ какъ съ 1327 года, т. е. со времени Іоанна Даниловича Калиты, являются грамоты Московскихъ князей, и начинаются походы ихъ въ этотъ край. Болѣе обильнымъ указаніемъ географическихъ свѣдѣній отличается грамота 1398 года вел. кн. Василія Дмитріевича, которая особенно важна потому, что своими географическими свѣдѣніями уясняетъ значеніе прежнихъ отрывочныхъ указаній, какъ напримѣръ, по отношенію къ Двинской свободѣ,

для объясненія состава которой она указываетъ, какъ въ своемъ мѣстѣ объяснено, полный перечень мѣстностей, причисляемыхъ къ ней, каковы: Матигоры, Кур-островъ, Ухтъ-островъ, Бояръ-островъ и даже Терпиловъ погостъ, хотя послѣдній впервые и упоминается въ 1411 году. Та же грамота 1398 года выясняетъ древнее значеніе и такихъ бѣломорскихъ поселеній, какъ Ненокса и Луда.

XV вѣкъ уже съ самаго начала на всемъ пространствѣ сѣверо-востока представляетъ значительно обильный запасъ географическихъ знаній, особенно послѣ 1471 года въ Двинскихъ грамотахъ, исчерпывающихъ все то, что по тогдашнему времени нужно было закрѣпить за державною Москвой. Къ концу того же вѣка относятся извѣстія (1496 года) о походѣ Русскихъ въ Финляндію, гдѣ были завоеваны Русскими семь рѣкъ (о чемъ въ подробности говорено при обозрѣніи Мурманскаго и Терскаго береговъ), которыя однако же не долго оставались за Москвой. Весьма близкій къ этому же времени походъ московскихъ отрядовъ совершенъ былъ и въ другую сторону, именно въ Югорскую землю, находившуюся уже за Ураломъ, въ 1499 и 1501 годахъ,—походъ, прибавившій къ составу Московскаго государства Югорскую землю и въ томъ отношеніи для насъ важный, что даетъ ясное понятіе о пути, которымъ Московскія войска пробрались „за Камень“ и завоевали тамъ 33 города.

Послѣдующіе затѣмъ вѣка — XVI и XVII, представляютъ относительное обиліе географическихъ указаній о сѣверо-востокѣ, заключающихся въ актахъ и грамотахъ различнаго рода, каковы духовныя завѣщанія Московскихъ великихъ князей и царей, жалованныя грамоты, уставныя и несудимыя, послушныя, отказныя и тарханныя грамоты, отписные листы, челобитныя и пр., коихъ значеніе при изслѣдованіи Кн. Б. Ч. имѣлось постоянно въ виду. Перечисленіе подробностей, въ нихъ заключающихся, будетъ удобнѣе разсматривать въ связи съ вопросомъ о значеніи ихъ, какъ посредственныхъ или непосредственныхъ источниковъ при составленіи Кн. Б. Ч. и при опредѣленіи категорій различныхъ по времени ея редакцій.

Но изъ всего запаса этихъ свѣдѣній особенно выдѣляются тѣ географическія указанія, которыми обязана здѣсь древняя географія размноженію монастырей. Какъ бы ни смотрѣли въ наше про-

свѣщенное время на значеніе древняго монашескаго аскетизма [1]), нельзя не согласиться съ тѣмъ, что для *своего* времени онъ былъ спасительнымъ двигателемъ проповѣди христіанской, и въ такомъ въ особенности краѣ, который, при малой заботѣ Новгородскаго правительства о распространеніи христіанства, только отъ монаховъ-аскетовъ могъ впервые узнать объ истинахъ евангельскихъ. Самые строгіе цѣнители аскетизма монашескаго, не отрицаютъ того факта, что монастыри были главными проводниками христіанства; слѣдовательно, заслугу монашества въ этомъ краѣ они ставятъ на историческую почву, помимо которой сужденіе о значеніи аскетизма будетъ болѣе чѣмъ невѣрно.

На сколько вопросъ о значеніи монастырей и объ успѣхахъ проповѣди христіанской въ этомъ краѣ относится до насъ, на столько можно сказать, что монастыри имѣли для просвѣщенія здѣшняго исключительное значеніе, и дѣятельность ихъ изъ всей массы историческихъ свѣдѣній выдѣляется самою численностью фактовъ, не говоря уже о внутреннемъ просвѣтительномъ значеніи многихъ лицъ и многихъ монастырей. Слѣдя за значеніемъ этихъ монастырей для края, мы постоянно, по возможности, указывали, откуда именно приходили ихъ основатели, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ открыть и тотъ путь, которымъ дѣло просвѣщенія христіанскаго водворялось въ край. Мы въ этомъ отношеніи не можемъ отдѣлиться отъ мнѣній тѣхъ знатоковъ, которые считаютъ Ростовъ однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей христіанства, особенно для Вологодской губерніи [2]). Да и Архангельская губернія, въ дѣлѣ просвѣщенія христіанскаго, немного даетъ фактовъ въ пользу дѣятельности „Господина Новгорода“, потому что большая часть монастырей и тамъ появилась въ то время, когда тамъ уже началось фактическое преобладаніе Московскихъ князей.

Къ этому можно прибавить, что, не смотря на обильный запасъ историческихъ указаній, подробности, занесенныя въ Книгу Большого Чертежа, иногда не находили себѣ научнаго объясненія, по крайней мѣрѣ въ нашемъ изслѣдованіи. Такимъ образомъ, берегъ Ледо-

---

[1]) Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей, Костомарова, 35, 36.

[2]) Энц. лекс. Плюшара, XII: Вологда, Н. И. Надеждина, 396.

витаго моря отъ Мезени до Кары особенно подробно описанъ въ Кн. Б. Ч., какъ бы въ доказательство значенія, какое придавалось этому берегу въ прежнее время. Правда, что подробности эти касаются почти исключительно изчисленія только небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ледовитое море; но здѣсь замѣчательно то, что эти рѣчки почти всѣ, за немногими исключеніями, носятъ русскія названія, не смотря на то, что берега Ледовитаго моря на этомъ пространствѣ давно и постоянно были заняты Самоѣдами. Слѣдуетъ однако думать, что эти русскія названія не слишкомъ стары и появились тамъ, вѣроятно, не ранѣе XVI вѣка, когда край, подъ вліяніемъ Москвы, умиротворился, и явилось стремленіе со стороны промышленниковъ открывать къ этимъ мелкимъ рѣчкамъ свободный и удобный путь до моря. Названія этихъ рѣчекъ почти сполна нашлись въ рукописномъ атласѣ Статистическаго Комитета (составленномъ въ началѣ нынѣшняго вѣка), который для Мезенскаго и Печерскаго береговъ составляетъ единственный источникъ, такъ какъ по картамъ Опермана и Шуберта для этого пространства уже не представляется данныхъ. Далѣе, по теченію р. Вымн (Юлы, Птицы) въ Кн. Б. Ч. показаны нѣкоторые притоки ея (Тетеря, Весленая), которыхъ нѣтъ даже и въ атласѣ Статистическаго Комитета. Наконецъ, въ предѣлахъ Вологодской губерніи, по теченію рѣкъ Сухоны, Юга и Лузы, въ Чертежѣ означена цѣлая линія городковъ, основаніе которыхъ относится обыкновенно къ XVII вѣку, и которые только въ Чертежѣ являются со всею точностію географическаго распредѣленія. Точнаго указанія въ актахъ на время устройства этихъ городковъ намъ не встрѣтилось; а потому, при пособіи рукописной карты намъ удалось только поставить ихъ на свои мѣста въ картѣ, нами составленной. Можетъ быть въ послѣдствіи, при чтеніи писцовыхъ книгъ, не только для этихъ городковъ, но и для другихъ мѣстъ встрѣтятся какія-либо указанія, способныя еще болѣе разъяснить и утвердить точность произведеннаго изслѣдованія.

Переходимъ теперь къ обзору текста Книги Большого Чертежа.

*

I. Лопскій берегъ.

При обозрѣніи Книги Большаго Чертежа по отношенію къ Мурманскому и Терскому берегамъ, было обращено вниманіе на то обстоятельство, что не только по этимъ берегамъ до р. Нивы или до сѣверной оконечности Кандалакской губы, но и по всему западному берегу послѣдней, а равно и по западному берегу Онежскаго залива, все пространство, до границы Кемскаго уѣзда и даже нѣсколько далѣе—до р. Нюхчи, было издревле обитаемо Лопарями (или какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, остатками племени Сумь), уступившими свое мѣстопребываніе Кореламъ и Русскимъ. Основываясь на этомъ, въ предлагаемомъ изслѣдованіи все пространство Бѣломорскаго берега до р. Нюхчи названо, въ древне-историческомъ смыслѣ, „Лопскимъ берегомъ", а не „Карельскимъ", какъ его обыкновенно называютъ.

Изслѣдованіе Чертежа, въ предѣлахъ Лапландскаго полуострова остановилось, въ прежнихъ трудахъ моихъ, на устьѣ р. Нивы. Но къ этому же полуострову относится въ Чертежѣ еще одно общее указаніе, которымъ и слѣдуетъ закончить описаніе древней „Лопской земли".

Въ Чертежѣ говорится:

„*А отъ Кольскія губы* (Конскія — опечатка), *прямо отъ усть рѣки Нивы, тѣ всѣ рѣки—морскимъ брегомъ стали въ губѣ, въ заворотье Соловецкого моря* (монастыря—неправильно). *А вдоль по той губѣ отъ верху Колы рѣки до моря нялось противъ Архангельской пристани, противъ Ицъ рѣки 500 верстъ; а поперегъ того острова въ томъ морскомъ заворотѣ 290 верстъ. А Ицъ рѣка по другой странѣ морскаго Соловецкаго заворотъя* (завороту) *ниже устья Двины рѣки 150 верстъ*" [1]).

Это указаніе предназначено въ Чертежѣ собственно для опредѣленія ширины и длины такъ называемой нынѣ русской Лапландіи,

---

[1]) Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. Спасскаго, 165, 166.

но не на всемъ ея пространствѣ, а только къ востоку отъ рѣки Колы, въ соединеніи съ р. Нивой, которыя перерѣзываютъ полуостровъ сплошнымъ протокомъ водъ отъ губы Кандалакской до губы Кольской. Такимъ образомъ, это пространство ограничивается: съ запада—теченіемъ рѣкъ Колы и Нивы, соединенныхъ посредствомъ промежуточныхъ протоковъ чрезъ Пале-озеро, Коло-озеро, Пулъ-озеро, Мурдъ-озеро и озеро Имандра Малое, съ сѣвера — Ледовитымъ моремъ, а съ востока и юга — Соловецкимъ моремъ и Кандалакскою губой, и имѣетъ видъ *острова*; на этомъ основаніи, вѣроятно, въ Чертежѣ и говорится: „а поперегъ того острова (отъ сѣвера къ югу) 290 верстъ". Длина этого острова опредѣляется съ запада къ востоку, или какъ сказано въ Чертежѣ, „отъ верху Колы", т. е. отъ верховья ея, „до моря", т. е. по прямой линіи до крайней, наиболѣе отдаленной точки Терскаго берега и оттуда *„до другой страны морскаго Соловецкаго заворотья"*, до мѣстности, которая лежитъ *„противъ Архангельской пристани, противъ Ицъ рѣки — 500 верстъ"*. Этой рѣкѣ на восточномъ берегу Бѣлаго моря соотвѣтствуетъ р. Инца (о которой будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ). Рѣка эта, по указанію Чертежа, находится *„ниже устья Двины рѣки на 150 верстъ"*. Это показаніе не совсѣмъ вѣрно, потому что не совпадаетъ ни съ старыми долгомѣрными верстами, ни съ нынѣшними, такъ какъ отъ устья Двины до устья Инцы, вдоль берегу Бѣлаго моря по Чертежу же надобно считать не 150 верстъ, а 195 верстъ. Что касается до указанія *„противъ Архангельской пристани"*, поставленнаго предъ упоминаніемъ объ р. Ицѣ, то другой Архангельской пристани, кромѣ той, которая была при устьѣ Двины, на этомъ пространствѣ нельзя предполагать, если не считать это поясненіе простымъ плеоназмомъ, употребленнымъ составителями Чертежа.

Затѣмъ, по Чертежу слѣдуетъ описаніе западнаго Бѣломорскаго берега, *от устья Нивы, до устья р. Сумы:*

„А отъ усть р. Нивы (Нива), *до усть р. Ковды морскимъ брегомъ 70 верстъ.*

„А на устьѣ Ковды погостъ Ковда (Кодда — ошибочно). *А протоку Ковды рѣки 108 верстъ, течетъ изъ езера, вдоль езера 20 верстъ.*

37 — 37

„*А противъ рѣки Ковды отъ Соловецкого моря* (монастыря — неправильно) *100 верстъ гора. А отъ западу отъ конца тоя горы до другаго конца до Выга езера* (Давыга — неправильно) *600 верстъ*.

„*А отъ устъ рѣки Ковды до устъ рѣки Чупы* (Чюны, Чузмы) *40 верстъ*.

„*А отъ рѣки Чупы до устъ рѣки Арена 40 верстъ*.

„*А отъ той рѣки, до устъ рѣки Нерета 60 верстъ* (Керети — правильнѣе), *а на устьѣ съ лѣвыя страны погостъ*.

„*А отъ устъ рѣки Нерети до устъ рѣки Чумзы* (Чюзмы) *70 верстъ*.

„*А отъ рѣки Чумзы до устъ рѣки Сюзы 50 верстъ*.

„*А отъ Сюзы рѣки до устъ рѣки Кѣмы 70 верстъ; а на устьѣ погостъ*.

„*А отъ рѣки Кѣмы до устъ рѣки Выга 40 верстъ; а въ Выгъ рѣку пала рѣка Сорока, а на устъ Сороки погостъ*.

„*А рѣка Выгъ и рѣка Сорока вытекли объ изъ единаго езера изъ Выга; а Выгъ езеро островисто*.

„*А рѣка Выгъ пала въ море противъ Соловецкого острова: а протоку изъ езера до моря 130 верстъ*.

„*А отъ устъ рѣки Выги до устъ рѣки Сумы; а на устьѣ Сумской острогъ* (островъ — неправильно); *а отъ Сумскаго моремъ до Соловецкихъ чудотворцовъ 110 верстъ*" (150 верстъ) [1].

Рѣка *Ковда съ езеромъ* (Ковдозеро) показана на всѣхъ картахъ. *Погосту Ковдѣ*, на устьѣ Ковды, на правомъ берегу, соотвѣтствуетъ по картамъ село Ковда, въ 65 верстахъ отъ нынѣшней становой квартиры въ селѣ Керети [2]. Уже въ концѣ XVI столѣтія мѣстность эта была извѣстна подъ названіемъ *волости*, принадлежавшей къ тому пространству, которое, по указанію старинныхъ актовъ, было занимаемо *дикою Лопью на Студеномъ морѣ*, именно въ 1590 году, когда „Свѣйскіе Нѣмцы" (въ волости Ковдѣ и Керети) церкви и строенія и дворы и варницы выжгли" [3]. Приведенное здѣсь упоминаніе (въ 1590 г.) *о дикой Лопи* (въ волости

---

[1]) Кн. Больш. Черт., 166, 167.

[2]) Карта Оперм. VI, карта Ст. К., сбор. листъ. Сп. нас. м. Арханг. губ. № 460.

[3]) Акт. Арх. Эксп., I, 347: Грам. Ѳеод. Іоанн.; Ист. Гос. Росс., X, 63, пр. 179.

Ковдѣ) представляется анахронизмомъ, потому что въ концѣ XVI столѣтія тамъ уже едва ли можно предполагать *дикую Лопь*, на томъ основаніи, что, какъ замѣчено при обозрѣніи Терскаго берега, уже въ 1526 году дикая Лопь, жившая даже выше Ковды— по рѣкѣ Нивѣ, была крещена и почти около того же времени какъ увидимъ ниже, именно въ 1530 году, упоминается уже крещеная Лопь на Шуѣ рѣкѣ, съ другой стороны Ковдинской волости гораздо ниже; вѣроятнѣе всего, что Лопари по р. Ковдѣ, въ 1590 году названные дикою Лопью, были крещены одновременно съ Кандалакскими и Шуерѣцкими Лопарями (между 1526 и 1530 годами). Къ этому времени, и вѣроятно *не ранѣе*, можетъ быть отнесено и упоминаніе Книги Б. Чертежа о погостѣ Ковдѣ на мѣстѣ нынѣшняго села Ковды, такъ какъ погостъ въ исторіи церковной колонизаціи составляетъ первую ступень, первый шагъ къ прочному водворенію среди инородцевъ, обращаемыхъ въ христіанство. О нападеніи Шведовъ въ 1590 году упоминается и въ лѣтописи Соловецкаго монастыря, гдѣ говорится: „Финляндцы, приплывъ изъ за рубежа на судахъ, рѣкою Ковдою, разорили многія волости, а именно: Ковду, Кереть, Умбу и др. малыя селенія, и оттуда пошли на волость Кемь“ [1]). Упоминаніе объ этомъ событіи въ лѣтописи Соловецкаго монастыря, свидѣтельствуя о довольно значительномъ въ XVI столѣтіи русскомъ населеніи въ этихъ мѣстахъ, наводитъ на мысль, что и въ волости Ковдинской была собственность Соловецкаго монастыря. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1597 году въ волости Ковдѣ упоминаются небольшія промысловыя угодья, принадлежавшія этому монастырю [2]). Г. Ключевскій, разрабатывавшій по подлиннымъ источникамъ свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ Соловецкаго монастыря, при перечисленіи владѣній монастыря по бѣломорскому прибрежью, не упоминаетъ однакожъ о Ковдѣ [3]).

Переходя къ упоминаемой въ Чертежѣ *горѣ*, находящейся „*противъ Ковды отъ Соловецкаго моря*“, нельзя не сказать, что по неясности, и можетъ быть, неполнотѣ текста, трудно опредѣлить. о какой горѣ здѣсь идетъ рѣчь. Гора эта, по указанію Кн. Б. Ч.

---

[1]) Лѣт. Сол. монастыря съ 1429 по 1733, стр. 43.

[2]) Доп. къ Акт. ист., I, 140.

[3]) Моск. Унив. изв. 1866—1867, № 7, стр. 557 и слѣд.

должна находиться противъ Ковды (положимъ р. Ковды); значитъ ли это—противъ устья Ковды на восточномъ берегу Кандалакской губы? Если такъ, то въ Кн. Б. Ч. говорится о горѣ или небольшомъ горномъ кряжѣ, который тянется отъ рѣки Варзуги къ западу. Горы эти, около р. Умбы, возвышаются до 500 футовъ, а при вершинѣ Кандалакской губы до 1000 футовъ надъ поверхностію моря [1]). Судя по высотѣ ихъ, въ этомъ краѣ рѣдкой, горы эти могли, какъ мѣстность замѣчательная, попасть въ Чертежъ. Но въ такомъ случаѣ что значатъ слова Кн. Б. Ч.: *„отъ конца тоя горы* (къ западу) *до другаго конца, до Выга езера 600 верстъ?“* Извѣстно, что Выгъ озеро находится въ предѣлахъ Олонецкой губерніи, на границѣ ея съ Кемскимъ уѣздомъ; можно предполагать, что составитель Кн. Б. Ч. имѣетъ здѣсь въ виду измѣреніе пространства по прямой касательной линіи, которую можно провести отъ вершины Кандалакской губы, гдѣ горы эти достигаютъ наибольшей высоты, „отъ запада“, какъ говорится въ Кн. Б. Ч., склоняясь нѣсколько къ юго востоку, параллельно съ западнымъ Бѣломорскимъ берегомъ къ Выгъ озеру. Эта прямая линія между 67° с. ш. и 50° в. д. и между 64° с ш. и 62° в. д., дѣйствительно имѣетъ приблизительную длину въ 600 верстъ. Но зачѣмъ и съ какою цѣлію нужно было опредѣлять разстояніе это въ Кн. Б. Ч.? Развѣ только въ видахъ приблизительнаго измѣренія длины Бѣломорскаго берега, хотя послѣдняя почти по всему берегу опредѣляется въ Кн. Б. Ч. поверстнымъ исчисленіемъ промежуточныхъ разстояній между рѣками.

Западный берегъ Кандалакской губы отъ р. Ковды до р. Керети, на разстояніи 160 верстъ, испещренъ заливами. Что касается до указанныхъ по Кн. Б. Ч. рѣкъ, то на этомъ разстояніи для *р. Чупы*, по нѣкоторымъ картамъ и описаніямъ, можно указать на губу Чупскую [2]); но разстояніе этой губы отъ р. Ковды гораздо, по видимому, болѣе 40 верстъ (назначенныхъ между Ковдой и Чупой). Рѣки *Арены* на картахъ нѣтъ между Чупой и Керетью, но по картамъ показана р. Черная въ 44 вер. отъ Керети [3]). Если бы можно было допустить, что вслѣдствіе искаженія подлиннаго тек-

---

[1]) Гидрогр. опис. Бѣл. м. Рейнеке, стр. 6, 7.

[2]) Кар. Ст. К., сборн. л. Арх. губ.; Гидрогр. опис. Рейнеке, стр. 4.

[3]) Спис. нас. м. Арх. г., № 459.

ста, вмѣсто Арены слѣдовало читать Черная, то и тогда показанія Кн. Б. Ч. не сойдутся съ картой, потому что по Кн. Б. Ч. отъ Арены до Керети считается 60 верстъ, а не 44 версты, какъ приведено выше.

Рѣка *Кереть* показана на всѣхъ картахъ, а *погосту, съ лѣвой стороны на устьѣ*, соотвѣтствуетъ село Кереть [1]), въ разстояніи отъ города Кеми на 191 в., или по лѣтнему пути, на 187 в. Мѣстность Керети упоминается уже во второй половинѣ XVI вѣка; подъ 1542 годомъ говорится о *погостѣ* Керети, по поводу землетрясенія, бывшаго въ этомъ году на пространствѣ отъ Керети до Умбы [2]). Въ сборникѣ Соловецкихъ грамотъ, по указанію г. Ключевскаго [3]), сохранилось подъ 1584 годомъ извѣстіе объ угодьяхъ, принадлежавшихъ Соловецкому монастырю въ Керети. Въ 1590 году, по поводу шведскаго разоренія, упоминается и Кереть, какъ *волость*.

За Керетью, по тексту Кн. Б. Ч., слѣдуютъ рр. *Чумза* и *Сюза*. Эти указанія, если вѣрить всѣмъ картамъ (Опермана, Шуберта, Стат. Ком. и др.), а равно и монографіямъ по Архангельской губерніи, здѣсь едва-ли могутъ имѣть мѣсто. Чумза и Сюза, подъ названіями нѣсколько измѣненными (Чуха и Сюма), показаны одна за другою, какъ увидимъ ниже, въ предѣлахъ Архангельскаго уѣзда. Но сравнительное разсмотрѣніе источниковъ, изъ которыхъ заимствуются предлагаемыя свѣдѣнія, приводитъ къ тому заключенію, что вмѣсто Чумзы и Сюзы здѣсь, послѣ Керети, слѣдовало бы показать другія относительно значительныя рѣки, которыя, видимо, пропущены въ Кн. Б. Ч. Спасскій, говоря объ этомъ мѣстѣ, замѣчаетъ, что въ атласѣ Вильберга здѣсь показаны только рр. Вонга и Понгама [4]). По справкѣ съ картами Опермана, Шуберта и др., на пространствѣ между Керетью и Кемью (вмѣсто Чумзы и Сюмы) показаны Кангалакша (Кангала), вытекающая изъ Ангозера, и р. Вонга, берущая начало изъ Умгозера. Значитъ, въ этомъ мѣстѣ Кн. Б. Ч.—явный пропускъ того, что слѣдовало бы поставить, и не-

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 457.

[2]) Опис. Сол. мон., I, 25.

[3]) Моск. Унив. изв. 1867 г., № 7, 557.

[4]) Книг. глагол. Б. Черт., 167.

правильная вставка того, что принадлежитъ другому пространству. По Кн. Б. Ч., въ этомъ мѣстѣ протяженіе Кандалакскаго берега между Керетью и Кемью составляетъ 190 верстъ (т. е., отъ Керети до Чумзы 70 в., отъ Чумзы до Сюзы 50 в., и отъ Сюзы до Кеми 70 верстъ). Разстояніе это, подраздѣленное между Кандалакшей и Вонгой, составляетъ почти то же самое—190 верстъ (въ томъ числѣ: отъ Керети до Кандалакши 105 верстъ, отъ Кандалакши до Понгамы 55 верстъ, и отъ Понгамы до Кеми 31 верста [1]). Такимъ образомъ, безъ нарушенія истины и точности разстояній, текстъ Кн. Б. Ч. можетъ быть пополненъ рр. Кандалакшею и Понгамою.

Слѣдующая за Понгамой р. *Кемь* (по Кн. Б. Ч. Кѣма) показана на всѣхъ картахъ. *Погосту на устьѣ Кеми* соотвѣтствуетъ нынѣшній уѣздный городъ Кемь. Рѣка Кемь и мѣстность города Кеми имѣютъ стародавнюю извѣстность. Какъ упомянуто при обозрѣніи Мурманскаго и Терскаго береговъ, лопарскія преданія указываютъ вблизи его на жительство какого-то лопарскаго владѣтеля. Изъ описанія Рейнеке видно, что окрестности города покрыты каменными горами. Можетъ быть, эти горы и сдѣлались въ преданіи мѣстомъ развалинъ замка какого-то лопарскаго владѣтеля [2]). Вообще по совокупности историческихъ указаній несомнѣнно, что берега Кеми еще до появленія тамъ Кареловъ и Русскихъ были населены Лопарями, или что то же, Сумью. Объ этомъ было ужъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Соловецкій монастырь въ числѣ первыхъ своихъ пріобрѣтеній, уже не на Лопскомъ, а на такъ-называемомъ Карельскомъ берегу, считаетъ и *волость Кемь*, которая, вмѣстѣ съ Сумскимъ посадомъ, въ 1450 году отъ новгородской посадницы Марѳы Борецкой была отдана въ вѣчное владѣніе монастыря [3]). Къ этому же времени слѣдуетъ отнести и поселеніе тамъ Русскихъ, хотя, строго говоря, и до 1450 года, когда Кемь находилась во власти Борецкой, Русскіе могли тамъ быть поселены. Принадлежность Кеми въ 1450 году не Новгороду,

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 351 и 462.

[2]) Маг. Землев., VI: Пут. Кастрена, 10—160; Гидр. оп. Рейнеке, 291.

[3]) Ист. Церк. Іерархіи, II, 391; Опис. Сол. мон. Досиѳея, I, 14; Путеш. Лепехина, IV, 6.

а частной владѣлицѣ, предполагаетъ нѣкоторыя событія, намъ неизвѣстныя, которыя составляли первоначальную исторію колонизаціи этого края Русскими; но пожертвованіе Кеми въ пользу монастыря въ 1450 году, можетъ быть, объясняется опасеніемъ за исходъ тѣхъ событій, которыя въ 1471 году передали весь сѣверо-востокъ во власть Москвы. При обзорѣ мѣстностей, лежащихъ гораздо южнѣе Кеми, будутъ приведены историческія указанія, что около р. Выга на рѣкѣ Сорокѣ, въ селеніи того же имени, надобно полагать начало церкви христіанской въ первой половинѣ XVI вѣка; если къ тому же времени относить и первоначальное поселеніе Русскихъ на р. Кеми, по обычаю сопровождавшееся устройствомъ церкви, то и существованіе *погоста на устьѣ* Кеми, какъ необходимой или обычной принадлежности церковнаго устройства, можно отнести къ началу XV вѣка, въ концѣ котораго, съ водвореніемъ московской власти, погостъ на р. Кеми могъ быть внесенъ и въ самый древній текстъ Кн. Б. Ч. Дальнѣйшія, послѣ 1450 года историческія указанія о Кемской волости свидѣтельствуютъ о томъ, что она населялась довольно быстро, такъ какъ въ концѣ XVI столѣтія, именно въ 1590 году, тамъ были церкви, строенія, дворы и варницы, сожженные Шведами [1]). При изслѣдованіи Мурманскаго и Терскаго береговъ было приведено извѣстіе, сохранившееся въ Кемской ратушѣ, что нападенія Шведовъ повторялись нѣсколько разъ, и что притомъ „многіе жители были побиты, иные въ полонъ взяты, а иные разбѣжались“ [2]). Разореніе и опустѣніе земли въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, очевидно, были таковы, что при новомъ приливѣ русскихъ поселенцевъ отношенія ихъ къ стародавнимъ жителямъ, тамъ уцѣлѣвшимъ, были не ясны: этимъ объясняется появленіе указа царя Θеодора Іоанновича о закрѣпленіи Кемской волости за монастыремъ въ 1591 году [3]). Дальнѣйшая исторія Кемской волости, современная существованію Чертежа, относится до устройства въ ней острога въ 1657 году [4]), по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича. Острогъ этотъ былъ по-

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. I, 397; Опис. Арх. губ. Молчанова, 244.
[2]) Лѣт. Сол. мон. Досиθея, I, 39; Годъ на Сѣв. Максимова, I, 482.
[3]) Опис. Арх. губ. Молчанова, 244.
[4]) Годъ на Сѣв., II, 482.

строенъ въ Кемской волости на счетъ монастыря Соловецкаго, въ защиту отъ набѣговъ „Нѣмецкихъ людей“. Острогъ этотъ въ послѣдствіи назывался *Кемскимъ городкомъ*, какъ видно изъ окружной грамоты царя Алексѣя Михайловича 1672 года, по случаю освобожденія Соловецкаго монастыря отъ пошлинъ на соляные промыслы [1]).

По тексту Кн. Б. Ч. теперь слѣдовало бы перейдти къ указаніямъ „отъ Кемы до Выга“; но на этомъ пространствѣ есть въ Книгѣ Б. Чертежа явный пропускъ, вполнѣ подтверждаемый историческою извѣстностью пропущеннаго мѣста.

За р. Кемью слѣдуетъ р. *Шуя*, показанная на всѣхъ картахъ; деревня Шуя или Шуерѣцкая, находящаяся при устьѣ ея, отстоитъ отъ Кеми на 25 верстъ. Отъ Шуи до устья Выга, или собственно говоря, до деревни Сороцкой, находящейся при сліяніи р. Сороки съ Выгомъ, считается 28 верстъ [2]). Всего, такимъ образомъ, отъ Кеми до устья Выга 53 верстъ. Въ Чертежѣ отъ „Кѣмы до устья рѣки Выга—40 верстъ“, разница незначительная, объясняемая и различнымъ способомъ измѣренія, и можетъ быть, измѣняемостью направленія дороги. Что касается до р. Шуи, то она едва ли могла быть неизвѣстна составителямъ Чертежа, такъ какъ въ Кн. Б. Ч. вошли мѣстности, почти одновременно съ нею извѣстныя, напримѣръ, Кемскій погостъ. О Шуѣ рѣкѣ упоминается подъ 1530 годомъ, при царѣ Васильѣ Іоанновичѣ: „пожаловалъ есьми въ Вотцкой пятинѣ, у Студенаго моря, отъ Каинскихъ Нѣмцовъ съ рубежа Лопь крещеную и некрещеную Шуи рѣки, Илейку Никитина да Павлюка; да у Кеми рѣки старосту Сеньку съ двухъ сотъ съ полтретьятцати луковъ“ [3]). Въ 1590 году Шуя рѣка упоминается по поводу нападенія Шведовъ, когда они, разоряя Поморскія волости, доходили до Шуерѣцкихъ варницъ [45]). Въ началѣ XVII в. деревня Шуерѣцкая извѣстна была подъ названіемъ

---

[1]) Акт. Истор. IV, 298: Окруж. грам. Поморскимъ воеводамъ.

[2]) Спис. нас. м. Арх. г. № 294, 925.

[3]) Собр. Госуд. гр. I, 435. Срав. Архив. Лѣт. подъ 1554. г. въ Древн., Рус. Вивл., XIV, 149; Ист. Кар., VII., прил., 371; Полн. Собр. Р. Лѣт. IV Соф. (1526 г.) 282 и (1536) 289.

[4]) Ак. Арх. Эксп. I, 347.

Шуи Карельской [1]), когда, въ 1614 году, отъ царя Михаила Өеодоровича она была пожалована въ вѣчное владѣніе Соловецкаго монастыря со всѣми угодьями [2]).

За Шуей слѣдуетъ рѣка *Выгъ*. Эта рѣка и *Выгозеро*, вмѣстѣ приводимыя въ Кн. Б. Ч. показаны на всѣхъ картахъ. Что касается до рѣки *Сороки*, то по однимъ картамъ (Шуберта, IV, и Ст. Ком., сборн. листъ), она составляетъ одинъ изъ рукавовъ (именно восточный) рѣки Выга, второй же рукавъ названъ рч. Шижмой, впадающею (также какъ и Сорока) въ Бѣлое море. При устьи рѣки Сороки (по картѣ Стат. Ком.) показана деревня Сороцкая или Верхняя Сороцка (на картѣ Шуберта), соотвѣтствующая *погосту на устьи Сороки*, упомянутому въ Кн. Б. Ч. По другимъ картамъ (Опермана, XXVI)—это не такъ. Тамъ нѣтъ рукава (подъ названіемъ Сороки), а вмѣсто него показанъ проливъ, которымъ соединяется рѣка Выгъ съ Бѣлымъ моремъ; къ востоку же отъ нея отдѣляется рч. Шижма, образующая среди теченія рѣки Выга островъ, на которомъ и означена дер. Сорока, соотвѣтствующая селу Сороцкому [3]), въ 53 верстахъ отъ Кеми. Берега р. Выга становятся исторически извѣстными съ начала XV вѣка, по крайней мѣрѣ по отношенію къ деревнѣ Сорокѣ, стоящей на одномъ изъ притоковъ Выга. Островъ деревни Сороцкой сталъ извѣстенъ Русскимъ еще ранѣе 1429 года, когда преподобный Савватій, удалившійся изъ Валаамскаго монастыря ради удобствъ пустынножительства и приплывшій по р. Выгу къ устью Сороки, поселился *на пустомъ островѣ*, вмѣстѣ съ преподобнымъ Германомъ; уже послѣ того, около 1429 года, вмѣстѣ съ нимъ же, переплылъ Савватій на пустынный островъ Соловецкій, а въ 1433 году, чувствуя приближеніе смерти, Савватій, тогда уже жившій на Соловецкомъ островѣ одинъ, возвратился на Сороцкій островъ и вскорѣ тамъ умеръ; погребенъ онъ былъ въ *часовнѣ*, гдѣ и оставался до 1465 года, когда мощи его перенесены въ

1) «Карельскою Шуею» быть можетъ она называлась въ отличіе отъ другой Шуи, стоявшей издавна на р. Шуѣ, впадающей въ Онежское озеро, въ 17 в. отъ г. Петрозаводска въ самомъ сѣверномъ углу Соломинской губы. *В. М.*

2) Опис. Сол. мон. Досие., I, 55.

3) Спис. нас. м. Арх. губ., № 294.

Соловецкій монастырь [1]). Деревня Сорока упоминается потомъ въ 1496 году, когда уже тамъ была церковь, и у нея, по писцовымъ книгамъ, жили тогда двое жильцовъ, а въ началѣ XVI вѣка церковь опустѣла и стояла „безъ пѣнія, попа и приходу 40 лѣтъ, ибо зажити было ее некому" [2]). Болѣе позднія историческія свѣдѣнія о притокахъ р. Выга представляются въ связи съ рч. Шижмой, о которой въ Чертежѣ не упоминается. Соловецкая лѣтопись указываетъ, что въ 1539 году царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Соловецкому монастырю *деревню при Шишнѣ* (правильнѣе Шижмѣ), и *пустошь Сухой поволокъ*, нынѣ деревня Суховолоцкая, въ 11 верстахъ отъ Шижемской [3]), и *острова* (лежащіе по обѣ стороны устья рѣки Выга (по картѣ Опермана такихъ островов въ этомъ мѣстѣ много), *Дасугово* и *Рахново*, съ рыбными ловлями и соляными варницами [4]). Въ той же лѣтописи говорится, что въ 1550 году пожалована монастырю отъ царя Ивана IV „у рѣки Сороки деревня, съ церковью Живоначальной Троицы, а также и рѣка Сорока" [5]). Объ этихъ же мѣстностяхъ упоминается подъ 1548 годомъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, гдѣ сказано: „Азъ игуменъ Филиппъ Колычевъ (впослѣдствіи св. Филиппъ, митрополитъ Московскій, мученически скончавшійся при Иванѣ Грозномъ)... жалую крестьянъ своихъ Виремскія волости и Шижемскія и Сухонаволочанъ и Сумлянъ и Слободку..." [6]). Есть объ этихъ мѣстностяхъ, въ качествѣ вотчинъ Соловецкихъ, упоминанія, и позднѣе—въ 1564 году [7]). Въ писцовыхъ книгахъ 1582 года говорится: „А угодья монастырскаго (Соловецкаго монастыря) пожаловавъ Царь и Великій князь... къ Троицѣ-Живоначальной, что на Сорокѣ, гдѣ преставился Соловецкой чудотворецъ Савватей, ѣзъ по рѣкѣ Сорокѣ" [8]). Есть свидѣтельства и болѣе позднія, доказывающія принадлежность этихъ мѣстностей

[1]) Лѣт. Сол. м. Досиф., I, 25; Рус. Св. Фил. Черн., Сент., 164.
[2]) Мос. Унив. Изв. 1867, № 7, ст. Ключевскаго, 555.
[3]) Спис. нас. м. Арх. г. № 293, 292.
[4]) Лѣт. Сол. мон., I, 29.
[5]) Лѣт. Солов. мон., I, 25.
[6]) Акт. Арх. Эксп., I, 221.
[7]) Акт. Арх. Эксп., I, 268.
[8]) Зап. Геогр. Общ., 1853, VIII: Пятины Невол., прил. VI. 169.

Соловецкому монастырю. Собственно о рѣкѣ Выгѣ хотя и не нашлось прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, что эта мѣстность въ началѣ XV вѣка уже занята была Русскими, но несомнѣнно то, что она была открыта для ихъ поселенія, а слѣдовательно, можетъ быть и ранѣе XV вѣка уже находилась въ зависимости отъ Новгорода: иначе ничѣмъ нельзя объяснять спокойнаго пребыванія преподобн. Савватія на островѣ р. Сороки въ 1429 году, а потомъ возвращеніе его на этотъ островъ около 1435 года. Что касается до *погоста на устьѣ Сороки*, названнаго въ Кн. Б. Ч., то очевидно, онъ не могъ тамъ явиться ранѣе половины XV вѣка, такъ какъ въ 1435 году тамъ была только часовня, а потомъ вѣроятно и церковь, упоминаемая по писцовымъ книгамъ 1496 года.

За р. Выгомъ по Кн. Б. Ч. слѣдуетъ р. *Сума* и *Сумскій острогъ*. Извѣстность этихъ указаній по картамъ не требуетъ подтвержденія. Рѣка Сума и Сумскій острогъ, напоминая собою мѣстожительство здѣсь племени Сумь, свидѣтельствуютъ о доисторическомъ значеніи этихъ мѣстъ, о чемъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Въ началѣ XV вѣка р. Сума находилась во владѣніи Мароы Борецкой; по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ 1436 года, когда преподобный Зосима, пустынножитель Соловецкаго острова, послалъ одного изъ братіи къ Новгородскому архіепископу Іонѣ для испрошенія настоятеля новоустроенному Соловецкому монастырю, Мароа отозвалась съ своей стороны вкладною записью, въ коей говорилось: „Се азъ Мароа Исака Андрѣевича жена и сынъ мой Өедоръ Исаковъ, дали есьмя въ домъ святому Спасу и пречистѣй Его матери и Святаго Николы на Соловки... на морѣ въ *Сумѣ* рѣкѣ *у часовни* два лука земли... и на той земли деревни страдомы и пожни и лѣсъ и ловища водныя и лѣшія озера...“ [1]) Въ грамотѣ 1555 года царя Ивана Васильевича Соловецкому монастырю между прочимъ говорится: „Царь и великій князь Соловецкаго монастыря игумена Филиппа съ братіею... пожаловалъ въ своей отчинѣ... въ Обонежской пятинѣ, по писцовымъ книгамъ письма Юрія Константиновича Сабурова, лѣта 1496, въ Спаскомъ погостѣ на Выгозерѣ, у моря *на Сумѣ рѣкѣ*, что въ той волости церковь Никола Чудо-

---

[1]) Опис. Сол. монаст., I, 47.

творецъ, Мароинскіе Исаковы волостными деревнями... *деревню* на усть Сумы рѣки, а въ ней два лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней пять луковъ, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ (Гридинскую Шильникова), а въ ней четыре лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней девять луковъ, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, (стала послѣ письма), а въ ней два лука, *деревню* на берегу, а въ ней лукъ, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней четыре лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ (стала послѣ письма), а въ ней лукъ, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ (стала послѣ письма), а въ ней два лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, у порога, а въ ней три лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней четыре лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней три лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней четыре лука, *деревню* подъ порожьемъ, а въ ней четыре лука, *деревню* выше порога (поставлена послѣ письма), а въ ней полъ-лука, *деревню* подъ порожьемъ на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней четыре лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, а въ ней два лука, *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, выше порога, а въ ней четыре лука, а у нихъ же подъ горою лукъ... *деревню* на Сумѣ рѣкѣ, Барандѣевское, а въ ней лукъ, *починикомъ* на томъ же островѣ, у тоежъ деревни близко (поставленъ послѣ письма), а въ немъ лукъ, *деревню*, на Сумѣ островѣ, а въ ней полтора лука, да на усть Сумы полтора лука, *деревню* на Сумѣ безъ пашни"... [1]). Такимъ образомъ, на Сумѣ рѣкѣ уже въ концѣ XV вѣка оказывается болѣе 20 деревень, которыя принадлежали Мароѣ Борецкой; этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, о томъ, что р. Сума была однимъ изъ самыхъ раннихъ пунктовъ русской колонизаціи въ этомъ краѣ. Всѣ означенныя поселенія въ 1555 году были пожалованы царемъ Иваномъ Соловецкому монастырю и заключали въ себѣ, съ двумя Мароиными деревнями по Выгу (названными въ грамотѣ 1555 года), $78\frac{1}{2}$ луковъ [2]). Изъ вкладной записи Мароы Борецкой, приведенной выше, видно, что „на морѣ въ Сумѣ рѣкѣ" была *часовня*. Когда тамъ построена церковь—не извѣстно, и только въ 1548 году царь Иванъ Васильевичь пожаловалъ монастырю на *Сумѣ рѣкѣ островъ съ тремя дворами*, а въ 1550 и 1553 годахъ уже называется *волость Сума*, принадлежавшая монастырю. Тогда въ ней оказалось уже

[1]) Опис. Солов. мон., III 14, 15.

[2]) Мос. Унив. изв. 1867, № 7, ст. Ключевскаго, 554.

двѣ церкви: Успенская и Николаевская. Въ значеніи волости Сума упоминается и въ 1564 году [1]). Что касается *острога* въ Сумской волости, то онъ возникъ, вѣроятно, только около 1582 года, такъ какъ въ этомъ году о немъ ужъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ, гдѣ сказано слѣдующее: „Въ Выгозерскомъ погостѣ Соловецкаго монастыря въ *волости Сумѣ* поставленъ *острогъ*, косой, черезъ замѣть, въ борозды. А на острогѣ стоитъ шесть башень рубленыхъ, подъ которыми башнями подклѣты... а ставилъ острогъ (игуменъ Соловецкаго монастыря) для осаднаго времени Нѣметскихъ людей прихода“. Къ этому же времени относится и упоминаніе о Сумскомъ острогѣ въ лѣтописи Соловецкаго монастыря, ошибочно поставленное подъ 1584 годомъ. Острогъ этотъ назывался также *городкомъ*, который повелѣно было строить грамотою царя Θеодора Іоанновича съ приписью дьяка Сидора Скворцова, данною Соловецкому игумену Макарію. Острогъ этотъ, по описанію, стоялъ надъ р. Сумою и былъ четыреугольный, рубленъ въ торосы и двѣ стѣны, между которыми насыпано было мѣстами каменьемъ. Башни же имѣли вышины отъ 4 до 5 саженъ [2]). Въ 1598 году этотъ острогъ уже подвергся осадѣ „заморскихъ Нѣмцовъ“, которые „и соляные промыслы до Сумскаго острога пожгли, и къ острогу приступали, и въ ихъ волостяхъ (Соловецкихъ) въ Кеми и въ Пудожемьѣ и въ Сухомъ Наволокѣ и въ Вирмы дворы... пожгли“ [3]) Здѣсь приведены эти указанія въ доказательство того, что Сума, *подъ названіемъ острога*, не могла быть внесена въ Кн. Б. Ч. ранѣе 1582 года. Что касается до встрѣчающихся въ Кн. Б. Ч., вмѣстѣ съ Сумскимъ острогомъ, упоминаній о *Соловецкомъ островѣ* и *Соловецкихъ чудотворцахъ*, то одновременность этихъ упоминаній даетъ право замѣтить, что послѣднее изъ нихъ могло быть внесено только послѣ 1472 года, когда скончался преподобный Зосима, когда на Соловки перенесены уже были мощи св. Савватія изъ Сорокъ въ 1465 году, и когда на Соловецкихъ островахъ почивали уже *два чудотворца* [4]).

---

[1]) Опис. Сол. мон. I, 24, 27; Акт. Арх. Эксп., IV, 221.

[2]) Зап. Геогр. Общ. 1853 VIII, прил., VI, 188; Опис. Сол. мон., I, 24; Доп. къ Акт. Ист. I. 156. Арх. Г. В. 1843, № 27.

[3]) Акт. Арх. Эксп., I, 135.

[4]) Рус. Свят. Филарета Черниг., Апр., 76.

Прежде чѣмъ перейдти къ дальнѣйшимъ указаніямъ Кн. Б. Ч. необходимо упомянуть о мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ системѣ рѣкъ Кеми и Шуи, исторически извѣстныхъ, но не вошедшихъ въ Кн. Б. Ч. можетъ быть—потому, что эти мѣстности лежали внѣ маршрута, принятаго при изложеніи Кн .Б. Ч., и который въ этомъ мѣстѣ шелъ только по берегу Кандалакско-Онежскому. Къ мѣстностямъ, лежащимъ внѣ этого маршрута, относится одна изъ грамотъ временъ царя Θеодора Іоанновича, данная Соловецкому монастырю на владѣніе вотчинами: Кемской, *Пудожемскою*, *Пебозерскою* и *Маслозерскою*. Въ грамотѣ здѣсь сказано: „И азъ царь и в. кн. Θеодоръ Іоановичь всеа Руссіи пожаловалъ (монастырь) волостью *Кемью* всею и *Пудожемскою* и *Пебозеромъ* и *Маслозеромъ*, съ крестьяны и дворовыми мѣсты и со всѣми угодьями“ [1]). Всѣ эти указанія вполнѣ пріурочиваются къ современнымъ картамъ, и такъ какъ относятся къ 1592 году, то могли быть извѣстны составителямъ Кн. Б. Ч. Не говоря о Кеми, для прочихъ волостей на картахъ существуютъ слѣдующія указанія: *Пудожемской волости* соотвѣтствуетъ на р. Кеми селеніе Подужемье или дер. Подужемская, въ 17 верст. отъ Кеми [2]); *Пебозеро-волость* пріурочивается къ с. *Пебозеро*, дер. Пебозерской или Піебе-Ярви [3]), въ 64 верстахъ отъ Кеми; для волости *Маслозера* можно указать на сел. Маслозеро, дер. Маслозерскую или Вой-Ярви [4]), въ 47 верст. отъ Кеми. Нѣсколько позднѣе 1592 года, именно въ 1619 году, при перечисленіи этихъ же волостей въ грамотѣ царя Михаила Θеодоровича, въ слѣдъ за волостью Маслозерскою, названы *Лукозерскіе Лопари* [5]). Точнаго указанія объ этомъ мѣстѣ не имѣется; но на картахъ Опермана и Шуберта, не вдалекѣ отъ Маслозера, показано *Кукомозеро*. Если это есть искаженное *Лукоозеро*, то около него можно предполагать жилище упомянутыхъ выше Лопарей [6]).

Говоря о прибрежьяхъ р. Кеми и ихъ населеніи, необходимо

---

[1]) Опис. Сол. мон., III, 54.

[2]) Карты Олерм., Шуб. и Ст. К.; Спис. нас. м. Арх. г., № 349.

[3]) Кар. Ст. К.; Спис. нас. мѣст. Арх. г., № 356.

[4]) Карты Шуб. и Стат. Ком.; Спис. нас. м. Арх. г., № 358.

[5]) Опис. Сол. монаст., III, 103.

[6]) Озеро это носитъ назв. Куккама-Ярви у Лопарей и Кареловъ. См. Сп. нас. м. Арх. г., № 35. *В. М.*

обратить вниманіе и на тѣ мѣстности, которыя лежатъ между правымъ берегомъ Кеми и р. Выгомъ. Они, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, какъ и предъ симъ упомянутыя мѣста, не вошли въ Чертежъ. На этомъ пространствѣ, въ концѣ XVI стол., упоминается нѣсколько волостей, каковы: *Тунгуи*, *Шуеозерская* и *Кевять-озерская*, принадлежавшія дикой Лопи въ Вотской пятинѣ, и *монастырь Муеозерскій*, находившійся во владѣніи Соловецкаго монастыря. Всѣ эти мѣстности могутъ быть указаны и на современныхъ картахъ. Волость *Тунгуи* была тамъ, гдѣ показано озеро Тунго (к. Ст. К.—Тунгода, Опермана—Тунгой) и вытекающая изъ него рч. Тунгуда (Ст. К.—Туигода, Опермана и Шуберта—Туигуда), впадающая въ р. Выгъ. На р. Тунгудѣ, на лѣвомъ ея берегу, по нѣкоторымъ картамъ показано селеніе Тунгуда, соотвѣтствующее по спискамъ дер. Тунгутской [1]), въ 123 в. отъ Кеми; волость *Шуеозерская*— тамъ, гдѣ по картамъ показано Шуеозеро, съ вытекающею изъ него рч. Шуей, уже извѣстною намъ подъ именемъ Шуи Корельской. Близъ названнаго озера показано и селеніе Шуеозерское (Оперм.—погостъ Ильинскій — Шуяверскій, Шуб.—Шуеозерскій, Стат. К.—Ильинскій-Шуеозерскій), коему соотвѣтствуетъ д. Шуеозерская, Шуеозеро [2]) въ 143 в. отъ Кеми. Волость *Кевять-озерская* — тамъ, гдѣ по картамъ Кевять-озеро, съ селеніемъ того же названія, коему по спискамъ соотвѣтствуетъ дер. Кевять-озерская [3]), въ 146 вер. отъ Кеми; *Муезерскій монастырь* находился на островѣ Муезера, соединяющагося р. Охтуею съ Кемью [4]). По поводу всѣхъ этихъ мѣстностей встрѣчается въ одной изъ грамотъ царя Бориса Ѳеодоровича 1600 года слѣдующее указаніе: „Отъ царя и вел. кн. Бориса Ѳеодоровича всеа Россіи въ Вотьцкую пятину, въ *дикую Лопь*, въ волость *Тунгуи*, да въ волость *Шуезерскую*, да въ волость *Кевять-озерскую*... старостамъ... тѣхъ

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 328.

[2]) Спис. нас. м. Арх. г., № 329. — Въ Спис. нас. м. значится подъ этимъ № дер. Шурозерская (Шурозеро) на р. Бухтѣ, но подъ №№ 304, 305, 309 и 310 помѣщены 4 деревни на самомъ Шуезерѣ въ 90—96 вв. отъ Кеми. *В. М.*

[3]) Спис. нас. м. Арх. г., № 331.

[4]) По Сп. нас. м. Арх. г. на этомъ озерѣ значатся 4 деревни подъ №№ 360, 361, 362 и 363. *В. М.*

*

лопскихъ волостей... били намъ челомъ съ Вотьскіе пятины, съ Каянскаго рубежа изъ пустыни Троицы живоначальныя, *съ Муеозера* стоитъ де тотъ... монастырь Соловецкаго монастыря въ вотчинѣ, на угодьѣ на Муеозорѣ, и потому де ихъ монастырю пашни не много... и въ прошломъ де 95 (1587) году... по челобитью (монастыря) дана грамота... (о невзиманіи съ монастырьскихъ земель податей)“ [1]). Монастырь этотъ, какъ было уже упомянуто при историческомъ обозрѣніи Мурманскаго и Терскаго береговъ, отъ царя Өеодора Іоанновича въ 1591 году былъ отданъ (вмѣстѣ съ другими) во владѣніе Соловецкаго монастыря, съ крестьянами и дворовыми людьми, съ варницами и со всѣми угодьями [2]). Въ подлинной старинной отводной или отписной книгѣ Кемской волости, какъ указывается въ Описаніи Соловецкаго монастыря, Муезерскій монастырь въ 1591 году сотникомъ Семеномъ Юрьевымъ описанъ слѣдующимъ образомъ: „да Маслозерской же земли *на Муеозерѣ на островѣ монастырекъ*, а въ немъ храмъ Троицы живоначальныя—пустынька“. По переписи 1677 года за монастыремъ считалось 33 д. м. п. [3]).

Затѣмъ близь лѣваго берега Кеми, южнѣе Топозера, также встрѣчается мѣстность, извѣстная въ концѣ XVI столѣтія подъ названіемъ волости *Ругозеро*. Озеро подъ этимъ же названіемъ показано на картахъ (Оперм.—Рогозеро, съ рч. Рогозеркою, впадающею въ Топозеро; к. Ст. Ком.—Рѣгозеро); при немъ означено и селеніе Рогозеро, соотвѣтствующее по спискамъ деревнѣ Ругозерской въ 306 вер. отъ Кеми. Волость Ругозеро, какъ видно изъ Описанія Соловецкаго монастыря, находилась въ вѣдѣніи послѣдняго. Сохранилась относящаяся къ этой мѣстности похвальная грамота на Соловки, Кипріяну Оничкову, въ которой говорится: „писалъ еси къ намъ, что въ нынѣшнемъ 80 (1580) году, декабря въ 24 день, приходили Нѣмецкіе Свійскіе люди съ Каянскаго (рубежа?) на нашу окраину—волость Ругозеро, съ тремя тысячами человѣкъ, и ты для Нѣмецкихъ людей здѣлалъ *острогъ* и Нѣмецкіе люди приступали... и острогъ... отстоялъ... и *наши волости монастырскіе...*

---

1) Опис. Сол. мон., I, 386.
2) Ист. церк. іерарх., II, 422.
3) Опис. Солов. мон., I, 383.

всѣ уберегъ... и мы тебя жалуемъ" [1]). Волость эта подъ тѣмъ же названіемъ упоминается и въ другихъ актахъ [2]).

Перейдемъ къ обзору южнаго Бѣломорскаго берега. По Кн. Б. Ч. означено:

А отъ усть рѣки Сумы до усть рѣки Колижмы (Колежмы) 20 верстъ; на ней погостъ. А отъ усть рѣки Колижмы до усть рѣки Нюхи (Нюхчи) 10 верстъ (40 верстъ). *А отъ усть рѣки Нюхи до усть рѣки Унижмы 20 верстъ. А отъ Унижмы до усть рѣки Кушвы* (Кувъ, Кушъ, Кувя, Кувы) *10 верстъ. А отъ Кушвы рѣки до усть рѣки Шуйки* (Шуки) *20 верстъ. А отъ усть рѣки Шуйки до усть рѣки Немени* (Неманга, Нимангa) *20 верстъ; а на устьѣ погостъ. А отъ усть рѣки Немени до усть рѣки Онеги 20 верстъ* [3]).

Рѣчки Колижма и Нюха, указываемыя Чертежомъ, въ томъ же порядкѣ означены и на картахъ: при р. Колижмѣ (на картахъ Опермана IV, Шуберта IV и Ст. К., сб. л. Колежма) показана деревня Колежемская, соотвѣтствующая *погосту* [4]); при р. Нюхчѣ (Оперм. VI, Шуб. IV) показана дер. Нюхотская, на лѣвомъ берегу Нюхчи. [5])

Волость *Колижма*, съ церковью Климента папы Римскаго, упоминается еще въ 1548 году, какъ вотчина Соловецкаго монастыря, пожалованная ему царемъ Иваномъ Васильевичемъ и при ней 9 обжъ земли и 8 соляныхъ варницъ. Въ книгѣ Обонежской пятины, Ондрея Плещеева, 1582 года, замѣчено, что „погостъ сталъ послѣ письма Юрія Сабурова", т. е. возникъ послѣ 1496 года [6]). *Нюхча* упоминается въ 1555 году по случаю указа новгородскому намѣстнику князю Палецкому о выдачѣ какому-то Пятому-Лизунову „ѣзда, переѣзда и хоженаго" [7]). По писцовымъ книгамъ 1582 года описывается нѣсколько деревень по р. Нюхчѣ и въ томъ числѣ *погостъ* съ двумя церквами: Николая Чудотворца и Климента папы Римскаго, и самая деревня Нюхча названа *волостью* [8]). Такимъ

[1]) Опис. Соловец. монаст., II и III, 32.
[2]) Акт. Ист., I, 368.
[3]) Кн. Бол. Ч., 167—168.
[4]) Спис. нас. м. Арх. г., № 289.
[5]) Спис. нас. м. Арх. г., № 290.
[6]) Лѣт. Сол. монаст., III, 24; З. Г. Общ., VIII, прил. VI, 168.
[7]) Доп. къ Акт. Ист., I, 58.
[8]) Зап. Геогр. Общ., VIII, прил. VI, 167.

образомъ Нюхча оказывается населенною уже въ 1555 году; но ни о волости Нюхчѣ, ни о погостѣ (съ двумъ церквами) въ Кн. Б. Ч. не упоминается. Это вѣрнѣе приписать пропуску, нежели тому, чтобы въ половинѣ XVI вѣка погостъ при Нюхчѣ и волость Нюхча не были извѣстны составителямъ Чертежа, тѣмъ болѣе, что такой же погостъ на р. Колижмѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ Нюхчи, упомянутъ. Это можно отнести и къ небрежности переписчиковъ Кн. Б. Ч., судя по тому, что и самое разстояніе Колижмы отъ Нюхчи означено по однимъ спискамъ 10 в., а по другимъ—40 верстъ. Послѣднее, судя по картамъ, будетъ правильнѣе.

II. Карельскій берегъ.

Признавая, согласно указанію писцовыхъ книгъ и на основаніи разныхъ историко-географическихъ соображеній, приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ, что р. Нюхча была крайнимъ пунктомъ древнихъ поселеній Лопи на востокѣ, считаемъ неизлишне замѣтить здѣсь, что все дальнѣйшее пространство Бѣломорскаго берега до устья Двины, въ виду несомнѣннаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ Кареловъ, правильнѣе называть Карельскимъ берегомъ.

По этому берегу за р. Нюхчей слѣдуютъ рр. Унижма и Куша. Обѣ эти рѣчки показаны на всѣхъ картахъ (Оперм. VI., Шуб. IV, кар. Ст. К., сборн. л.). При нихъ означены и селенія: при первой—Унежемское, а при второй—Кушерѣцкое [1]).

Унижма, вмѣстѣ съ Нюхчею, упоминается уже въ 1555 году, а въ 1582 году по писцовымъ книгамъ названа *волостью* [2]). О ней однакоже въ Кн. Б. Ч. не упоминается. Для р. Кушвы историческихъ указаній не встрѣтилось; за Кушвой по Кн. Б. Ч. слѣдуютъ Шуйка и Неменга съ погостомъ. Р. *Шуйка* подъ тѣмъ же названіемъ показана на всѣхъ картахъ, также какъ и *Неменга* (к. Ст. К.—Шуйка малая, Оперм. IV—Нименга, атл. Пядышева—Пименга). *Погосту* на устьѣ Неменги соотвѣтствуютъ волость Нименгская,

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1004 и 1003.

[2]) Доп. къ Ак. Ист., I, 58; Зап. Геогр. Общ., VIII, 167.

по другимъ картамъ называемая деревнею Нименгской, Цименгой [1]).

Перейдемъ къ описанію р. Онеги по всему ея теченію. По Кн. Б. Ч. указанія о ней очень ограничены.

„*А на усть рѣки Онеги погостъ Пречистыя Богородицы* (въ варіантахъ, приведенныхъ Спасскимъ, сказано: „*А противъ устья рѣки Онеги отъ берегу 7 верстъ, островъ Кій; а на томъ острову Кій монастырь Ставросъ, еже есть Крестъ, строеніе святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Россіи;* въ рукописномъ спискѣ Геогр. Общ. этого прибавленія нѣтъ). *А отъ усть рѣки Онеги вверхъ по Онегѣ 70 верстъ, на лѣвой странѣ, градъ Турчесовъ... а рѣка Онега течетъ изъ Паче езера... отъ усть рѣки Онеги отъ моря 730 верстъ.*“ [2]).

Прежде всего обратимся къ опредѣленію длины теченія Онеги По Кн. Б. Ч. эта длина означена въ 730 верстъ (въ варіантахъ—430 верстъ). Спасскій въ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ, что здѣсь вѣрнѣе показаніе, приведенное въ варіантѣ, и что въ его рукописи и въ прочихъ ѱ҃ принято за ѱ҃. Въ рукописи Географическаго Общества длина теченія также опредѣлена въ 430 верстъ. Точнаго измѣренія Онеги въ описаніяхъ этого края не встрѣтилось; но обыкновенно ее считаютъ до 400 верстъ, а причисляя къ теченію Онеги рр. Вожу и Сваду, насчитываютъ 730 верстъ [3]). Но причисленіе это видимо противорѣчитъ старинному понятію о длинѣ теченія Онеги. Что касается до озера *Паче* (изъ котораго вытекаетъ Онега), то названіе это есть очевидно искаженное переписчиками *Лаче* озера, находящееся въ предѣлахъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи, и показанное на всѣхъ картахъ. Онега по всему теченію ея принимаетъ съ обѣихъ сторонъ болѣе 40 рѣчекъ, изъ коихъ по длинѣ могутъ быть замѣчены слѣдующія: съ правой стороны—Вавчуга, Лудьюга, Кодима и Тевза, а съ лѣвой—Вонга, Кожа и Илекса (Икса). Берега Онеги заняты были Русскими, вѣроятно, не позднѣе начала XII вѣка, судя по упоминанію о погостахъ Выдуевѣ и Тудоровѣ,

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1018.

[2]) Кн. Б. Черт., 168.

[3]) Словарь Геогр. Общ., III, 465, 466.

названныхъ въ грамотѣ 1138 года. Объ этихъ погостахъ было уже говорено выше, при упоминаніи о неопредѣленности ихъ положенія. Здѣсь можно прибавить еще и то, что если и можно искать ихъ по Онегѣ, то подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть не только берегъ рѣки, но цѣлую рѣчную область, какъ говорится „на Печерѣ“, и т. п.

Обращаясь къ устью Онеги, по указанію Кн. Б. Ч. находимъ тамъ *погостъ Пречистыя Богородицы*, а въ 7 верстахъ отъ берега, *на островѣ Кіѣ, монастырь Ставросъ, еже есть Крестъ*. Оба эти указанія имѣютъ историческую связь между собою. *Кійскій крестный монастырь*, какъ извѣстно, возникъ по случайному обстоятельству. Изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, данной въ 1656 году видно слѣдующее: Въ 147 (1639) году іеромонахъ Никонъ (будущій патріархъ Московскій) ѣхалъ изъ Анзерскаго скита, и отъ сильнаго морскаго волненія укрылся предъ Онежскимъ устьемъ *у Кій острова*; въ воспоминаніе того онъ поставилъ (на берегу) крестъ; а какъ въ 160 (1652) году посыланъ онъ былъ по мощи чудотворца Филиппа въ Соловецкій монастырь, и моремъ ѣдучи, на томъ мѣстѣ (у Кій острова) присталъ и увидѣлъ, что тотъ крестъ на немъ стоитъ въ цѣлости, и *тотъ де островъ пустъ*, и быть тутъ жилецкимъ людямъ нельзя, потому что на томъ мѣстѣ камень голый, и мнози вѣру держатъ о святому кресту, морскаго потопленія спасаются, то и обѣщалъ Никонъ поставить церковь и монастырекъ соградить—гречески ставросъ, а по русски *крестный*, что и было разрѣшено царемъ [1]). Въ 1657 году царь пожаловалъ монастырю *немалое число деревень* съ крестьянами, коихъ считалось 4537 душъ [2]). Подробное исчисленіе деревень этихъ могло бы дать понятіе о тогдашней населенности этихъ мѣстъ; но исчисленія этого намъ не встрѣтилось. Извѣстно только, что въ числѣ этихъ деревень была и *Усть-Онежская* волость. Она постоянно называется Устьянскою или Устьенскою. Можетъ быть, это вошедшее въ употребленіе названіе есть только сокращенное: вмѣсто Усть-Онежской—Устенская, т. е. волость, стоявшая на устьѣ (Онеги). Щекатовъ, говоря о происхожденіи города Онеги, полагаетъ, что

---

[1]) Акт. Ист., IV, 245: грамота воеводѣ Игнатію Малыгину.

[2]) Ист. Ц. Іер., IV, 830; Опис. Арх. губ. Молч., 268; Ист. свѣд. о мон. Ратшина, 7.

на мѣстѣ его была Устьянская волость, и что въ селѣ Устьянскомъ было подворье, принадлежавшее Крестному монастырю [1]). Молчановъ говоритъ, что это была Усть-Онежская волость, называемая иначе *Онежское устье.* Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ мѣстность, здѣсь указанная, упоминается еще въ XV вѣкѣ, при перечисленіи Двинскихъ земель въ 1471 году, когда она извѣстна была подъ названіемъ *Усть-Онеги* [2]). Въ Онежскомъ каѳедральномъ соборѣ хранится евангеліе съ древнею надписью, изъ коей видно, что въ 1601 году тамъ были двѣ церкви: Успенія Богородицы и Николая Чудотворца; изъ этой же надписи видно что евангеліе это положено въ церковь *Успенія на устье Онежскомъ.* Полагаютъ, что Новгородцы утвердились въ устьѣ Онеги не ранѣе XIV вѣка. Въ XV вѣкѣ устье Онежское было уже въ полномъ владѣніи выходцевъ новгородскихъ, и преданіе утверждаетъ, что Марѳа Посадница въ числѣ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, Онежскихъ мѣстъ владѣла и этимъ Онежскимъ поселеніемъ [3]). Этимъ отчасти объясняется, почему въ 1471 году Усть-Онега упоминается въ уставныхъ Двинскихъ грамотахъ, какъ владѣніе царя Московскаго и какъ мѣстность, уже пользовавшаяся извѣстностію. Въ 1657 году, какъ объяснено выше, волость эта была пожалована Кійскому монастырю и оставалась за нимъ до учрежденія монастырскихъ штатовъ, а въ 1780 году переименована въ г. Онегу [4]). На основаніи этихъ историческихъ свѣдѣній, кажется, будетъ правильно сказать, что упоминаемый въ чертежѣ *погостъ Пречистыя Богородицы* былъ въ предѣлахъ Усть-Онежской волости или составлялъ ея зародышъ, и что отъ него осталась та церковь Успевья, о которой было упомянуто подъ 1601 годомъ, и построеніе которой можно отнести не позднѣе какъ къ XVI столѣтію, а слѣдовательно, къ тому же времени можно отнести и упоминаніе о *погостѣ*, если не будетъ доказано, что этотъ погостъ существовалъ и въ XV столѣтіи, даже ранѣе 1471 года.

По правому берегу Онеги, въ періодъ составленія этого мѣста

---

[1]) Слов. Щекат., III, 858; Ист. Росс. Солов., IX, 396.

[2]) Опис. Арх. г. Молч., 257; Акт. Арх. Эк., I, 94; Арх. Г. В. 1850, № 32, 1852 г., №№ 33, 34; 1859, № 37.

[3]) Слов. Геогр. Общ., IV, 466; Арх. Сборн., I, 2, 142.

[4]) Городск. посел., I, 26.

Кн. Б. Ч. были извѣстны еще слѣдующія мѣстности: *Кожеозерскій монастырь, Юрьегорсая Доміанова пустынь, городокъ Рагонимъ и радъ Турчесовъ*; но только послѣдній изъ нихъ названъ въ Кн. Б. Ч. *Кожеозерскій монастырь* находился въ 120 верстахъ отъ нынѣшняго города Онеги, при Кожеозерѣ, изъ коего вытекаетъ рѣка Кожа, впадающая въ Онегу. Монастырь этотъ существовалъ уже во второй половинѣ XVI вѣка. О немъ упоминается въ одной изъ грамотъ царя Θеодора Іоанновича, въ 1091 году, гдѣ говорится слѣдующее: „Каргопольскаго уѣзда, Турчасовскаго стану, край студенаго моря, *Богоявленскаго монастыря, на Лопскомъ островѣ, на Кожеозерѣ* храмъ Богоявленія, а другой храмъ теплый—Николая Чудотворца... и монастырь сгорѣлъ, а строилъ де онъ (выборный Турчесовскаго стана Томилка Козловъ) тотъ монастырь (назадъ тому) 36 лѣтъ... а нынѣ де стали посылать изъ Москвы опальныхъ людей [1]). Стало быть, этотъ монастырь существовалъ уже до 1555 года. Къ этому же времени или правильнѣе сказать, ко второй половинѣ XVI вѣка, относится повѣствованіе о жизни преподобнаго Никодима Кожеозернаго, коего мощи почиваютъ въ церкви св. Николая Чудотворца [2]). Позднѣе упоминается объ этомъ монастырѣ въ 1603 году, когда въ немъ былъ преподобный Леонидъ, основатель Усть-Недумской пустыни. Съ 1642 по 1647 г. здѣсь былъ игуменомъ Никонъ, впослѣдствіи патріархъ. Монастырю принадлежало 442 д. крестьянъ и 139 обжъ земли. Онъ назывался Кожеозерскимъ-Спасскимъ. По штатамъ 1764 года онъ былъ обращенъ въ сельскій приходъ и приписанъ къ другому ближайшему приходу [3]). *Юрьевская Домьяновская пустынь* была въ 147 верстахъ отъ г. Онеги, близь границы Пудожскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ Олонецкой губерніи, тамъ гдѣ по картамъ (Оперм. VI) показаны селенія Кергала и Носово [4]), а по спискамъ Юрьегорскій

---

[1]) Акт. Истор., I, 246. Грам. царя Θ. I. Козлову.

[2]) Рус. Свят. Филарета Черн., Іюль, 37; Арх. Г. В. 1852, № 37, 38; Акт. Ист., I, 462.

[3]) Ист. Цер. Іер. IV, 555; Арх. сб. 1865, 172; Опис. Цер. и Мон. Ратшина, 422.

[4]) Въ Спискѣ нас. м. Арх. губ. эти селенія соотвѣтствуютъ Каргопольской и Носовской деревнямъ при озерѣ Носовскомъ въ 214 и 217 вер. отъ г. Онеги. Что касается до деревни Юрьегорской, то она отстоитъ отъ гор. Онеги въ 224 в. *В. М.*

погостъ [1]). Пустынь эта была основана въ началѣ XVI столѣтія преподобнымъ Даміаномъ, при содѣйствіи старицы Мареы Іоанновны. Въ послѣдствіи пустынь была приписана къ Спасо-Преображенскому Каргопольскому монастырю, а нынѣ составляетъ Юрьегорскій приходъ [2]). *Градъ Турчесовъ* (Турчесово) считаютъ однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній новгородскихъ; однакожъ положительныхъ указаній на глубокую ея древность намъ не встрѣтилось. Даже въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года о Турчесовѣ нѣтъ упоминанія, хотя въ немъ упоминается Мехренга рѣка, вѣроятно въ качествѣ мѣстности, уже имѣвшей значеніе экономическое. Затѣмъ можно только сказать, что Турчесово существовало уже въ первой половинѣ XVI вѣка, судя по упоминанію о жителяхъ Турчесова или *Турчесовцахъ*, которые, вмѣстѣ съ Онежанами, Порожанами, Усть-Мошанами и Мехренжанами, „ѣздили къ морю соли купити“ и возили ее въ Каргополь, какъ видно изъ актовъ 1536 года [3]). Турчесово въ 1590 году упоминается по тому поводу, что „Свѣйскіе Нѣмци ходили на Двину, по Колмогоры и въ Турчесово“ [4]). На сколько это нападеніе было разорительно для Турчесовцевъ—изъ приведеннаго акта не видно; но Турчесово не потеряло своего значенія; въ послѣдствіи при немъ является посадъ, а *городокъ* остается по прежнему центромъ Турчесовскаго стана, къ коему принадлежали мѣста, большею частію и понынѣ существующія, каковы деревни: Щукозерская, Шелеховская, Бирючевская, Владыченская, Городецкая (Рогонимъ), Прилуцкая, Кожеостровская пустынь [5]). Изъ исторіи Соловецкаго монастыря видно, что въ волостяхъ Владыченской и Городецкой были угодья, принадлежавшія въ началѣ XVII вѣка Соловецкому монастырю, о чемъ упоминается въ грамотѣ кн. Александра Михайловича Пожарскаго [6]).

Сверхъ того, на этомъ пространствѣ были и вотчины Соловецкаго монастыря, жалованныя въ 1650 и 1655 годахъ грамотами

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1032, 1033, 1034.

[2]) Арх. Сб. 1865, I, 172.

[3]) Ак. Арх. Эксп., I, 181, 211.

[4]) Акт. Арх. Эксп., I, 347.

[5]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1933, 982, 754, 746, 902, 874, 816.

[6]) Опис. Солов. мон., II, 82; Арх. Г. Вѣд. 1858 г., № 50, 51.

царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича, каковы: *Поньгамское озеро* съ рѣчками (Оперм., VI), деревня *Исаковская* съ угодьями (на картѣ Оперм. нѣтъ), угодья во *Владыченскомъ уголъѣ*, принадлежавшемъ Новгородскимъ епископамъ [1]).

На этомъ же прибрежномъ пространствѣ, на правомъ берегу Онеги надобно искать *Благовѣщенскую* пустынь. О ней упоминается въ 1648 году. Въ актахъ, относящихся до этой мѣстности говорится: „Каргопольскаго уѣзда, въ Турчасовскомъ стану, на Онегѣ рѣкѣ, на *Елецкомъ волоку монастырекъ убогій*, а въ немъ церковь Благовѣщенья Пресвят. Богородицы, древляна, стоитъ безъ пѣнія, и церковнаго строенія нѣтъ ничего, а въ томъ монастыркѣ живетъ въ кельяхъ старецъ Осѣй... и въ раззоренье литовскіе люди въ той пустынѣ старцовъ посѣкли, а жалованную грамоту сожгли, и послѣ того-де Побережскіе, Марковскіе и Шелековскіе крестьяне ихъ старцовъ обижаютъ“ [2]). Для географическаго пріуроченія этой пустыни на картѣ (Оперм. VI) можно указать на правомъ берегу Онеги *двѣ* пустыни, находящіяся вблизи погостовъ Шелековскаго и Побережскаго, па крестьянъ которыхъ жаловались монахи. Обѣ эти мѣстности есть и въ спискахъ [3]). По картѣ Стат. Ком. только одна изъ этихъ пустыней названа Сырьенскою. Въ недальнемъ разстояніи отъ этихъ мѣстъ есть мѣстность, напоминающая приведенный въ актахъ *Емецкій волокъ*—именно Ямецкая пустынь, при р. Онегѣ, въ 170 в. отъ города [4]). Свѣдѣній объ этой пустыни не встрѣтилось; но есть свѣдѣніе объ Ямецкой Благовѣщенской пустыни, давно упраздненной, бывшей въ Каргопольскомъ уѣздѣ. При упоминаніи о ней говорится, что она стояла на берегу Двины; это кажется ошибоч-

---

[1]) Лѣт. Сол. мон., Досиѳея, II—III. 47; Арх. Сбор. 1865, I, 174. Деревня Владыкинская на островѣ р. Онегѣ въ 62 верстахъ отъ города. См. Списокъ нас. мѣстъ Арх. губ., № 1914. Деревень съ названіемъ Исаковой хотя и нѣтъ въ Онежскомъ уѣздѣ, но въ Арх. уѣздѣ подъ № 263 встрѣчаемъ Исакову гору въ 10 вер. отъ уѣздн. города на берегу р. Двины, также точно какъ дер. Понгамская лежитъ въ Кемскомъ уѣздѣ на Кемскомъ трактѣ на р. Понгамѣ въ 55 в. отъ Кеми и значится въ Сп. нас. м. Арх. губ. подъ № 351. *В. М.*

[2]) Акт. истор., VI, 56, 57: Грам. Карг. воеводѣ Жукову.

[3]) Спис. нас. м. Арх. губ., №№ 778, 982.

[4]) Спис. нас. м. Арх. г., № 758.

но: слѣдовало сказать на берегу Онеги [1]). Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что пустынь Благовѣщенская находилась въ этихъ мѣстахъ. Объ *Сыръенской* или Сыльинской пустыни извѣстно, что ее построилъ преподобный Киріакъ, умершій въ 1402 году. Изъ Каргопольскихъ писцовыхъ книгъ, переписи стольника Петра Лопухина, 1678 года, видно, что въ Сыльинскомъ монастырѣ было 3 двора скотскихъ и 7 дворовъ монастырскихъ, и что въ нихъ жили половники. По переписи 1758 года монастырь этотъ былъ приписанъ къ Крестному монастырю и имѣлъ 8 душъ крестьянъ [2]).

По Кн. Б. Ч. слѣдуетъ пространство отъ *Онеги до Двины,* обнимающее собою поморье Восточнаго берега Онежской губы и южный берегъ Бѣлаго моря до Двинскихъ устьевъ, такъ называемый *Лѣтній берегъ.*

„*Морскимъ брегомъ отъ устъ рѣки Онеги до устъ рѣки Двины, рѣки, которыя текутъ въ море... Отъ рѣки Онеги брегомъ къ рѣкѣ къ Двинѣ (морскимъ) на востокъ, отъ погосту Пречистыя Богородицы 30 верстъ, пала рѣка въ море Танбица (Танбильца). Отъ Танбицы 20 верстъ рѣчка Кянда (Кянзя). Отъ Кянды 15 верстъ озеро Нижма (рѣчка Нижма). Отъ Нижмы 20 верстъ рѣчка Лямца. Отъ Лямцы 30 верстъ рѣчка Пурнема. Отъ Пурнемы 50 верстъ рѣчка Золотница* (въ варіантахъ сказано „*отъ Нижмы 20 верстъ рѣчка Пуерма. Отъ Пуермы 30 верстъ рѣчка Лямца. Отъ Лямцы 50 верстъ рѣчка Злотница*". Этому варіанту соотвѣтствуетъ описаніе Чертежа по рукописи Геогр. Общества). *Отъ Золотницы 30 верстъ рѣчка Каменка. Отъ Каменки—Лоншега (Локшега, Лоншага, Лопшенга). Отъ*

---

[1]) Погостовъ съ названіемъ Благовѣщенскаго въ Онежскомъ уѣздѣ не встрѣчается, но въ Шенкурскомъ уѣздѣ, и слѣдовательно, недалеко отъ Онеги, мы находимъ на р. Сѣверной Двинѣ погостъ Благовѣщенскій, обозначенный въ Сп. нас. м. Арх. губ. № 2409; тѣмъ болѣе вѣроятности считать пустынь и Благовѣщенскій погостъ за одно и то же, что въ актахъ онъ причисляется къ Каргопольскому уѣзду; послѣднимъ примѣчаніемъ автора объ упоминаніи этого погоста на бер. Двины вполнѣ оправдывается наше предположеніе. ***В. М.***

[2]) Ист. Цер. Іер., IѴ, 339.—Сырьенская пустынь соотвѣтствуетъ, въ Сп. нас. мѣстъ, находящемуся и до нынѣ въ Онежскомъ уѣздѣ сел. Сырьенскому, иначе называемому пустынь. Селеніе расположено между рр. Подьмой и Мудьюгой въ 75 в. отъ гор. Онеги; см. Сп. нас. м. Арх. губ., № 974. ***В. М.***

Лоншеги 15 верстъ Яренга, на устьѣ погостъ. Отъ Ярени 20, на морѣ, Унская губа (узкая губа—вѣроятно описка). А въ губѣ рѣчка Луда, да рѣчка безъ прозванія (рѣчка Уна). А отъ тѣхъ рѣчекъ 5 верстъ рѣчка Чуха. Отъ Чухи 10 верстъ рѣка Сюза. Отъ Сюзы рѣчка Ненокса (Ненакса), на ней погостъ. Отъ Неноксы 20 верстъ рѣчка Солза (Солса, Сонза). Отъ Солзы 20 верстъ рѣчка Кусудма (Кудма). Отъ Кусудмы до усть рѣки Двины 20 верстъ" [1]).

По сравненію описанія берега послѣ Тамбицы и Кянды съ географическими картами, долженъ быть считаемъ правильнымъ тотъ изъ двухъ варіантовъ текста, который извлеченъ изъ рукописи Геогр. Общества. Далѣе изложеніе текста не требуетъ исправленій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, которыя указаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Р. *Тамбица* показана на всѣхъ картахъ (Оперм., VI—Тамица, вытекающая изъ озеръ Тамицкихъ; у Шуб., IV—Тамица; на к. Ст. К.—Тамицкая). *Кянда* также есть на всѣхъ картахъ (Оперм., VI—рѣчка безъ названія и при ней Кяндская волость; у Шуб., IV—Кянда; на кар. Ст. К.—Кянда же съ волостью Кяндскою). *Нижма*—не озеро, а рѣчка (какъ приведено во 2-мъ варіантѣ Чертежа), показана (Оперм., VI) съ озеромъ Унскимъ (изъ котораго вытекаетъ.) *Пурнема* (а не Пурьема, какъ говорится во 2-мъ варіантѣ) съ озеромъ (Оперм., VI), изъ котораго она вытекаетъ (по картѣ Ст. К. ея нѣтъ); у Шуб. (л. VI) она показана безъ названія, и при ней дер. Пурнемская. За ней слѣдуетъ *Лямца* (Оперм., VI, карта Ст. К.,—Лямца, Шуб., IV—Лямица) и наконецъ рѣч. *Золотица* (а не Злотица, какъ сказано во 2-мъ варіантѣ). Она показана только у Оперм. и на к. Ст. К. подъ тѣмъ же названіемъ.

Изъ названныхъ здѣсь рѣчекъ только Пурьнема и Лямца упоминаются въ приходскихъ спискахъ Новгородской четверти 126 (1612) года, въ коихъ по указанію грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, данной игумену Соловецкаго монастыря Иринарху, записано: „въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ Турчесовскомъ лѣску (доходы) съ Соловецкаго монастыря съ старыхъ и съ *новокупленныхъ*

---

[1]) Кн. Бол. Черт., 180, 181.

деревень, что они прикупили въ *Пурнемъ* и въ *Лямцъ* изъ нашихъ горныхъ деревень“ [1]).

Показанной по Кн. Б. Ч. за рч. Золотицей рч. *Каменки* на картахъ нѣтъ; но примѣрно въ 30-ти верстахъ отъ Золотицы, близь границы нынѣшняго Онежскаго уѣзда съ Архангельскимъ, означена *рч. Кега* (Оперм. VI и к. Ст. К.). Приблизительная соотвѣтственность разстоянія этой рѣчки отъ Золотицы и положеніе ея между Золотицей и Лопшенгой (по Кн. Б. Ч. и по картамъ), убѣждаютъ въ тожествѣ Каменки и Кеги. Послѣднее названіе можетъ быть финское или прямо карельское, и слово Кегъ въ мѣстныхъ названіяхъ встрѣтится и въ другомъ мѣстѣ. За Кегой по всѣмъ картамъ показана *Лопшенга* [2]) и восточнѣе ея *Яренга* обѣ въ предѣлахъ Архангельскаго уѣзда). При устьи Яренги — село Яренга, соотвѣтствующее *погосту*, упоминаемому въ Кн. Б. Ч. [3]). Съ этимъ погостомъ находится въ связи исторія *монастыря Яренiскаго*, гдѣ и понынѣ почиваютъ мощи св. Іоанна и Логина, современниковъ св. митрополита Филиппа. Основаніе этого монастыря относится ко второй половинѣ XVI вѣка, когда (въ 1561 году) Іоаннъ и Логинъ, бывшіе иноки Соловецкаго монастыря, во время плаванія съ острова на материкъ, погибли и были бурею выброшены на Карельскій берегъ, оттуда перенесены въ Яренгу и положены въ часовню св. Николая. Вскорѣ послѣ того нѣсколько иноковъ построили близь часовни кельи и основали монастырь. Въ 1635 году этотъ монастырь со всѣми землями селенія Яренскаго былъ отданъ во владѣніе Соловецкой обители. Въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, по этому случаю говорится: „Въ нынѣшнемъ 143 (1635 году) пожаловали мы ихъ (иноковъ Соловецкаго монастыря), въ Двинскомъ уѣздѣ, у моря *Яренскимъ погостомъ*, гдѣ лежатъ чудотворцы Іоаннъ и Логинъ... а велѣно вамъ тотъ Яренскій погостъ и со всѣми угодьи по писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова съ товарищи, отказать въ Соловецкій мона-

---

[1]) Опис. Сол. Мон. Досиф., III, 101.—См. Спис. насел. мѣстъ Арх. губ., №№ 1009, 1010, 1011, 1012, 1013 и 1015. ***В. М.***

[2]) Въ Сп. нас. мѣстъ Арханг. губ., подъ № 280, мы находимъ сел. Лопшенское на устьѣ р. Лопшенги въ 157 в. отъ Архангельска. ***В. М.***

[3]) Спис. нас. м. Арх. г., № 279.

стырь...“ Погостъ этотъ за Соловецкимъ монастыремъ оставался до 1764 года [1]). Такъ какъ Яренга или Яренгскій *погостъ* существовалъ еще до 1561 года, то никакъ не позднѣе этого года и въ Чертежѣ занесено объ немъ упоминаніе.

Относительно *Унской губы*, показанной на всѣхъ картахъ, нѣтъ надобности ни въ какихъ поясненіяхъ; но описаніе рѣчекъ, въ нее впадающихъ, по Кн. Б. Ч. не представляетъ надлежащей точности и полноты. Впадающая въ Унскую губу, съ восточной стороны, рѣчка *Луда* показана на всѣхъ картахъ (Оперм., VI — безъ названія, Шуб., IV—Лудка, к. Ст. К.—Луда); но затѣмъ по Кн. Б. Ч. слѣдуетъ *рѣчка безъ названія*. Рѣчекъ, кромѣ Луды, впадающихъ въ Унскую губу, показано нѣсколько, по разнымъ картамъ, а именно:

Шуб., IV.	Оперм., VI.	Стат. Ком.
рч. Вижма.	Вежма.	Вежма.
„ Нирбасъ.	—	Нырбасъ.
„ (безъ назв.).	Бабья.	Нижмозерская.
„ (безъ назв.).	Уна.	Уна.
„ Воя.	(безъ назв.).	Воя.

Изъ всѣхъ этихъ рѣчекъ, по относительно большей длинѣ теченія, подъ *рѣчкой* безъ названія, можно указать только на *Уну*. При этомъ необходимо указать на очевидный въ Кн. Б. Ч. пропускъ *Унскаго и Лудскаго посадовъ* [2]). Берега р. Уны извѣстны давно. Уна упоминается подъ 1392 годомъ въ уставной грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича, при распредѣленіи въ этомъ краѣ „ѣздовъ и поѣздовъ“ [3]). Въ 1471 году *Унское селеніе* упоминается въ числѣ великокняжескихъ отчинъ въ Двинской грамотѣ [4]). Упоминаніе объ Лудѣ неразъ встрѣчается и въ позднѣйшихъ актахъ, подъ названіемъ *Лудскаго усадья*, въ числѣ великокняже-

[1]) Опис. Солов. мон., I, 11, 391; Русскіе Свят., Іюль. 32.

[2]) Оба посада существуютъ и теперь, и въ Спискѣ нас. м. Арханг. губ. мы находимъ первый подъ № 168 на р. Унѣ въ 138 в. отъ Архангельска, а второй на р. Лудѣ въ 143 в. подъ № 287. ***В. М.***

[3]) Акт. Арх. Эксп., I, № 3.

[4]) Акт. Арх. Эксп., I, 94, б.

скихъ владѣній и потомъ въ качествѣ угодій, принадлежавшихъ Соловецкой обители [1]).

Не вошелъ въ описаніе также *Пертоминскій монастырь*, находящійся при устьѣ Унской губы, въ 120 в. отъ Архангельска и въ 28 вер. отъ Унскаго посада [2]). Монастырь этотъ основанъ въ 1599 году, когда надъ тѣлами св. Вассіана и Іоны (иноковъ Соловецкаго монастыря, утонувшихъ во время морскаго плаванія и найденныхъ въ устьѣ Унской губы) поставлена была часовня; съ этого времени началось монашеское общежитіе и поставлена первая церковь Преображенія Господня; въ 1637 году поставлена другая церковь. Монастырь этотъ и понынѣ существуетъ избѣгнувъ почему-то общей участи упраздненія [3]).

Рѣки *Чуха* и *Сюза*, подъ названіемъ Чумзы и Сюмы, въ текстѣ Чертежа ошибочно показанныя по Лопскому берегу, имѣютъ настоящее мѣсто здѣсь. Чуха, по Чертежу, находится въ 5 верстахъ отъ Луды, а за ней на разстояніи 10 верстъ слѣдуетъ Сюза. Эта послѣдняя на всѣхъ картахъ показана подъ названіемъ *Сюзьмы*, и это названіе слѣдуетъ считать правильнымъ. Между Сюзьмой и Лудой, гдѣ слѣдовало бы искать рѣку Чуху, по картамъ, нѣсколько безъимянныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ, однакожь, безъ яснаго указанія, трудно избрать какую-нибудь для р. Чухи. При устьѣ Сюзьмы показаны по картамъ селен. Сюзьма и Сюземское усолье [4]).

Слѣдующая затѣмъ рѣчка *Ненокса* показана на всѣхъ картахъ, и при устьѣ ея, съ лѣвой стороны, *Ненокскій посадъ*, очевидно, соотвѣтствующій *погосту*, означенному по Чертежу. Нынѣшній Ненокскій посадъ, какъ извѣстно, одно изъ древнихъ новгородскихъ населеній, упоминаемое уже въ 1398 году въ уставной грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича, подъ названіемъ *Нона-*

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 17; Ж. М. Вн. Д. 1843. № 12, стр. 435; Опис. Солов. мон. III, 102.

[2]) Спис. нас. мѣс. Арх. губ., № 285. Разстояніе Пертоминскаго монастыря отъ Унскаго посада опредѣляется всего въ 18 вер. *В. М.*

[3]) Ист. Цер. Іер., V, 508; Опис. Арх. губ. Молч., 110—112; Арх. Г. Вѣд 1849, № 44, 46.

[4]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 166.

ксы [1]). Наименованіе *погостомъ* нынѣшняго посада относится, вѣроятно, къ самому началу XV вѣка или даже къ XIV вѣку, такъ какъ въ 1419 году онъ извѣстенъ уже въ значеніи погоста и упоминается въ числѣ *погостовъ Заволочьскихъ* [2]), разоренныхъ Мурманами [3]). Разореніе это, однакожъ, не въ конецъ истребило населенность этого мѣста: *Ненокса—мѣста соловаренныя* упоминаются въ Двинской грамотѣ 1471 года вмѣстѣ съ Уна-Солью т. е. съ Унскимъ усольемъ [4]). Въ 1445 году, по указанію Новгородскаго лѣтописца, „приходиша Свеи-Мурмане безвѣстно (т. е. неожиданно) за волокъ на Двину ратью (и снова) Неноксу воевали и пожгоша и людей изсѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша“ [5]). Полагаютъ, что съ этого времени Ненокса стала называться *посадомъ*; но изъ приведеннаго лѣтописнаго указанія этого не видно [6]). Ненокса, въ значеніи посада, едва-ли не въ первый разъ упоминается только въ 1615 году, по поводу варницъ на *Солозерѣ* (очевидно, принадлежавшихъ къ этому посаду), когда они грамотою царя Михаила Ѳеодоровича отданы были во владѣніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря [7]). Ненокса извѣстна была также подъ названіемъ *Ненокскаго усолья* въ 1648 году [8]), изъ чего можно заключать, что даже и въ это время еще названіе посада не вошло въ постоянное употребленіе.

Р. *Солза* показана на всѣхъ картахъ съ озеромъ Солзо, изъ котораго она вытекаетъ. При устьѣ р. Солзы показано селеніе Солза, Солзекское (Оп., VI—Солзекская слободка, Шуб.,IV—Солозская) [9]). Это селеніе становится извѣстнымъ съ 1555 года по упоминанію *двора въ Солзѣ*, принадлежавшаго по купчей крѣпости

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, № 3; Арх. Губ. Вѣд. 1849, № 19; Спис. нас. м. Арх. г., № 165.

[2]) Заволочьскими погосты эти называются здѣсь въ смыслѣ лежащихъ за Емецкимъ волокомъ, бывшимъ гдѣ-то между Онегой и Двиною. *В. М.*

[3]) Пол. Собр. Лѣт., III, Новг. 1, 109.

[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94. а.

[5]) Ист. Гос. Росс., V, пр. 318.

[6]) Ист. Росс. Солов., IV, 117.

[7]) Акты Ист., III, 61.

[8]) Доп. къ Акт. Ист., III, 142.

[9]) Спис. нас. м. Арх. г., № 169: Солозское или Солза.

Карельскому Николаевскому монастырю; по крайней мѣрѣ ранѣе этого указанія не встрѣтилось [1]). Этому же монастырю принадлежала и рѣч. Солза съ ея рыбными ловлями, объ освобожденіи коихъ отъ повинностей упоминается въ грамотѣ царя Ивана Васильевича въ 1578 году [2]). Встрѣчаются объ ней упоминанія и позднѣе, какъ указано выше.

Кусудьма или, какъ правильнѣе въ варіантахъ, *Кудьма*, подъ этимъ послѣднимъ названіемъ означена на всѣхъ картахъ, съ Кудьмозеромъ, изъ котораго она вытекаетъ. Рыбныя ловли на этомъ озерѣ въ 1578 году принадлежали Карельскому Николаевскому монастырю [3]), а изъ тарханной царя Василія Іоанновича Шуйскаго, въ 1607 году, видно, что на рѣкѣ Кудьмѣ было владѣніе того же монастыря: „церковное Петровское владѣніе, на Кудьмѣ, на Солозской сторонѣ“, т. е. на лѣвомъ берегу Кудьмы [4]).

III. Рѣка Двина съ притоками.

Дальнѣйшія указанія Чертежа, относящіяся до р. Двины и ея притоковъ, для соблюденія общей гидрографической связи, удобнѣе разсматривать не въ томъ порядкѣ, какъ они изложены въ Чертежѣ, но выдѣливъ собственно двинскій бассейнъ. Указанія эти здѣсь не очень многочисленны, сравнительно съ обиліемъ историческихъ матеріаловъ, относящихся до береговъ Двины.

„*Рѣка Двина потекла въ море четырьмя устьями на 50 верстъ. На Двинѣ на рѣкѣ, отъ моря отъ устья* (отъ устья—не во всѣхъ спискахъ; нѣтъ этого слова въ рукописн. описаніи Чертежа Геогр. Общества) *60 верстъ, градъ Двинской Архангельской, на правомъ берегу Двины. На устьѣ Двины, на лѣвомъ брегу, монастырь Никольской* (Николаевскій).

---

[1]) Акт. Истор., I, 158.

[2]) Ак. Арх. Эксп., I, 229.

[3]) Ак. Арх. Эксп., I, 229.

[4]) Акт. Ист., II, 77.—См. Сп. нас. м. Арх. губ. подъ № 170, гдѣ означена деревня Тадарская или Кузмозерская, находящаяся близъ озера Кудмозера. *В. М.*

*

А рѣка Большое Мыло течетъ изъ рѣки Меньшого Мыла... А рѣка Меньшое Мыло течетъ въ посивъ (посикъ) *съ рѣкою Вычегдою, и пала въ Вычегду: протоку отъ устъ рѣки Меньшого Мыла до устъ рѣки Большого Мыла 290 верстъ.*

А отъ верху рѣки Велва изъ езера, потекла рѣка Вычегда, протоку Вычегды 415 верстъ, до устъ рѣки Сысолы (Сысовы), *а Сысола рѣка съ лѣвыя страны пала въ рѣку Вычегду. А отъ устъ рѣки Сысолы до устъ рѣки Вычегды 220 верстъ. Вычегда пала въ Двину, ниже Тулупѣева острова. А по рѣкѣ по Вычегдѣ съ верху съ правыя страны, градъ Старая Пермь, отъ устъ Вычегды 140 верстъ. А ниже Перми 70 верстъ, на Вычегдѣ, градъ Еренескъ. А ниже Еренска 60 верстъ, градъ Соль-Вычегоцкая; а отъ устъ рѣки Вычегды Соль-Вычегоцкая верстъ съ 15. А до верху Двины рѣки отъ устъ рѣки Вычегды 50 верстъ.*

Ниже града Устюга-Великаго рѣка Сухона, да Югъ, сошлись вмѣстѣ (и того ради прозвался городъ Устьюгъ, и съ тѣхъ мѣстъ прозвалась Двина и до моря), и тѣ обѣ рѣки съ тѣхъ мѣстъ и до моря, потекла Двина рѣка. А отъ Устюга-Великаго до Колмогоръ, рѣкою Двиною 460 верстъ (560, 500 верстъ). А отъ Колмогоръ до града Архангельского 50 верстъ (60 верстъ). *А отъ града Архангельского до моря до устъ рѣки Двины 30 верстъ (50 верстъ).*

Рѣки-жъ, которыя пали въ рѣку Вычегду.

Съ лѣвыя же страны ниже рѣки Малого-Мыла 80 верстъ пала въ рѣку Вычегду рѣка Нѣмь (Нѣмъ), протоку Нѣми рѣки 470 верстъ, текла изгибью криво.

А прямо отъ верху до устья Нѣми рѣки 300 верстъ. А ниже Нѣми рѣки 200 верстъ, пала въ Вычегду рѣка Сысола, протоку ея 200 верстъ; а съ верху текла криво 100 верстъ поперегъ, а потекла за 40 верстъ отъ Вятки.

Съ правыя страны Вычегды, отъ верьху 200 верстъ, езеро Кадомо и иныя езера, а вдоль того Кадома езера 40 верстъ, а поперегъ 30 верстъ. Противъ того езера 20 верстъ, вытекла рѣка Весленая, и пала въ рѣку малую Птицу. А Птица рѣка потекла изъ горы изъ езера. А въ рѣку въ малую Птицу пала рѣка Тетеря. А въ Тетерю рѣку пала (?) рѣка Птица большая. Отъ горы до устъ рѣки Тетери 50 верстъ. А отъ рѣки Птицы большiя 80 верстъ.

А отъ тѣхъ рѣкъ притекла Птица подъ градъ подъ Турей, а изъ

подъ Турейскаго (Туренскаго) *града текла 100 верстъ, и пала въ рѣку Вычегду съ вышнія страны, подъ градомъ подъ Старою Пермью. Въ тое-же Птицу рѣку, пала противо выше града Турьева, рѣка Пожа: протоку ея 70 верстъ.*

А съ верху рѣки Птицы притекла рѣка Ухна, и пала въ рѣку въ Имжу въ горѣ, въ тое-же гору (?) пала рѣка Безустная (въ нѣкоторыхъ спискахъ словъ: „въ тоеже гору"—нѣтъ, а рѣка названа „рѣка безъ устья", или еще иначе: „безъизвѣстная").

Въ Вычегду же рѣку выше Соли Вычегоцкой 12 верстъ, пала рѣка Виледь (Вихеть, а въ атласахъ Вилеть), *съ лѣвыя страны* (съ правыя страны): *протоку 130 верстъ.*

Рѣки, которыя въ Двину пали: ниже устья рѣки Вычегды съ правыя страны 30 верстъ пала рѣка Ухтюха (Устюха, Утюга, Устюга; въ атласахъ—Уфтюга), *протоку 130 верстъ. А ниже Ухтюхи* (Утюхи) *50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя* (въ Двину). *А ниже Toймы* (очевидно верхнія) *20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку Тоймы* (верхнія) *150 верстъ, а нижнія Тоймы 70 верстъ. Ниже Тоймы пала рѣка Тойса: протоку ея 50 верстъ.*

А съ лѣвыя страны пала въ Двину рѣка Вага; а вытекла Вага съ верху рѣки Вожухи (въ атласахъ Вежега, Вожа. *Въ нѣкоторыхъ* спискахъ словъ: „вытекла Вага съ верху рѣки Вожухи"—нѣтъ), *отъ Воже езера: протоку 350 верстъ.*

А съ верьху Ваги рѣки градъ Верховажье (Верховажской), *а отъ верьху рѣки 20 верстъ. Отъ Верховажья же 20 верстъ градъ Спаской.*

Отъ Спаского 30 верстъ Великая слобода. Отъ Великія слободы 50 верстъ градъ Шенкурской. Ниже Вгаи рѣки 50 верстъ, пала въ Двину рѣка Янда, а въ ней емлютъ сѣру горячую (сѣра горячая). *Ниже Янды 10 верстъ, съ правыя страны, пала въ Двину рѣчка Ваенга* (рѣчка Вага). *Отъ Ваенги 50 верстъ до верьху Пушенги Двинской, а Пушенга вытекла изъ езера: протоку ея 100 верстъ, пала въ Двину противъ Ямцы рѣки. А отъ усть Ваенги рѣки до усть Пушенги рѣки Двинской 70 вер.; а противъ Пушенги на другой странѣ, погостъ Троица. А ниже устья рѣки Ямцы 50 верстъ, градъ Колмогоры. А выше Колмогоръ съ другія страны пала рѣка Пинега* (Пинева). *А въ Пинегу пала рѣка Ежуга, противо Колмогоръ 120 верстъ: протоку 60 верстъ. Въ Пинегу же пала съ дру-*

гія страны Пушенга Пинежская, изъ езера: протоку 120 верстъ, а потекли ровно изъ двухъ езеръ съ Пушенгою Двинскою. А промежъ Пушенги Двинской и рѣчки Ваенги, и рѣки Двины, ростетъ древо листвица, да камень олобастръ (въ нѣкоторыхъ спискахъ указанія о лиственницѣ и алебастрѣ нѣтъ). *А противъ Пушенги Двинской, пала рѣка Емца* (Емда): *протоку 250 верстъ* (сравни выше Ямца), *вытекла отъ рѣки отъ Онеги.*

А градъ Вологда на рѣкѣ на Вологдѣ, да въ ровъ пущена рѣка Золотуха. Роспись рѣкамъ, которыя пали въ рѣку въ Сухону.

Рѣка Сухона вытекла изъ Кубенского езера. А въ Кубенское езеро пала рѣка Куба: протоку рѣки Кубы 100 верстъ, а Кубенского езера протоку 50 верстъ, а поперегъ 15 верстъ. На Кубенскомъ езерѣ монастырь Каменной (словетъ Каменной).

Въ Сухону съ верьху пала рѣка Вологда.

Отъ царствующаго града Москвы дорога къ Архангельскому граду, къ морской карабельной пристани, да дорога въ Сибирскіе грады (исчисленіе этого пути начиная отъ Москвы, чрезъ Сергіевъ монастырь, на Переяславль, Ростовъ и Ярославль до Вологды высчитано въ 480 верстъ. Объ этихъ всѣхъ мѣстностяхъ, не входящихъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія, здѣсь подробностей не будетъ).

Отъ града Вологды дорога рѣкою Вологдою, въ рѣку въ Сухону. А на Сухонѣ, отъ Вологды 90 верстъ, градъ Шуйской (городокъ Шуйской, словетъ Ростовскаго митрополита, на Сухонѣ на правой странѣ). *Отъ Шуйского 130 верстъ на Сухонѣ градъ Тотма; а подъ нимъ, съ лѣвыя страны, пала въ Сухону рѣка Песья Денга, а съ другія страны противъ града пала въ Сухону рѣка Тотма. Отъ Тотмы Сухоною 60 верстъ, градъ Брусенескъ* (городокъ, градъ Брусенскъ). *А отъ Брусенеска до городища 50 верстъ. Отъ Городищного 50 верстъ до Бобровска* (отъ Брусенеска до *Городищна;* отъ Брусенска городища; отъ Брусенеска до Городищнаго; отъ Городищнаго Брусенска 50 верстъ до Бобровска). *А отъ Бобровска до Стрѣльного 50 верстъ; отъ Стрѣльного 50 верстъ до Устюга-Великого. Въ рѣку въ Сухону, ниже Тотмы 30 верстъ, пала рѣчка Пелшима* (Пельшема): *протоку 40 верстъ.*

А ниже Устюга-Великого версты съ 3, пала въ Сухону рѣка Югъ, а вытекла рѣка Югъ промежъ рѣки Унжи и рѣки Маломы,

отъ Вятки отъ Котельного (Котельнича—исправленіе издателей) *за 80 верстъ.*

А отъ Шуйского прямо за 110 верстъ. А отъ Вологды за 150 верстъ.

А по рѣкѣ по Югу городки Устюга-Великого.

Городокъ Хоризинъ (Хорозинъ, Харазинъ), *отъ Томмы 130 верстъ, а отъ Устюга 200 верстъ.*

Ниже Хоризина 20 верстъ, Березово. Ниже Березова 50 верстъ, Кичменской (Кишменской). *Ниже Кичменского 40 верстъ, Сосновецъ. Ниже Сосновца 50 верстъ, Осиновецъ. Ниже Осиновца 40 верстъ, Орловъ. Ниже Орлова 15 верстъ, въ рѣку Югъ пала рѣка Луза. Отъ Орлова до Устюга-Великого 40 верстъ.*

А въ Югъ рѣку пала рѣка Пушма, межъ Кичменского и Сосновца: протоку 100 верстъ.

А Луза рѣка вытекла отъ Маломы рѣки и отъ Вятки, и отъ Котельнича, и отъ Орлова града за 30 верстъ.

А по рѣкѣ по Лузѣ городки Устюжскіе же: городокъ Объячей, отъ Вятки отъ града отъ Слободы (Слобоцкова) *50 верстъ. А ниже Объячаго 60 верстъ, на Лузѣ, городокъ Спаской. Ниже Спаского 20 верстъ, Лосменой* (Лосменской). *Ниже Лосменого 70 верстъ, Андреевской Соли-Вычегоцкой. А ниже 80 верстъ, городокъ Лалской, Соли же Вычегоцкой усть рѣки Лалы. А ниже 40 верстъ Ратморовъ.*

Отъ Ратморова до Устюга-Великого 50 верстъ (80 верстъ). *Отъ Ратморова же до Старой Перми 80 верстъ. Отъ Ратморова же до Соли-Вычегоцкой 100 верстъ. А въ Сибирь ѣздятъ съ Устюга Великого, до Соли-Вычегоцкой 60 верстъ.*

Отъ Устюга же, какъ сошлась рѣка Югъ съ рѣкою Сухоною, и потекла рѣка Двина, и пала въ море ниже Архангельского града [1]).

При разборѣ указаній Кн. Б. Ч. по Двинской системѣ, слѣдуя отъ устья р. Двины вверхъ по теченію, изслѣдованіе наше удобнѣе раздѣлить на нѣсколько частей.

---

[1]) Кн. Бол. Черт., 181, 182, 191—197, 198, 199—202.

А) Соловецкій монастырь и Двинскія устья.

I. Соловецкій монастырь.

О немъ въ Кн. Б. Ч. встрѣчаются только слѣдующія упоминанія: *„А противъ Ковды отъ моря Соловецкаго монастыря 100 верстъ гора. А отъ Сумскаго (острога моремъ до Соловецкихъ чудотворцевъ 110 верстъ“* и т. п. Общеизвѣстной исторіи Соловецкаго монастыря мы коснемся только для того, чтобы приблизительно разъяснить хронологическое значеніе указаній о немъ въ Книгѣ Большаго Чертежа. Начало монастыря обыкновенно относится къ 1429 году, когда на одномъ изъ пустынныхъ островъ поселился преподобный Германъ, нашедшій потомъ себѣ сподвижника въ св. Савватіи. Но постоянное пребываніе Германа на Соловецкомъ островѣ началось только съ 1436 года, когда послѣ смерти Савватія Германъ прибылъ на островъ вновь съ св. Зосимою, первоначальникомъ монастыря, посвященнымъ во игумены. Островъ Соловецкій, или правильнѣе, група пустынныхъ острововъ, принадлежавшая господину Новгороду, вѣроятно, ранѣе появленія тамъ св. Германа была уже посѣщаема промышленниками, а потому первоначальное существованіе начинавшейся въ XV столѣтіи обители оставалось не вполнѣ прочнымъ и считалось даже не безопаснымъ для собиравшихся къ св. Зосимѣ иноковъ, пока, по настоянію его и тогдашняго игумена Іоны, *обитель св. Спаса и Николы* (такъ она первоначально называлась) не получила отъ Новгорода грамоты около 1450 года на владѣніе „острови *Соловки*, и *Анзеры* островомъ и *Муксами* островомъ и мелкими островки“ [1]). Просвятительное и колонизаціонное значеніе Соловецкой обители было весьма важно. Но къ сожалѣнію полной исторіи монастыря еще не существуетъ. Только въ недавнее время изслѣдованія г. Ключевскаго дали возможность пополнить пробѣлъ этотъ собственно по отношенію къ хозяйственному быту монастыря. Изслѣдователь справедливо указываетъ на одну общую черту для характеристики ко-

---

[105]) Опис. Сол. мон. Дос., I, II, 49; Моск. Унив. Изв. 1866—1867, № 7; Экон. знач. Сол. монаст., Ключевскаго, 550.

лонизаціоннаго значенія монастыря въ томъ, что обитель застала по Бѣломорскому берегу еще недавніе зачатки русскаго поселенія, бѣднаго жителями и промышленностію, съ рѣдкими часовнями. Монастырю предстояло занимать еще новыя, не тронутыя земли, среди которыхъ рѣдко попадалась такъ называемая „страдомая или орамая земля". По замѣчанію г. Ключевскаго, земельныя владѣнія, пріобрѣтенныя монастыремъ до начала XVI вѣка на поморскихъ берегахъ (такъ называемомъ Карельскомъ и Терскомъ) встрѣчаются только въ четырехъ мѣстахъ. Въ числѣ грамотъ, данныхъ въ разное время Соловецкому монастырю, сохранилось (по счету г. Ключевскаго) до 33 вкладныхъ, которыя почти всѣ относятся къ XV вѣку. Изъ нихъ большая часть (28 вкладныхъ) указываютъ на принадлежность монастырю земельныхъ участковъ, каковы: по рр. Сумѣ, Вирмѣ, Шуѣ, Кеми, Поньгѣ, на Княжъ-островѣ, Кузь-островѣ, Килибъ-островѣ, Кембостровѣ, Лотошкинѣ островѣ, на морѣ, въ Лопи и въ Карелѣ, между пятью родами карельскихъ дѣтей. Распространеніе владѣній монастыря по Терскому берегу началось уже во второй половинѣ XV вѣка. Въ 1466 году одинъ землевладѣлецъ далъ монастырю участки по рр. Умбѣ и Варзугѣ и по морскому берегу (т. е. по западному берегу Кандалакской губы); въ 1470 году Мароа Борецкая подарила св. Зосимѣ свою вотчину между тѣми же рѣками у Кашкаранскаго ручья и на Кашкаранскомъ поволокѣ. По позднѣйшимъ вкладнымъ грамотамъ, относящимся къ той же мѣстности, монастырь пріобрѣлъ еще нѣсколько участковъ по рр. Умбѣ и Варзугѣ и на Песьемъ наволокѣ. Изъ поселенцевъ на монастырской землѣ по р. Варзугѣ, въ 1491 году былъ образованъ церковный приходъ и поставлена (въ Варзугѣ) церковь Николая Чудотворца [1]). Въ концѣ XV вѣка монастырь имѣлъ въ волости Варзугѣ 224 лука земли, въ которыхъ было семь дворовъ крестьянскихъ жилыхъ и 8 дворовыхъ мѣстъ пустыхъ [2]). Замѣчаніями этими отчасти пополняются свѣдѣнія, приведенныя при описаніи Терскаго берега.

Совмѣстникомъ владѣній Соловецкаго монастыря на Терскомъ

---

[1]) См. Сп. нас. м. Арх. губ. Кемск. у. № 497, гдѣ значится с. Варзуга на р. Варзугѣ, въ 442 вв. отъ г. Кеми. *В. М.*

[2]) Моск. Унив. Извѣст. 1866—1867 г., № 7, 543, 544.

берегу по р. Умбѣ является монастырь Кирилло-Бѣлозерскій [1]), которому здѣсь принадлежало три четверти Умбской волости [2]).

2. Четыре устья р. Сѣверной Двины.

Устья эти, названныя въ Кн. Б. Ч., показаны на всѣхъ картахъ: 1) *Никольское* или Карельско-Николаевское, находящееся на южной оконечности Двинскаго залива; 2) *Пудожемское*; 3) *Мурманское*, и 4) *Березовое* или *Корабельное*. Нынѣ считаютъ только три устья, не включая Никольскаго, которое составляется изъ притоковъ Пудожемскаго устья, влѣво отъ острова Конечнаго; наиболѣе замѣчательна въ числѣ этихъ притоковъ рѣчка Малокурья, имѣющая теченія 20 верстъ [3]). Эти четыре устья своимъ теченіемъ въ связи съ нѣсколькими между ними притоками, какъ извѣстно, образуютъ нѣсколько острововъ и сходятся въ одно общее русло Двины.

Рѣка Двина или собственно самое нижнее ея теченіе извѣстно было уже въ IX вѣкѣ Норвежцамъ, какъ объяснено выше. Самое названіе Двины своимъ финскимъ происхожденіемъ (о чемъ сказано въ своемъ мѣстѣ) доказываетъ, что первыми обитателями ея были Финны. Позднѣе, какъ будетъ видно изъ подробныхъ изслѣдованій, въ Придвинскомъ краѣ уже явились и славянскія поселенія.

Для очерка острововъ Двинскихъ мы воспользовались двумя картами: одна изъ нихъ приложена къ путешествію графа Ѳ. П. Литке, совершенному съ 1821 по 1824 годъ по Ледовитому морю, а другая—рукописная карта статистическаго комитета, составленная въ 1809 году; одна изъ нихъ даетъ полный гидрографическій очеркъ устьевъ, а по другой можно прослѣдить большую часть тѣхъ Новгородскихъ поселеній, которыя по своей древности уступаютъ только Михайлову монастырю, и которыя весьма неизлишни для уясненія Кн. Б. Ч. въ этомъ мѣстѣ.

Положеніе, какъ главнѣйшихъ, такъ и тѣхъ небольшихъ остро-

---

[1]) Въ настоящее время на р. Умбѣ, впадающей въ Бѣлое море, мы находимъ с. Умбское или Умби, которое отстоитъ на 323 вв. отъ г. Кеми и есть ничто иное, какъ древняя Умбская волость. Сп. нас. м. Арх. губ., № 502. *В. М.*

[2]) Моск. Унив. Изв. 1866—1867, № 7, 556.

[3]) Гидрогр. опис. сѣв. берега Россіи, Рейнеке, 350—365.

вовъ, которые извѣстны древностію новгородскихъ поселеній, слѣдующее: между Никольскимъ (Карельскимъ) и Пудожемскимъ устьями—остр. *Ягры*, (по кар. Ст. К. Агры большіе и Никольскій); между Пудожемскимъ и Мурманскимъ устьями—*Андреяновъ, Питіевъ, Конешный* (по кар. Ст. К. безъ названія), *Лясоминъ, Савинъ, Чубала*, (по картѣ Ст. Ком. послѣдній—безъ названія); между Мурманскимъ и Березовымъ устьями—*Никольскій* (по кар. Ст. К.—Чекальскій, и вѣроятно правильнѣе) и ниже его цѣлая група мелкихъ острововъ безъ названій; за Березовымъ устьемъ—острова: *Соломбальскіе, Бревеникъ, Прилукъ* и *Повракульскій* (по картѣ Стат. Ком. названъ собственно одинъ Бревѣникъ, хотя и другіе, оставшіеся безъ названія, можно узнать по нѣкоторымъ примѣтамъ).

При самомъ началѣ Двинской дельты, развѣтвляющейся на четыре устья, по правой сторонѣ существуетъ возвышенный берегъ, извѣстный въ исторіи Архангельска подъ названіемъ Пуръ-наволока. Это названіе очевидно принадлежитъ одному изъ чудскихъ нарѣчій, но какому именно, на это могутъ отвѣчать лишь знатоки чудскихъ языковъ. На самоѣдскомъ нарѣчіи слово pure, pur означаетъ рыба [1]).

На этомъ Пуръ-наволокѣ уже въ XII вѣкѣ существовалъ *монастырь св. Михаила*, называемый по лѣтописямъ въ XIV вѣкѣ *Михайловымъ монастыремъ*. Въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ, принадлежащихъ этому монастырю и сохранившихся въ копіи, сказано: „Благослови архіепископъ Новгородской Іоаннъ... *у св. Михаила* вседневную службу, и благослови игуменомъ Луку къ св. Михаилу... и буди милость Божія на посадникахъ Двинскихъ и на Двинскихъ боярахъ Новгородскихъ на владычнѣ намѣстниковъ, на купецкомъ старостѣ и на всѣхъ купцахъ новгородскихъ и на всѣхъ крестьянахъ отъ *Емцы до моря*, что есть требовали милостію Божіей вседневныя службы...“ [2]). Грамота эта безъ означенія года, и только по упоминанію въ ней объ архіепископѣ Іоаннѣ полагаютъ, что начало монастыря относится ко времени между 1110 и 1165 годами, такъ какъ въ каталогахъ Новгородскихъ святителей и дру-

---

[1]) Wörterverzeichnisse aus der Samojedischen Sprache Castren's v. Schiffrer, 1855, 37, 169.

[2]) Опис. Арх. губ. Молчанова, 63; Пам. кн. Арх. губ. 1862 г., 24.

гихъ исторических памятникахъ упоминаются два епископа—Іоаннъ, хиротонисанный въ 1110 году, и еще Іоаннъ же въ 1165 году; но который изъ нихъ подписалъ эту грамоту—неизвѣстно [1]). Изъ этой грамоты, между прочимъ, можно заключать, что монастырь св. Михаила на всемъ пространствѣ Заволочьской земли, отъ береговъ Бѣлаго моря до Емцы въ XII вѣкѣ, едва ли не былъ единственнымъ и возникъ по общему желанію Заволочанъ. Это послѣднее обстоятельство, при тѣхъ подробностяхъ объ общемъ участіи въ учрежденіи монастыря названныхъ въ громотѣ Двинскаго посадника, новгородскихъ бояръ, владычнаго намѣстника, купецкаго старосты и проч., приводитъ къ тому безсомнительному заключенію, что такъ называемая Двинская свобода, состоявшая изъ различныхъ новгородскихъ поселеній, уже существовала въ XII вѣкѣ и была мѣстопребываніемъ названныхъ выше властей новгородскихъ. Упоминаніе о *Двинской свободѣ* встрѣчается въ томъ же собирательномъ значеніи *всей Двинской свободы* въ 1397 году при вел. князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, когда онъ посылалъ своихъ бояръ „за Волокъ" приглашать Двинскую свободу отложиться отъ Новгорода [2]). Впервыя этотъ монастырь пострадалъ въ 1419 году, а потомъ вмѣстѣ съ городомъ сгорѣлъ въ 1637 и перенесенъ былъ на нынѣшнее мѣсто въ Нячеры, а на мѣстѣ монастыря построена церковь во имя Архангела Михаила [3]). Что касается до названія по Кн. Б. Ч. нынѣшняго Архангельска *градомъ Двинскимъ Архангельскомъ,* то полагаютъ, что это названіе возникло позднѣе основанія монастыря. Подъ названіемъ „града" первоначально разумѣлось пространство, заключавшее въ себѣ прежній деревянный монастырь св. Михаила и дворы купеческіе. Пространство это въ 1584 году, по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича, было обнесено деревяннымъ острогомъ. Это укрѣпленіе называлось сначала *Новохолмогорскимъ городомъ* и въ правительственныхъ актахъ встрѣчается просто подъ названіемъ „*Новохолмогоры*". Въ послѣдствіи это названіе оставлено и замѣнилось наименованіемъ уже укоренившимся

---

[1]) Ист. Г. Росс., II, пр. 64; Ист. Церк. Іер., III, 299.

[2]) Пол. Собр. лѣт. III, Нов. 1-, 98; ср. Новг. IV, подъ 1393 г., Архан. сб. 1863; Опис. Холмог. Сокол., 326. Ист. Г. Росс V. прим. 170.; Ист. Солов., IV, 8

[3]) Опис. Архан. губ. Молчанова, 72.

въ употребленіи народномъ, по имени монастыря *Архангельскимъ городомъ.* Первыми жителями Новохолмогорска были, какъ полагаютъ, стрѣльцы, а въ 1587 году былъ учрежденъ *посадъ,* гдѣ поселены были деревенскіе пахотные люди и небольшое число посадскихъ людей, переведенныхъ изъ Холмогоръ и разныхъ Двинскихъ деревень и посадовъ. Каменныя стѣны, послѣ нѣсколькихъ пожаровъ, возникли не ранѣе 1684 года [1]).

Коснувшись исторіи Архангельска только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо было для поясненія Кн. Б. Ч., перейдемъ къ поселеніямъ, лежавшимъ на островахъ *Двинской дельты.*

Невдалекѣ отъ Карельскаго монастыря, находящагося на лѣвомъ берегу Двинскихъ устьевъ, въ числѣ мѣстностей, разоренныхъ Мурманами въ 1419 году, упоминается *Конечный погостъ.* Правильнѣе будетъ къ этой же мѣстности отнести и указаніе, встрѣчающееся въ грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича въ 1398 году, гдѣ рядомъ съ Неноксой, поименовано новгородское поселеніе, тогда называвшееся *Конечные дворы.* Ему соотвѣтствуетъ селеніе Конецдворское, находящееся на островѣ Конечномъ [2]) иначе называемое Никольщина-Конечная, въ 14 верстахъ отъ города. Это селеніе имѣетъ значеніе прихода, можетъ быть замѣнившаго погостъ, упоминаемый въ 1419 году. Въ томъ же году, по лѣтописному извѣстію, между Конечнымъ погостомъ и Ондреяновымъ берегомъ показано поселеніе *Яковля-Курья.* Его нѣтъ на картахъ; но по спискамъ оно показано подъ названіемъ Іоаннинской или Щекинской, а также *Якокурской,* считаемыхъ за отдѣльныя деревни [3]) на островѣ Андреяновѣ въ 10 верстахъ отъ Архангельска. Далѣе подъ тѣмъ же 1419 годомъ, между Яковле-курьей и Кегостровомъ названъ *Ондреяновъ берегъ,* можетъ быть селеніе на островѣ Андреяновѣ. Этому селенію по картѣ, кажется, соотвѣтствуетъ селеніе *Андріановъ станъ,* лежащее на восточномъ берегу Никольскаго (Карельскаго) устья. По спискамъ для этого селенія есть нѣсколько указаній, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи

---

[1]) Пут. Леп., III, 339; Арх. Губ. вѣд. 1844, № 15, 16; Опис. Арх. губ. Молчанова, 79.

[2]) Ист. Гос. Росс., V, стр. 244; Спис. нас. мѣс. Арх. губ., № 120.

[3]) Спис. нас. мѣс. Арх. Губ. №№ 201, 202.

находящихся: Андріановская (Іонинская Щекинская) сл. въ 10 верстахъ отъ города, Андріяново (Заручьевская) и Андріянова или Пулино (Чевакинская 2-я)—обѣ въ 8 вер. отъ города [1]).

Въ одномъ изъ старинныхъ актовъ, именно въ жалованной грамотѣ 1411 года, говорится: „что емлють они двиняне въ *Терпиловомъ погостѣ* поралье посаднице... а кто изъ крестьянъ Терпилова погоста въ *Двинскую свободу*, то ему тянуть въ Двинскую слободу, а который Двинянинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста и тотъ тянетъ потугомъ къ Терпилову погосту". Этотъ же погостъ упоминается неоднократно и позднѣе въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, однажды рядомъ съ Соломбалами, а другой разъ—между Соломбалами и Неноксой. Выше было упомянуто, что, по смыслу древнѣйшей изъ грамотъ, данной Михайлову монастырю, существованіе Двинской свободы можно отнести даже къ XII вѣку. Земли Терпилова погоста, какъ видно изъ приведеннаго акта, не входили въ составъ Двинской свободы, такъ что Двиняне, селившіеся на земляхъ этого погоста должны были „тянуть потугомъ" къ нему же. Это выраженіе, доказывая экономическую связь Терпилова погоста съ Двинскою свободой, даетъ право замѣтить, что Терпиловъ погостъ возникъ гораздо ранѣе XV вѣка; тѣмъ справедливѣе это предположеніе, что уже въ XIV вѣкѣ Двинская свобода потеряла свое значеніе, уступивъ мѣсто Холмогорамъ.

Что касается до географическаго пріуроченія этого погоста, то по картѣ Статистическаго Комитета на островѣ Чубалѣ, лежащемъ по правому берегу Мурманскаго устья, показано селеніе *Терпиловъ станъ*, къ которому и правильно будетъ пріурочить выше приведенное указаніе, тѣмъ болѣе, что и Соломбалы, упоминаемые вмѣстѣ съ Терпиловымъ погостомъ (въ 1471 году), находились также не въ дальнѣйшемъ разстояніи.

Въ 1419 году за „Ондріяновымъ" берегомъ названы селенія Кигъ-островъ или *Кегъ-островъ* и *Кяръ-островъ*, въ числѣ мѣстностей, разоренныхъ Мурманами [2]). Первое изъ этихъ селеній и понынѣ существуетъ и показано на всѣхъ картахъ (Оперм., XI—

[1]) Спис. нас. мѣс. Арх. губ., №№ 202, 203, 204.

[2]) Пол. Собр. Лѣт. III. Новгор. 1-я, 169.

Кегостровская волость, кар. Ст. К.—селеніе Кегостровское). Въ спискахъ это селеніе называется Юрьевопогостенское на островѣ Кего или Кегостровъ [1]); позже оно называется Старый Кегостровъ и имѣетъ значеніе прихода, въ 3 верстахъ отъ Архангельска. На томъ же островѣ Кего по картамъ отмѣчено къ селенію *Кяръостровъ*. По спискамъ это селеніе называется Настасьевская, Кяр-островскій погостъ [2]); оно находится въ 5 верстахъ отъ губернскаго города.

Б. Острова Двинскаго русла.

Подъ названіемъ Двинскаго русла здѣсь разумѣется островистое теченіе Двины, находящееся передъ развѣтвленіемъ рѣки на четыре устья. На этомъ пространствѣ извѣстны слѣдующія древнія поселенія:

Княжъ-островъ упоминается между Кургіей и Лисье-островомъ въ 1398 году и въ обоихъ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, а именно: въ первой—между Великою Курьей и Коневымъ островомъ, а во второй—также послѣ Великой Курьи, но собственно между Кехтой Великою и Низовою Лукой до моря [3]). Разница этихъ указаній объясняется только различнымъ порядкомъ изложенія подробностей во второй Двинской грамотѣ и не составляетъ противорѣчія съ первою. На картахъ Оперм. (XI) это селеніе не означено, и можно только приблизительно, по сравненіи различныхъ картографическихъ указаній, указать на островъ *Княжеостровскій* (стоящій у Оперм. безъ названія), на которомъ это селеніе находится. На картѣ Стат. Ком. оно показано на этомъ островѣ подъ названіемъ *дер. Княжеостровской.* По спискамъ извѣстно подъ именемъ деревни *Новинской* или Ближняго острова [4]), а также Княжеостровскаго погоста, въ 26½ верстахъ отъ Архангельска.

Лисьеостровъ упоминается въ 1398 году между Княжьостровомъ и Конечнымъ дворомъ (коихъ мѣстоположеніе уже объяснено), а также въ Двинской грамотѣ 1471 года, гдѣ сказано: до на *Ли-*

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 186, 209.

[2]) Спис. Арх. губ., № 211.

[3]) Акты Арх. Эксп. I, 17, 93, 94, б.

[4]) Спис. нас. мѣс. Арханг. губ., № 136.

сичьи островъ земли тянутъ по Терпилову погосту" [1]). По картѣ Оперм. деревня *Лисье-островская* показана на безъимянномъ островѣ, вѣроятно Лисьеостровскомъ, означенномъ на другихъ картахъ, по теченію Двины, ниже Князьострова. По спискамъ это селеніе называется *Часовенскимъ селомъ* или *Лисьеостровскимъ погостомъ* и находится въ 9 в. отъ Архангельска [2]).

Коневъ островъ упоминается въ 1471 году только въ одной изъ Двинскихъ грамотъ [3]), между Княжъ-островомъ и Соломбалами. Онъ показанъ по картамъ въ руслѣ Двины, на границѣ уѣзда Архангельскаго и Холмогорскаго. Селенія подъ этимъ названіемъ по спискамъ нѣтъ.

Наляостровъ упоминается позже только въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, однажды между Семенчиной горой и Куръ-островомъ, а потомъ—между Лукой отъ Орлеца Великимъ Полемъ [4]), послѣ котораго стоитъ по Двинскимъ грамотамъ Куръостровъ. По кар. Ст. Ком. Холмогорскаго уѣзда островъ этотъ показанъ нѣсколько ниже устья Пинеги, среди излучистаго теченія Двины безъ названія и на немъ деревня *Нальеостровская.* У Оперм. (XI) островъ этотъ показанъ тамъ же, но на островѣ не означено ни одного селенія. По спискамъ это селеніе означено подъ названіемъ дер. *Овсяниковской, Нальеостровской* [5]), при рч. Быстро-Курьѣ въ 2 верстахъ отъ Холмогоръ.

Куръостровъ въ первый разъ упоминается въ 1398 году между Холмогорами и Чюхчелемой и позже въ Двинской грамотѣ 1471 года, гдѣ названъ дважды, — въ обоихъ случаяхъ между тѣми же мѣстностями, которыя приведены выше [6]). Этому указанію соотвѣтствуетъ по картамъ *Коростровъ* (Оперм., XI) и островъ безъ названія, съ дер. Куростровской (к. Ст. Ком.) — лежащій въ излучинахъ теченія Двины, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, противъ города Холмогоръ. Если подъ названіемъ Курострова въ

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 17, 93.

[2]) Спис. нас. мѣс. Арх. губ., № 257 (Лигьостровъ неправильно).

[3]) Акты Арх. Эксп. I, 93.

[4]) Спис. нас. мѣс. Арх. губ., № 1437.

[5]) Акты Арх. Эксп., I, 17, 93, 94. б.

1398 году разумѣлся не только островъ, но и селеніе, то по спискамъ ему соотвѣтствуетъ село Куроостровское, при рч. Куроостровкѣ, въ верстѣ отъ города Холмогоръ [1]), иначе называемое дер. Денисовская и с. Заулидское, имѣющее значеніе Куростровскаго прихода. Вѣроятно, Куростровъ принадлежалъ еще къ числу тѣхъ новгородскихъ поселеній, которыя входили въ составъ такъ называемой Двинской свободы, и существовалъ одновременно съ возникновеніемъ Михайлова монастыря.

Ухтостровъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ новгородскихъ поселеній, и вѣроятно, существовалъ уже въ XII вѣкѣ въ числѣ тѣхъ волостей Двинской свободы, которыя извѣстны изъ грамотъ этого времени. Это отчасти подтверждается и Двинскимъ лѣтописцемъ, который говоритъ: „Бяху отъ начала, исперва во владѣніи Двиняне за Новгородцы, тысячники и посадники, даньми и оброки. И для тѣхъ сборовъ и расправъ ихъ тысячники и посадниковы бояре были присылаемы и жили въ *Ухтостровской* и въ *Матигорскихъ* и въ *иныхъ* волостяхъ“. Очевидно, эта же Ухтостровская волость упоминается и впослѣдствіи въ 1398 году, между Чухчелемой и Кургіей, и неоднократно въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года; такъ напримѣръ, однажды между Лукинымъ берегомъ и Великою Курьей, а въ другой разъ—между Чухчелемой и также Великой Курьей [2]).

По картамъ это селеніе показано на одномъ изъ острововъ, лежащемъ среди излучинъ Двины, рядомъ съ Куростровомъ. Селеніе это называется *Троицко-Ухтостровскимъ*, вѣроятно—въ отличіе отъ другаго селенія *Ильинско-Ухтостровскаго*, стоящаго на лѣвомъ берегу Двины (Оперм., XI), въ Холмогорскомъ уѣздѣ. По спискамъ это селеніе означено подъ названіемъ *Троицко-Богоявленскаго* при Сѣв. Двинѣ (несовсѣмъ вѣрно) въ 8 верстахъ отъ Холмогоръ [3]); оно называлось также и Александровскимъ погостомъ и Ухтостровско-Богоявленскимъ приходомъ, а рѣчка, при которой это селеніе стоитъ, называется Богоявленскою.

---

[1]) Сп. нас. м. Арх. губ., № 1488.

[2]) Др. Р. Вивл., 1791, XVIII, 3; Акты Арх. Эксп., I, 17, 93, 94 б.

[3]) Сп. нас. м. Арх. губ., № 1557.

В. Лѣвый берегъ Двины отъ Пудожемскаго устья, вверхъ по теченію ея, до устья рѣки Емцы.

На этомъ пространствѣ извѣстны слѣдующія древнія мѣстности: По указанію Кн. Б. Ч., на устьѣ Двины (т. е. на Карельскомъ устьѣ) на лѣвомъ берегу, *монастырь Никольскій,* болѣе извѣстный подъ названіемъ *Карельскаго-Николаевскаго.* Онъ показанъ на всѣхъ картахъ и находится въ 35 вер. отъ Архангельска. Карельскій монастырь основанъ въ 1410 году преподобнымъ Евѳиміемъ, среди Кареловъ, жившихъ тогда на морскомъ прибрежьѣ среди русскихъ поселенцевъ, извѣстныхъ по грамотамъ Соловецкаго монастыря подъ названіемъ *Карельскихъ дѣтей.* О раздѣленіи этихъ поселенцевъ на пять родовъ было уже выше упомянуто. Основаніе этого монастыря приписывается позже Марѳѣ Посадницѣ, на основаніи одной древнѣйшей грамоты [1]), которая впрочемъ не даетъ права на такое заключеніе. Въ этой грамотѣ (безъ означенія года) сказано, что раба Божія Марѳа *поставила въ Карельскомъ монастырѣ* церковь во имя св. Николая на могилахъ дѣтей ея Антона и Феликса. Очевидно, монастырь въ это время уже существовалъ. Если онъ былъ основанъ въ 1410 году, а въ 1419 году разоренъ Мурманами [2]), то построеніе церкви св. Николая надъ могилами дѣтей Марѳы Посадницы можетъ скорѣе относиться къ періоду между 1410 и 1419 годами. Существованіе этой церкви въ позднѣйшее время подтверждается извѣстіемъ писцовой книги Мирона Вельяминова 1622 года; въ ней говорится: „у моря на *Пудожемскомъ* (вѣроятно, слѣдовало сказать на Карельскомъ) устьѣ монастырь Николаевскій на *Корельскомъ* берегу и въ монастырѣ церковь Николая Чудотворца, древяна вверхъ“ [3]). Существуетъ сомнѣніе въ томъ: была ли строительницею именно Марѳа Посадница, а не другая какая-либо владѣтельница, носившая имя Марѳы [4]). Но при точномъ свидѣтельствѣ грамоты относительно дѣтей Марѳы

---

[1]) Рус. свят. Фил. Черн., Авг., 81; Ист. Цер. Іер., IV, 630; Опис. Арх. губ. Молч., 108.

[2]) Пол. соб. лѣт., III, Новг. 1-я, 169.

[3]) Истр. цер. Іер., IV, 642.

[4]) Истор. Гос. Росс., IV, пр. 36; Энцикл. лекс. Плюшара, 1836, IV, 333.

Посадницы—это сомнѣніе кажется излишнимъ. Какъ бы то ни было, для цѣли нашего изслѣдованія достаточно того, что основаніе монастыря, съ полною вѣроятностію можетъ быть отнесено къ началу XV вѣка, и ранѣе этого времени упоминаніе о Карельскомъ монастырѣ не могло быть занесено въ Чертежъ.

Говоря о просвятительномъ значеніи этого монастыря, выше мы упомянули, что преподобный Евѳимій первый посвятилъ свою жизнь на просвѣщеніе Кареловъ въ этомъ краѣ. Владѣнія Карельскаго монастыря по прибрежью Бѣлаго моря дѣлаются извѣстными съ первой половины XVI вѣка. Къ числу древнѣйшихъ владѣній монастыря принадлежатъ и мѣстности, упоминаемыя въ описи этого монастыря подъ 1551 годомъ. Изъ отысканныхъ тогда „данныхъ четырехъ старыхъ, на хартіяхъ, съ свинцовыми печатями Марѳы Посадницы" видно, что Карельскому монастырю принадлежали: „*Якокурскія* деревни, да *Ижемская* деревня, да *Койдокурская* дер., да (Григорія Кологривова) по *Прилуцкую* деревню, де купчая на дворъ въ *Солзѣ*".

Въ тарханной грамотѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго 1607 года перечисляются слѣдующія деревни, бывшія во владѣніи монастыря: „изъ (Карельскаго монастыря) деревни: въ Двинскомъ уѣздѣ, въ *Низовой лукѣ*, да въ *Княжостровской лукѣ*, да въ *Кѣхтѣ*, да въ *Неноксѣ* дворы а что въ *Корѣльскомъ* уѣздѣ *Никольскіе вотчины* рыбныя ловли и покосы съ рѣки *Левковы*, *Сумки*, *Неноксы* и *Унѣ*... рыбныя ловли въ *Малокурьи* отъ устья *Питалы* рѣки по *Ягорской сторонѣ*... пожни усть Двины *Ягорской островъ* (островъ Ягры).. да на усть *Кудмы* на *Неноцкой сторонѣ* межа отъ моря до *Ширшемы*, а въ другой конецъ до *Солзы рѣки*... да дано въ оброкъ... въ Двинскомъ уѣздѣ Ненокскаго усолья Ягорской островъ отъ моря отъ Пудожемскаго устья—отъ Двинскаго, вверхъ по Двинѣ рч. *Ягорской*... да внизъ по Малокурью до Корѣльскаго устья.. да церковное *Петровское* владѣніе по Кудьмѣ на Солозской сторонѣ".. [1]).

Чиглонимъ упоминается въ 1419 году во время разоренія Мурманами Заволочьскихъ погостовъ, между Михайловымъ монасты-

[1]) Акты Истор., I, 140, 144, 158, II, 77; Акты Арх. Эксп., I, 299; II, 69.

ремъ и Хиченимомъ [1]). Молчаніе о Чиглонимѣ и Хиченимѣ въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, то есть, черезъ 52 года, можетъ быть, служитъ указаніемъ на то, что въ это время оба названныя селенія еще не успѣли оправиться отъ Мурманскаго разоренія, а потому, какъ не имѣвшія тогда значенія, пропущены въ Двинскихъ грамотахъ. Селеніе Чиглонимъ показано на картахъ подъ названіемъ *Цыглы* (Оперм., XI) или *Цыгломены* (к. Ст. К.), на лѣвомъ берегу Двины. Въ спискахъ этому селенію соотвѣтствуетъ дер. *Цыгломинская* [2]).

Хиченимъ упоминается въ томъ же 1419 году, вмѣстѣ съ Чиглонимомъ. Вѣроятно, это поселеніе, вмѣстѣ съ Чиглонимомъ, принадлежало или зависѣло отъ Михайлова или Карельскаго монастыря, судя по смыслу описанія Мурманскаго разоренія, гдѣ въ связи съ означенными монастырями поставлены и эти мѣстности, и описаніе заключается тѣмъ, что Мурмане (гдѣ именно—въ этихъ ли селеніяхъ или въ монастыряхъ?) „три церкви сожгли и христіанъ и черноризцевъ посѣкли". Принадлежность деревни *Хиченинской* монастырю въ 1555 году подтверждается прямымъ указаніемъ одной изъ граматъ Карельскому монастырю [3]).

Кѣхта Великая упоминается только въ одной изъ Двинскихъ грамотъ 1471 года, между Койдокурьею и Княжостровомъ [4]). Это селеніе почти подъ этимъ названіемъ показано ни картахъ (Оперм., X; к. Ст. К.: д. Кехотская) на лѣвомъ берегу Двины. По спискамъ (рукописнымъ) она занесена подъ названіемъ *Реутовской* (ошибочно напечатано: Реушовской) или Кяхотскаго погоста [5]).

---

[1]) Пол. Соб. лѣт., III, Новгор. пер., 169.

[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 223.

[3]) Акты Ист., I, 158.—Хоченимъ въ Сп. нас. м. мы находимъ подъ названіемъ дер. Борисовской, которая иначе называется Хочемина Большая или Велико-Хотчемская, отстопт въ $2^{1}/_{7}$ вер. отъ Архангельска и расположепа на берегу р. Сѣв. Двины.

В. М.

[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.

[5]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 164.—Не вѣрнѣе ли будетъ видѣть Великую Кѣхту въ сел. Реугновскомъ, расположенномъ при рр. Солозеркѣ и Кѣхтѣ; въ 35 вер. отъ Архангельска, и означенномъ въ Спискѣ нас.

Койдокурья упоминается передъ Кѣхтой Великою въ томъ же 1471 году. Она показана на всѣхъ картахъ подъ названіемъ *Койдокурской* (Оперм., X; к. Ст. К.). По спискамъ она означается *Хомяковскою* [1]), въ 40 вер. отъ Архангельска, и называется также Нижнекойдокурскою и Кондокурскимъ погостомъ.

Кургія или *Великокурья*. Это селеніе или рѣка первоначально упоминается въ 1398 году подъ названіемъ Кургіи, а потомъ въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года подъ названіемъ *Великокурьи*. Что оба эти названія относятся къ одной и той же мѣстности, можно, кажется, безошибочно заключать изъ сравненія этихъ различныхъ по времени историческихъ документовъ. Въ 1398 году, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ этой древней мѣстности, она обставлена слѣдующими указаніями: Чюхчелема, Ухтъ-островъ, *Кургія*, Княжъ-островъ. Въ 1471 году она стоитъ между слѣдующихъ мѣстностей: въ одной изъ грамотъ—Чухчелема, Ухтъ-островъ, Лукинъ берегъ, *Велцкая Курья*, Княжъ-островъ, а въ другой—Чухчелема, Ухтостровъ, *Великая Курья*, Койдокурья, Кехта Великая, Княжъ-островъ; слѣдовательно, во всѣхъ трехъ грамотахъ Великокурья окружена одними и тѣми же географическими указаніями [2]). Селеніе это показано на картахъ подъ названіемъ *Курегскаго погоста*, на р. Курьѣ (Оперм., XI), а также Курейскаго или Кургскаго погоста (к. Ст. К.), и рядомъ съ нимъ деревня Смоляковская. По спискамъ она называется *Смольниковскій погостъ* при р. Курьостровкѣ [3]), а также Смольниковская или Курейскій, Сергіевскій погостъ.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ Курегской волости былъ *Спасскій Новоприлуцкій монастырь*, основанный въ 1617 году, въ 15 вер. отъ Холмогоръ; но ни на картахъ, ни въ спискахъ этой мѣстности не означено [4]).

мѣст. Арх. губ. подъ № 125, тѣмъ болѣе, что приводимый авторомъ Реутовскій погостъ въ печатномъ спискѣ Кехотскимъ не называется.

В. М.

[1]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 114.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, 17, 93, 94, б.

[3]) Спис. нас. мѣст. Арх. губ., № 1540.

[4]) Ист. Церк. Іер., VI, I, 248.

Холмогоры. Несомнѣнная древняя извѣстность мѣстности, гдѣ стоитъ этотъ городъ, не говоря о прямыхъ доказательствахъ, очевидна изъ того, что если въ XI вѣкѣ на устьѣ Двины уже возможно было для Славянъ основаніе Михайлова монастыря, то естественно, что мѣстности, лежащія отъ него не только въ недальнемъ разстояніи, вверхъ по теченію Двины, но и до Усть-Емцы, и даже далѣе Ваги, были заселены Славянами, вѣроятно, ранѣе этого вѣка.

Не говоря о тожествѣ Холмогоръ съ баснословнымъ Гольмгардомъ и византійскимъУнкрадомъ, существованіе этого поселенія относятъ къ временамъ Чуди свободной, и основываясь на сличеніи византійскихъ извѣстій объУнкрадѣ съ сказаніями Скандинавовъ о торгахъ, селеніяхъ и храмахъ чудскихъ, полагаютъ, что и Чудь сѣверная могла имѣть такія же главныя мѣста поселенія, какъ Весь на Бѣлозерѣ, Меря—въ Ростовѣ и Мурома въ Муромѣ [1]). Въ этомъ отношеніи основываются отчасти и на мнѣніи Карамзина, который, ссылаясь на Крестинина, говоритъ, что имена трехъ деревень (Курцово, Качково и Падракурье), изъ коихъ составились Холмогоры, кажется вмѣстѣ и финскія и русскія, что „колмъ" на финскомъ языкѣ значитъ три, и что Холмогоры прежде, въ разные вѣка, въ Двинскомъ лѣтописцѣ и въ Кн. Б. Чертежа, назывались *Колмогорами* [2]). Въ доказательство древности Холмогоръ ссылаются на одну изъ грамотъ XIII вѣка—князя Ярослава Ярославича, въ которой говорится о правителяхъ въ Заволочьѣ новгородскихъ, а не княжескихъ, и что здѣсь, очевидно, указываются посадники Холмогорскіе, хотя о Холмогорахъ и не упоминается и не могло быть упоминаемо ни въ XII, ни въ XIII вѣкахъ, такъ какъ посадники Двинскіе, на имя которыхъ посылались грамоты, жили тогда не въ Холмогорахъ, а въ Матигорахъ [3]).

Помимо всѣхъ этихъ доказательствъ, не вполнѣ убѣдительныхъ, для цѣли настоящаго изслѣдованія достаточно остановиться на томъ, что говорятъ объ относительной древности Холмогоръ болѣе несомнѣнныя свидѣтельства.

---

[1]) Арх. Сборн., 1863, I, 310.

[2]) Ист. Кар., I, пр. 62.

[3]) Ист. Кар., IV, пр. 116; Сбор. Арх. губ., 1863, I, 525.

Кромѣ вышеприведенныхъ трехъ селеній, вошедшихъ въ составъ Холмогоръ, указываютъ еще на три слободы, построенныя позже Новгородцами, именно: Глинка, Никольскій и Ивановскій приходы, которые всѣ вмѣстѣ получили названіе посадовъ: Курцовскаго, Никольскаго, Двинскаго, Ивановскаго и Подракурскаго, за исключеніемъ деревни Качковой, которая оставалась въ этомъ значеніи до XVII вѣка [1].

Одинъ изъ этихъ погостовъ—*Ивановскій* древнѣе прочихъ. О немъ, подъ названіемъ *Иванъ-погоста*, упоминается въ 1138 году, въ уставной грамотѣ Святослава Ольговича. Такъ можно заключить по тому, что послѣ погостовъ по Онегѣ (Валдуева и Тудорова) вслѣдъ за нимъ упоминаются придвинскія мѣстности, въ недальнемъ отъ Холмогоръ разстояніи находящіяся, какъ Рокула, Пинега, Кегрела, Усть-Емца и др. [2]. Другой погостъ *Подракульскій* также, кажется, имѣетъ для своей древности историческое подтвержденіе. Въ Двинской грамотѣ 1471 года между Холмогорами и дер. Матигорскою (находящеюся въ $4^1/_2$ вер. отъ Холмогоръ) упоминается *Падринъ погостъ* [3]. Очевидная близость этого погоста къ Холмогорамъ подтверждается и другими историческими соображеніями. Въ извѣстіяхъ объ Успенскомъ дѣвичьемъ Холмогорскомъ монастырѣ, основанномъ въ XVII столѣтіи, упоминается, что этотъ монастырь, съ церковью Владимірской Божіей Матери, первоначально находился въ 3-хъ верстахъ отъ города на берегу рѣчки *Падеры*; но какъ этотъ берегъ весеннимъ водоразливомъ начало подмывать, то въ 1687 году монастырь былъ перенесенъ въ селеніе Курцово [4]. По близости р. Падеры въ Холмогорахъ можно думать, что *Падринъ погостъ* стоялъ именно тамъ, гдѣ былъ Успенскій монастырь на р. Падерѣ, а что *погостъ Падракурскій* получилъ свое названіе тоже отъ этой рѣчки. Погостъ этотъ обыкновенно извѣстенъ подъ названіемъ Падракурье, а самое названіе сложилось, вѣроятно, отъ собственнаго имени р. *Падеры* и слова *Курья*, имѣющаго мѣстное

[1]) Пам. Кн. Арх. губ., 1862, стр. 26 и 27.
[2]) Сбор. Арх. г., 1863, I, 325—326.
[3]) Акты Арх. Эксп., I, 94 б.
[4]) Ист. Цер. Іер., VI, 1, 561.

нарицательное значеніе узкаго протока, который вдается далеко отъ берега въ твердую землю и теряется въ стоячихъ, безвѣстныхъ водахъ [1]). Такихъ соединенныхъ названій, какъ Падера-курья (или Падракурья, и даже Подракурье), въ этомъ краѣ нѣсколько: Быстро-Курья, Бояръ-курья, Велико-курья и просто Курья (по лѣтописному выраженію даже Кургія). О погостѣ Падракурскомъ, кажется, упоминается и въ Двинскомъ лѣтописцѣ, въ 1546 году, когда погорѣлъ посадъ на *Подракурьѣ*, а въ немъ церковь Іоанна Предтечи [2]). Кстати здѣсь можно замѣтить, что и въ самоѣдскомъ языкѣ есть слово Пыдера и значитъ лѣсъ [3]). Всѣ эти соображенія о тожествѣ Падракурья и Падрина погоста приводятся здѣсь между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы мѣстные изслѣдователи при розысканіи Падрина погоста обратили вниманіе и на это сопоставленіе, которое имѣетъ за собою географическую правдоподобность. Для прочихъ Холмогорскихъ погостовъ не встрѣтилось положительныхъ указаній, подтверждающихъ ихъ древность, хотя имъ и нельзя отказать въ ней.

Что касается до названія этихъ посадовъ всѣхъ вмѣстѣ *Колмогорами*, то оно, какъ извѣстно, впервые встрѣчается при Іоаннѣ II Іоанновичѣ, между 1355—1359 годами, въ одной изъ Двинскихъ грамотъ „отъ вел. кн. Ивана, отъ посадника Данила и отъ всего Новогорода къ Двинскому посаднику на *Колмогоры* о выдѣлѣ нѣкоторыхъ мѣстностей въ пользу монастыря Михаила-Архангельскаго“ [4]). Встрѣчается упоминаніе о Колмогорахъ и нѣсколько ранѣе — въ 1346 году, какъ увидимъ ниже. Достаточно было бъ этого свидѣтельства, чтобъ остановиться на той мысли, что Колмогоры не могли быть внесены въ описаніе Б. Чертежа ранѣе первой половины XIV вѣка; но здѣсь есть еще нѣкоторыя обстоятельства, о коихъ считаемъ неизлишнимъ упомянуть. Указываютъ на то, что въ Холмогорахъ, въ сторонѣ отъ бывшаго острога, поставленнаго царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, сохранилась насыпь, называемая въ народѣ *городищемъ*, и что въ

---

[1]) Зап. Геогр. Общ., 1850, IV, Област. выраж. въ Архангельскѣ, Шренка, 139.
[2]) Вивл. Нов., 1791, VIII, 10.
[3]) Вѣстн. Геогр. Общ., 1850, IV, Шренка, 123.
[4]) Ист. Карамз., IV, пр. 326.

Двинской лѣтописи прямо сказано, что ни какой крѣпости или города до Михаила Ѳеодоровича не строили; слѣдовательно, такъ называемое городище надобно отнесть къ временамъ чудскимъ [1]). Едва ли это заключенiе вѣрно. Въ Двинскомъ лѣтописцѣ сказано: „въ 122 (1614) году... ради ихъ (Польскихъ и Литовскихъ людей) воровскаго, безвѣстнаго приходу, воеводы приказали Двинянамъ въ *нижней половинѣ* острогъ наспѣхъ строить, а *прежде того острогъ на Холмогорахъ не бывалъ*“. Это былъ острогъ Холмогорскiй *на нижней половинѣ Глинскаго посада* [2]). Вѣроятно, правильнѣе будетъ понимать лѣтописца такъ, что на этомъ мѣстѣ въ Холмогорахъ, т. е. на нижней половинѣ Глинскаго погоста, острога никогда не строили, а былъ онъ, значитъ, въ другомъ мѣстѣ, и именно тамъ, гдѣ указывается насыпь, называемая „городищемъ“, и притомъ едва ли и это городище было чудской постройки. По описанiю, весьма точному, эта насыпь, находящаяся на островѣ, превосходитъ другiя, ей подобныя, своею возвышенностiю, и къ ней относится указанiе Двинскаго лѣтописца подъ 1346 годомъ, что тогда это старинное укрѣпленiе разрушено, ибо „одолѣша полки великаго князя и убиша множество Двинянъ и Заволочанъ, а инiи потопоша, а князь ихъ раненъ, кинулся въ лодку и убѣжавъ въ Колмогоры, многихъ же руками изымали. Потомъ же и градки ихъ взяша“ [3]). Это укрѣпленiе однакожъ не было тогда окончательно разрушено, потому что и въ значенiи городища оно оставалось не совсѣмъ пустымъ. Такъ, болѣе чѣмъ черезъ 200 лѣтъ, оно упоминается въ Двинскомъ же лѣтописцѣ подъ 1540 годомъ, когда „жалованныя грамоты и всякiе указы (присылаемые изъ Москвы) положены были *на городищѣ*, въ казнѣ, въ Спасскомъ большомъ соборѣ“. Въ этомъ же значенiи городище упоминается у Двинскаго лѣтописца позднѣе—черезъ 10 лѣтъ. Стало быть, Большой Спасскiй соборъ на городищѣ (можетъ быть, уцѣлѣвшiй отъ разгрома) былъ тогда хранилищемъ казны (т. е. капиталовъ) и документовъ. Если принять въ соображенiе, что старый острогъ былъ разрушенъ въ 1346 году, а около 1359

---

[1]) Пам. кн. Арх. г., 1862, стр. 26.

[2]) Вивл. Новик., 1791, XVIII, 20; Опис. Арх. губ. Молч., 131.

[3]) Вивл. Нов., 1791, XVIII, 8; Опис. Арх. г. Молч., 128; Кн. Б. Чер., 192; Спис. нас. м. Арх. губ., 2.

года упоминаются въ первый разъ Колмогоры, то можно думать, что въ этотъ именно промежутокъ времени управленіе перенесено было изъ Двинскихъ слободъ въ Холмогоры.

Не излишне замѣтить, что по указанію Кн. Б. Ч., „отъ Колмогоръ до града Архангельскаго (считается) 50 верстъ", а въ варіантѣ сказано „отъ Холмогоръ до устья Сухоны 400 верстъ отколь по горѣ до города Архангельскаго 60 вер. отъ города до моря 50 вер." Стало быть, варіантъ точнѣе текста, такъ какъ въ послѣднемъ обозначено было разстояніе, съ опредѣленіемъ мѣстности, по которой оно разчитывалось, то есть, „по горѣ". Нынѣ отъ Холмогоръ до Архангельска считается 70½ вер.

Матигоры. Это новгородское поселеніе, вмѣстѣ съ Ухтостровомъ и другими мѣстностями, безсомнѣнно принадлежатъ къ числу тѣхъ древнѣйшихъ славянскихъ колоній, которыя подъ собирательнымъ значеніемъ Двинской свободы упоминаются въ XII вѣкѣ (1110 и 1165 годами). Въ первый разъ эта мѣстность названа въ 1398 году между Колмогорами и Орлецомъ. Въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года упоминаніе объ Матигорахъ сопровождается различными подробностями. Въ одной изъ нихъ *Матигорская* названа между Холмогорами и Падринымъ погостомъ, съ одной стороны, и между Лукой отъ Орлеца и Нальеостровомъ—съ другой [1]). Въ другой грамотѣ упоминаніе о Матигорахъ обставлено подробностями, о которыхъ, по особой причинѣ будетъ упомянуто ниже. Соотвѣтствующіе Матигорамъ погосты показаны на всѣхъ картахъ. На картѣ Ст. К. означены въ Холмогорскомъ уѣздѣ два селенія, относящіяся къ этому указанію: *Борисоглѣбско-Матигорская* и *Николаевско-Матигорская* — между озеромъ Плоскимъ и рч. Курьей, при безъименныхъ озерахъ, имѣющихъ общій протокъ. На картѣ Опермана, XI, этимъ мѣстностямъ соотвѣтствуютъ погосты Борисоглѣбскій и Николаевскій—по спискамъ показаны *Нижне-Матигорская* (Борисоглѣбское, Демидовское) при Бояръ-Курьѣ, а въ 4½ вер. отъ Холмогоръ и *Верхне-Матигорская*, въ томъ же разстояніи отъ города и по той же Курьѣ [2]). Эта послѣдняя извѣстна по рукописному списку также подъ названіемъ Верхнематигорскаго прихода (Вотчиновская, Братниковская, Хотька).

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 17, 93.

[2]) Сп. нас. м. Арх. г., №№ 1546, 1602.

Что касается до упоминанія о Матигорахъ въ другой Двинской грамотѣ, то здѣсь оно сопровождается слѣдующими подробностями: „да на *Матигорѣхъ... Великое поле* у озера... до *Быстрокурья* межа до *Хоргоду* рѣки и на *Матигорское* озеро... *Виковъ паволокъ* тянетъ къ Великому же полю отъ *Плескаго* ручья до *Семенчины горы*" [1]).

Изъ всѣхъ названныхъ здѣсь мѣстностей, кромѣ Матигоръ, опредѣлительно можетъ быть указана только одна *Быстрокурья.* Она означена на всѣхъ картахъ: *Быстрокурская* (к. Ст. К.), *Быстрокурка* (Оперм., XI). По спискамъ селеніе *Быстрокурское*, на лѣвомъ берегу рѣчки Быстрокурки, въ 18 верст. отъ Холмогоръ [2]), иначе называется Пареекѣевская, Быстрокурскій приходъ.

Для ручья *Плесскаго* можно указать вблизи Матигоръ (по всѣмъ картамъ) на небольшую рѣчку, вытекающую изъ озера *Плоскаго.* По имени этого озера и рѣчка можетъ быть правильнѣе названа *Плоской Ручей.* Для всѣхъ остальныхъ указаній (Великое поле у озера, можетъ быть, Плоскаго, на Матигорѣхъ,—р. Хоргода, Матигорское озеро, Виковъ наволокъ, который тянетъ къ Великому Полю, и Семенчина гора, указанная за Плоскимъ ручьемъ) трудно, при совершенномъ недостаткѣ картографическихъ данныхъ, сказать что-либо опредѣлительное, кромѣ того, что всѣ эти мѣстности, по связи упоминанія, должны быть около Матигоръ; въ этомъ случаѣ могутъ помочь одни мѣстныя изслѣдованія. Можно еще впрочемъ обратиться къ одному позднѣйшему свидѣтельству, къ грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича 1524 года, гдѣ характеръ указаній, кажется, близко подходитъ къ тѣмъ же мѣстностямъ. Въ приводимой грамотѣ сказано: „пожаловали есми Двинянъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, *за Двиною* нашли ключи соленые на *Юрѣ*, въ черномъ лѣсу, да отъ *Кривца* вверхъ по обѣ стороны горы до Смердьева *озерка* до устья Хороги, до Гостилова устья, до *Заливина ручья*" [3]). Въ этомъ указаніи только *Юра* и *Кривецъ* (за Двиною, т. е. по правому берегу Двины) могутъ быть положительно указаны по картѣ Ст. Ком. Въ Архангельскомъ уѣздѣ, между Архангельскомъ и Лавлей рѣкой, означена рѣка *Юрасъ*, впадающая

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 94 а.

[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1406.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 385.

въ Двину, и около устья ея рѣчка *Кривякъ* (по картѣ Оперм., XI, означена въ этомъ пространствѣ безъимянная рѣчка). Такимъ образомъ соляные ключи, упоминаемые въ 1524 году вверхъ по Юрасу по обѣ стороны, правдоподобно могутъ быть указаны отъ рч. Кривякъ. Изъ остальныхъ мѣстностей можно указать на *Смердьево озеро*—уже на лѣвой сторонѣ Двины. Оно показано по картѣ Ст. К. подъ названіемъ оз. *Смердо*, съ рѣчкой того же имени. *Хоргода* рѣка 1471 года легко могла быть въ 1526 году записана подъ названіемъ *Хороги.* Всѣ эти догадки могутъ быть подтверждены или отвергнуты только мѣстными разъясненіями.

Лука отъ Орлеца упоминается въ одной изъ Двинскихъ грамотъ 1471 года, между Матигорами и Нальостровомъ [1]). Съ полною вѣроятностію можно предполагать, что здѣсь разумѣется то пространство, которое отъ города Орлеца, на картахъ, представляется внизъ по извилистому теченію Двины до Нальострова и называется у мѣстныхъ жителей Прилукою. Этимъ выраженіемъ обозначается внѣшняя дуга рѣчнаго берега, по которой въ особенности стремится теченіе, или какъ говорятъ, „вода прилучается", или „идетъ лукъ воды" [2]). Сюда же, кажется, должно отнести и другое указаніе этихъ грамотъ, встрѣчающееся въ другомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ описанія окрестностей Матигорскихъ называются: Нальеостровъ, Куръ-островъ, Чухченема, *Лукинъ берегъ* и Ухтостровъ. Такъ можно думать по совмѣстности въ обоихъ случаяхъ однѣхъ и тѣхъ же главнѣйшихъ указаній подъ названіемъ *Лукина берега*; здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть *берегъ луки* отъ Орлеца, съ тою разницей, что въ одномъ мѣстѣ говорится о самой *излучинѣ* (лукѣ) теченія Двины, а въ другомъ—о берегѣ этой излучины или луки.

Орлецъ подъ названіемъ *городка* впервые упоминается подъ 1342 годомъ, когда сынъ Новгородскаго посадника Варфоломея Лука, по выраженію лѣтописца, „не послушавъ Новгорода и митрополича благословенія, скопивъ съ собой холоповъ збоевъ, и поиде за Волокъ на Двину *и постави городокъ Орлецъ* (на лѣв. берегу Двины, въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ, въ Паниловской волости) и скопивъ *Емчанъ* (т. е. жителей р. Еми) и взя по Двинѣ *вся погосты*

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 94 б.
[2]) Вѣстн. Г. Общ., 1850, IV, ст. Шренка, 140.

на щитъ". Этотъ случай относится къ тому періоду новгородской жизни, когда, во второй половинѣ XIV вѣка, направились на Заволочье набѣги вольницы новгородской, искавшей себѣ добычи въ этомъ краѣ и извѣстной подъ названіемъ ушкуйниковъ [1]). Въ концѣ этого вѣка Заволочье уже находилось подъ вліяніемъ Московскихъ князей, и при вел. князѣ Василіи Дмитріевичѣ въ 1398 г. городокъ *Орлецъ* уже былъ записанъ въ Двинскую грамоту [2]). Около того же времени, Новгородцы пытались просьбами убѣдить великаго князя возвратить Заволочье Новгороду, но при несогласіи на то Московскаго князя, они взялись за оружіе: „не можемъ (говорили Новгородцы владыкѣ своему Іонѣ) сего насилія терпети... и... воеводы Новгородскіе, посадникъ Тимофеи, посадникъ Юріи и Василіи и вси вои поидоша за Волокъ на Двину къ *городку* къ *Орлецу* и встрѣти ихъ съ *Вели* владычень волостель Исаіа (и сказавъ имъ...) наѣхавъ князя великаго бояринъ Андрей съ Іоанномъ съ Михаиловымъ и съ Двиняне на *святой Софіи волость Вель* и повоеваша (ее)... а отъ князя великаго пріѣхалъ въ засаду на Двину князь Ростовскій... Новгородскіе воеводы затѣмъ рѣшишася идти къ *Бѣлоозеро... Кубенскіе волости* поимаша и около Вологды воеваше и *Устюгъ городъ* повоеваша и *пожгоше...* поидоша къ Двину къ *городку Орлецу* и взяша... присудъ и *городокъ разгрѣбоша...*" [3]). Этотъ 1394 годъ былъ и послѣднимъ годомъ существованія *городка* Орлеца. По замѣчанію мѣстныхъ изслѣдователей, Орлецъ не былъ уже возобновляемъ, и двѣ бывшія въ немъ церкви, за пустотою мѣста, перенесены были въ ближайшія волости: Кошелевскую и Ступинскую; стѣны же каменныя и земляныя существовали и въ началѣ настоящаго вѣка [4]). Впрочемъ имя *города Орлеца* (вѣроятно, скорѣе въ значеніи городища) встрѣчается въ 1646 году по случаю устройства въ Двинскомъ устьѣ каменныхъ башенъ, для которыхъ камень бутовой возили Двиной отъ

---

[1]) Пол. Соб. лѣт., III, Новг. пер., 81, 82; ср. Истор. Кар., IV, пр. 159 и 337; Пам. кн. Арх. губ. 1862, ст. Соколова, 31; Опис. Арх. губ. Молч., 141.

[2]) Ист. Кар., V, пр. 244.

[3]) Пол. Соб. лѣт., III, Новгор. перв. 98; ср. Дв. лѣт., Вивл. Новик. 1791, XVIII., п. 4, 5.

[4]) Опис. Арх. губ. Молч., 142.

Архангельска и *города Орлеца* [1]). Мѣстность этого городка можетъ быть указана на разныхъ картахъ. На к. Стат. К. въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по лѣвой сторонѣ Двины, между ручьями Мошнымъ и Княжемъ означены два селенія: *Нижняя Орлецка* и *Верхняя Орлецка*; послѣдняя показана и на другихъ картахъ (Оперм., XI). Оба эти селенія, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи означены и по спискамъ: *Нижніе Орлецы* въ 33 вер. и *Верхніе Орлецы* въ 32½ отъ Холмогоръ [2]).

Кривая упоминается въ первый разъ также въ 1398 году, между городомъ Орлецомъ и Ракулой. Въ Двинскихъ грамотахъ объ этой мѣстности нѣтъ упоминанія. На картахъ она означена подъ названіемъ *Кривецкой* на лѣвомъ берегу Двины (к. Ст. К.) и *Кривецкаго погоста*—тамъ же (Оперм., XI). По спискамъ *Кривецкое село* въ 39 вер. отъ Холмогоръ [3]), называемое иначе Задворно-Кривецкое село или погостъ. Въ этомъ селеніи былъ *монастырь* на берегу рч. Обокши, впадающей въ Двину, *извѣстный подъ названіемъ Кривецкаго*. О времени основанія его свѣдѣній не встрѣтилось; но о немъ упоминается въ 1619 году, когда по грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, онъ отданъ былъ въ вѣдѣніе Сійскаго монастыря. Въ это время въ немъ было двѣ церкви: Успенія Богоматери и Трехъ Вселенскихъ Святителей [4]).

Ракуля принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній. Въ грамотѣ вел. кн. Святослава Ольговича, послѣ Иванъ-погоста (Ивановскаго погоста въ Холмогорахъ) названы: *Ракуля*, Спирково, Вихтуй и потомъ Пинега и Вага. Изъ нихъ Спирково и Вихтуй не извѣстно гдѣ находились: можно предполагать, что они были въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, гдѣ-либо по берегамъ Двины. Но что касается до Ракули, то она почти подъ тѣмъ же названіемъ (вмѣсто Ракуля—Рокула) упоминается въ 1398 году, между Кривою и Наволокомъ, вверхъ по теченію Двины [5]). Положеніе этого селенія на картахъ нѣсколько

---

[1]) Доп. къ Акт. ист., III, 13.

[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1419.

[3]) Спис. нас. м. Арх. губ., №. 1424.

[4]) Опис. Арх. губ. Молч., 137, 151; Ист. свѣд. о мон. Ратш., 16; Русскіе народоправ. Костомар., II, 336; Сб. Арх. губ. 1863, I, 464.

[5]) Ист. Кар., V, пр. 244.

сбивчиво. На картѣ Оперм. (XI) есть селеніе *Рокуля* на лѣвомъ берегу Двины, и почти противъ нея на противоположномъ берегу показанъ *погостъ Рокульскій.* На картѣ Ст. К. Ракулѣ, показанной у Опермана, соотвѣтствуетъ Осередка и Ракульская, по лѣвой сторонѣ Двины, но и на правомъ ея берегу, показана также деревня Ракульская. Думается, что для Рокулы, по совмѣстности указанія объ ней въ актахъ съ деревнею Кривою (Кривецкою), правильнѣе будетъ остановиться на лѣвомъ берегу Двины, принявъ за древнюю Ракулу—селеніе того же имени, показанное у Опермана. По спискамъ положеніе Ракули также не вполнѣ ясно, ибо, къ сожалѣнію, не объяснено, какъ это сдѣлано относительно многихъ селеній (на какомъ берегу, на правомъ или на лѣвомъ) она должна считаться [1]). Отъ нея до Холмогоръ считается 58 верстъ.

Сійскій монастырь находится по тому же лѣвому берегу Двины между Ракулей и Емцой, при р. Сіѣ, впадающей въ Двину. Рѣчка *Сія* упоминается въ одной изъ Двинскихъ грамотъ 1471 года [2]), въ числѣ владѣній князя Константина Александровича Ростовскаго. Что касается до монастыря, то онъ былъ основанъ въ 1520 году, въ княженіе Василія IV Іоанновича, преподобнымъ Антоніемъ. Уроженецъ селенія Кехты, онъ былъ постриженъ въ Кенскомъ монастырѣ (Онежскаго уѣзда), и какъ говоритъ преданіе, первоначально избралъ мѣстомъ иноческой жизни селеніе Шелохское (Онежскаго же уѣзда), но здѣшніе жители не дали ему земли для устройства кельи. На берегу р. Сіи въ 1520 году, св. Антоній безпрепятственно поселился на полуостровѣ, вдающемся въ Михайлово озеро, и началъ строить монастырь. На право построенія вел. кн. Василій Ивановичъ далъ ему грамоту, приславъ въ новостроющійся храмъ и утварь церковную. Построены были трудами Антонія церкви: во имя св. Троицы, потомъ Благовѣщенская и Сергія Радонежскаго, а позже и братскія кельи; но всѣ эти деревянныя зданія сгорѣли, и возобновленныя св. Антоніемъ, вновь сдѣлались жертвою пламени. Нынѣ существующія каменныя зданія по времени постройки относятся уже къ XVIII столѣтію. Кромѣ многихъ угодій, пожертвованныхъ въ разное время великими князьями и царями, этой обители при-

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1399.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, 94 б.

надлежало 3330 д. крестьянъ и приписаны были монастыри: Кривецкій и Лявленской, Чирезова пустыня и два монастыря Елецкія: Ивановскій женскій и Покровскій мужской [1]). Изъ жалованной несудимой грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1621 г. видно, что поземельныя владѣнія этого монастыря были и въ другихъ мѣстахъ: „по Двинѣ... въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Варзугѣ... въ Немьюжскихъ и въ обмѣнныхъ деревняхъ па р. Ваймугѣ... въ Емецкомъ стану *большаго села на Емцѣ*, монастырекъ дѣвичей Ивана Предтечи... на Никулинской деревнѣ и Кощѣевы горы... на Нальеостровy, противъ Ровдины горы... до рѣчки Золотица зимняя, да въ Лопшенгѣ, да на Унѣ и въ Неноксѣ за Золочницей въ рѣчкѣ Товѣ, въ Моржегорскомъ усольѣ... да Матигорско волости Кулойской берегъ и Сосновской съ рѣчками, да въ Орловѣ... а въ Пулойскомъ берегу моря съ 1/2 рѣки Пялицы, до Варзуской межи“ [2]). Судя по значенію этого монастыря и по вниманію къ нему Московскихъ государей, нельзя думать, чтобъ онъ былъ пропущенъ въ текстѣ Чертежа по какому-нибудь недосмотру, а вѣроятнѣе потому, что въ теченіе 70 лѣтъ со времени основанія, онъ неоднократно былъ совершенно уничтожаемъ пожарами и наконецъ, находился нѣсколько въ сторонѣ отъ берега Двины; по этой же причинѣ не вошли въ Кн. Б. Ч. и нѣкоторые другіе довольно значительные монастыри, находившіеся въ сторонѣ отъ главныхъ маршрутныхъ линій, принятыхъ въ Чертежѣ. Простое умолчаніе объ этомъ монастырѣ, кажется, не можетъ быть допущено и въ томъ отношеніи, что онъ былъ мѣстомъ ссылки, какъ это извѣстно изъ нѣкоторыхъ актовъ съ 1575 по 1603 годъ [3]).

Г. Рѣка Емца съ притоками и лѣвый берегъ Двины, вверхъ по теченію отъ Емцы до Ваги.

Емца рѣка и *Емецкій городокъ* показаны на всѣхъ картахъ. По спискамъ, *Емецкій острогъ* есть д. Емецкая при устьѣ Емцы [4]), въ

[1]) Сбор. Арх. г. 1863, I, 442—460; Ист. Церк. Іер., VI. 116. Опис. Арх. губ. Молч., 139; Рус. св. Фил. Черн., Дек. 529; срав. Арх. Г. Вѣд. 1844, № 38, 1851, 18—21.

[2]) Акты Арх. Эксп., III, 95.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 225, 289., II, 38, III, 249.

[4]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1603.

100½ верстахъ отъ Холмогоръ; поселеніе это принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ, судя по упоминанію о немъ въ грамотѣ Михайлова монастыря, приведенной выше, и въ уставной грамотѣ 1138 года, гдѣ эта мѣстность названа *Усть-Емцею*. Постоянная осѣдлость Емцы выясняется къ концу XIII в., именно къ 1294 г., когда, во время княженія Симеона Іоанновича Гордаго, это селеніе было уже такъ значительно, что жители его могли сопротивляться новгородской вольницѣ, производившей разбои въ Заволочьѣ [1]). Упоминаніе объ этой мѣстности встрѣчается и позднѣе — въ грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича, подъ названіемъ *Еми*, и нѣсколько ранѣе—въ 1342 году, во время похода ушкуйниковъ новгородскихъ для построенія Орлеца [2]). Въ 1417 году лѣтописи упоминаютъ о разореніи Емцы: „того же лѣта съ Вятки изъ князя великаго вотчины, княжъ бояринъ Юрьевъ Глѣбъ Семеновичъ, съ новгородскими бѣглеци съ Семеномъ Жадовскимъ и съ Михаиломъ съ Разсохинымъ и съ Устюжаны и съ Вятчаны изъѣхаша въ насадѣхъ, безъ вѣсти, Заволочскую землю и повоеваша волость Борокъ Ивановыхъ дѣтей Васильевича и *Емцу* и Колмогоры земъ и пожгли“ [3]). Въ 1471 году эта мѣстность упоминается среди слѣдующихъ указаній: „Коскошинъ, до *устья Емецкаго, городокъ Емецкой, Чукчинъ конецъ, погостъ Емецкой*“ и пр. въ числѣ владѣній кн. Константина Владиміровича Ростовскаго [4]). Если подъ устьемъ Емецкимъ здѣсь разумѣть Усть-Емцу, какъ новгородское поселеніе XII вѣка и какъ отдѣльную мѣстность, то по смыслу приведенныхъ указаній, и Емецкій городокъ, и Чукчинъ Конецъ, и Емецкій погостъ, одновременно упоминаемыя, надобно разумѣть какъ мѣстности, видимо находившіяся въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Только мѣстныя розысканія могутъ объяснить географическое положеніе и значеніе этихъ названій.—*Городокъ Емецкой* очевидно существовалъ до 1471 года, и можетъ быть, задолго, судя отчасти по разоренію Емцы въ 1342 году, если подъ этимъ разумѣть разореніе поселе-

¹) Ист. Карамз., пр. 261; Арх. губ. вѣд. 1839, 19.
²) Ист. Карамз., V, пр. 224; Пол. Соб. лѣт. III, Новг. пер. 81, 82.
³) П. Соб. Л., III, Новг. пер. 107, ср. Софійск. втор., 141.
⁴) Акты Арх. Эксп., I, 74, 94 б., Доп. къ Акт. Ист., I, 354.

нія Емецкаго и городка; но когда онъ построенъ и долго ли существовалъ—для того не встрѣтилось разъясненія. То же самое приходится сказать и о времени появленія упоминаемаго въ Двинскихъ грамотахъ *Емецкаго погоста*. Что между *Усть-Емцой* и *Емецкимъ погостомъ* надобно допустить разницу, это очевидно изъ приводимаго ниже (подъ 1536 годомъ) упоминанія объ этомъ погостѣ и о *большомъ селѣ на Емцѣ*, упоминаемомъ въ 1621 году (см. Сійскій монастырь). Нѣсколько ранѣе этого года, именно въ 1613 году, упоминается объ устройствѣ въ Емцѣ острога воеводою Холмогорскимъ Пронскимъ; этотъ острогъ, вѣроятно, былъ возобновленіемъ прежнихъ укрѣпленій, необходимость коихъ тогда вызывалась появленіемъ въ этомъ краѣ Литовскихъ и Польскихъ бродягъ, разорявшихъ многія мѣста. Углубленія рва, опоясывавшаго этотъ острогъ съ трехъ сторонъ, до нынѣ видны по всему пространству Емецка съ сѣверной стороны и оттуда обращаются на югъ, соединяясь съ глубокими оврагами, лежащими одинъ ниже, а другой выше Емецка. Площадь, обнесенная оврагомъ, не болѣе 12,000 кв. сажень, включая и 20 сажень набережнаго угора, смытаго водой. На угорѣ стояла одна изъ древнѣйшихъ церквей—во имя Николая Чудотворца, которая перенесена въ Зачатьевскую деревню. Въ недальнемъ разстояніи отъ Емецкаго острога находятся еще двѣ земляныя возвышенности, на которыхъ въ 1613 г. стояли стрѣльцы, въ защиту противъ Литовцевъ [1]). Въ Емцахъ упоминаются въ 1524 г. два монастыря: Ивановскій и Покровскій. Изъ переписи Двинскаго края, произведенной въ 1587 году, видно, что въ Емецкомъ стану у Большаго села на р. Емцѣ было два монастыря. О нихъ въ писцовыхъ книгахъ князя Василія Звенигородскаго говорится: „на монастырѣ церковь Іоанна Предтечи деревянная вверху, а другая церковь Георгія Страстотерпца деревянная же“. *Ивановскій* Емецкій женскій монастырь назывался также Предтеченскимъ Емецкимъ и существовалъ до 1613 года, когда на мѣстѣ его былъ поставленъ острогъ. Въ монастырѣ этомъ было двѣ церкви—Іоанна Предтечи и Георгія Великомученика. Другой монастырь *Покровскій*—мужской, а въ послѣдствіи женскій, существовалъ до 1760 года,

---

[1]) Сбор. Арх. 1863, 461; Опис. Арх. губ., Молч., 140; Арх. Г. В., 1837, № 19.

когда, какъ разсказываютъ, все Емецкое село, съ церквами и монастырскими строеніями и острогомъ сгорѣло, оставивъ послѣ себя только углубленіе рва, бывшаго около сгорѣвшаго острога и до нынѣ замѣтнаго [1]).— Что касается до *Чукчина конца*, упоминаемаго между Емецкимъ городкомъ и Емецкимъ погостомъ, то была ли это, судя по характеру упоминанія, отдѣльная отъ нихъ мѣстность, или составляла часть Емецкаго населенія,—это трудно объяснить. Ни по спискамъ, ни на картахъ ничего похожаго вблизи Емецкаго села нѣтъ, и въ историческихъ указаніяхъ ничего къ поясненію этой мѣстности не встрѣтилось. Можно впрочемъ указать на д. Чухоцкую, показанную въ Холмогорскомъ уѣздѣ по картѣ Ст. Ком., для которой есть указаніе и въ спискахъ: *Чукча* или *Чуходская* [2]), въ 103 вер. отъ Холмогоръ и въ 5-ти верстахъ отъ Емцы. На сколько это пріуроченіе можетъ быть вѣрно—разъяснить могутъ только мѣстныя указанія.

Говоря о мѣстностяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ р. Емцы, слѣдуетъ упомянуть здѣсь объ указаніи подъ 1668 годомъ на *Емецкій Благовѣщенскій монастырь*, „въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ Турчановскомъ стану, *по Онегѣ рѣкѣ*, на *Емецкомъ волоку*“, о коемъ по свидѣтельству одного изъ актовъ того времени, именно — грамоты царя Алексѣя Михаиловича къ Каргопольскому воеводѣ Жукову о сохраненіи отчины и угодьевъ этого монастыря, сказано: „по Емецкому волоку *монастырекъ убогій Благовѣщенскій*... стоитъ безъ пѣнія“ [3]). Подъ названіемъ волока здѣсь, кажется, слѣдуетъ разумѣть *переволоку* изъ р. Онеги въ р. Емцу; но гдѣ этотъ волокъ находится—указать трудно, а затѣмъ и положеніе монастыря остается неопредѣленнымъ. Болѣе точныхъ историческихъ указаній о немъ не встрѣтилось.

Рѣка *Мехренга* упоминается въ грамотахъ 1471 года два раза: однажды — между сельцомъ на Емцѣ и Ваймугой, а въ другой разъ — между тѣмъ же сельцомъ (упоминавшемся послѣ Емецкаго погоста) и Хаврогами [4]), подъ нѣсколько

---

[1]) Арх. Губ. В., 1839, № 19; Акт. Ист., I, 428; Ист. свѣд. о мон. Ратшина, 15; Сб. Арх. губ. 1863, 461—63.

[2]) Сп. нас. мѣс. Арх. губ., № 1783.

[3]) Акты Ист. IV, 57.

[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94, а и б.

*

измѣненнымъ названіемъ „Михренги". Положеніе ея, какъ рѣки, весьма опредѣленно на всѣхъ картахъ. Рѣка Мехренга составляетъ притокъ Емцы съ правой стороны. Жители Мехренги не разъ упоминаются въ актахъ. Такъ въ уставной грамотѣ в. кн. Василія Іоанновича, въ 1536 году, говорится: „пожаловали есмы Онежанъ и *верхъ-Мехреніи* въ Настасьевской волости людей и на усть Емцы въ сельцѣ, на погостѣ Настасьевскія жъ волости а намѣстники какъ держитъ у нихъ во всей Онежской землѣ, въ Каргополѣ—доводчикъ въ Мошѣ—доводчикъ, на Турчасовѣ—доводчикъ, на *Михреніи* и *на Усть-Мехренгѣ* въ *сельцѣ* и *погостѣ*—доводчикъ" [1]). Изъ этого упоминанія видно, что въ первой половинѣ XVI вѣка на Мехренгѣ были уже поселенія. Если указаніе о Мехренгѣ, встрѣчаемое въ 1471 году, принять за селеніе Усть-Мехренгу, то для нея на картахъ нѣтъ указаній, но по спискамъ Усть-Мехренгѣ соотвѣтствуетъ дер. *Косновская* или *Усть-Мехренга,* при рр. Мехренгѣ и Емцѣ, въ 133 вер. отъ Холмогоръ [2]).

Невдалекѣ отъ р. Мехренги находится пустынь *Благовѣщенская-Кадлозерская,* упоминаемая въ 1678 году, въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, гдѣ сказано: „по челобитью Каргопольскаго уѣзда *Богоявленія Господня Кадлозерскія пустыни*... велѣно рѣку Емцу отдать въ оброкъ для монастырскаго строенія, впредь до покупки съ угодьи, по *прежднему* указу царя Михаила Ѳеодоровича" [3]). Этой мѣстности соотвѣтствуетъ по картѣ Ст. Ком. *Кадлозерская пустынь* при Кадлозерѣ (у Оперм., XI: Кадышь-озеро). Въ спискахъ Богоявленская (Кадлозерская) показана также при Кадлозерѣ, въ 219 вер. отъ Шенкурска [4]). Она также называется Кадышскою отъ неправильнаго названія Кадлозера Кадышъ-озеромъ.

Емецкое верховье также упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года [5]). Указаніе это само по себѣ поясненія не требуетъ; но съ нимъ географически соединено другое историческое упоминаніе, которому здѣсь слѣдуетъ дать мѣсто. Въ верховьяхъ Емцы въ эту рѣку, съ лѣвой стороны, впадаетъ рч. Шелокса, по-

---

1) Акты Арх. Эксп., I, 181.
2) Спис. нас. м. Арх. г., № 1769.
3) Акты Ист., IV, 22.
4) Спис. нас. м. Арх. г., № 2206.
5) Акты Арх. Эксп., I, 94; а.

казанная на всѣхъ картахъ. При устьѣ ея означенъ *Шелоходскій погостъ*; здѣсь нѣкогда стояла *Шелоходская Троицкая пустынь*, основанная въ 1513 году преподобнымъ Антоніемъ Сійскимъ. Изъ жизнеописанія его видно, что св. Антоній, прійдя отъ Кенскаго монастыря, прежде чѣмъ водворился на р. Сіѣ и основалъ Сійскій монастырь, поселился на рч. Шелоксѣ и поставилъ храмъ св. Николая и нѣсколько келій. Это случилось въ 1513 г. Антоній прожилъ здѣсь до 1520 г., но притѣсняемый туземцами, оставилъ это мѣсто. Пустынь эта, можетъ быть, нѣсколько времени существовала и по удаленіи Антонія; но положительныхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ [1]).

Кирьегоры или *Курьи горы*. Это селеніе, подъ именемъ Курьи горы, упоминается въ 1398 году въ грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича, а также и въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, вмѣстѣ съ *Емскою горой*, находящеюся, какъ указано будетъ ниже, въ предѣлахъ Важскаго бассейна [2]), подъ названіемъ Кирьи горы. На картахъ она имѣетъ нѣсколько названій: Церковническая (кар. Ст. К.), Суховерховскій погостъ (Оперм., XI) при рч. Шордѣ, впадающей въ Мехренгу съ лѣвой стороны. По спискамъ Кирьи горы составляютъ нѣсколько поселеній: Куркагорская или Куриная гора, Троицкое и Церковническій погостъ и Волоколовское или Васковское, при той же рѣчкѣ въ 141 в. отъ Холмогоръ [3]).

Коскошино упоминается, какъ приведено выше, въ 1471 году въ числѣ владѣній или надѣловъ князя Константина Владиміровича Ростовскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ и другія мѣстности въ слѣдующемъ порядкѣ: Шастозеро, Моржовая гора, *Коскошино*, Усть-Емецкое и т. д. Селеніе это означено на всѣхъ картахъ. На картѣ Ст. К. по дорогѣ отъ Шастозера показана деревня *Николаевская-Коскошинская*, на лѣвомъ берегу Двины; на картѣ Оперм. (XI) она называется Коскошинскій погостъ. По спискамъ, Кошкошинская находится на берегу Двины, въ 112 в. отъ Холмогоръ [4]).

Колеи упоминаются въ 1398 году въ грамотѣ в. кн. Василія Дмитріевича, между Емцой и Кирьегорами. По картамъ (Оперм.,

[1]) Ист. Цер. Іер. IV, ч. 2, 724; Свѣдѣнія о монаст. Ратшина, 17; Русск. Св., Дек., 530.

[2]) Ист. Карамз., V, пр. 244; Акты Арх. Эксп., I, 94.

[3]) Спис. н. м. Арх. губ., №№ 2258, 2503.

[4]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1628.

XI) ей соотвѣтствуетъ *Колежскій погостъ* или (к. Ст. К.) дер. Колегская, на правомъ берегу Двины. По спискамъ она тожественна съ дер. Колежскою (Шадринскою) Холмогорскаго уѣзда, въ 143 в. отъ города [1]).

Моржова гора—селеніе упоминаемое, какъ указано выше, въ 1471 году. Оно показано на всѣхъ картахъ. Моржегорскій погостъ (Оперм., XI) стоитъ на лѣвомъ берегу Двины. На томъ же берегу показаны дд. *Демидовская-Моржегорская* и *Моржегорская* (кар. Ст. К.) въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи. По спискамъ подъ названіемъ Моржегорскаго извѣстны также двѣ деревни: *Денисовская (Релка)* и *Моржегорская,* при р. Двинѣ, въ 158 вер. отъ Холмогоръ. Оно также называется Денисовская-Моржегорская или Моржегорскій приходъ [2]). Изъ этихъ двухъ мѣстностей, Моржегорская или Ловягинская (Моржегорскій погостъ) соотвѣтствуетъ вышеприведенной Моржовой горѣ. Можетъ быть, къ этой же мѣстности относится упоминаніе лѣтописи, встрѣчаемое подъ 1467 годомъ, когда „съ Вятки новгородскіе бѣглецы," Устюжане и Вятчане, разорявшіе Заволочье, должны были отступить, и когда Заволочане преслѣдуя ихъ „сугнаша... подъ *Моржомъ* на *островѣ*" (можетъ быть, гдѣ-нибудь на Двинѣ, противъ Моржегорскаго погоста). При описаніи этихъ мѣстностей, слѣдуетъ упомянуть о *Моржегорскомъ монастырѣ*, называемомъ также пустынею Николая Великорѣцкаго чудотворца и находившемся въ 4 вер. отъ Моржовой горы. Этой мѣстности (Оперм., XI) соотвѣтствуетъ *Моржегорская пустынь*, показанная въ недальнемъ разстояніи отъ Моржегорскаго погоста при устьѣ рч. Моржовки, впадающей съ лѣвой стороны въ Двину, въ 154 вер. отъ Холмогоръ. По картѣ Ст. К. на этомъ мѣстѣ показана дер. Денисовская-Моржегорская. Эта пустынь была приписана къ архіерейскому дому по грамотѣ патріарха Адріана 1697 года. Время основанія ея не извѣстно. Изъ описанія пустыни видно только, что въ настоящемъ столѣтіи тамъ была небольшая деревянная церковь, изъ которой утварь была уже вынесена въ Моржегорскую приходскую церковь [3]).

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1637.

[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., №№ 1645, 1651; Акты Арх. Эксп., I, № 3.

[3]) Ист. Ц. Іер., V, 98; Ист. свѣд. о монаст., Ратш., 16; Описаніе Арх. губ. Пушкарева, I, 32.

Шастозеро, упоминаемое, какъ указано выше, также въ 1471 году, находится невдалекѣ отъ описанныхъ выше мѣстностей. По картамъ это селеніе указано подъ названіемъ: *Шастовѣрскаго* (вѣроятно, вмѣсто Шастозерскаго) погоста (Оперм., XI) и деревни Шастозерской (к. Ст. К.), на лѣвомъ берегу Двины. По спискамъ, этому указанію соотвѣтствуетъ *Шастозерское*, въ 168 вер. отъ Холмогоръ [1]), иначе называемое Прокопьевскимъ.

Д. рѣка Вага и ея притоки въ предѣлахъ Архангельской и Вологодской губерній.

Усть-Вага. Теченіе рѣки Ваги, вѣроятно, уже въ XI вѣкѣ было занято Славянами, конечно не въ смыслѣ страны, окончательно покоренной, но въ качествѣ страны, завоеванной условно; только въ половинѣ XII вѣка Усть-Вага представляется уже мѣстомъ новгородскаго поселенія и упоминается въ уставной грамотѣ 1138 года какъ мѣстность, обложенная пошлиной или налогомъ въ пользу епископа Новгородскаго [2]). Вообще древнѣйшія отношенія Важской (рѣчной) области, входившей въ Важскую десятину Обонежской пятины, довольно неопредѣленны, и свѣдѣнія за этотъ древній періодъ довольно скудны, такъ что нѣтъ возможности утверждать полновластіе Новгородцевъ въ этомъ краѣ. Полагаютъ даже, какъ ужь указано было выше, что все Заволочье до временъ Іоанна Калиты не было окончательно покорено, хотя тамъ и собирались въ пользу Новгорода и Московскихъ князей пошлины и поборы. Основываясь на „Историческомъ описаніи Ваги и города Шенкурска“ Матвѣя Мясникова, указываютъ на то, что только въ началѣ XIV вѣка, именно въ 1313 году, Двинскій посадникъ Василій Матвѣевичъ Своеземцовъ купилъ у Важскихъ князьковъ или старшинъ (Асыки, Ровда и Игнатца) всѣ земли отъ р. Ваймуги до Сулонды, или по другимъ извѣстіямъ, земли Шенкурскаго погоста до Ровдинскихъ межей [3]). Стало быть, правдоподобно предполагать, что только въ половинѣ XII вѣка, или можетъ—

[1]) Сп. нас. м. Арх. губ., № 1660.
[2]) Ист. Кар., II, пр. 261.
[3]) Вол. Губ. В., 1846 г., № 12, 196: О распростр. христіанства на сѣверѣ Европейской Россіи.

быть, и позднѣе, Новгородцы могли прочно укрѣпиться на устьѣ Ваги, гдѣ у нихъ дотолѣ было только мѣсто жительства, можетъ быть, владычныхъ волостелей или только данниковъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Усть-Вага упоминается въ 1452 году во время усобицы Дмитрія Шемяки съ Московскимъ княземъ [1]). Съ паденіемъ Новгорода и эта рѣчная область, въ числѣ прочихъ новгородскихъ владѣній, естественно подчинилась Московскимъ князьямъ, и уже въ 1471 году рѣка Вага почти со всѣми притоками внесена была въ Двинскія грамоты; собственно же объ Усть-Вагѣ въ нихъ нѣтъ упоминанія. Это селеніе подъ тѣмъ же почти названіемъ есть на всѣхъ картахъ: Усть-Важская (Оперм., XI), Усть-Вага (к. Ст. К), по лѣвому берегу Ваги. По спискамъ ей соотвѣтствуетъ *Успенское, Усть-Важскій погостъ* [2]). Она еще называется просто Усть-Вага, а также Леховская, Кренево, Погаръ, Ошурково—если только всѣ эти отдѣльныя имена не означаютъ отдѣльныхъ поселковъ, имѣющихъ одно общее названіе, какъ то нерѣдко встрѣчается въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ.

Усть-Сюма упоминается только въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, послѣ Шоговаръ и Боярскаго наволока [3]). Тамъ, гдѣ р. Сюма впадаетъ въ р. Вагу, эта послѣдняя отъ Шаговорскаго погоста почти до устья Сюмы имѣетъ весьма извилистое теченіе, образующее *наволокъ*, то есть, низменный берегъ, омываемый внутреннею дугою рѣки и въ половодіе приращающійся отъ наносовъ, —берегъ, на который судно *выволакивается* изъ воды [4]). Поэтому будетъ правильно между Шаговорами и Усть-Сюмой искать *Боярскій наволокъ*, упоминаемый въ Двинскихъ грамотахъ. Почему онъ называется „Боярскимъ", на это трудно отвѣчать. Что касается до Усть-Сюмы, то она на картахъ названа д. Усть-Сюмская (к. Ст. К.) и Куликовская (Оперм., XI) на лѣвомъ берегу Ваги, при устьѣ Сюмы, неправильно названной у Опермана Симой. По

---

[1]) Пол. собр. л., VI, Соф. втор., 180.
[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 2338.
[3]) Акты Арх. Эксп., I, 94 а.
[4]) Зап. Геогр. Общ., 1850, IV, 140: Обл. выраж. Шренка.

спискамъ этому селенію соотвѣтствуетъ Усть-Сюмскій погостъ въ 62 в. отъ Шенкурска [1]).

Шоговаръ, какъ упомянуто выше, также въ первый разъ встрѣчается въ Двинскихъ грамотахъ. Упоминается эта мѣстность и позднѣе, въ завѣщаніи Іоанна Грознаго въ 1574 году, подъ названіемъ, нѣсколько измѣненнымъ или искаженнымъ — Шогогора [2]). Это селеніе по картамъ называется *Шоговерска*, на лѣвомъ берегу Ваги (к. Ст. К.) или *Шоговарскій погостъ* (Оперм., XI). По спискамъ съ этимъ указаніемъ совпадаетъ *Литвиновское* (Миткова гора или Шеговары) въ 38 в. отъ Шенкурска, неправильно показанное при р. Леди вмѣсто Сюмы [3]). Кромѣ того, есть еще деревня *Носовская* (Заборье, Шаговерскій погостъ), тоже на берегу Ваги, считаемая не въ 38 в., а въ 42 в. отъ Шенкурска. По тожеству названій деревни Литвиновской или Шаговеры съ древними Шаговерами, хотя бъ и слѣдовало остановиться на ней, но едва ли не будетъ правильнѣе Шоговеръ 1471 года видѣть въ Шоговерскомъ погостѣ, тѣмъ болѣе, что разность въ разстояніи между деревнями Литвиновскою и Носовскою незначительна.

Ледь рѣка и *устье Ледское* упоминаются въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года между Емскою горой и Шоговарами [4]). Эта рѣка, впадающая въ Вагу съ лѣвой стороны, составляетъ довольно значительный притокъ. Если подъ названіемъ *Ледскаго* устья въ 1471 году разумѣлось селеніе, то ничего похожаго на картахъ нѣтъ, а по спискамъ этому указанію можетъ соотвѣтствовать деревня *Чушевская* (Богоявленское, Лѣдскій погостъ), въ 36 в. отъ Шенкурска [5]).

Около тѣхъ мѣстъ, тоже по теченію р. Ваги, вслѣдъ за р. Ледью находятся упоминаемые въ Двинскихъ грамотахъ *Шолаты*. Здѣсь разумѣются двѣ рѣки [6]): Шолата Большая и Шалата Малая, впадающія въ Вагу съ правой стороны. По спискамъ при этихъ рѣчкахъ показаны селенія: Шолаша Большая и Малая: первая изъ

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 2330.
[2]) Доп. къ акт. истор., I, 222—234.
[3]) Сп. Арх. губ., № 2394.
[4]) Акты Арх. Эксп.; I, 94. б.
[5]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 2364.
[6]) Акты Арх. Эксп., 94, б.

нихъ при р. Шолѣ [1]). Можетъ быть, около тѣхъ же мѣстъ слѣдовалобъ искать и *Лапки*, названныя въ грамотахъ вмѣстѣ съ Шолашами. Но ни по картамъ, ни по спискамъ ничего подобнаго нѣтъ.

Емская гора въ Двинскихъ грамотахъ упоминается между Кирьегорами и р. Ледью, какъ о томъ было упомянуто выше. По картѣ Ст. К. этому селенію соотвѣтствуетъ дер. *Ямскогорская* на лѣвомъ берегу Леди, при устьѣ рч. Педимы. У Оперм. (XI) означена только эта рѣчка. Въ рукописныхъ спискахъ она означена подъ названіемъ Пинигіевской (Ворбасъ или Ямскогорскій погостъ), въ 24 в. отъ Шенкурска.

Предтеченская пустынь. Ея положеніе опредѣляется очень точно, но по картамъ ничего подходящаго нѣтъ. По описанію она находилась въ 16 в. отъ Шенкурска, на лѣвомъ берегу Леди, близь озера Юмецкаго (Юмозеро), на горѣ Квалъ или Квалъ-горахъ и называлась тоже *Квалъ-Ручьевскою* пустынью. По спискамъ рукописнымъ ей соотвѣтствуетъ Квалъ-Ручьевская (пустынь) въ 16 в. отъ Шенкурска. Въ спискѣ, изданномъ въ 1860 г., она, вѣроятно, пропущена. Пустынь построена въ 1654 году и съ 1790 года приписана была къ Шенкурскому собору [2]).

Около того же Юмозера, называемаго иногда, и вѣроятно неправильно Ума-озеро, была *Макарьевская пустынь*, въ 15 в. отъ города, слѣдовательно, весьма въ близкомъ разстояніи отъ пустыни Предтеченской. Время основанія ея относятъ къ 1667 году, стало быть, позднѣе Предтеченской 13-ю годами. Къ 1799 году она была упразднена, и монашествующіе были переведены въ Шенкурскій Троицкій монастырь. На мѣстѣ пустыни осталось двѣ церкви: Воскресенія Христова и Макарія Желтоводскаго [3]). У Опермана (XI) около Юмозера никакихъ поселеній не значится, но на картѣ Ст. К. означена *Макарьевская пустынь*. По спискамъ для этой мѣстности указаній нѣтъ.

Николаевская пустынь, иначе называемая *Верхопаденскою-Никольскою*, находилась въ Верхнепаденской волости. Точнѣе положеніе ея указывается при устьѣ Паденги, впадающей съ лѣвой стороны въ Вагу, въ 90 верстахъ отъ Шенкурска. Время основа-

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1967, 1968.

[2]) Опис. Арх. губ., Пушк., I, 43; Ист. Цер. Іер., V, 622.

[3]) Ист. Церк. Іер., V, 41.

нія пустыни положительно не извѣстно; съ 1764 года она оставлена за штатомъ. Изъ описанія пустыни видно, что въ началѣ прошедшаго столѣтія строеніе въ ней было все деревянное, тогда уже обвѣтшалое, состоявшее изъ двухъ церквей, нѣсколькихъ келій и ограды. При упраздненіи пустынь считала за собою до 35 душъ крестьянъ [1]). По картамъ этому указанію соотвѣтствуютъ деревня *Устъ-Паденская* (к. Ст. К.) или *Устъ-Паденска* (Оперм., XI). По списку она означена подъ названіемъ *Никольскаго погоста* или *Верхнепаденскаго*, а также *Никольской* пустыни [2]).

По лѣвому берегу Ваги, въ предѣлахъ Вологодской губерніи, въ Двинскихъ грамотахъ встрѣчаются слѣдующія указанія: „отъ *Веля* до *Пежми* по обѣ стороны *Ярославскаго рубежа* и съ малыми рѣчками, кои въ нихъ втекли: *Тявренга, Подвига, Шоноша, Синега*, слободка *Морозкова*, слободка *Косткова*“ [3]). Р. Веля есть несомнѣнно р. *Вель*, составляющая протокъ Ваги съ лѣвой стороны, и показана на всѣхъ картахъ. Это рѣка, очевидно лежавшая на самомъ древнемъ колонизаціонномъ пути Славянъ на сѣверо-востокъ, упоминается уже по актамъ въ началѣ XII вѣка: въ уставной грамотѣ кн. Святослава Ольговича она обставлена слѣдующими подробностями отъ устья Ваги: „у *Пуйте*, у Чудина, у Логуя и *Вавдиша*, у *Вели*, у *Векшензѣ на борку*“ [4]). Многія изъ этихъ наименованій приблизительно могутъ быть пріурочены къ даннымъ современныхъ картъ. „У Пуйте“ не будетъ ли относиться къ рч. *Пуй*, впадающей выше Паденги въ Вагу съ лѣвой стороны; рѣчка эта почти паралельно съ Велью течетъ на сѣверо-востокъ, принявъ начало въ самой сѣверной части уѣзда. Вавдишъ и Векшенга правильно могутъ быть относимы въ предѣлы Олонецкой губерніи: Вавдышу соотвѣтствуетъ, какъ кажется, рч. *Вайдышъ*, впадающая въ Воложку, притокъ Онеги; Векшенгѣ едва-ли не соотвѣтствуетъ рч. *Векшемица*, также притокъ Воложки, вытекающая изъ однихъ болотъ съ Велью, или можетъ быть, изъ одного бору, такъ какъ сказано „у Векшензѣ на бору“ (Оперм., XII).

---

[1]) Ист. Цер. Іер. III. 329; Опис. Арх. губ. Пушк., I, 34.

[2]) Сп. н. м. Арх. г., № 2048.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 84, б.

[4]) Ист. Кар., II, пр. 261; Воен. Ст. Опис. Вологод. губ., стр. 58.

Рѣчки, названныя въ 1471 году вмѣстѣ съ Велью, также всѣ могутъ быть указаны на картахъ. *Пежма* — довольно значительный притокъ р. Вели, впадающей въ нее съ лѣвой стороны, нѣсколько ниже р. Вели. Здѣсь кстати упомянуть и о *Николаевской пустыни*, которая по спискамъ указывается въ 240 вер. отъ Шенкурска, на р. Пежмѣ. Основаніе ея относятъ къ 1503 году, а упразднена она въ 1764 году [1]). Ни на картахъ, ни въ спискахъ ея нѣтъ. *Тавреніа* подъ названіемъ *Тяврени* показана на всѣхъ картахъ въ числѣ притоковъ Вели съ правой стороны; *Щоноша* подъ тѣмъ же названіемъ въ числѣ притоковъ Вели съ лѣвой стороны; *Синега* подъ названіемъ *Синюги*, также составляетъ притокъ Вели съ лѣвой стороны; *Подвига* подъ названіемъ *Подюги*—тоже притокъ Вели съ лѣвой стороны. Къ этой же системѣ рѣчекъ надобно прибавить *Вотчицу*, упоминаемую въ 1546 году по слѣдующему случаю: „онъ (игуменъ Ѳеодоръ) строитъ *пустыньку* и церковь Преображенія Господня на моего великаго князя *черномъ лѣсу* промежи Вологодскаго уѣзда и Каргопольскаго и Важскаго.... у озерковъ на р. Вотчицѣ", сказано въ жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича игумену Ѳеодору [2]). Рѣчка Вотчица, подъ тѣмъ же названіемъ, находится нынѣ въ предѣлахъ Вельскаго уѣзда, въ числѣ притоковъ Вели съ лѣвой стороны. Есть въ Вельскомъ же уѣздѣ р. Вотча, впадающая въ Кубену съ лѣвой стороны, истокъ которой по картамъ показанъ близь той же мѣстности, откуда вытекаетъ р. Вотчица. Вѣроятно, на берегахъ одной изъ этихъ рѣчекъ была *Преображенская пустынь*, что на черномъ лѣсу. Другихъ историческихъ и географическихъ указаній для поясненія мѣстности этого монастыря не встрѣтилось.

Что касается до селеній, упомянутыхъ при описаніи Вельскаго погоста, каковы *Морозова* и *Косткова слободка*, то для каждой изъ нихъ можно предположительно указать на *Морозскую* усадьбу, стоящую недалеко отъ Пежмы, въ 44 верстахъ отъ Вельска, имя которой напоминаетъ Морозову слободку, что и по совокупности указаній

---

[1]) Опис. Рос. Имп. Пушк., I, 34.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, 208.

кажется правдоподобнымъ [1]). По картѣ Оперм. (XII) около Пежмы показанъ *погостъ Морозовскій*, положеніе котораго также даетъ поводъ думать о тожествѣ съ Морозовскою слободкой и подходитъ на положеніе Морозовской усадьбы. *Косткова* слободка также, по совокупности указаній, должна находиться въ этихъ мѣстахъ. Для нея можно указать на дер. *Костинскую* [2]) въ 8 верстахъ отъ Вельска. По картѣ Оперм. (XII) она показана подъ тѣмъ же названіемъ. Оба эти разъясненія, конечно, предлагаются какъ догадка, неизлишняя для мѣстныхъ, болѣе точныхъ розысканій.

Говоря о рѣкѣ Вели, неизлишне упомянуть, что указаніе на нее въ 1138 г. связано съ исторіей города Вельска. Полагаютъ, что выраженіе „у Вели", встрѣчающееся въ грамотѣ Святослава Ольговича, указывая на *волость*, означаетъ и селеніе при р. Вели, находившееся уже въ XII в. во власти Новгорода, какъ главное мѣсто въ округѣ или волости, гдѣ, вѣроятно, сосредоточивалось управленіе, и жили, старосты и тіуны, а послѣ 1138 года и владычніе волостели [3]). Какъ бы то ни было, но только въ концѣ XIV вѣка, именно въ 1398 году, на мѣстѣ нынѣшняго Вельска была извѣстна „святой Софіи волость на Вели", которую „повоеваша князя великаго бояре" [4]). Изъ хроники Верховажскаго гражданина Матѳея Ник. Мясникова видно, что въ 1397 году Важская область по повелѣнію вел. кн. Василія Дмитріевича была завоевана бояриномъ его Андреемъ Албердовымъ. Новгородцы не поспѣли на защиту и только отъ владычнаго волостеля Вельскаго погоста узнали, что туда уже прибылъ изъ Москвы князь Ѳедоръ Ростовскій. Въ 1392 году Новгородцы прогнали князя Ростовскаго; но долго ли владѣли Вельскою областью—не извѣстно. Въ 1462 году при Іоаннѣ III Вага уже признавала власть Московскаго князя.

Основываясь на тѣхъ же указаніяхъ, за то же время, волость

---

[1]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 2109.

[2]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 1968.

[3]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1862, II, Вельскъ, ст. Воронова, 96.

[4]) Пол. Соб. лѣт., III, Новг. перв., 88; ср. Ист. Кар., V, пр. 177; Вол. Губ. В., 1840, № 6.

эту называютъ *Вельскимъ погостомъ* [1]), но это не подтверждается подробностями лѣтописнаго указанія. Когда именно Вельская волость является въ значеніи *погоста* и *посада*—это не можетъ быть опредѣлено съ точностію, потому что хотя и полагаютъ, основываясь на старинныхъ актахъ [2]), что великій князь Іоаннъ III назвалъ эту мѣстность *погостомъ*, но въ 1552 году она встрѣчается въ значеніи *посада*. Изъ завѣщанія Іоанна IV видно, что въ 1578 году она называлась *погостомъ* [3]).

По переписи 1613 года въ Вельскомъ *посадѣ* считалось 30 дворовъ; въ 1678 году по дозору писцовъ Важскаго воеводы Богдана Яковлева и подъячаго Карпова—22 двора и 57 посадскихъ оброковъ. По переписи 1672 года, бывшей по дозору Ѳедора Караузова и Алимпія Хрущова, тамъ имѣлось три деревянныя церкви: Троицкая, Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Милостиваго, 18 дворовъ посадскихъ, оброчныхъ и 9 пустыхъ и 9 же дворовыхъ мѣстъ. Въ этотъ разъ, какъ видно, на жителяхъ Вельска отразилось литовское разореніе, и даже изъ самой переписи, между прочимъ, видно, что по списку и по дозору сторожила и посадскихъ людей, жильцы тѣхъ мѣстъ дворовыхъ Лушка и Лучка Томиловы и оные въ *давнихъ годѣхъ* отъ литовскаго разоренія посѣчены [4]).

Осматривая лѣвый берегъ Ваги отъ Вельска вверхъ по теченію предварительно необходимо придержатся подлиннаго указанія Кн. Б. Ч.: *„А съ верху Ваги рѣки градъ Верховажье (градъ Верховажскій), а отъ верху рѣки 20 верстъ градъ Спасскій, отъ Спасскаго 30 верстъ Великая Слобода, отъ Великія Слободы 50 верстъ градъ Шенкурской“*. Стало быть, по Чертежу отъ верху Ваги (или все то же— отъ Верховажья, такъ какъ оно показано „сверху Ваги“) до Шенкурска считается 100 верстъ. Это изчисленіе несходно какъ и слѣдовало ожидать, съ современнымъ измѣреніемъ этого пространства: по почтовому дорожнику, изданному въ 1863 году, именно отъ Верховажья до Вельска 40, отъ Вельска до Усть-Паденской станціи 114 вер., отъ нея до Шенкурска—по лѣтнему

[1]) Вѣстн. Геогр. Общ., 1852, II, 96.

[2]) Соб. Гос. Грам. Румянц., I, 393.

[3]) Вѣстн. Г. Общ., 1852, II, ст. Воронова, 97; Ист. Кар., IX, пр 849; Вол. Губ. В., 1840, № 5 и 6.

[4]) Вѣстн. Геогр. Общ., II, 100; Слов. Щекатова, I, 785.

пути 26 вер., а по зимнему 23 вер., слѣдовательно, всего не менѣе 177 верстъ. Нельзя этой разницы объяснить ни разницею зимней и лѣтней дороги, ни даже вообще различіемъ способа измѣренія, а скорѣе опиской въ Кн. Б. Ч., которая особенно рѣзкою кажется между Вельскомъ и Шенкурскомъ, гдѣ по Книгѣ считается всего 50 верстъ, а по почтовому дорожнику—не менѣе 137 вер. Неточность изчисленія здѣсь дополняется и необъяснимостью нѣкоторыхъ географическихъ указаній. Между Верховажьемъ и Шенкурскомъ названы *Спасскій городокъ* и *Великая слобода*: для обоихъ этихъ указаній на современныхъ картахъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Говоря о Спасскомъ городкѣ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Кн. Б. Ч., Г. П. Спасскій замѣчаетъ, что *Верховажье* и *Спасскій городокъ*—нынѣ посады или слободы въ Вологодской губерніи: *одна*—на рѣкѣ Вагѣ, *другой*—на р. Вохмѣ [1]). Но это объясненіе совершенно неправдоподобно, потому что, по смыслу текста (если только онъ не искаженъ), градъ Спасскій находился на Чертежѣ *на пути отъ Верховажья къ Великой Слободѣ*, за которою въ 50 верстахъ стоитъ градъ Шенкурской. Былъ ли Спасскій городокъ на самомъ берегу Ваги, или гдѣ-либо около береговъ ея—во всякомъ случаѣ *на этомъ пути*. Г. П. Спасскій указываетъ, что этотъ городокъ стоялъ при р. Вохмѣ; но такой рѣки между Верховажьемъ и Шенкурскомъ нѣтъ, и рѣка Вохма находится въ предѣлахъ Никольскаго уѣзда, составляя притокъ р. Ветлуги: на ней дѣйствительно могъ быть и Спасскій городокъ, о которомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ упомянуто. Что указаніе издателя Кн. Б. Ч. гадательно, это подтверждается и тѣмъ, что онъ самъ же говоритъ, что Спасскаго городка и нѣкоторыхъ другихъ онъ не нашелъ на картахъ [2]). Во всякомъ случаѣ мѣстоположеніе Спасскаго городка, если онъ и былъ на Вагѣ, не можетъ быть опредѣлено безъ мѣстныхъ розысканій. Для соображеній мѣстныхъ можно указать на село Леоновское при р. Вагѣ, иначе называемое *Подгороднымъ:* оно находится въ 31 верстѣ отъ Вельска [3]). Но обратимся къ тому, что этотъ городокъ по Кн. Б. Ч. указанъ между Великою Слободой и Верховажьемъ. Положеніе послѣдняго указано по всѣмъ картамъ и не подлежитъ сомнѣнію; что же

---

[1]) Бол. Черт. Спаск., 62, Кн. пр. 204.
[2]) Кн. Б. Ч., 284.
[3]) Оперм., XII; Сп. нас. м. Вол. губ., № 1874.

касается до *Великой Слободы*, то ея, также какъ и Спасскаго городка, на картахъ нѣтъ; но слѣды ея не изчезли совершенно. Она упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года и обставлена слѣдующими подробностями: „а по другой сторонѣ Ваги отъ устья Ледскаго... Кошкара, Молонди, Керчала съ наволокомъ по Вагѣ внизъ по обѣ стороны Сметанинъ наволокъ, Ондроніевъ наволокъ, Бѣлый песокъ, Тавнозеро, до Сюмачь да Сегно... то была вотчина князя Ивана Владиміровича Ростовскаго. А каменная гора, по рѣцѣ по Кокшенгѣ, по обѣ стороны до Устіа, Пукома, Савкино Вокульна, Пустышка... А *Слобода Великая* то отчина великихъ князей, изъ старины оброчная... А рѣка Кулой отъ Устья до Верховья по обѣимъ рѣки, да волокъ на Кокшенгѣ, то были отчины кн. Ив. Влад—ча Ростовскаго, а также и къ Емской горѣ“ [1]). Пріурочивая большую часть этихъ указаній къ картѣ, можно убѣдиться въ томъ, что упомянутую среди нихъ Великую Слободу надобно искать, какъ и по Кн. Б. Ч., вблизи рр. Кулоя и Кокшенги, впадающихъ въ Вагу, или точнѣе, — около Ваги, между Верховажьемъ и Шенкурскомъ. Великая Слобода упоминается еще нѣсколько позднѣе—въ 1552 году при сборѣ за „посошныхъ людей“, въ описи дьяка Истомы Новгорода, гдѣ сказано: „съ Важскіе земли и съ посаду (Важскаго?) и съ Важскаго уѣзда взяти за посошныя люди... деньгами съ Шенкурья съ посаду съ Шенкурскаго стану, да съ Подвинскаго стану... да съ Паденги... да съ Кокшенги, да съ Вельскаго стану, да съ Судромскія волости... съ Вельскаго же стану съ Верхъ Ваги у Пречистыя... да съ Николая Чудотворца... съ Верховажскаго стану съ Лапки и съ Шолати (Шолаши правильнѣе), да съ *Слободы Великія* да съ Ледскаго стану“ [2]). Здѣсь вновь Великая Слобода упоминается вмѣстѣ съ Кокшенгой (Важской), Вельскимъ станомъ и Верховажьемъ. Почти тотъ же характеръ упоминанія о Великой Слободѣ видимъ и въ перечисленіи становъ Важскаго уѣзда, приведенномъ въ 1603 году въ грамотѣ царя Бориса Өеодоровича, гдѣ говорится: „въ Важскомъ уѣздѣ: въ Шенкурской, и въ Лецкой (Ледскій) и въ Подвинской, и въ Борецкой и въ *Слободской*, и въ Вельской и въ

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.
[2]) Акты Арх. Эксп., I, 233.

Пречистенской—Верховажской и въ Кокшенской, и въ Ромашевской, и въ Шелоцкой, и въ Верховажской, и въ Суджомской, и въ Тавренской *станъ...*" [1]). Здѣсь Великую Слободу можно узнать въ упоминаніи о *станѣ Слободскомъ.* Великослободскій станъ, а слѣдовательно, и Великая Слобода упоминается и позднѣе этого времени, именно въ 1650 году, въ исторіи *Верхошаренгской пустыни,* о которой здѣсь и слѣдуетъ упомянуть. Основалъ эту пустынь одинъ изъ иноковъ Сійскаго монастыря, по имени Іона, нѣкогда житель Великослободскаго стана. Онъ построилъ здѣсь первую церковь Вознесенія Господня, а потому и пустынь иначе называлась Вознесенскою. Въ послѣдствіи эта пустынь была приписана къ архіерейскому дому, а потомъ къ *Слободскому* Воскресенскому приходу, т. е. къ церкви Воскресенья въ Великой Слободѣ. Верхошаренгская пустынь показана на картѣ Ст. К. близь верховьевъ р. Шаренги, впадающей въ Вагу съ лѣвой стороны. По спискамъ подобной пустыни нѣтъ [2]). Что касается до Великой Слободы, то по совокупности вышеприведенныхъ указаній, узнавая ее въ Слободскомъ Воскресенскомъ приходѣ, можно пріурочить къ селу Воскресенскому (Кузнецовскому), на правомъ берегу Ваги, въ 78 в. отъ Шенкурска: оно называется иначе Воскресенскимъ погостомъ [3]). По картѣ Ст. К. этотъ погостъ на лѣвомъ берегу Ваги. По кн. Бол. Ч. Великая Слобода отъ града Шенкурска показана только въ 50 в.; слѣдовательно, разница въ изчисленіи разстоянія составитъ только 28 в., что можетъ быть объясняемо различнымъ пріемомъ измѣренія старыхъ верстъ, сравнительно съ новыми, о чемъ будетъ упомянуто при общемъ обзорѣ измѣренія верстъ въ Книгѣ Большаго Чертежа. Судя по тому, что Великая Слобода въ 1471 году считалась *изъ старины* вотчиною великихъ князей, съ достаточнымъ основаніемъ можно полагать, что она принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній на Вагѣ, и конечно, уже существовала при вел. кн. Василіѣ Дмитріевичѣ, хотя въ его уставной грамотѣ о ней и не упоминается. Но едва ли она могла быть внесена въ Книгу Большаго Чертежа ранѣе 1471

[1]) Акты Арх. Эксп., II, 25.

[2]) Опис. Арх. губ. Молч., 174; Свѣд. о Мон. Ратш., 12; Опис. Росс. Имп., Пушк., I, 33.

[3]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1995, ср. № 1997.

года, хотя въ Двинскихъ грамотахъ и отмѣчается какъ старинная вотчина великихъ князей.

Что касается до Верховажья, названнаго въ Кн. Бол. Ч. *градомъ Верховажскимъ*, то мѣстоположеніе его, безъ сомнѣнія, тожественно съ нынѣшнимъ Верховажскимъ посадомъ, находящимся въ 40 вер. отъ Вельска [1]). Названіе этой мѣстности Верховажьемъ, казалось бы совершенно удовлетворительно можно производить отъ того, что этотъ городъ, по указанію Кн. Бол. Ч., находится „сверху Ваги"; но мѣстныя изслѣдованія указываютъ, что названіе это произошло не отъ истока Ваги, который немного далѣе, а отъ Воскресенскаго погоста, называемаго *Верховскимъ* [2]). Въ сущности это однакожь ничего новаго не прибавляетъ къ объясненію, указывая только на то, что городъ этотъ находился въ верховьѣ Ваги. Время основанія Верховажья не извѣстно, а равно и то, когда именно эта мѣстность, помимо Кн. Б. Ч., стала называться *Верховажскимъ градомъ*. Верховье Ваги уже въ числѣ земель, принадлежавшихъ князю Ѳеодору Андреевичу Ростовскому, упоминается въ 1471 году: „А отъ устья Кулоя (впадающаго въ Вагу съ лѣвой стороны) *вверхъ по Вагѣ* до Ярославскаго рубежа, по Терменгѣ вверхъ и по Двиницѣ вверхъ" и т. д., то есть, по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ, которыя лежатъ въ верховьяхъ Ваги. Земли эти, очевидно, въ предѣлахъ своихъ заключаютъ и мѣстность Верховажья; но прямо однакожь въ Двинскихъ грамотахъ не упоминается ни о Верховажьѣ, ни о Верховажскомъ градѣ. Единственный, кажется, слѣдъ опредѣленнаго указанія на Верховажье встрѣчается только въ 1552 году при перечисленіи мѣстностей, подлежавшихъ денежному сбору съ посошныхъ людей (какъ о томъ уже приведено указаніе выше), когда Верховажье является въ значеніи стана, *съ церковью Пречистыя Богородицы въ вверхъ Ваги*, а позднѣе—въ XVI столѣтіи въ значеніи Пречистенскаго Верховажскаго стана. Въ 1678 г. въ переписи думнаго дворянина Богдана Яковлева Верховажье также названо *посадомъ*, въ которомъ считалось 41 дворъ [3]). Все это, объясняя историческое значеніе Верховажья, не даетъ положительнаго отвѣта на то, когда и почему Верховажье считалось *го-*

[1]) Спис. нас. м. Вол. г., № 1816.

[2]) Вѣстн. Г. Общ. 1860 г., № 7, ст. Воронова.

[3]) Вѣстн. Г. Общ. 1860 г., № 7, 123.

родомъ, какъ сказано въ Кн. Бол. Ч. Судя потому, что литовское разореніе въ началѣ XVII вѣка проникло на сѣверъ далѣе Верховажья, не слѣдуетъ ли полагать, что *городъ* Верховажскій возникъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ, которому приписывается устройство многихъ городовъ по притокамъ Двины, назначенныхъ для безопаснаго плаванія по рѣкамъ?

Заключимъ осмотръ береговъ Ваги пріуроченіемъ тѣхъ географическихъ указаній, которыя встрѣчаются въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года и другихъ источникахъ и пополняютъ исторію колонизаціи этого пространства.

Смѣтанинъ наволокъ, — „отъ Сюмы по Вагѣ внизъ по обѣ стороны до устья" (т. е. до устья Сюмы), и на томъ же пространствѣ (ниже Мулонды) по теченію Ваги *Кергала съ наволокомъ*. Географическое положеніе этихъ наволоковъ ясно, какъ по картѣ Оперм. (XI), такъ и по картѣ Ст. Ком. *Молонда*—небольшая рѣчка, впадащая съ правой стороны въ Вагу (кар. Ст. К.); за нею, вверхъ по теченію, невдалекѣ *Кошкора*—рѣчка (по кар. Ст. К. Коскора, у Оперм. безъ названія), а потомъ *Пинежка*—рѣчка. Эта послѣдняя, кромѣ Двинскихъ грамотъ, упоминается и ранѣе—при описаніи *Богословскаго монастыря*, основаннаго Новгородскимъ посадникомъ Василіемъ Степановымъ Своеземцевымъ, принявшимъ въ 1462 г. монашество подъ именемъ Варлаама. Изъ житія этого Варлаама видно, что, получивъ во владѣніе мѣсто на Вагѣ, онъ переселился сюда для управленія своимъ имѣньемъ, и полюбивъ мѣсто, поставилъ маленькій *городецъ* на горѣ къ *устью Пинежки* въ 1426 году и назвалъ его *Пинежскимъ*, а потомъ устроилъ монастырь съ церковью во имя Іоанна Богослова (вторая церковь во имя Трехъ Святителей была построена имъ же) и отдалъ въ пользу его свои села, находившіяся вблизи монастыря. Василій Своеземцовъ, уже въ качествѣ инока, устроилъ на Вагѣ и другія церкви: въ волости Химанемѣ, въ 5 в. отъ монастыря, въ Устюхѣ — въ 60 в. и въ Ледской — въ 10 в. отъ своего монастыря. Сынъ его Иванъ Своеземцевъ далъ монастырю два села на Паденгѣ, по грамотѣ 1478 года. Эти грамоты были подтверждены, и прибавлены новыя земли [1]). Изъ предыдущаго видно, что Благовѣщенскій монастырь возникъ

---

[1]) Опис. Арх. губ. Молч., 186; Опис. Р. Имп., Пушк., I, 13.

только послѣ 1426 года и по новости своего учрежденія, вѣроятно, считался скорѣе пустыней. По крайней мѣрѣ въ этомъ значеніи, т. е. подъ названіемъ „пустыньки", онъ упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года [1]). Въ этомъ впрочемъ значеніи является онъ и въ послѣдствіи, почти черезъ 70 лѣтъ, въ 1543 году, къ которому относится челобитье изъ Важскаго уѣзда „отъ Ивана Богослова да отъ Трехъ Святителей изъ *пустынки на р. Вагѣ въ Пинежскѣ*... (у коей) пашенка не велика" [2]). Къ этому же монастырю относится грамота царя Бориса Θеодоровича въ 1596 году, по жалобѣ иноковъ—уже не пустыньки, а *Богословскаго монастыря*, которые „били челомъ на *Химаненскихъ* крестьянъ о присадномъ островѣ, что тотъ островъ присадный промежъ ихъ монастырской волости Медляшею, а тѣ де Химаненскіе крестьяне тотъ присадный островъ называютъ своимъ..." [3]). Богословскій монастырь показанъ на всѣхъ картахъ; по спискамъ д. Захаро-Овсянниковская въ 22 в. отъ Шенкурска и особо отъ нея, въ томъ же разстояніи, дер. *Пустынская* на правомъ берегу Ваги [4]); она называется также Овсянниковская, упраздненный Богословскій монастырь. *Химанемамъ*, упоминаемымъ въ 1596 году, соотвѣтствуетъ село Верхній Край (Химанемскій приходъ), при р. Вагѣ въ 23 вер. отъ Шенкурска. Въ спискѣ 1860 года этого села нѣтъ.

Шенкурскъ. При описаніи Ваги было упомянуто, что въ началѣ XIV вѣка въ 1315 году Новгородскій посадникъ Василій Своеземцевъ купилъ у Важскихъ князьковъ, между прочимъ и земли *Шенкурскаго погоста* [5]), и хотя о времени его основанія нѣтъ точныхъ извѣстій, но приведенное упоминаніе свидѣтельствуетъ, что Шенкурскій погостъ существовалъ, вѣроятно, уже въ XIII вѣкѣ, если не ранѣе. Но въ какомъ отношеніи онъ находился къ Важскимъ князькамъ—не извѣстно. Если онъ, въ числѣ прочихъ мѣстностей, былъ мѣстопребываніемъ Важскихъ князьковъ, то можетъ быть, былъ въ то время и укрѣпленнымъ мѣстомъ. Но скорѣе можно полагать, что Шен-

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.

[2]) Доп. къ Акт. Истор., I, 33.

[3]) Акты Истор., I, 248.

[4]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 2291, 2292.

[5]) Вол. Губ. Вѣд. 1846, № 1—2: О распростр. христіанства на Сѣверѣ Европ. Россіи, 197.

курскій погостъ, уже какъ погостъ, былъ новгородскимъ поселеніемъ, и только земли, около него лежащія, находились во владѣніи туземныхъ князьковъ и были куплены Своеземцевымъ. Въ 1446 году этотъ погостъ, уже въ значеніи *посада*, упоминается по случаю похода Василія Шенкурскаго на Югру, вмѣстѣ съ Новгородцами [1]). Въ 1552 году Шенкурскій посадъ упоминается какъ главное мѣсто въ Шенкурскомъ селеніи [2]). Въ 1629 году въ грамотѣ на Вагу царя Михаила Ѳеодоровича названъ уже *Шенкурскимъ городомъ*, а въ 1640 году—*Шенкурскимъ острогомъ* [3]). Время построенія городка въ точности не извѣстно. Судя по тому, что въ началѣ XIII вѣка это населеніе извѣстно подъ названіемъ *погоста*, а въ первой половинѣ XV вѣка оно является въ значеніи *пасада* (а посады не рѣдко устроивались возлѣ городковъ, какъ бы подъ защитою ихъ), можно предполагать, что устройство городка предшествовало 1446 году и было дѣломъ уже водворявшагося въ краѣ московскаго преобладанія, именно въ тотъ періодъ, когда, въ концѣ XIV столѣтія, отъ своеволія новгородской вольницы страдали мѣста, болѣе отдаленныя какъ Пермь, что видно изъ житія св. Стефана Великопермскаго [4]). Къ этому же періоду, т. е. къ XV вѣку, можно относить и внесеніе въ текстъ Чертежа указанія на градъ Шенкурской. Шенкурскъ получилъ названіе отъ р. Шенги, которая прежде текла подъ самымъ городомъ, и можетъ быть, называлась Шенга-курья. Нынѣ она впадаетъ въ 5 вер. отъ города въ Вагу. Вслѣдствіе этого и Шенкурскъ иногда въ актахъ назывался Вагой [5]). Мѣстоположеніе Шенкурска не требуетъ поясненія; но къ исторіи этого города слѣдуетъ присоединить извѣстіе о *Шенкурскомъ Троицкомъ монастырѣ*, основанномъ въ 1637 году, и который былъ сначала женскимъ, а въ 1779 году, съ уничтоженіемъ Макарьевской пустыни, сдѣланъ мужскимъ, и туда же переведены монахи названной пустыни [6]).

[1]) Пол. Соб. Лѣт., IV, Новгор. Четв., 124; ср. Рус. Свят. Фил. Черн., Янв., 138.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, 233.

[3]) Акты Арх. Эксп., III, 186; Доп. къ Ак. Ист., II, 24.

[4]) Рус. Св., Апр., 107.

[5]) Опис. Арх. губ. Молч., 178.

[6]) Опис. Арх. губ. Пушкар., 33; Опис. Арх. губ. Молч., 174; Свѣд. о монаст. Ратш., 12.

Устье—рѣка, упоминаемая въ 1471 году, показана на всѣхъ картахъ, какъ притокъ р. Ваги съ правой стороны.

Каменная гора находилась, какъ сказано въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, „по рѣкѣ Кокшенгѣ по обѣ стороны до устья"; слѣдовательно, берега Кокшенги „по обѣ стороны" были до устья; и обложены горами, извѣстными тогда подъ именемъ Каменныхъ.

Кокшенга, кажется, въ первый разъ упоминается въ 1452 году по случаю междоусобія великаго князя Московскаго съ Дмитріемъ Шемякою. Въ лѣтописи говорится, что когда Шемяка пошелъ на Устюгъ, „князь великій Иванъ да царевичъ съ нимъ шедъ на *Кокшенгу* и *градки ихъ* поимаша и землю ту всю пусту положиша и въ полонъ поведоша и ходиша на Усть-Ваги..." Къ слову „градки ихъ" можно, какъ поясненіе, отнести слова Архангельскаго лѣтописца подъ 1453 годомъ: „Князь Иванъ... пошелъ на Городищную, да на Сухону рѣку, да въ Саленгу на *Кокшенгу* воюючи, а *городъ Кокшенгскій* взялъ и *Кокшаровъ* сѣклъ множество, а съ Кокшенги въ Вологду" [1]). Кокшенга беретъ начало въ Тотемскомъ уѣздѣ, и пройдя часть уѣзда Вельскаго, въ предѣлахъ его впадаетъ въ Вагу съ правой стороны. Что касается до *города Кокшенгскаго*, то по видимому, его можно искать тамъ, гдѣ по картамъ (Оперм., XII) показанъ Ракульскій погостъ. По спискамъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Ракуло-Кокшенгскаго* погоста, на Кокшенгѣ въ 25 в. отъ Вельска [2]). Къ этому же погосту, можетъ быть, относится *Ракулька*, упоминаемая въ 1471 году, когда берега Кокшенги „были положены пусты", и когда естественно не могло быть упомянуто о Кокшенгскомъ городкѣ. Въ томъ же 1471 году въ этихъ мѣстахъ упоминаются еще два селенія *Пукома* и *Савкина*. Положеніе ихъ опредѣлить довольно трудно. Для перваго изъ нихъ, въ видѣ догадки, можно указать на показанную на картахъ (Оперм., XII) деревню Исаково, которая по спискамъ называется еще *Пукачевскою* и стоитъ на р. Кокшенгѣ, въ 65 вер. отъ Вельска [3]). Для Савкина также можно имѣть въ виду для повѣрки съ мѣст-

---

[1]) Пол. Соб. Лѣт., VI, Соф. втор., 120; Ист. Кар., V, пр. 356.

[2]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 2467.

[3]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 2355.

ными соображеніями д. *Савинскую* на р. Кулоѣ [1]). Оба эти указанія, по совмѣстности упоминанія о нихъ въ актахъ, можно счесть правдоподобными.

Кромѣ изчисленныхъ, въ верховьяхъ Ваги было извѣстно еще нѣсколько другихъ мѣстностей, каковы: *Дружининская* или *Зосимо-Савватіевская пустынь*, находившаяся на р. Кокшенгѣ. Время построенія ея не извѣстно; по преданію, она устроена въ половинѣ XVII вѣка крестьяниномъ Дружиною (отъ котораго и названіе получила), а отъ первопостроенной церкви въ честь св. Зосимы и Савватія, названа пустыней Зосимо-Савватіевскою. Она еще до штатовъ 1764 года была приписана къ Маркушевскому монастырю [2]). Она показана на картѣ Ст. Ком. на правомъ берегу Кокшенги. По спискамъ она называется Дружинина пустынь [3]), въ Тотемскомъ уѣздѣ въ 110 верстахъ отъ Тотьмы.

Тарножскій городокъ. Мѣста близь рч. Тарноги, впадающей въ Кокшенгу съ лѣвой стороны, по преданію, памятны нападеніемъ какой-то Чуди некрещеной. Преданіе утверждаетъ, что жители *семи волостей Кокшенгскихъ*, услышавъ о приближеніи непріятеля, собрались *къ погосту Шевдинской волости* помолиться и начали съ восточной стороны погоста копать рвы. *Черная* Чудь подошла; но осажденные, находясь на возвышенномъ мѣстѣ, долго удерживались, скатывая съ горы бревна, которыми давили приближавшихся враговъ; наконецъ Чудь одолѣла, и какъ изъ сохранившихся грамотъ видно, ворвалась въ погостъ и ограбила церковную казну въ церкви Николая Чудотворца, но испуганная видѣніемъ Георгія Великомученика, бѣжала. Это событіе условило Шевдинскому погосту названіе городка Тарножскаго. Къ этому преданію мѣстное описаніе прибавляетъ, что въ 30 вер. отъ истока Кокшенги, въ волости Шевдинской, въ $1/2$ верстѣ отъ рѣки, виднѣются куполы и шатры трехъ деревянныхъ церквей и колокольни — это погостъ Тарножскій или Шевдинскій [4]). Вѣроятно, этотъ городокъ на картахъ (Оперм., XII) слѣдуетъ пріурочить къ тому мѣсту, гдѣ показанъ *Тарновскій погостъ* на р. Тарновкѣ, впадающей съ лѣ-

---

[1]) Спис. нас. м. Вол. г., № 2595.

[2]) Ист. Цер. Іерарх., IV, 59.

[3]) Спис. нас. м. Вол. г., № 9646.

[4]) Вол. Г. Вѣд., 1848, № 7: Тарножскій городокъ, ст. Свистунова.

вой стороны въ Кокшенгу. По спискамъ онъ называется *Шевдинскій-Богоявленскій погостъ* или *Тарногскій городокъ* [1]), въ Тотемскомъ уѣздѣ въ 100 верстахъ отъ Тотьмы.

Маркушевскій Николаевскій *монастырь*, на р. Тарногѣ и Маркушѣ, основанъ преподобнымъ Агапитомъ (изъ Сольвычегодска), въ 1576 году, когда онъ на берегу рч. Маркуши поставилъ сначала часовню, а въ 1578 году двѣ церкви—въ честь Николая Чудотворца и Прокопія Устюжскаго; но жители села Калинина (вѣроятно, не довольные сосѣдствомъ обители) въ 1584 году убили Агапита и тѣло его бросили въ р. Уфтюгу, гдѣ оно и было найдено братіей. До штатовъ 1764 года при этомъ монастырѣ считалось 290 д. крестьянъ, и къ нему были причислены три пустыни: Дружинина (Зосимо-Савватіевская), Печенская (Спасская) и Бабозерская [2]). Сравнительное съ другими богатство обители и первенство среди другихъ сосѣднихъ монастырей указываютъ на значеніе, которымъ пользовался Маркушевскій монастырь въ свое время, и если онъ не внесенъ въ Кн. Б. Ч., то развѣ только потому, что находился вдали отъ главныхъ путей. Монастырь этотъ слѣдуетъ пріурочить по картѣ (Оперм., XII) къ *Маркушевскому* селенію. По спискамъ его нѣтъ, но искать его надобно вблизи селенія *Подмонастырскаго* въ 115 в. отъ Тотьмы [2]).

Печенская Спаская пустынь основана, какъ полагаютъ, иноками Печенскаго же Спаскаго монастыря (что близь Вологды), но когда именно—не извѣстно. По описи 1678 года, въ ней была церковь во имя Спаса и нѣсколько душъ крестьянъ [3]). По спискамъ ей болѣе соотвѣтствуетъ дер. Печенга (Захаровская), показанная на р. Печенгѣ въ 127 вер. отъ Тотьмы [4]) На картахъ этой пустыни нѣтъ. Есть еще *Печенскій Воскресенскій* погостъ того же уѣзда и на р. Печенгѣ, но онъ, по спискамъ, находится только въ 38 вер. отъ Тотьмы [5]).

Зосимо-Савватіевская пустынь по картѣ Ст. К. показана на лѣвомъ берегу Сухоны, почти противъ г. Брусенца. По списку ей соотвѣт-

[1]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 9663.
[2]) Ист. Ц. Іерарх., V, 53.
[3]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 9724.
[4]) Ист. Цер. Іерарх., V, 542.
[5]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 9222.

ствуетъ Изосимо-Савватіевская пустынь, при р. Сухонѣ, въ 78½ отъ Тотьмы [1]). Свѣдѣній историческихъ объ этой обители не встрѣтилось.

Кулой рѣка, упоминаемая въ 1471 году, показана на всѣхъ картахъ и составляетъ правый притокъ Ваги, между Кокшенгой и Терменгой. По картѣ Опермана XII, она называется Кула.

Терменга рѣчка, приведенная въ грамотахъ 1471 года, находится въ числѣ притоковъ Ваги съ лѣвой стороны и показана на всѣхъ картахъ. На р. Терменгѣ также была пустынь, называвшаяся Воскресенскою и упраздненная въ 1764 г. [2]).

Двиница рѣка, слѣдующая за Терменгой по грамотѣ 1471 года, есть на всѣхъ картахъ и составляетъ также лѣвый берегъ Ваги.

Жары, упоминаемые въ 1441 году, вѣроятно, были въ то время селеніемъ, которому по картамъ (Оперм., XII) соотвѣтствуетъ *погостъ Жаровской*, на лѣвомъ берегу Двиницы, въ Вельскомъ уѣздѣ. По спискамъ селенія подъ указаннымъ названіемъ нѣтъ.

Уздренская пустынь, имѣвшая болѣе 200 д. крестьянъ, по описанію находилась въ Верховажской четверти. Время основанія ея въ точности неизвѣстно; но полагаютъ, что она основана была въ XVII столѣтіи и упразднена въ 1764 году. Она же называлась и Введенскою [3]). На картахъ ея нѣтъ, если не считать соотвѣтствующимъ ей селеніе Пуйское, на р. Пуѣ (на картѣ Ст. Ком.) — на томъ основаніи, что этой пустыни по спискамъ соотвѣтствуетъ селеніе Никольское, погостъ Уздринскій, Монастырское, на р. Пуѣ или Пуяндѣ, въ 113 вер. отъ Шенкурска [4]).

Е. Отъ устья р. Ваги по лѣвому берегу Двины, вверхъ по теченію ея до устья Сухоны.

Заостровье-Соколово упоминается въ Двинской грамотѣ 1471 года, въ сопровожденіи слѣдующихъ географическихъ указаній: „Заостровье-Соколово да сельцо по Козлову врагу, на Безатскую сотню.. да Кодема, да Пучуга, да Инсозеро, да Плесо, да Юмышъ отъ

---

[1]) Сп. нас. м. Вол. г., № 9727.
[2]) Опис. Р. Имп., Пушкарева, I, 34.
[3]) Ист. Цер. Іерарх., VI, 466; Опис. Р. Имп. Пушк., I, 24.
[4]) Спис. нас. м. Арх. туб., № 2115.

Устья, вотчина бывшая кн. Ѳеод. Андр. Ростовскаго.“ Въ другомъ мѣстѣ Двинскихъ грамотъ говорится: „А се земля князя великаго по Двинѣ: половина Тоймы верхнія, да Юмышъ, да Иксозеро, да Кодима, да Сельцо, да Заостровье, да Корбола“. Для пріуроченія Заостровья-Соколова (или просто Заостровья) можно указать на погостъ *Заостровскій* (Оперм., XI) на лѣвомъ берегу Двины, при устьѣ Нисы. По спискамъ ему соотвѣтствуетъ Яковлевское (Заостровскій приходъ) по правой сторонѣ Нимы (или Нисы?), въ 112 в. отъ Шенкурска. Невдалекѣ отъ нея деревня Соколовская, напоминающая Соколово, названное въ грамотахъ вмѣстѣ съ Заостровьемъ. Деревни Соколовская и Яковлевская по списку показаны въ одномъ разстояніи отъ города, и можетъ быть, составляли нѣкогда одно селеніе. *Сельцо по козлову врагу* (или просто сельцо) — можетъ быть деревня *Селицкая*, на лѣвой сторонѣ Нисы (Оперм., XI). По спискамъ этого селенія нѣтъ.

Кодема рѣка показана на всѣхъ картахъ въ числѣ лѣвыхъ притоковъ Двины. Въ верховьяхъ Кодемы, на правой сторонѣ, на картахъ показана *Кодемская пустынь*. Къ этой мѣстности относятся свѣдѣнія о монастырѣ *Троицко-Кодемскомъ*, основанномъ въ 1590 г. и упраздненномъ въ 1764 году. По спискамъ ему соотвѣтствуетъ дер. Монастырская (Кодемскій погостъ, упраздненный монастырь), въ 61 вер. отъ Шенкурска. Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ, изд. 1860 года, селенія подъ приведеннымъ названіемъ нѣтъ [1]).

Пучуга. Это селеніе, подъ названіемъ Пучугскаго, показано на картѣ Ст. К., при безъимянной рѣчкѣ, подъ которою, очевидно, разумѣется Кодема. По спискамъ селенія подъ приведеннымъ названіемъ нѣтъ.

Инсозеро. На картѣ Ст. К. есть рч. Инса, составляющая лѣвый притокъ Кодемы и получившая названіе, вѣроятно, отъ озера *Инса*, изъ котораго она вытекаетъ. Озеро это у Оопермана не означено, а вмѣсто Инсы рѣчка, ей соотвѣтствующая, названа Нисой.

Плесо, какъ приведено выше, упоминается въ Двинскихъ грамотахъ между Инсозеромъ и Юмышемъ; но ни на картахъ, ни по спискамъ ничего подходящаго къ этому указанію нѣтъ.

Юмышъ — подъ этимъ названіемъ разумѣется довольно значи-

---

[1]) Ист. Цер. Іер., IV, 548; Опис. Р. Имп. Пушк., I, 39.

тельная рѣчка, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ; на картахъ она называется *Усть-Юмежъ*, но по спискамъ правильнѣе показана подъ названіемъ *Юмыши*. При ней стоятъ деревни Копытовская и Козминская [1]).

Красноборскъ. Это поселеніе недавнее, сколько возможно заключить изъ того, что на мѣстѣ его стояла слободка, называвшаяся Краснослободскою, Двинской трети Великоустюжскаго уѣзда; въ 1574 году въ ней была одна церковь [2]).

Телеговъ монастырь или Троицкій, былъ основанъ въ 1553 г. преподобнымъ Нифонтомъ. По переписнымъ книгамъ 1573 г. за нимъ было 42 двора, а по генеральной переписи 1742 г. 389 д. крестьянъ [3]). Изъ описанія видно, что этотъ монастырь находился въ 10 верстахъ отъ Устюга, на Двинѣ, въ Устюжскомъ уѣздѣ. На картѣ Ст. К. показана на лѣвомъ берегу Двины, ниже устья Вычегды, *Телегова слободка* и близь нея *Телеговскій погостъ.* По списку этимъ мѣстностямъ соотвѣтствуетъ Телеговскій починокъ [4]).

Между Красноборскомъ и Телеговымъ монастыремъ надобно искать на Двинѣ упоминаемый въ Кн. Б. Ч. *Тулупьевъ островъ*, на томъ основаніи, что въ текстѣ Чертежа сказано: „Вычегда пала въ Двину выше Тулупьева острова“; очевидно, этотъ островъ находился *выше устья Вычегды на Двинѣ.* Хотя, разсматривая по картамъ теченіе Двины отъ Вычегды внизъ до Красноборска, мы и не нашли острова, но это свидѣтельствуетъ только о недостаткѣ картографическихъ указаній, такъ какъ по гидрографическому описанію Двины, въ предѣлахъ Вологодской губерніи, на ней считается до 47 острововъ. Затѣмъ, и доселѣ, кромѣ множества постоянныхъ острововъ, почти ежегодно образуются новые, которые потомъ смываются и замѣняются другими; а потому можетъ быть, и Тулупьевъ островъ въ настоящее время изчезъ, если нѣтъ его въ числѣ 47 безъимянныхъ острововъ.

Вондокурская волость. Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Ивана

---

[1]) Спис. нас. м. Вол, губ., №№ 7954, 7955.

[2]) Пам. Кн. В. губ., 1864, 117; Вол. Г. В. 1847 г., № 17, 1848 г., № 35, 1851 г., № 4 и 10; Геогр. Слов. Щек., III.

[3]) Ист. Цер. Іерарх., VI, 363.

[4]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 11384; Воен. Стат. Обозр. Вол. губ., № 165.

Васильевича 1517 года говорится: „пожаловали мы Стеньку да Володьку Өедоровыхъ... въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Вондокурской волости Качаловскою (деревнею?) да Туровцы“ [1]). По списку Вондокурской волости соотвѣтствуетъ с. *Вондокурское*, при р. Двинѣ, въ 59 в. отъ Устюга. Деревни Качаловской по списку нѣтъ, а для Туровцы можно указать на *Туровецкій Богоявленскій погостъ*, въ 67 в. отъ Устюга [2]).

Прилуцкій Николаевскій монастырь. Время основанія его не извѣстно, такъ какъ монастырскія грамоты сгорѣли; но объ этомъ монастырѣ сохранилось упоминаніе въ одной изъ грамотъ царя Михаила Өеодоровича, въ 1614 году, гдѣ сказано: „съ Двины, Яракульскаго стана Николая Чудотворца *Прилуцкій* монастырь... а какъ де приходили въ поморье по Двинѣ и вверхъ по Двинѣ и Вагѣ Литовскіе люди и у нихъ де въ монастырѣ стояли и (монастырь) разорили“... [3]).

Устюгъ. Мѣстность Устюга пользуется древнею извѣстностью; по крайней мѣрѣ существуетъ мнѣніе, что она издревле была занята Заволоцкою Чудью (можетъ быть, Пермяками или Зырянами), и что Волжскіе Булгары съ этою Чудью имѣли торговыя сношенія. Этимъ отчасти можно объяснять и нападеніе ихъ въ 1216 году на Устюгъ, вѣроятно, уже бывшій тогда поселеніемъ Новгородцевъ, такъ какъ Болгары непріязненно смотрѣли на Новгородцевъ, появившихся въ этомъ краѣ.

Основаніе Устюга, по сказанію Устюжскихъ лѣтописцевъ, относится къ одному времени съ устройствомъ Михайлова монастыря (въ Архангельскѣ), т. е. въ XI вѣку, и приписывается выходцамъ Новгородскимъ. Онъ сначала былъ расположенъ на горѣ Гляденѣ и назывался *Гляденемъ*, а жители его именовались Устюжанами. Въ послѣдствіи времени Устюжане съ горы Гляденя переселились на *Черный Прилукъ*, вѣроятно, отъ того, что гора Гляденъ была подмыта водою. Въ срединѣ поселенія былъ сдѣланъ большой земляный валъ, кругомъ него рвы и деревянная крѣпость съ бойницами, что и нынѣ называется Городищемъ. Въ той крѣпостцѣ, по свидѣтельству сотной писцовой книги, была деревян-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 163.

[2]) Спис. нас. м. Вол. губ., № 11154, 11165.

[3]) Ист. Церк. Іер., V, 647.

ная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Первое переселеніе Устюжанъ изъ Гляденя въ Черный Прилукъ относятъ къ промежутку времени между 1177 и 1213 годами. На мѣстѣ древняго Гляденя находился Гляденскій Троицкій монастырь. Для нашей цѣли достаточно того, что Устюгъ Великій на мѣстности Чернаго Прилука возникъ не ранѣе какъ въ концѣ XII вѣка. Нашествіе Волжскихъ Болгаръ было первымъ событіемъ, которое записано въ лѣтописи, гдѣ тотъ же городъ является съ именемъ Устюга. Въ началѣ XIII вѣка въ немъ уже былъ монастырь Архангельскій, основанный Кипріяномъ, богатымъ землевладѣльцемъ Устюжской волости, деревни Сенькиной [1]).

Ж. По правому берегу Двины отъ устья ея до устья Пинеги.

Соломбалъ упоминается въ 1471 вмѣстѣ съ Коневымъ островомъ и Терпиловымъ погостомъ, и первоначально, можетъ быть, подъ этимъ названіемъ разумѣлся островъ, отдѣляемый рч. Кузнечихой отъ нынѣшняго Архангельска [2]). Нынѣ этотъ островъ, съ нѣсколькими селеніями, называется Соломбалами и находится въ 7 в. отъ губернскаго города [3]).

Лявленскій монастырь (иначе называемый Лавренскій), находился на устьѣ рч. Лявли, впадающей съ правой стороны въ Двину, въ 32 в. отъ Архангельска. Время основанія его въ точности не извѣстно, но относится приблизительно ко 2-й половинѣ XV вѣка, къ временамъ Настасьи Посадницы, если подъ этимъ именемъ разумѣть Настасью Ивановну, упоминаемую въ 1476 г. [4]). Изъ указа царя Василія Іоанновича Шуйскаго, 1610 года, видно, что въ прежнія времена на этомъ мѣстѣ Настасья Посадница надъ могилою своего брата Стефана поставила церковь Успенія Богородицы, и къ ней въ 1607 году были пожалованы этому монастырю земли, въ Княжь-Островской волости. Въ 1633 году Лявленскій монастырь былъ приписанъ къ Сійскому монастырю. Въ писцовыхъ книгахъ временъ царя Алексія Михайловича упоминается: „въ Кня-

---

[1]) Волог. Губ. В., 1840. № 26; 1846 г. № 41; Полное Собр. Л., I, Тр., 1218 г. Ж. М. В. Д., 1848, Окт., 120.

[2]) Слов. Щекатова, V, 1097.

[3]) Сп. нас. м. Арх. губ., №№ 159—161.

[4]) Ист. Г. Р., VI, 65.

жеостровской волости монастырь Успенія Богородицы на устьѣ р. Лявли, и на монастырѣ черный попъ Герасимъ и дьячекъ Гришка Семеновъ". Въ 1764 году монастырь этотъ былъ упраздненъ [1]. По спискамъ на мѣстѣ Лявленскаго монастыря показанъ *Лявля-погостъ*, въ 29 верстахъ отъ Архангельска [2].

Юра рѣка упоминается въ грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича, въ 1524 году, когда тамъ „за Двиною найдены были ключи соленые на горѣ на лѣсу черномъ", пожалованные этимъ княземъ Двинянамъ [3]. По картамъ этому указанію сооотвѣтствуетъ (Оперм., XII) *Юра Большая* и *Юра Малая*, гдѣ нынѣ находятся два селенія: Юрасъ Большой и Юрасъ Малый, въ 30 верстахъ отъ города [4].

Чюхчелема упоминается въ 1398 году между Куростровомъ и Ухтостровомъ и посреди тѣхъ же селеній въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года [5], и вѣроятно, принадлежала къ числу тѣхъ древнихъ Новгородскихъ поселеній, которыя извѣстны были подъ названіемъ Двинской свободы. Селенію этому, по картамъ, на правомъ берегу Двины, соотвѣтствуетъ: *Ильинско-Чухечеремская*, а вблизи ея находится и другая деревня *Николаевско-Чухченемская* (Оперм., XI, и к. Ст. К.) По спискамъ, подъ тѣми же названіями, оба эти селенія показаны въ 8 и 9 в. отъ Холмогоръ [6].

3. Пинега рѣка и ея притоки.

Пинега рѣка, по крайней мѣрѣ нижнее ея теченіе, вмѣстѣ съ Двиной были заняты Новгородцами не позже какъ въ началѣ XI в., судя уже потому, что въ 1138 году, въ уставной грамотѣ Святослава Ольговича, упоминается о даняхъ епископа Новгородскаго „въ Пинегѣ". Если въ то время здѣсь разумѣлось подъ названіемъ Пинеги селеніе, то вѣроятно, это была *Усть-Пинега*, упо-

---

[1]) Ист. Ц. Іер., V, 33; Опис. Арх. губ. Молч., 106; Пам. Кн. Арх. г. 1862 г., 24.

[2]) Спис. нас. мѣст. Арх. губ., № 29.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 385.

[4]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 68, 69.

[5]) Ист. Кар., V, пр. 244; Акты Арх. Эксп., I, 94. б.

[6]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1462, 1466.

минаемая въ Двинской грамотѣ 1471 года [1]). Это же селеніе, безъ сомнѣнія, упоминается въ значеніи *волости Пинежской*, въ числѣ прочихъ (Кевpольской, Чакольской, Пильегорской) въ 1607 году по поводу отбыванія подводной повинности „по соболей и кречетовъ". Усть-Пинега есть на всѣхъ картахъ и упоминается подъ именемъ *Усть-Пинежской*, въ спискахъ, въ 19 в. отъ Холмогоръ [2]).

Красногорскій монастырь, иначе называемый: на Черной горѣ, Пинежскій или Черногорскій. Онъ основанъ былъ въ 1603 году инокомъ Макаріемъ, который, поселившись въ Юрольской волости на Черной горѣ, выпросилъ себѣ землю у царя Василія Ивановича Шуйскаго. Это видно изъ грамоты 1600 года на волокъ Пинежскій въ Двинскій уѣздъ, гдѣ между прочимъ говорится: „и былъ въ Пинегѣ черный попъ Макарій (и сказывалъ).. что на Пинегѣ рѣкѣ верстъ за 500 всё живутъ крестьяне и нашего де богомолья общаго монастыря у нихъ нѣтъ.. а есть де и мѣсто годное къ монастырскому строенію по Пинегѣ рѣкѣ, близь *волока Пинежскаго* въ дикомъ лѣсу, слыветъ Черная гора". Здѣсь-то Макарій и построилъ церковь въ честь Похвалы Пресвятыя Богородицы; церковь эта сгорѣла въ 1611 году и построена вновь только въ 1722 году [3]); монастырь этотъ находится на р. Пинегѣ въ 13½ в. отъ Пинеги и рядомъ съ нимъ деревня *Красногорскаго монастыря вотчина* [4]). Какъ видно изъ рукописнаго списка населенныхъ мѣстъ Арханг. губ., въ немъ считается одна церковь и 22 жителя.

Пинега городъ стоитъ на мѣстѣ древней *Волоко-Пинежской волости*, или близь нея, такъ какъ на картѣ Ст. Ком. Волокопинежье показано особо отъ города Пинеги, въ близкомъ отъ нея разстояніи. Волость эта въ значеніи „Волока Пинежскаго", вмѣстѣ съ другими селеніями, лежащими по р. Пинегѣ, упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года [5]), какъ древняя вотчина великихъ князей. Волость эта въ послѣдствіи была обращена въ поселеніе черносош-

---

[1]) Ист. Кар., II, пр. 261; Акты Арх. Эксп., I, 74, 94. а. бб.: Доп. къ Акт. ист., I, 34, 381.

[2]) Доп. къ Акт. ист., I, 154; Спис. нас. м. Арх. г., № 1416.

[3]) Ист. Цер. Іерарх., IV, 759; Опис. Арх. губ. Молчан., 201; Арх. Губ. Вѣд. 1845, № 23; Акты ист., II, 72, III, 292, V, 276, 302.

[4]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1067.

[5]) Ак. Арх. Эксп., I, 94, д.

ныхъ крестьянъ и причислена къ городу Пинегѣ, при его учрежденіи въ 1780 году, когда уже называлась погостъ *Волокъ* [1]. Положеніе города Пинеги, показаннаго на всѣхъ картахъ, не требуетъ объясненія.

Воспала упоминается въ Двинской грамотѣ 1471 г. между Кулой-горой и Великимъ дворомъ, въ числѣ вотчинъ великихъ князей [2]). Она показана на картахъ подъ названіемъ Усть-Воспольской, Назарьевской или Борисовской (Оперм., XI, и Ст. К.). По спискамъ на р. Пинегѣ и рч. Восполкѣ есть нѣсколько селеній этого имени: Ѳедоровѣевская, Усть-Воспольская, Назарьевская, въ разстояніи 3 или 4 верстъ отъ города [3]); они иначе называются: Воспольско-Ѳедоровская, Усть-Воспольская, Боричевская и Назарьевская.

Чинбала. Подъ этимъ указаніемъ едва ли не слѣдуетъ разумѣть *рѣчку*, такъ какъ въ грамотѣ Двинской 1471 года, гдѣ она упоминается въ числѣ вотчинъ великокняжескихъ, сказано только: „да *по Чинбалѣ четыре деревни*; но рѣки Чинбалы ни на картахъ нѣтъ, ни въ спискахъ не упоминается. Для мѣстныхъ розысканій можно только прибавить, что вмѣстѣ съ Чинбалой упоминаются въ грамотѣ мѣстности, находящіяся около р. Пинеги (Чюнюла, Юрела, Буела и Заозерье), о положеніи которыхъ будетъ сказано ниже.

Великій дворъ упоминается въ Двинской грамотѣ 1471 года [4]). На картѣ Ст. Ком.—Великодворское. По спискамъ, ей соотвѣтствуетъ Великодворская, въ $2^1/_2$ в. отъ г. Пинеги, на правомъ берегу Пинеги [5]).

Кулой гора также упоминается только въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, вмѣстѣ съ Великимъ дворомъ и Шулонемой. Для этой мѣстности, на картѣ Ст. Ком., могутъ быть указаны, близь р. Пинеги, слѣдующія селенія: Соколовская, Шаньегорская, Клишевская, Семушинская. Большая часть этихъ селеній извѣстна подъ общимъ названіемъ Кулой-горы или Кулогорской. Подъ тѣми же названіями они показаны и въ спискахъ [6]). Всѣ они находятся отъ го-

---

[1]) Опис. Арх. губ. Молч., 194; Опис. Гор. пос., 1860, I, 30.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.

[3]) Спис. нас. м. Арх. губ., №№ 1112, 1113, 1114.

[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.

[5]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1111.

[6]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1124, 1126, 1127, 1128, 1129.

рода въ разстояніи 5 или 8 верстъ. Хотя это пріуроченіе, по совмѣстности съ другими историческими указаніями, и слѣдуетъ считать правильнымъ, но для мѣстныхъ соображеній можно привести еще другое: *Кулойскій погостъ*, показанный на картѣ въ верховьяхъ р. Кулоя, составляющей особый притокъ Ледовитаго моря. По списку ему соотвѣтствуетъ село Кулойское, находящееся въ 34 вер. отъ г. Пинеги [1]).

Пильигоры упоминаются въ Двинской грамотѣ 1471 года, послѣ Пинежки и Немьюги, въ числѣ волостей, отданныхъ Новгородцами вел. князю Василію (Іоанновичу) [2]), при чемъ нѣсколько ниже въ грамотахъ прибавлено: „да на Пильегорскихъ сидѣлъ Ярецъ, и Немьюгу да *Пильигоры*, еще при великомъ князѣ Василіи Новгородцы отняли". Она на картахъ показана подъ названіемъ *Пильегорскаго погоста* (Оперм. XI). По спискамъ ему соотвѣтствуютъ двѣ дер. *Пильегорскія* первая въ 15 в., а другая—въ 23 в. отъ Пинеги [3]).

Пермьское упоминается въ Двинской грамотѣ подъ 1471 годомъ, послѣ Кегролы и Чаколы. По картамъ (Оперм., XI) она показана подъ названіемъ *Пермской* на р. Пинегѣ, а по спискамъ подъ названіемъ *Пермскаго погоста*, въ 57¼ вер. отъ города [4]); она также называется Чикинскою.

Шулонема по Двинской грамотѣ 1471 года показана между Пикернемой и Кулой,-горой. По картѣ Оперм., XI, она же— вѣроятно, не совсѣмъ правильно—названа *Муломеня*, на лѣвомъ берегу Пинеги, почти противъ устья Суры. По спискамъ ей соотвѣтствуетъ *Шулонемская*, въ 229 в. отъ города [5]).

Буела упоминается въ 1471 году между Юрелой и Заозерьемъ. По картамъ ей соотвѣтствуетъ,—можетъ быть, въ искаженномъ названіи—*Соила*, при р. Сойлѣ, вытекающей изъ Соельскаго озера (Оперм., XI), называемая также Сояльскою (к. Ст. К.). По спискамъ она называется Срѣтенія Господня Сояльскій погостъ, въ 26 в. отъ Пинеги [6]).

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1130.
[2]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б.
[3]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1073.
[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б; Спис. нас. м. Арх. г., № 1201.
[5]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б; Спис. нас. м. Арх. г., № 1289.
[6]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б; Спис. нас. м. Арх. г., № 1039.

Заозерье, упоминаемое въ 1471 году вмѣстѣ съ Буелой, на картахъ не показано. По спискамъ ему соотвѣтствуетъ *Заозерская* или *Заозерье*, въ 25 в. отъ Пинеги [1]).

Юрела, вмѣстѣ съ Буелой, также извѣстна съ 1471 года, По картамъ (Оп., XI) называется *Юрольскимъ погостомъ*, на правомъ берегу Пинеги, а также *Юрольска* (к. Ст. К.). По спискамъ она показана въ видѣ двухъ селеній: *Юрольское село*, въ 18 в. отъ города, и *Никольскій холмъ* (Юрольскій погостъ), въ 17½ в. отъ Пинеги. Она называется также Холмовскою или Юрольскимъ приходомъ [2]).

Чюнюла поставлена въ Двинской грамотѣ 1471 года между Вонгой и Юрелой. По картѣ Ст. К. она называется *Чушельская* и *Петрогорская*. По спискамъ ей соотвѣтствуетъ *Чушельская* при р. Чушелкѣ, въ 18 вер. отъ города [3]).

Вонга, названная въ 1471 году вмѣстѣ съ Чюнюлой, по картѣ Опермана, XI, отмѣчена подъ названіемъ Вонгскаго погоста и при ней дер. Докучинская и Новинка. По спискамъ это селеніе названо Вонга или Вонгское въ 2¼ вер. отъ города. Она также называется Вонга Преснецовская и имѣетъ значеніе прихода [4]). Названіе Вонга въ современномъ его значеніи есть вполнѣ собирательное, общее многимъ селеніямъ, каковы: Вонга-Совполская, Вонга-Новинка или Лебонема, Вонга Верхнихъ и Нижнихъ Озерокъ, Вонга-Докучинская, Вонга-Чернильниковская, Вонга-Темверойская, Вонга Едакина-Плаксинская, Вонга Преснецовская, Вонга Ларевская, Вонга Комаровская.

Кевроль упоминается подъ названіемъ *погоста* еще въ началѣ XIV вѣка (1328 — 1340 гг.) въ грамотѣ великаго князя Іоанна Даниловича и Новгородскаго посадника Данилы, гдѣ говорится: „Двинскому посаднику на Холмогоры. приказали есмы. Печерскую сторону Михаилѣ Архангелу (т. е. Михайловскому монастырю въ Архангельскѣ), а *погостъ Кегрольскій волокъ* вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ“. Подъ названіемъ *Кеврола* эта мѣстность упоминается въ 1471 году, вмѣстѣ съ Чаколой, Пермскимъ и Мезенью.

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1040.

[2]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1045, 1046.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 94. б; Спис. нас. м. Арх. губ., № 1048.

[4]) Спис. нас. м. Арх. губ., № 1057.

Изъ нихъ двѣ первыя находятся отъ Кевроля внизъ по теченію Пинеги, именно въ томъ порядкѣ, какъ они показаны въ спискахъ. Въ томъ же 1471 году упоминается объ этой мѣстности подъ названіемъ *Кегрольскаго городка*: „А Новгородцы", говорится въ грамотѣ,—„пришедъ на семъ лѣтѣ городокъ Кегрольскій сожгли и съ Чакольскаго городка взяли окупъ" [1]). Изъ этого видно, что Кегрольскій волокъ, Кевроль, уже въ XV вѣкѣ имѣлъ значеніе укрѣпленнаго мѣста; впослѣдствіи онъ дѣлается центромъ управленія въ этомъ краѣ; въ немъ жили воеводы, была воеводская канцелярія, и только въ 1780 году управленіе было переведено въ Пинегу, названную тогда городомъ. Молчановъ указываетъ на мѣстность *города Кевроля* въ 130 вер. отъ Пинеги. Этому указанію по картамъ (Оперм., XI), соотвѣтствуетъ с. *Воскресенское*, при которомъ отмѣчено: „бывшее прежде городъ Кевроль". По спискамъ это селеніе нынѣ называется Немнюжскій погостъ, въ 134 вер. отъ Пинеги, или иначе Большепогостское, Кевроло-Воскресенскій приходъ. Есть еще другое Воскресенское или Малонемнюжское, въ 78 в. отъ Пинеги, которое стоитъ также на Пинежкѣ, но впадающей въ Кулой, а Кевроль-Воскресенское находится на Пинежкѣ, впадающей въ Пинегу [2]).

Чекола упоминается въ 1471 г. между Кевролемъ и Пермскими, нѣсколько позже называется Чакольскимъ городкомъ [3]). Этому указанію соотвѣтствуетъ, по картѣ Опермана, XI, *Чакульскій погостъ*, и д. Чекольская на лѣвомъ берегу Пинеги, а по спискамъ—Чакольское [4]).

Немнюга не разъ упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 г. Здѣсь, кажется, надобно разумѣть р. Немнюгу, впадающую въ р. Кулой, такъ какъ Немнюга, впадающая въ Пинегу, при одновременности указаній о Кевролѣ, едва ли могла бы здѣсь разумѣться.

Пекернема упоминается въ 1471 году между Волокомъ Пинежскимъ и Шулонемой. По картамъ (Оперм., XI, и Ст. К.) *Пиронемскій погостъ* или д. *Пиронемская*, по спискамъ *Левшинская*, также называется Левинскою или Пиронемскою, въ 92 вер. отъ Пинеги [5]).

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, № 12, 94 б. абб.

[2]) Спис. нас. м. Арх. г., №№ 1323 и 1133.

[3]) Акты Арх. Эксп,. I, 94. б.

[4]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1186.

[5]) Акты Арх. Эксп., I, 94, б; Спис. нас. м. Арх. губ., № 1173.

*

Верхольскій монастырь возникъ съ построеніемъ церкви св. Артемія Веркольскаго, коего мощи покоятся здѣсь съ 1517 года. Въ то же время были построены и кельи для жительства монашествующихъ усердіемъ Мезенскаго воеводы Аѳонасія Пашкова. Монастырь этотъ существуетъ и по нынѣ [1]) и показанъ на всѣхъ картахъ. По спискамъ онъ называется Веркольскій, при р. Пинегѣ, въ 181 вер. отъ города.

Сура Поганая, рѣка, упоминаемая въ 1471 году, впадаетъ въ Пинегу съ лѣвой стороны и показана на всѣхъ картахъ просто подъ названіемъ *Суры*. По картѣ Ст. К., по правому берегу Пинеги, противъ устья Суры показано рч. *Поганица* (у Опермана эта рѣчка также есть, но безъ названія), которая, вѣроятно, называлась и *Поганою*. Затѣмъ можно думать, что относительно названія рѣки Суры *Поганою* въ Кн. Б. Ч. вкралась, можетъ быть, не точность: слѣдовало сказать: не Сура Поганая, а рч. Сура и Поганая или Поганица.

Въ 1578 году въ завѣщаніи Іоанна Грознаго упоминается вмѣстѣ съ Сурою поганою „*Лавела* и иныя мѣста". Эта мѣстность также находится вблизи Суры, называемой въ Кн. Б. Ч. Поганою, только не по правому берегу Пинеги; по картамъ—Лавельскій погостъ (Оперм., XI) и Ловельская (к. Ст. К.). По спискамъ ей соотвѣтствуетъ Кожинская или Ловельскій погостъ [2]), въ 220 вер. отъ Пинеги.

И. Отъ устья Пинеги по правой сторонѣ Двины до устья Вычегды.

Выя рѣка, упоминаемая въ 1471 г., между Мезенью и Пинежною (Двинскою), показана на всѣхъ картахъ, какъ притокъ р. Пинеги съ лѣвой стороны, выше р. Суры [3]).

Челмахта упоминается въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года между *Пангишемъ* и рч. *Сіей* (о которой уже было упомянуто при описаніи Сійскаго монастыря). Этому указанію по картамъ (Оп., XI) соотвѣтствуетъ рч. Чоліохта (вѣроятно, искаженное названіе Челмахты), впадающая съ правой стороны въ Двину. По картѣ Ст. К.

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх., III. 321; Арх. Губ. В. 1845 г., стр. 373; Русск. Св. Фил. Черн., Іюнь, 110; Спис. нас. м. Арх. г., № 1356.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., I, 222—384; Спис. нас. м. Арх. г. № 1278.

[3]) Акты Арх. Эксп., I, 94, б.

при этой рѣчкѣ показано селеніе Челмохотское. По спискамъ это селеніе показано въ 93 в. отъ Холмогоръ подъ названіемъ Челмокоцкаго погоста [1]). Можетъ быть, это селеніе и разумѣется въ Книгѣ Большого Чертежа.

Пингишъ, какъ указано выше, упоминается въ 1471 году вмѣстѣ съ Челмохтой между Хаврогорами и Задвиньемъ. По картѣ этому указанію соотвѣтствуетъ р. Пингиша, впадающая съ правой стороны въ Двину, и на ней *Пингишскій погостъ*. По картѣ Ст. К. показана только рѣчка подъ этимъ названіемъ. По спискамъ на р. Пингишѣ нѣсколько селеній. Болѣе другихъ Пингишскому погосту соотвѣтствуетъ дер. Яковлевская, иначе называемая Пингишскимъ приходомъ при Обозерѣ [2]).

Хаврогоры (Хавры-горы, за р. Двиной) упоминаются въ 1471 году между Михренгой и Задвиньемъ. По картамъ этому селенію соотвѣтствуетъ *Хаврогорскій погостъ* на правомъ берегу Двины, иначе называемый деревней Хаврогорскою. По спискамъ это будетъ Ховрогорская, Козминская, въ 108 в. отъ Холмогоръ [3]).

Корбала упоминается въ Двинскихъ же грамотахъ 1471 года между Заостровьемъ и Осиновымъ полемъ. Этому указанію по картамъ соотвѣтствуетъ Корбальскій погостъ (Оперм., XI; к. Ст. К.), состоящій изъ нѣсколькихъ селеній, лежащихъ на правомъ берегу Двины, каковы: Семеновское, Ивановское, Мошки, Шитиковшина. Этотъ погостъ называется также Петровское или Осередокъ и имѣетъ значеніе Корбальскаго прихода; находится въ 105 верстахъ отъ Шенкурска [4]).

Клоновскій Троицкій монастырь. Изъ описанія видно, что этотъ монастырь стоитъ на Двинѣ въ Конецдворской волости, собственно въ 13 в. отъ Двины, и въ 115 вер. отъ Шенкурска, на рр. Клонѣ и Нендрусѣ. Онъ существовалъ еще въ XIX вѣкѣ, и за нимъ считалось нѣкогда 17 д. крестьянъ. Время основанія его не извѣстно [5]). На картѣ Ст. К. въ Шенкурскомъ уѣздѣ показано озеро *Клоно*

---

[1]) Ак. Арх. Эксп., I, 90, б; Спис. нас. м. Арх. г., № 1871.
[2]) Сп. нас. м. Арх. губ., № 1957.
[3]) Акты Арх. Эксп., I, 94, б; Сп. нас. м. Арх. губ., № 1832.
[4]) Акты Арх. Эксп., I, 94, а; Сп. нас. м. Арх. губ., № 2442.
[5]) Ист. Цер. Іер., IV, 533; Опис. Арх. губ. Молч., 186.

и при немъ рч. Клоновка, впадающая въ Нендрусъ на правой сторонѣ Двины близь Корбальскаго погоста. У Опермана (XI) есть только р. Нендрусъ и нѣсколько безъимянныхъ озеръ. Клоновскій монастырь, не означенный на картахъ, можно поставить при сліяніи Клоны или Клоновки съ Нендрусомъ.

Тойма рѣка была во владѣніи Новгородцевъ еще въ XII вѣкѣ и упоминается въ церковной грамотѣ Святослава Олеговича въ 1138 году. Въ дѣйствительности этихъ рѣчекъ двѣ, и къ первой изъ нихъ, или къ обѣимъ вмѣстѣ относится приведенное указаніе— опредѣлить трудно. Но въ 1318 году упоминается уже рѣчка *Тойма Нижняя*. Что касается до *Тоймы Верхнія*, то она упоминается въ первый разъ только въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года [1]), когда половина ея находилась во владѣніи великаго князя. Обѣ эти рѣки показаны на всѣхъ картахъ, какъ притоки Двины съ правой стороны, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ.

На пространствѣ, нами разсмотрѣнномъ (между Пинегой и Вычегдой), въ Кн. Б. Ч. упоминаются только *Янда* рѣка (ниже Ваги 50 верстъ), *Ваенга*, потомъ *Пукшенга Двинская*, вытекающая изъ *озера*; противъ Пукшенги (Двинской), на лѣвой сторонѣ Двины, погостъ *Троицкій*, *Пинежга* и впадающая въ нее рѣчка *Ежуга*, а за нею *Пушенга Пинеская*, вытекающая изъ *озера*.

Для пріуроченія рѣки *Янды* можно правильно указать на р. *Пянду*, показанную на картѣ Ст. К. По картѣ Опермана этой рѣкѣ соотвѣтствуетъ рѣчка, называемая Солка. Рѣчка Пянда дѣйствительно впадаетъ въ Двину съ лѣвой стороны, ниже Ваги, приблизительно, по указанію Чертежа на 50 верстъ. По правой сторонѣ Двины по Кн. Б. Ч. показана р. *Ваенга*, въ 10 верстахъ ниже Янды. Эта рѣка отмѣчена на всѣхъ картахъ. Отъ нее до *Пукшенги Двинской* считается 50 верстъ. По картамъ, рѣка Пукшенга дѣйствительно впадаетъ въ Двину, противъ Емцы. Далѣе по Книгѣ Большаго Чертежа противъ Пукшенги *погостъ Троицкій*. Для этого погоста можно указать на лѣвомъ берегу Двины на селеніе *Черняевско-Горское* или *погостъ Сійскій* (Оперм., XI: Сійская) при устьѣ р. Сіи. По списку ему соотвѣтствуетъ с. Сійское

---

[1]) Ист. Карамз., II, пр. 261, V, пр. 244.

или Черняевско-Горское при р. Сіи [1]), въ 78 в. отъ Холмогоръ. Названіе этого селенія *погостомъ Троицкимъ* можетъ быть объяснено тѣмъ, что не вдалекѣ отъ онаго селенія, въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, первая построенная въ немъ церковь была въ честь Святой Троицы. Затѣмъ въ Кн. Б. Ч. говорится о *Пушенгѣ Пинежской*, впадающей въ Пинегу. Ей по картамъ соотвѣтствуетъ *Покшенга*, впадающая въ Пинегу съ лѣвой стороны.

Ежугѣ рѣкѣ, показанной въ Кн. Б. Ч., соотвѣтствуетъ р. *Іожуга*, впадающая въ Пинегу съ правой стороны. Въ эту рѣку съ правой же стороны впадаетъ рч. *Колодливая*, не упоминаемая въ Кн. Б. Ч., но извѣстная въ исторіи походовъ на Югру: къ этой рѣчкѣ, по всей вѣроятности, относится указаніе 1499 и 1503 годовъ, когда воеводы Московскіе „пошли р. *Колодою*... на многія рѣки... въ Печеру", какъ объ этомъ уже было упомянуто въ обзорѣ географическихъ свѣдѣній и притомъ замѣчено, что подъ р. Колодою 1499 года надобно разумѣть рч. Колодливую, вполнѣ соотвѣтствующую направленію похода.

Котласъ. По списку населенныхъ мѣстъ, это село показано на правомъ берегу Двины, подъ названіемъ Котловскаго Староновскаго погоста (Котласъ), въ 61 в. отъ Устюга; оно извѣстно и по картамъ. При общемъ обозрѣніи географическихъ свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ было указано свидѣтельство академика Шегрена, что эта мѣстность, съ окрестностями ея, по мѣстному преданію была древнимъ мѣстожительствомъ племени Ями, и объяснено, что именно этимъ преданіемъ подтверждается извѣстіе Нестора о Ями, жившей въ этомъ краѣ въ XI столѣтіи.

Зосимо-Савватіевская пустынь. Эта обитель, извѣстная еще подъ названіемъ Устюжской или Великоустюжской, находилась на правомъ берегу Двины, по описаніямъ въ 15 верстахъ (?) отъ Устюга. Время основанія ея не извѣстно. По переписнымъ книгамъ 1678 г. при ней считалось 22 двора, а по переписи 1722 г.—118 д. м. пола; на картахъ ея нѣтъ, по спискамъ она показана въ 28 верстахъ отъ города, подъ названіемъ Зосимо-Савватіевской [2]).

Янковская Знаменская пустынь, иначе называемая Филипповская.

---

[1]) Спис. нас. м. Арх. г., № 1694.

[2]) Ист. Церк. Іерарх., IV, 213; Спис. нас. м. Вол. г., № 11401.

Янковскою она называется отъ горы Янковской, на которой построена. Она основана въ 1654 году преподобнымъ Филиппомъ, коего мощи тамъ почиваютъ подъ спудомъ, въ соборѣ церкви Знаменія Пресв. Богородицы. Въ переписныхъ книгахъ 1678 г. она записана съ 7 дворами крестьянъ-половинщиковъ. По переписи 1722 г. при ней считалось 100 д. работниковъ. По списку ей соотвѣтствуетъ Нестеферовская (Янково) съ показаннымъ при этой деревнѣ мужскимъ монастыремъ, на правомъ берегу Сухоны, въ 2 верстахъ отъ Устюга [1]).

I. Сухона рѣка и ея притоки.

Сухона, рѣка неоднократно названная въ Кн. Б. Ч., лежитъ на одномъ изъ древнѣйшихъ путей новгородской колонизаціи на сѣверъ. Находясь въ соединеніи съ озеромъ Кубенскимъ, она, конечно, была самымъ естественнымъ путемъ для утвержденія Новгородцевъ въ юго-западномъ Заволочьѣ, вѣроятно, среди Ями (извѣстной чаще подъ общимъ названіемъ Чуди или Чуди Заволочской), бывшей древнѣйшимъ населеніемъ этого края. Извѣстно, что одинъ изъ ближайшихъ притоковъ Сухоны, рѣка Вологда, былъ издревле въ области Ростовскаго княжества, и что Вологда, какъ населенная мѣстность, упоминается уже въ первой половинѣ XII вѣка, какъ о томъ будетъ сказано впослѣдствіи [2]).

Представляемъ обозрѣніе береговъ р. Сухоны, слѣдуя принятому порядку вверхъ по теченію Сухоны, до Кубенскаго озера.

По лѣвому берегу Сухоны:

Тотьма городъ и рѣка упоминаются въ Кн. Б. Ч. Изъ жизнеописанія Ѳеодосія Тотемскаго, основателя Спасо-Суморинскаго монастыря, видно, что на мѣстѣ города была солеварня Прилуцкой обители, и что оттуда преподобный въ качествѣ надзирателя за этими солеварнями первоначально здѣсь поселился. Начало Тотьмы, какъ полагаютъ, относится къ XV вѣку, въ значеніи погоста, который подъ названіемъ Старой Тотьмы извѣстенъ былъ даже во времена Алексѣя Михайловича, когда городъ Тотьма былъ

[1]) Ист. Цер. Іерарх., IV, 393; Спис. нас. м. Вол. г., № 10603.

[2]) Ист. Росс., Татищ., гл. 44, § 21.

истребленъ пожаромъ и перенесенъ на другое мѣсто, выше Старой Тотьмы, по р. Сухонѣ на 10 верстъ. Имя Тотьмы, какъ города, встрѣчается въ актахъ только въ 1539 году, во время набѣговъ Казанскихъ Татаръ, когда многіе сѣверные города, въ томъ числѣ и Тотьма, были ими разорены. Въ 1554 году, при основаніи Спаса-Суморина монастыря, упоминаются при немъ „посадскіе люди", по просьбѣ которыхъ былъ построенъ монастырь, такъ какъ въ то время, ни въ Тотьмѣ, ни въ Тотемскомъ уѣздѣ не было монастырей. Ѳеодосію Тотемскому приписываютъ также возобновленіе пустыни Ефремовской, находящейся въ Тотемскомъ уѣздѣ, но когда она была основана—опредѣлить трудно. Въ 1565 г. Тотьма упоминается въ числѣ городовъ опричныхъ. Въ смутный періодъ самозванцевъ жители Тотьмы принимали дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ государственнаго устройства [1]).

Пельшма рѣка упоминается въ Кн. Б. Ч. какъ притокъ Сухоны, впадающій ниже Тотьмы на 30 верстъ. Рѣка эта упоминается въ завѣщаніи великаго князя Василія Васильевича въ 1462 году подъ названіемъ Пельшмы, вмѣстѣ съ другими мѣстностями. По картамъ этой рѣкѣ соотвѣтствуетъ р. *Толшма* или Пельшма, впадающая въ Сухону съ правой стороны. На этой рѣкѣ стоялъ монастырь *Лопотовъ*, называвшійся Богородицкимъ. Онъ основанъ въ XV столѣтіи преподобнымъ Григоріемъ, называемымъ Пельшемскимъ. Онъ происходилъ отъ Галицкихъ бояръ Лопотовыхъ и основалъ обитель въ 1426 году. Въ 1764 году считалось за монастыремъ 293 души крестьянъ. На картѣ Опермана, XII, онъ показанъ подъ тѣмъ же названіемъ. По спискамъ Лопотовъ монастырь при р. Пельшмѣ, въ 7 верстахъ отъ Кадникова [2]).

Спасо-Суморинъ монастырь основанъ уроженцемъ Вологодскимъ Ѳеодосіемъ Сумориным; онъ былъ сначала инокомъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, а оттуда переселился въ Тотьму и здѣсь между рч. *Песьею Деньгой* и *Ковдой* избралъ мѣсто для своего пустынно-

---

[1]) Ист. Ц. Іерарх., VI, 419; Русск. Св., Янв. 127; Геогр. Сл. Щек., VI, 522; Ист. Кар., VIII, 35. IX, пр. 137; Ист. Цер. Іерарх., VI, I, 414; Опис. Росс. Имп., Пушкар., I, 111.

[2]) Ист. и топогр. свѣд. о Вологдѣ, Засѣцкаго, 1777, 46; Ист. Цер. Іер. V, 25; Спис. нас. м. Вол. г., № 4257.

жительства. Мѣсто это принадлежало Марьѣ Григорьевой Истоминой, жившей въ Тотьмѣ. Она уступила ему эту землю, и въ 1553 г. совершила данную, изъ коей видно: „се азъ Марья Григорьева дочь, а Истомина жена, да съ своими дѣтками съ Ѳедоромъ да Петромъ, да съ внукомъ Ивановымъ сыномъ, приданова дали старцу Ѳеодосію Суморину, отца своего благословеніе—пустошь Симакинскую на *Песьей Деньгѣ* и по *Ковдѣ* со всѣмъ угодьемъ, что къ нимъ изстари по-тягло". Ѳеодосій былъ въ Москвѣ въ 1554 году, и по случаю устройства монастыря тогда Тотемцы писали, что въ Тотьмѣ и въ Тотемскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ ни одного монастыря. Право на владѣніе подаренною землей въ этомъ же году было утверждено царемъ Иваномъ Васильевичемъ особою грамотой, приводимою въ описаніи монастыря [1]). Монастырь назывался также *Тотемскимъ*, вѣроятно—потому, что находился въ близкомъ разстояніи отъ Тотьмы. Монастырь этотъ, кромѣ того, назывался *Преображенскимъ, что въ Тотьмѣ*, какъ видно изъ данной 1555 г., которою дозволена была монастырю отъ царя Ивана Васильевича безоброчная выварка соли въ Тотьмѣ. Изъ описанія монастыря видно, что въ Тотьмѣ была и соловарня *Спасо-Прилуцкаго* монастыря, куда и пришелъ первоначально Ѳеодосій, вѣроятно—для осмотра солеваренныхъ заводовъ. По картѣ Ст. К. означена только рѣчка Песья Деньга, съ безъимяннымъ притокомъ, вѣроятно, Ковдою. У Опермана, XII, и этого нѣтъ. По спискамъ Спасо-Суморинъ монастырь показанъ при рр. Песьей Деньгѣ и Ковдѣ, въ одной верстѣ отъ Тотьмы [1]). Названная здѣсь рч. *Песья Деньга* упоминается въ Кн. Б. Ч. („пала въ Сухону рѣка Песья Деньга"). Думать можно, что она внесена въ Чертежъ ранѣе устройства монастыря (до 1553 г.); иначе, казалось бы, не могъ быть пропущенъ самый монастырь.

Тиксенская, Спаса-Нерукотвореннаго *пустынь*, по описанію находилась въ 40 в. отъ Тотьмы, на р. Тиксѣ. Она основана въ 1603 году препод. Вассіаномъ, инокомъ Спасо-Суморинскаго монастыря. По спискамъ этому указанію соотвѣтствуетъ Тиксенскій Спасо-Преображенскій погостъ, въ 52½ вер. отъ Тоть-

---

[1]) Ист. Церк. Іерарх., VI, ч. 1, 413; Рус. Свят., Янв., 127.

мы [1]). Р. Тикса впадаетъ въ Сухону съ правой стороны; на ней показано нѣсколько селеній, но Тиксенскаго погоста нѣтъ.

Голубинская пустынь. Время основанія ея не извѣстно. По переписнымъ книгамъ 1678 года, пустыни этой принадлежало 3 двора. Она называлась также Рождественскою и упразднена въ 1764 году, По картѣ Опермана, XII, ей соотвѣтствуетъ *погостъ Голубинскій* на лѣвомъ берегу Сухоны, по описанію Ратшина— близъ устья рѣки; по спискамъ эта Голубинская пустыня показана въ 100 в. отъ Тотьмы [2]).

Кадниковъ. Мѣстность этого города, какъ полагаютъ, извѣстна была еще въ концѣ XV вѣка подъ названіемъ *Кадниковой пустоши*, какъ видно изъ грамоты митрополита Изосимы, данной въ 1492 году Григорью Мочалову и Дмитріеву сыну Лыкову, гдѣ между прочимъ говорится: „да жалую Пеньковскою да *Кадниковскою пустошью* въ Вологодскомъ уѣздѣ“. Подъ именемъ пустоши эта мѣстность упоминается и въ началѣ XVII вѣка. Образовавшаяся здѣсь деревня названа въ 1780 г. городомъ Кадниковымъ [3]).

Семигорская Успенская пустынь основана въ XV столѣтіи, какъ думаютъ, отшельниками Глушицкаго Покровскаго монастыря, такъ какъ въ монастырѣ этомъ хранится икона, писанная преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ. Но изъ одной монастырской грамоты видно, что первоначальная церковь Успенія была приходскою въ Седмиградской волости, которая въ XV вѣкѣ, во время моровой язвы, бывшей въ Вологодскомъ краѣ, вымерла. Послѣ того волость стояла пустою около 150 лѣтъ. Въ 1593 году старица Іуліанія, пришедши туда изъ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, нашла тамъ икону Успенія Богородицы, писанную Діонисіемъ, и въ честь ея, въ 1602 году основала тамъ обитель, которая въ 1649 году была разорена разбойниками. Въ 1661 году эта пустынь приписана была къ Вологодскому Софійскому собору, а потомъ отдана въ вѣдѣніе Покровскаго Глушицкаго монастыря;

---

[1]) Свѣд. о монастырѣ Ратш., 78; Спис. н. м. Вол. губ., № 8887.

[2]) Ист. Цер. Іерарх., III, 737; Свѣд. о монаст. Ратш., 77; Спис. нас. м. Вол. губ., № 9034.

[3]) Рус. Вѣст., 1841, № 6; Вол. Губ. Вѣд. 1843, № 37, статья Качина; Георг. Сл. Сем., II, 210.

по картѣ Опермана, XII, Семиградская пустынь показана на правомъ берегу Двиницы, впадающей въ Сухону съ лѣвой стороны. По списку ей соотвѣтствуетъ пустынь Семигородная въ 46 вер. отъ Кадникова [1]).

Рабонгская пустынь или Рабангскій Спасопреображенскій монастырь основанъ былъ въ 1447 году препод. Филиппомъ. По крѣпостнымъ актамъ монастыря видно, что онъ имѣлъ вотчины, пожалованныя ему въ 1564 г. царемъ Иваномъ Васильевичемъ, право на владѣніе коими было подтверждено и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1613 и 1618 годахъ. Къ 1764 году, при упраздненіи монастыря, за нимъ считалось 192 д. крестьянъ. По картѣ Опермана XII, этому монастырю соотвѣтствуетъ с. *Робонское.* По списку онъ названъ (Спасо-Преображенскимъ или Рабанскою слободой) по лѣвому берегу Сухоны, въ 32 в. отъ Вологды [2]). Значеніе монастыря этого отозвалось, кажется, и на названіи Сухоны: она по к. Ст. К. отъ устья Вологды до соединенія съ Кубенскимъ озеромъ называется Рабангой или Сухоной Рабангскою.

Глушицкій Покровскій монастырь, иначе Старый-Покровскій, по описанію, находился въ 30 вер. отъ Кадникова, на р. Глушицѣ. Основателемъ этого монастыря считается преподобный Діонисій Глушицкій, пришедшій въ Вологодскій край изъ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго. Съ жизнію этого инока связана въ этомъ краѣ исторія нѣсколькихъ монастырей. Діонисій первоначально основалъ, или скорѣе, возобновилъ *Николаевскій монастырь* на Святой Лукѣ (на берегу Кубенскаго озера, при деревнѣ Святолуцкой), во второй половинѣ XIV вѣка. Потомъ, оставивъ эту пустынь, онъ въ 1393 году удалился на р. Глушицу, гдѣ въ 1403 году поставилъ *Покровскій* Глушицкій монастырь, при набожномъ содѣйствіи князя Дмитрія Кубенскаго и по благословенію архіепископа Ростовскаго Григорія. Въ 1420 году Діонисій, и здѣсь не оставаясь, удалился за 4 версты отъ Глушицкаго монастыря, на мѣсто, называемое Сосновецъ, и тамъ основалъ новый монастырь, извѣстный подъ названіемъ *Сосновецкаго-Предтеченскаго.* Сверхъ того, въ 2-хъ верстахъ отъ Покровскаго монастыря онъ основалъ еще женскую оби-

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх., VI в., I, 81; Спис. нас. м. Вол. губ., № 4394.

[2]) Ист. Ц. Іерарх., V, 655; Спис. нас. м. Вол. губ., № 222.

тель, извѣстную подъ названіемъ *Леонтьевской*. Кромѣ этихъ четырехъ монастырей, расположенныхъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, св. Діонисій въ 18 верстахъ отъ Покровскаго-Глушицкаго монастыря, внизъ по р. Глушицѣ, поставилъ церковь Вознесенія Господня, а по р. Двиницѣ церковь Николая Чудотворца. Похороненъ преподобный Діонисій въ Сосновецкомъ-Предтеченскомъ монастырѣ. Николаевскій Святолуцкій монастырь въ 1479 году переданъ былъ въ вѣдѣніе Спасо-Каменнаго монастыря. Его ни по картамъ, ни въ спискахъ нѣтъ, а равно и деревни Святолуцкой, приводимой въ описаніи. Для Глушицкаго-Покровскаго монастыря, по картѣ Опермана, XII, можно указать на *пустыню*, означенную на правомъ берегу рч. Глушицы. По спискамъ, этому указанію соотвѣтствуетъ *Покровскій монастырь*, въ 22 верстахъ отъ города Кадникова. Для Сосновецкаго монастыря, по картѣ Опермана, XII, можно указать на *Сосновецкій погостъ*, а по списку—на *Діонисіевъ Глушицкій монастырь*, при р. Глушицѣ, въ 28 вер. отъ Кадникова и въ 6 верстахъ отъ Покровскаго монастыря. Церковь Воскресенія—вѣроятно, въ погостѣ Воскресенскомъ, показанномъ по картѣ Опермана, XII, при р. Глушицѣ. Гдѣ была построена Діонисіемъ Николаевская церковь — указать трудно [1]). Что касается до *Леонтьевскаго* женскаго монастыря, находившагося въ 2-хъ верстахъ отъ Покровско-Глушицкаго, то ни на картахъ, ни по списку въ такомъ близкомъ разстояніи, ничего подобнаго нѣтъ [2]).

По правой сторонѣ Сухоны:

Стрѣльный городокъ. О значеніи этого городка, какъ и о прочихъ, встрѣчающихся въ Вологодской губерніи, было ужъ упомянуто выше. Здѣсь же главнѣйше имѣется въ виду опредѣлить его мѣстоположеніе. По Книгѣ Большаго Чертежа, *Стрѣльный городокъ* показанъ въ разстояніи 50 вер. отъ Устюга и въ 50 же верстахъ отъ городка Боровска. Этому указанію соотвѣтствуетъ *Стрѣлинскій погостъ*, при устьѣ рч. Стрѣльны (Опeрм., XII), впадающей въ Сухону съ правой стороны. По списку Стрѣлинскій Богоявленскій погостъ показанъ при р. Стрѣльцѣ, въ 43½ вер. отъ Устю-

[1]) Ист. Росс. Іерарх., III, 698; Русск. Св., Іюль, 12; Доп. къ Акт. Ист., I, № 16; Спис. н. м. Вол. губ., № 3646, 3653.

[2]) Свѣд. о мон. Ратш., 71.

га. Основаніе этого городка обыкновенно относятъ къ 1627 году, ко временамъ царствованія Михаила Өеодоровича [1]).

Бобровскій городокъ, одновременно съ предыдущимъ основанный, получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ рч. Бобровки. На картѣ Опермана, XII, на этой рѣчкѣ, впадающей въ Сухону съ правой стороны, показанъ *погостъ Никольскій*, а при устьѣ этой рѣчки—*Бобровскій ямъ*. По спискамъ этимъ указаніямъ соотвѣтствуетъ *Бобровый Николаевскій погостъ*, въ 100 вер. отъ Устюга, и село *Бобровское*, въ 101 вер. отъ города, при р. Сухонѣ. Принявъ въ разчетъ, что Бобровскъ по Кн. Б. Ч. отстоитъ отъ Стрѣльнаго на 50 вер., а этотъ послѣдній отъ Устюга также на 50 вер., не безъ основанія можно полагать, что городокъ этотъ находился гдѣ-либо вблизи указанныхъ мѣстностей, а вѣрнѣе — при сліяніи Бобровки съ Сухоной [2]).

Брусенецъ, городокъ, упоминаемый въ Кн. Б. Ч., существовалъ уже въ началѣ XVII вѣка. Тамъ онъ упоминается неоднократно въ 1608 году въ отпискахъ Устюжанъ къ Вычегодцамъ, какъ *городокъ на Сухонѣ*, по поводу сбора ратныхъ людей и общей неурядицы въ Московскомъ государствѣ. На к. Ст. К. (сборн. л.) онъ показанъ на правомъ берегу Сухоны, подъ названіемъ Брусеннаго, а на к. Оперм., XII, только р. Брусенка, впадающая въ Сухону. По списку по р. Брусеницѣ показано нѣсколько селеній: Алексѣевская выставка, Алексѣевская, Ананьевскій починокъ, Тарасовскій починокъ и дер. Костенская; послѣдняя изъ нихъ въ 87 в. отъ Тотьмы. Въ Кн. Б. Ч. говорится: „отъ Тотьмы Сухоною *60 верстъ* градъ Брусенецъ". Разница въ 27 в. можетъ быть объяснена тѣмъ, что это измѣреніе пространства *не Сухоной*, а берегомъ, гдѣ, вѣроятно, объѣздъ представлялъ удлиненіе пути. Вообще однакожь это можетъ быть разъяснено только мѣстными розысканіями.

Здѣсь необходимо войти въ нѣкоторые подробности относительно указаній Книги Большаго Чертежа. Въ ней сказано: „отъ Брусенца до *городища* (въ варіантахъ: отъ Брусенца до Городища, отъ *Брусенца-городища*, отъ Брусенска до Городищнаго) 50 верстъ отъ Городищнаго (отъ Городищнаго-Брусенска) 50 верстъ до Бо-

---

[1]) Ж. М. Вн. Д., 1832, II, 1844, Дек.; Спис. нас. мѣст. Волог. губ., № 10328.

[2]) Спис. нас. м. Волог. губ., №№ 10659, 10338.

бровки". Казалось бы, между Брусенскомъ и Бобровскомъ, по тексту Чертежа, надобно предполагать еще городъ *Городищный*. Но варіанты двукратно поясняютъ, что слова Городище и Городищный относятся къ Брусенску. Притомъ, если бы между Брусенскомъ и Бобровскомъ былъ еще городокъ (Городищный), то въ текстѣ или въ варіантахъ выдѣлено было и разстояніе его отъ помянутыхъ городовъ.

Что касается до указаній г. Спасскаго о мѣстоположеніи Брусенца на мѣстѣ деревни Брусетацкой (на основаніи атласа-Вильберга), то за приведеннымъ выше объясненіемъ едва ли нужно какое-либо противъ этого возраженіе, тѣмъ болѣе, что деревни Брусатской мы нигдѣ не встрѣтили, и положеніе ея, по собственному мнѣнію Спасскаго, не соотвѣтствуетъ разстоянію Брусенца по Кн. Б. Ч. отъ Устюга [1]).

Дѣдовская Троицкая пустынь, по описанію, считается въ 7 верстахъ отъ Тотьмы, и находится на островѣ р. Сухоны, называемомъ Дѣдовскимъ. Самое названіе она безсомнѣнно получила отъ этого острова и отъ первоначальной въ пустыни церкви Троицкой. Пустынь эта основана іеромонахомъ Іоною, прибывшимъ изъ Тотьмы, когда въ 1670 году онъ нашелъ на островѣ икону, съ изображеніемъ св. Троицы и Божіей Матери. Это случилось при Тотемскомъ воеводѣ Абрамѣ Ѳедоровичѣ Лопухинѣ (братѣ царицы Евдокіи, первой супруги Петра Великаго). По переписнымъ книгамъ 1678 года пустыня эта еще не имѣла ни какихъ владѣній; но въ 1722 году въ ней считалось 123 д. крестьянъ. Обитель уцѣлѣла и при сокращеніи монастырей въ 1764 году, оставшись съ однимъ священникомъ. Она по картамъ (Оперм., XII, и к. Ст. К.) показана на островѣ р. Сухоны, или на правомъ берегу ея. По списку значится подъ тѣмъ же названіемъ, въ 7 вер. отъ города [2]).

Шуйской городокъ, по Кн. Б. Ч. находившійся въ 130 вер. отъ Тотьмы, также относится къ 1627 году. Но по историческимъ свидѣтельствамъ, онъ существовалъ уже въ 1608 году, какъ видно изъ одной отмѣтки: „А какъ, господинъ Иванъ Филиповичъ... ты бы

---

[1]) Кн. Бол. Ч., прим. 218; Акты Арх. Эксп., 94; Спис. нас. мѣс. Вол. г. №№ 9313, 9317—9319, 9322.

[2]) Ист. Церк. Іерарх., IV, 72; Спис. нас. мѣс. Вол. губ., № 9950.

велѣлъ ратнымъ людямъ, распустя по дорогѣ, съ Брусенца ли и съ Тотьмы и изъ *Шуйскаго* идти на Галичъ, или на Галичьскую Соль или на Любимъ". По картѣ Опермана, XII, ему соотвѣтствуетъ погостъ *Шуйской*, на лѣвомъ берегу Шуи, впадающей въ Сухону съ лѣвой же стороны. По списку с. *Шуйское* указано при Сухонѣ и Шуѣ, въ 136 вер. отъ Тотьмы [1]).

Р. *Комела*, близь которой въ разныхъ мѣстахъ расположено нѣсколько довольно древнихъ монастырей, неупоминается въ Кн. Б. Ч. По имени этой рѣки существовала во 2-й половинѣ XVI в. волость, называвшаяся *Комельскою* и упоминаемая въ актахъ по поводу Корнильева монастыря на *Нурмѣ* [2]).

Озерскій Николаевскій монастырь, иначе Комельскій монастырь, основанъ былъ въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Стефаномъ Комельскимъ. умершимъ въ 1542 году. Монастырь этотъ, въ простонародіи называется: „Никола на озерѣ или Стефановъ монастырь". При упраздненіи его въ 1764 году, за нимъ считалось 1264 д. крестьянъ. По картѣ Опермана, XII, на берегу озера Никольскаго у истока р. Комелы показанъ *Николы-озерскій погостъ*. По списку ему соотвѣтствуетъ, въ Грязовецкомъ уѣздѣ, погостъ *Николаевскій-Озерскій* при озерѣ Никольскомъ, въ 25 вер. отъ Грязовца [3]).

Корнильевъ-Комельскій монастырь основанъ преподобнымъ Корниліемъ, пришедшимъ изъ Ростова: онъ поселился въ Вологодскомъ краѣ, въ Комельскомъ лѣсу, въ 1497 году, въ 45 вер. отъ Вологды и въ 5 вер. отъ Грязовца. Когда здѣсь къ нему стали собираться иноки (въ 1501 году), онъ построилъ первую деревянную церковь въ честь Введенія Богоматери. Въ 1531 году монастырь этотъ владѣлъ уже многими окрестными землями и деревнями. Изъ грамоты вел. кн. Іоанна Васильевича, 1538 года, видно слѣдующее:, все язъ князь великій Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмы *Корнильевой пустыни*, что ихъ села и деревни и починки монастырей въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Обнорской волости: Ерзово, Добродѣево, Комарино, Шипишня, Жучиха, Олябиха, Михалево, Становище-зимнее, Орефино, Еремино.." и многіе починки, перечис-

---

[1]) Ж. М. Вн. Д. 1832, II, 12, Дек.; Спис. нас. мѣс. Вол. губ., № 9022.

[2]) Акты Арх. Эксп., II, доп., 222, грамота патр. Іова.

[3]) Ист. Церк. Іерарх., V, 303; Свѣд. о мон. Ратш., 75; Спис. нас. мѣс. Вол. губ., № 2952.

ленные въ грамотѣ, — въ Комельскихъ волостяхъ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ—на Ухтомѣ. Владѣнія этого монастыря, какъ видно изъ грамоты царя Ивана Грознаго 1582 года, были и по р. Кулою въ предѣлахъ Архангельской губерніи: „А нынѣ де у нихъ (иноковъ Корнильева монастыря) въ Холмогорскомъ присудѣ на рѣцѣ на Кулоѣ четыре соляныхъ вареницы". Въ началѣ XVII вѣка монастырь подвергался нападенію литовской вольницы. По одной изъ отписокъ тогдашняго времени къ царю Михаилу Ѳеодоровичу видно, что въ 1618 году литовскіе люди „приходили въ Корнильевъ монастырь и старцевъ и служекъ посѣкли". Упоминается объ этомъ монастырѣ и позднѣе. Въ 1764 году за монастыремъ считалось 3088 душъ крестьянъ. По картѣ Оперм., XII, Комельскій монастырь показанъ на правой сторонѣ Нурмы. По спискамъ этому монастырю, кажется, соотвѣтствуетъ погостъ Богородицко-Комельскій, на р. Комелѣ, въ 17 вер. отъ Грязовца. Изъ жизнеописанія Корнилія Комельскаго видно, что около 1526 года онъ, вслѣдствіе ссоры съ братіей, оставилъ было свою обитель, и удалившись за 70 верстъ, на озеро Сурское, поселился тамъ и думалъ было основать тамъ новую пустынь, но великій князь Василій Іоанновичь убѣдилъ его возвратиться въ прежній монастырь [1]).

Перцова пустынь, иначе называемая Парсова, была основана въ 1499 году преподобными Авксентіемъ и Онуфріемъ, коихъ мощи почиваютъ тамъ. Въ 1558 году этотъ монастырь былъ приписанъ къ Корнильеву монастырю. По картѣ Оперм., XII, онъ называется пустыней Пертковою, а также Троицкою. По спискамъ ей соотвѣтствуетъ погостъ Троицкій-Перцовъ, при рч. Лухтѣ, впадающей въ Комелу въ 12 верст. отъ Грязовца [2]).

Арсеньевъ Ризоположенскій монастырь, на правомъ берегу р. Лежи и при р. Кохтышѣ, въ 25 верст. отъ Грязовца. Онъ построенъ былъ тѣмъ же Арсеніемъ Сухорукимъ, который въ 1530 году основалъ такъ называемую Арсеньеву обитель на Масленѣ. Къ этому монастырю относится нѣсколько сохранившихся грамотъ

---

[1]) Ист. Церк. Іерарх., IV, 651; Акты Арх. Эксп., III, 97; Вологод. Губ. Вѣд. 1839, № 33, 1846, 33—38; Русск. Св. Фил. Ч., май, 124, 129; Акты Ист., I, 283; Спис. нас. м. Вол. губ., № 2669.

[2]) Ист. Цер. Іерарх. V, 516; Спис. нас. м. Вол. губ., № 2773.

царя Ивана Васильевича 1530 г. и позднѣе, а также царя Михаила Ѳеодоровича, 1617 года. Послѣ упраздненія монастыря въ 1764 году за нимъ считалось 237 д. крестьянъ, По картѣ Оперм., XII, онъ показанъ на лѣвомъ берегу Лежи, подъ названіемъ Арсеньева. По списку ему соотвѣтствуетъ Арсеньевъ Комельскій монастырь на р. Кохтышѣ, въ 24½ в. отъ Грязовца [1]).

Спасская Печенская пустынь, по описанію, находилась на р. Печенгѣ, впадающей съ правой стороны въ Вологду, въ 20 вер. отъ Вологды и 8 верстахъ отъ Арсеньевой на Масленѣ пустыни. По картамъ приблизительно въ 8 верстахъ отъ р. Маслены дѣйствительно есть р. Печенга, на которой была Спасская пустынь; но пустыня эта находилась не въ Грязовецкомъ уѣздѣ, какъ то видно изъ разныхъ о ней упоминаній, а въ Вологодскомъ, на правомъ берегу р. Вологды, при устьи Печенги. Пустынь эта была основана въ 1492 году преподобными Авраамiемъ и Копрiемъ. Она закрыта въ 1764 году; при ней считалось 227 д. крестьянъ. Спасо-Преображенская монастырская церковь обращена въ приходскую при с. Спасскомъ, которое по списку указана въ 25 верст. отъ Вологды [2]).

Золотуха р. О ней упоминается только въ Кн. Б. Ч., гдѣ сказано: „А градъ Вологда на рѣкѣ на Вологдѣ, *да въ ровъ пущена рѣка Золотуха*". По объясненію Спасскаго, Золотуха есть не что иное, какъ довольно глубокій и широкій ровъ, посредствомъ котораго по повелѣнію Іоанна IV соединены рр. Содемка и Шогранъ. Въ гидрографическомъ описаніи Вологодской губерніи эти рѣчки (Содемка и Шагранъ) названы въ числѣ притоковъ Вологды. Историкъ Вологды Засѣцкій указываетъ, что повелѣніе Іоанна Грознаго о соединеніи этихъ рѣкъ относится къ 1569 году [3]).

Вологда городъ и рѣка. Начало Вологды, въ значеніи поселенія, относится обыкновенно къ XII вѣку, но въ точности время основанія ея не извѣстно, хотя и приписывается Новгородцамъ. По

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх., I, 230; Св. о монаст. Ратш., 65; Вол. губ., Вѣд., 1848 г., № 40, 1850, № 8; Спис. нас. м. Вол. губ., № 3152.

[2]) Ист. Цер. Іер., V, 343; Рус. Св. Ф. Чер., Февр., 23; Вологод. Епарх. вѣд. 1814, № 1; Опис. Волог. губ. Услара, 32; Спис. нас. м. Вол. губ., №№ 467, 3501.

[3]) Кн. Б. Черт., Спасскаго, 199, прим. 208; Опис. Вол. г., Услара, 33; Истор. опис. Засѣцкаго, 60.

преданію, прежде этого города былъ, гдѣ-то близъ Кубенскаго озера, можетъ быть, на берегу р. Кубены, *городъ Кубенскій*, вѣроятно — первоначальное мѣсто поселенія Новгородцевъ среди Чуди. Только въ 1147 году Вологда упоминается въ первый разъ, по случаю прибытія туда преподобнаго Герасима, который нашелъ здѣсь посадъ и на такъ называемой Лѣнивой площади церковь Воскресенія Христова и малый торжокъ. Мѣстность эта и теперь въ чертѣ города, а вмѣсто прежней деревянной церкви здѣсь стоитъ каменный соборъ Воскресенія Христова. Существуетъ преданіе, что преподобный Герасимъ имѣлъ по устройству монастыря споръ съ тогдашнимъ владѣльцемъ земли Пятышевымъ, родъ котораго еще до устройства монастыря имѣлъ тамъ поземельныя владѣнія. Такимъ образомъ первое поселеніе на мѣстѣ нынѣшней Вологды должно было бъ отнести едва ли не къ XI вѣку. Не отвергая приводимаго здѣсь преданія, можно полагать, что въ такой отдаленный періодъ если здѣсь и существовало поселеніе, то конечно, не значительное. Естественно полагать, что мѣстность нынѣшней Вологды въ старину была занята лѣсомъ, а потому можно допустить и то объясненіе, что самое названіе города произошло отъ слова Волокъ. Иначе это названіе производятъ отъ финскаго слова Волоко-ва—лѣсная вода, обратившагося въ Вологду. Полагаютъ, что мѣстность Вологды если первоначально и не была заселена, то все же извѣстна Новгородцамъ, еще задолго до 1147 года пришедшимъ въ этотъ край, какъ можно заключать, имѣя въ виду походъ 1032 года на Желѣзныя Ворота. Существуетъ мнѣніе, что Новгородцы крѣпко держались на лѣвомъ берегу Сухонскаго бассейна; правый же берегъ его (горный) находился въ спорномъ владѣніи между Новгородомъ и Ростовскимъ княжествомъ, которое по верховьямъ волжскихъ притоковъ распространялось на сѣверъ далеко въ глубь Заволочья. Дѣти Ростовскаго князя Василія Константиновича владѣли: Борисъ — княжествомъ Ростовскимъ, а Глѣбъ—княжествомъ Бѣлозерскимъ, къ которому принадлежали Устюжна и Вологда. Слѣдами владѣнія Глѣба Васильевича въ Вологодскомъ краѣ остаются донынѣ двѣ перекопи: одна—соединяющая Окольную Сухону съ Сухоной Рибангскою, а другая—перерѣзывающая Святую Луку при истокѣ Сухоны изъ Кубенскаго озера. Въ началѣ XIII в., въ юго-западномъ

Заволочьѣ, какъ удѣлѣ Ростова, образовалось княжество Бѣлозерское, въ составъ котораго входили земли, находящіяся нынѣ въ предѣлахъ Кадниковскаго, частію Вельскаго и Вологодскаго уѣздовъ. Въ томъ же вѣкѣ княжество Бѣлозерское раздробилось на нѣсколько удѣловъ: явились княжества Бѣлосельское-Бѣлозерское, Ухтомское, Бочтюгское, Авнежское, Шелешпанское, Вадбольское, Сугорское и др. Южныя земли Заволочья, занятыя первоначально колоніями ростовскими, принадлежали впослѣдствіи къ владѣніямъ князей Ярославскихъ. Въ концѣ XIV вѣка потомки князей этихъ владѣли *Заозерьемъ* и *Новленою* на Кубенскомъ озерѣ. Князь Василій Васильевичъ Ярославскій отдалъ сыновьямъ своимъ: Симеону—Новлены, а Дмитрію—Кубенское озеро. Противъ села Устья (Кадниковскаго уѣзда) при деревнѣ Цирковой донынѣ стоитъ деревянная часовня. Здѣсь нѣкогда стояли терема князя Дмитрія Озерскаго. Князь Симеонъ Новленскій былъ родоначальникомъ князей Ухтомскихъ. Что Вологда не была еще и въ XIII вѣкѣ собственностью Новгорода, слѣдуетъ и изъ того, что вліяніе Ростовскихъ князей было здѣсь существеннѣе: Ростову принадлежитъ первоначальное водвореніе здѣсь христіанской вѣры. Этимъ объясняется, почему Бѣлозеро, Вологда и даже Устюгъ, помимо Новгорода, вошли въ составъ Ростовскаго княжества. Однакожъ, какъ видно по историческимъ документамъ съ 1265 года, Новгородъ считалъ Вологду въ числѣ своихъ старинныхъ волостей. Едва ли не въ первый разъ имя Вологды изчезаетъ изъ числа Новгородскихъ волостей въ грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ Іоанномъ III, въ 1471 году. Впрочемъ, говоря собственно о Вологдѣ, нельзя не имѣть въ виду нѣкоторыхъ историческихъ указаній, свидѣтельствующихъ о непрочныхъ отношеніяхъ Новгорода къ Вологдѣ. Изъ духовной грамоты Дмитрія Іоанновича Донскаго (1389 года) видно, что онъ купилъ Бѣлоозеро, Тотьму и Сяму въ нынѣшнемъ Вологодскомъ уѣздѣ, и послѣдняя, какъ родовое наслѣдіе потомковъ князя Донскаго, долго являлась и въ послѣдующихъ грамотахъ, но собственно Вологда еще не входила въ составъ этихъ владѣній. По духовной великаго князя Василія Дмитріевича 1424 года хотя „прикупъ къ Вологдѣ и Тотьмѣ", въ качествѣ собственности Московскихъ князей, и отданъ былъ супругѣ его Софьѣ Витовтовнѣ, но городъ Вологда, разо-

ряемый Новгородцами, даже въ началѣ XV в., очевидно, переходилъ изъ рукъ въ руки и не былъ еще окончательно причисленъ къ московскимъ владѣніямъ; только при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ это причисленіе оказывается рѣшеннымъ, когда въ 1435 году Вологда была уже мѣстомъ Московской „заставы", т. е. укрѣпленнымъ, пограничнымъ пунктомъ Московскаго княжества. Въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ княженію Василія Васильевича, именно въ духовной его, упоминается уже не объ одной Вологдѣ, но и о многихъ ближайшихъ къ ней мѣстахъ. Въ этой духовной сказано, что: „сыну Юрію даны на Вологдѣ Масленскія села, да Янгосарскія, да Говоровскія села, сыну Борису на Вологдѣ—Турундаевское, Понизовское, да Кобылинское села, Борка, да на Шошѣ деревня, а сыну Андрею—*Вологда* и съ Кубеною (рѣкою?) и съ Заозерьемъ и со всѣмъ, что къ Вологдѣ и къ Кубенѣ и къ Заозерью, да Иледамъ, съ Обнорою и съ Комелою и съ Волокомъ, да Авнега, да Шиленга, Пельшма, Бохтюга, Юстожма, Сяма.. и со всѣмъ, что къ тѣмъ волостямъ потягло". Всѣ эти указанія приведены здѣсь съ тою цѣлію, чтобъ опредѣлить самый отдаленный предѣлъ, когда Вологда могла явиться въ документахъ, послужившихъ источникомъ составленія Большаго Чертежа. Самымъ раннимъ періодомъ, конечно, можно назначить первую половину XV вѣка, но точнѣе время можетъ выясниться только при совокупности соображеній, которыя приведены будутъ ниже [1]).

Заоникіевская Владимірская пустынь, показываемая по описаніямъ въ 12 верст. отъ Вологды, получила названіе Заоникіевской отъ того, что находится за лѣсомъ, который, по мѣстному преданію, называется Аникіевымъ отъ имени Аники-разбойника, жившаго въ немъ. Здѣсь въ 1588 году найдена св. икона Владимірской Божіей Матери, и въ честь ея основана была пустынь преподобнымъ Іосифомъ и его пріемниками Антоніемъ и Іоанникіемъ, почивающими тамъ. Въ 1764 году за этою пустыней считалось 38 д. крестьянъ. По картѣ Опермана, XII, для этой пустыни не нашлось точнаго

---

[1]) Ист. и Топогр. св. о Вологдѣ Засѣцкаго, 23 — 46; Ист. записки о Гор. Вол. губ., Справ. кн. Вол. губ., 1855, 1—16; Энц. Лекс. Плюш., XII: Вологда, Надеждина, 395-397; Вол. Г. В., 1846, № 13, 14.

указанія. По спискамъ Заоникіевская пустынь показана въ 14 в. отъ Вологды [1]).

Арсеньева пустынь на Масленѣ по описанію показана въ 40 верст. отъ Вологды на р. Масленѣ; она основана преподобнымъ Арсеніемъ Сухоруковымъ, пришедшимъ изъ Троицкаго монастыря, что въ Вологдѣ,—вѣроятно, въ 1529 году. Къ исторіи пустыни относится нѣсколько грамотъ второй половины XVI вѣка. Въ 1764 году пустынь эта была обращена въ приходскую церковь въ селѣ, именуемомъ также Арсеньева пустынь. Селеніе это есть на картѣ Опермана, XII. По списку ему соотвѣтствуетъ погостъ Арсеньева пустынь, показанная при колодцахъ — правильнѣе при р. Масленѣ, въ 40 верст. отъ Вологды [2]).

К. Кубенское озеро съ его притоками.

Озеро это составляетъ, конечно, однимъ изъ древнѣйшихъ путей новгородской колонизаціи въ такъ называемое Заволочье, извѣстное Новгородцамъ съ XI вѣка. Оно упоминается въ Кн. Б. Ч., гдѣ говорится, что „Кубенскаго озера протоку (то есть, длины) 50, а поперегъ 15 верстъ“. Изъ описаній Кубенскаго озера извѣстно, что длина его отъ устья Порозовицы (на сѣверномъ концѣ озера) до истока Рыбангской Сухоны считается 60 верстъ, а ширина разлива—отъ 5 до 10 верстъ. Путь черезъ Кубенское озеро съ конца XI в. былъ обычнымъ для походовъ въ этотъ край. Такъ Тверской князь Святославъ Ярославичъ въ 1273 году былъ въ этомъ краѣ и разорилъ въ числѣ прочихъ Новгородскихъ волостей и Вологду. Въ 1397 году, когда князь Василій Дмитріевичъ вознамѣрился отнять у Новгородцевъ ихъ отдаленныя сѣверныя волости и послалъ для того своихъ бояръ, то Новгородцы, съ своей стороны желая помѣшать его успѣхамъ, напали на Бѣлозеро и разорили *Кубенскія волости* и „около Вологды воеваша“ [3]).

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх. IV, 134; Свѣд. о мон. Ратш., 68; Спис. нас. м. Вол. губ., № 293.

[2]) Ист. Цер. Іерахр., III, 279 и проч.; Опис. монаст. Ратш., 72; Жур. М. Н. Пр., 1852, Дек., Опис. цер. и мон. Боричевскаго; Вол. губ. Вѣд. 1848, № 39 и 40; Спис. нас. м. Вол. губ., № 1257.

[3]) Пол. Соб. Лѣт., III, Новг. 1-я, 98, ср. Новг. IV-я, 1398 г.; Справ. кн. Вол. г., 1855, 1—7; Военно-Статист. опис. Вол. губ., 106, 107.

Вмѣстѣ съ Кубенскимъ озеромъ въ Кн. Бол. Чертежа говорится о р. Кубенѣ, вытекающей изъ западной части Вельскаго уѣзда „А въ Кубенское озеро пала рѣка *Куба*, протоку ея 100 верстъ“ Это измѣреніе, даже судя по картамъ, не обнимаетъ всей длины теченія. Изъ описаній видно, что длина теченія Кубены считается до 300 верстъ.

Спасо-Каменный монастырь или просто Каменный, а также *Спасъ на Каменномъ*, расположенъ на возвышенномъ островкѣ Кубенскаго озера. Изъ описанія видно, что этотъ монастырь существовалъ еще въ то время, когда около Кубенскаго озера жила такъ называемая Заволоцкая Чудь: въ 1251 году Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильевичъ, во время плаванія своего изъ рѣки Порозовицы чрезъ Кубенское озеро въ Сухону, былъ загнанъ бурею къ этому Каменному острову и здѣсь нашелъ уже болѣе 20 старцевъ-пустынниковъ, которые занимались обращеніемъ въ христіанство Чуди Заволоцкой и Кореловъ, жившихъ по юго-восточному и сѣверному берегамъ Кубенскаго озера. Князь Глѣбъ, въ память избавленія своего отъ опасности, устроилъ здѣсь (говорится въ описаніи), или вѣроятно, помогъ возобновить уже существовавшій монастырь. Дальнѣйшая исторія этого монастыря ограничивается только упоминаніемъ о пожарѣ въ 1472 году, истребившемъ весь монастырь. Въ 1481 году тамъ была построена церковь Вологодскимъ княземъ Андреемъ, сыномъ Василія Шемяки. Въ 1773 г. монастырь снова сгорѣлъ и стоялъ въ запустѣніи 28 лѣтъ. Въ 1801 году туда переведены были монахи изъ Бѣлавинской пустыни. Каменный монастырь, нерѣдко упоминаемый въ актахъ, былъ разсадникомъ многихъ монастырей въ дикихъ пустыняхъ сѣвернаго края. Онъ есть и на картахъ, а по списку этому указанію соотвѣтствуетъ *Спасо-Преображенскій* на Кубенскомъ озерѣ, въ 45 верст. отъ Вологды [1]).

Антоніева пустынь, находившаяся на западномъ концѣ Кубенскаго озера при устьѣ рч. Порозовицы, по Кирилло-Бѣлозерской дорогѣ. Время основанія ея не извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ актахъ, имѣвшихся у насъ подъ рукой, намъ ничего не встрѣтилось. Пустынь

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1852, Дек.: Опис. церкв. и мон. Боричевскаго; Вол. губ. Вѣд., 1848, № 34; Ист. Цер. Іерарх., IV, 325; Спис. нас. м. Вол. губ., № 13, 14.

упразднена въ 1764 году. Въ 1811 году тамъ было двѣ церкви, а въ приходѣ считалось до 120 окрестныхъ деревень, которыя прежде принадлежали этой пустыни. На картахъ и по списку ея нѣтъ, если правильно означено ея положеніе по описанію [1]).

Сямскій-Рождественскій монастырь основанъ въ 1324 году, при великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ; названіе получилъ отъ Сямской волости, при которой устроенъ. Тамъ, у рч. Крутцы, была поставлена церковь Рождества Богородицы въ честь мѣстной чудотворной иконы. По картѣ Ст. Ком. онъ показанъ подъ названіемъ Рождественскаго между Бѣлозерскою дорогой и Кубенскимъ озеромъ. По спискамъ Сямскій монастырь (Христорождественскій—кажется, неправильно) показанъ при рч. Крутцѣ, въ 67½ верст. отъ Вологды [2]).

Бѣлавинская Богоявленская пустынь находилась въ Кадниковскомъ уѣздѣ, на островѣ озера Бѣлавинскаго, между Вологдой и Кадниковымъ. Она была основана въ 1630 году въ тогдашнемъ Вологодскомъ уѣздѣ „въ заозерьѣ, въ *заднемъ селѣ* (гдѣ нынѣ становая квартира 1-го стана Кадниковскаго уѣзда, въ 7 в. отъ пустыни) въ Георгіевскомъ приходѣ, среди Бѣлавинскаго озера, на островѣ". Тамъ была построена деревянная Богоявленская церковь. Въ 1714 году пустынь считала за собою только двухъ бобылей. Въ 1801 году всѣ ея угодья были причислены къ Спасо-Каменному монастырю, куда, какъ замѣчено было выше, были переведены и иноки. На картахъ (Оперм., XII, и Ст. К.), на мѣстѣ ея показана Бѣлованская слобода. По списку Бѣлавинская пустынь показана при озерѣ Бѣлавинѣ, въ 51 верст. отъ Кадникова, съ 5 душами мужскаго населенія [3]).

Сямженскій Спасо-Ефимьевъ монастырь основанъ былъ въ XV вѣкѣ преподобнымъ Евфиміемъ. Въ 1764 году считалось при немъ 530 д. крестьянъ. По картѣ Ст. Ком. показанъ подъ названіемъ Ефиміева Спасскаго монастыря, на правомъ берегу рч. Сямжены, въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Названіе Спасскаго получилъ отъ Спасской-Вознесенской церкви. По списку монастырю этому соотвѣт-

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх., III, 104.
[2]) Ист. Цер. Іерарх., IV, кн. I, 388; Спис. нас. м. Вол. губ., № 258.
[3]) Ист. Цер. Іерарх., III, 464; Спис. нас. м. Вол. губ., №№ 3752, 3754.

ствуетъ, какъ кажется, Вознесенскій погостъ, на р. Смяженѣ, въ 70 верст. отъ Кадникова [1]).

Нуромскій или *Спасо-Нуромскій монастырь* основанъ около 1400 года преподобнымъ Сергіемъ, пришедшимъ съ Аѳонской горы, и названъ отъ р. Нуромы, на которой стоитъ. Сергій Нуромскій скончался черезъ 12 лѣтъ послѣ основанія обители. Въ 1764 году за монастыремъ считалось до 380 д. крестьянъ. При упраздненіи онъ переименованъ въ Спасскій погостъ. По картѣ Опермана, XII, онъ называется погостъ Нуромскій. По списку ему соотвѣтствуетъ Спасо-Нуромскій погостъ, при р. Нуромѣ, въ 19 в. отъ Грязовца [2]).

Павло-Обнорскій Троицкій монастырь основанъ преподобнымъ Павломъ, родившимся въ Москвѣ и жившимъ спачала въ обители Сергія Радонежскаго, а потомъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и въ Галицкой пустынѣ. Оттуда онъ въ 1375 году переселился на р. Грязовицу въ Комельскій лѣсъ, потомъ перешелъ на Усть-Обноры и Нурмы, и въ 4-хъ верстахъ отъ пустыни Сергія Нуромскаго основалъ обитель. Это было въ 1420 году, какъ видно изъ благословенной грамоты Московскаго митрополита Фотія; преподобный Павелъ, почивающій нынѣ въ этомъ монастырѣ, скончался 112 и лѣтъ. Въ 1538 году Казанскіе Татары напали на Вологодскую страну: въ Комельскомъ лѣсу они сожгли Инокентіеву пустынь, потомъ ограбили и сожгли монастырь Павла Обнорскаго. Черезъ восемь лѣтъ на мѣсто сгорѣвшаго воздвигнутъ новый храмъ, при чемъ найдены были и мощи преподобнаго Павла. На картахъ (Оперм., XII и Ст. К.) монастырь этотъ показанъ на р. Нурмѣ. По списку подъ этимъ же названіемъ онъ означенъ въ 16 в. отъ Грязовца [3]).

Грязовецъ. Изъ жизнеописанія Павла Обнорскаго можно заключить, что въ концѣ XIV вѣка Грязовецъ еще не существовалъ, такъ какъ въ 1375 году Павелъ Обнорскій нѣсколько времени жилъ на пустынныхъ берегахъ р. Грязовца, при которой стоитъ

---

[1]) Ист. Цер. Іерарх., IV, 96; Спис. нас. мѣст. Волог. Губ., № 4302.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1852, Дек., 140; Вол. Губ. Вѣд. 1848, № 19; Описаніе Монаст. Ратш., 73; Спис. н. м. Вол. г., № 2736.

[3]) Опис. мон. Ратш., 63; Рус. Св. Фил. Черн., Янв. 45; Акты Ист., VII, 485; Доп. къ Акт. Ист., I, 257; Спис. нас. м. Вол. губ., № 2744.

этотъ городъ. Изъ грамоты Іоанна IV Корнильеву Комельскому монастырю видно, что въ 1552 году на мѣстѣ Грязовца стояло незначительное селеніе, которое и въ 1621 г. считалось монастырскою вотчиной, извѣстною тогда подъ названіемъ „сельца въ Грязцахъ", а въ позднѣйшихъ грамотахъ тому же монастырю извѣстно подъ названіемъ *Грязеницы* и *Грязовицы* [1]).

Л. Рѣка Югъ, притокъ Сухоны съ правой стороны.

По правой сторонѣ р. Юга извѣстны слѣдующія мѣстности:

Орловскій городокъ, какъ и прочіе городки, извѣстные на Югѣ, Сухонѣ и Лузѣ, по времени построенія относятся къ концу XVII вѣка. На картахъ онъ показанъ на лѣвой сторонѣ Юга (у Оперм. ошибочно названъ Ополовская). По списку ему соотвѣтствуетъ Троицкій-Орловскій погостъ, на р. Маленгѣ, въ 53 верстахъ отъ Устюга. По Кн. Б. Ч. отъ Орловскаго городка до Устюга считается 40 верстъ. Разность, заключающаяся въ 13 верстахъ, кажется, зависитъ отъ того, что дорога въ настоящее время измѣряется не по теченію Юга, а идетъ лѣвѣе на р. Шарденгу, и потомъ на Устюгъ [2])

Теплогорская пустынь, какъ видно изъ описанія, построена на р. Варжѣ въ 1643 году крестьяниномъ Даниловымъ. Въ 1764 г. при ней считалось 45 дворовъ, а по генеральному межеванію въ 1722 г. 216 душъ крестьянъ. На картахъ эта мѣстность показана (Оперм., XII) подъ названіемъ *Теплогорскаго* колодца, на *правомъ* берегу р. Юга, подъ тѣмъ же названіемъ и при той же рѣкѣ (к. Ст. К.), только на *лѣвой* сторонѣ рѣки. По спискамъ этой мѣстности соотвѣтствуетъ дер. Теплогорская пустынь или Подвалы, при р. Вахрушихѣ, въ 46 в. отъ Устюга. Но такъ какъ по описанію эта пустынь показана при рч. Варжѣ, то можно имѣть въ виду для пріуроченія этой мѣстности еще два указанія по спискамъ: погостъ *Николаевскій Варженскій* (Микичицино) на р. Варжѣ, въ 65 верст. отъ Устюга, и село *Теплогорское*—Богородское, при безымен-

---

[1]) Вол. Губ. вѣд., 1846, № 56; Геор. Слов. Семен., I, 764.

[2]) Ж. М. В. Д., 1832, Апрѣль, 1844, Дек., ст. Неволина; Спис. н. м. Волог. г., № 10882.

номъ ключѣ, въ 55 в. отъ города. Обѣ послѣднія мѣстности еще и потому оказываются подходящими для пріуроченія Теплогорской пустыни, что какъ по картамъ, такъ и по списку, около нихъ означены одни и тѣ же селенія [1]).

Осиновецъ, городокъ на Югѣ, по времени построенія относится къ началу XVII в. и можетъ быть пріуроченъ на картѣ только условно. Въ спискѣ городовъ Неволина замѣчено, что Осиновецъ есть то же, что Осиновое Поле; но такого селенія на картахъ нѣтъ. По спискамъ показанъ *Спасскій-Подосиновскій городокъ*, при колодцахъ, близъ р. Юга, въ 152 верст. отъ Никольска. По картамъ этому городку соотвѣтствуетъ погостъ *Подосиновскій* на лѣвомъ берегу Юга, не далеко отъ берега. Разстояніе между Подосиновскимъ городкомъ и городомъ Никольскомъ почти то же самое, какъ по Кн. Б. Ч., какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

по списку:

отъ Никольска до Кичменскаго городка	67 в.
„ Кичменскаго до Сосновца	49 „
„ Сосновца до Осиновца	36 „
Итого.	152 в.

по Кн. Б. Ч.:

отъ Хорозина на Югѣ, находившагося выше Никольска не болѣе $3^1/_2$ в., до Кичменскаго городка	70 в.
„ Кичменска до Сосновца	40 „
„ Сосновца до Осиновца	50 „
Итого.	160 в.

Кичменскій городокъ по Кн. Б. Ч. въ 70 верст. отъ Никольска и въ 40 в. отъ Сосновца. По списку можно указать на *Кичменскій* Архангельскій погостъ (въ 66 в. отъ Никольска) и на *Кичменскій городокъ*, находящійся близъ погоста (въ 67 в. отъ Никольска). По картѣ Опермана, XII, этотъ городокъ показанъ также при р. Кичменгѣ, впадающей съ правой стороны въ Югъ, а примѣрно въ

---

[1]) Ист. Ц. Іерарх., VI, 1, 364; Спис. нас. м. Вол. г., №№ 10506, 10980, 11001.

одной верстѣ отъ него погостъ Аѳанасьевскій. Построеніе городка относится къ началу XVII в. [1]).

Березовъ городокъ по Кн. Б. Ч. показанъ въ 26 верстахъ отъ Хорозина, и въ 50 верст. отъ Кичменскаго городка. Этотъ послѣдній стоитъ въ 67 верстахъ отъ Никольска, а Березовъ былъ на р. Югѣ—въ 50 верст. выше Кичменскаго, слѣдовательно, его надобно искать примѣрно верстахъ въ 17 ниже Никольска. Но на этомъ пространствѣ ни на картахъ, ни въ спискѣ ничего подобнаго нѣтъ. Мѣстные изслѣдователи, быть можетъ, найдутъ способъ по какимъ-либо остаткамъ или преданіямъ опредѣлить мѣстность этого городка. Для соображенія можно только привести здѣсь перечень тѣхъ селеній по списку, которыя находятся въ 17 верст. или около того отъ Никольска, каковы: Кодрово, Бондарово—на Устюжскомъ трактѣ—Филимоновская Гарь и Рыжковскій починокъ по правую сторону тракта, а Старичино и Лоха—по лѣвую его сторону [2]).

Хорозинъ городокъ (градъ Хорозинъ, Харазинъ), по Кн. Б. Ч. показанъ отъ Тотьмы въ 130 верст., отъ Устюга въ 200 верст. и отъ Березова въ 20 верст. При повѣркѣ разстоянія между Никольскомъ и Тотьменскимъ городкомъ уже было объяснено, что Хорозинъ можно бъ отыскивать на р. Югѣ, выше города Никольска, по правой ея сторонѣ, верстахъ въ трехъ. Но ни на картахъ, ни по списку на этомъ разстояніи подобнаго городка нѣтъ. Можетъ быть, не сохранилось ли отъ него какихъ-либо остатковъ, которые могутъ указать только мѣстныя разысканія [3]).

Дунилова пустынь, иначе Богородицкая, основана въ 1679 году; но кѣмъ и по какому случаю—не извѣстно. По переписнымъ книгамъ 1678 года за нею никакихъ помѣстій не значилось, и крестьянъ было только 9 душъ; по картѣ (Оперм., XIII) Дунилова пустынь показана на лѣвомъ берегу Юга, въ самомъ ея верховьи; по списку она значится тамъ же въ 30 верст. отъ Никольска [4]).

---

[1]) Ж. М. В. Д., 1844, Дек., Невол. 426; Спис. н. м. Вол. г., №№ 6319, 6317.

[2]) Спис. нас. м. Вол. губ., №№ 5398, 5399, 5416—18, 5429—31.

[3]) Кн. Б. Черт., Спасс., 201.

[4]) Опис. Росс. Имп., Пушк., I, 108; Ист. ц. Іерарх., IV, Спис. нас. м. Вол. г., № 490.

Луза, составляющая притокъ Юга, встрѣчается въ актахъ во второй половинѣ XVI вѣка (по крайней мѣрѣ ранѣе 1546 года упоминаній не встрѣчалось), въ царской грамотѣ в. кн. Ивана Васильевича, по поводу какой-то Антропьевой слободки (Устсысольскаго уѣзда) съ Лузы, гдѣ тогда былъ учрежденъ дворъ становой. Полагаютъ, что берега Лузы были заселены Зырянами, и поселенія ихъ здѣсь назывались „Лузскою Пермицею“ [1]). Можно думать однакожь, что въ XVI вѣкѣ берега р. Лузы не были достаточно населены, такъ какъ Луза почти по всему ея теченію принадлежала къ той линіи, на которой необходимо было устраивать сторожевыя мѣста, извѣстныя подъ названьемъ „городковъ“. По указанію Кн. Б. Ч. „Луза пала въ рѣку Югъ, ниже Орлова на 15 верстъ“; это измѣреніе, судя по картамъ, примѣрно кажется вѣрнымъ. Городки по берегамъ Лузы извѣстны слѣдующіе:

Ратмировъ городокъ по Кн. Б. Ч. указанъ отъ Лальска въ 40 верст. и отъ Устюга въ 50 верстахъ. По списку есть для него слѣдующія указанія: *Ратмировскій* (Чучерскій, Покровскій, Чучеры) *погостъ* по р. Ивадежѣ, въ 21½ верст. отъ Устюга, и *Ратмировскій*, Троицко - Ильинскій *погостъ* въ 27 верст. отъ города и въ 52 верст. отъ становой квартиры, находящейся въ городѣ Лальскѣ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что разстояніе отъ Устюга до Лальска по Кн. Б. Ч. измѣряется въ 90 верстъ, а по современному измѣренію всего 79 верстъ. По картѣ Опермана, XII, первый изъ нихъ показанъ подъ названіемъ Покровскаго погоста, на безымянной рѣчкѣ, впадающей въ Лузу съ правой стороны (вѣроятно Ивадежѣ), а второй — при устьѣ р. Ивадежи, подъ именемъ Ильинскаго. На картѣ Ст. К. при этомъ погостѣ прибавлена надпись: деревня Ратмировская. На этомъ указаніи и правильнѣе будетъ остановиться относительно Ратмирова городка, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣйствительно былъ городокъ, названный у Щекатова не Ратмировъ, а Рахлей. Разстояніе Ильинскаго погоста, отъ Лальска, какъ указано выше, исчисляется въ 52 версты; слѣдовательно, противъ Кн. Б. Ч. болѣе на 12 верстъ. Разница эта, можетъ быть, объяснится при точномъ опредѣленіи измѣренія, употребленнаго въ Кн. Б. Ч. Если принять Ильинскій по-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., I, 249; Ист. ц. Іер., VI, I, 572.

гостъ за мѣстность Ратмирова городка, то разстояніе его, примѣрно опредѣляемое по картамъ, будетъ далѣе отъ Лальска и ближе къ Устюгу, такъ что Лальскъ отъ Ратмирова, кажется, не въ 40 верст., какъ показано въ Кн. Б. Ч., а едва ли не вдвое далѣе [1]).

Лальскій городокъ. Основаніе его относятъ къ 1553 году, а по Устюжскому лѣтописцу къ 1570 г. Послѣдній приписываетъ начало его „новгородскимъ бѣглецамъ"—очевидно однако не новгородской вольницѣ, такъ какъ въ это время Новгородъ уже давно находился подъ властію Москвы; слѣдовательно, эти бѣглецы, вѣроятно, были изъ числа тѣхъ, которые укрывались отъ Московской власти. Изъ исторіи Лальска извѣстно, что въ 1643 году тамъ былъ „торгъ", называвшійся Лальскимъ; слѣдовательно, мѣстность Лальска была уже торговымъ пунктомъ. Въ XVII же вѣкѣ тамъ была пустынь съ церковью Богоявленія Господня, стоявшая при сліяніи р. Лалы съ Лузой; въ 1700 году ее подмыло водой, и она была перенесена на другое мѣсто, гдѣ стоитъ она и нынѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія Лальскъ назывался еще погостомъ, а въ 1728 году онъ былъ обращенъ въ посадъ. Мѣстоположеніе Лальска не требуетъ поясненія [2]).

Андреевскій городокъ, или какъ говорится въ Кн. Б. Ч., *Андреевскій Сольвычегодскій устъ рѣки Лалы,* показанный выше Лальска въ 80 верстахъ и въ 70 верст. отъ Лосменнаго. На этомъ разстояніи по картѣ Ст. К. показана р. Вопель, впадающая въ Лузу съ лѣвой стороны, и на ней нѣсколько селеній, въ числѣ которыхъ есть и Андреевская волость (близъ устья Вопели) и не вдалекѣ отъ нея погосты Шипинскій и Ивашевская (по списку Шипинская или Кузенскій и Ивашевскій выселокъ или Гадово). Два послѣднія селенія находятся отъ Лальска въ 67 верст. и отъ Устюга въ 147 верст. Изъ сравненія этихъ современныхъ измѣреній съ показаніями Кн. Б. Ч. оказывается, что въ ней вмѣсто 67 верстъ отъ Андреевскаго до Лальска показано 87 верстъ, а вмѣсто 147 верстъ до Устюга 170 верстъ: разница, очевидно, зависитъ отъ того, что въ Кн. Б. Ч. взято измѣреніе по извилистому теченію рѣки; думаемъ,

---

[1]) Кн. Б. Чер. Спасскаго, 202; Геог. Сл. Щек., I, 778; Спис. нас. м. Вол. губ., №№ 11964, 11990.

[2]) Ж. М. Вн. Д., 1857, Май, 7; Геог. Солов. Сем., I, 13; Ист. церк. Іер., V, 6.; Ж. М. Вн. Д., 1844, Дек., 432.

что положеніе села Андреевскаго близко подходитъ къ искомому городку Андреевскому.

Лосменный городокъ по Кн. Б. Ч. въ 70 верст. отъ Андреевскаго и въ 20 верст. отъ Спасскаго, вверхъ по теченію Лузы. На этомъ пространствѣ отъ Спасскаго города внизъ, примѣрно около 20 верстъ, по картѣ Оперм., XII, показанъ *Лосменный* погостъ, или д. Лосменная по картѣ Ст. К. По списку этой деревнѣ соотвѣтствуетъ Лойма (Укринское) въ 202 верст. отъ Устьсысольска. Отъ Спасскаго до Устьсысольска считается 182 верст., слѣдовательно, разницу въ 20 верстъ составляетъ именно то разстояніе, которое имѣется по Кн. Б. Ч. между Лосменнымъ и Спасскимъ [1]).

Спасскій городокъ по Кн. Б. Ч. показанъ отъ Лосменнаго въ 20 верст. и отъ Объячаго городка въ 60 верст., вверхъ по теченію Лузы. По картѣ Оперм., XII, этому городку соотвѣтствуетъ погостъ Спасо-Порубскій, при р. Порубѣ, впадающей въ Лузу съ лѣвой стороны; по картѣ Ст. К. тоже самое. По списку Спасскій городокъ будетъ тамъ, гдѣ показано село Матвѣевское или Спасъ-Порубъ въ 182 в. отъ Устьсысольска [2]).

Объячій городокъ по Кн. Б. Ч. считается въ 60 верст. отъ Спасскаго, почти на самомъ верховьѣ р. Лузы. По картѣ Оперм., XII, этому городку соотвѣтствуетъ деревня Югова, на правомъ берегу Лузы, тамъ, гдѣ по картѣ Ст. К., показана Обьячевская. По списку эти указанія совпадаютъ съ селомъ Юговскимъ (тожь Обьячево), Юговско-Николаевскій, Юговскій погостъ, въ 205 верст. отъ Устьсысольска [3]).

Среди этихъ городковъ, по р. Лузѣ должна быть помѣщена и *Усть-Недумская* пустынь, которая по описанію показана при р. Недумкѣ, впадающей съ правой стороны въ р. Лузу, *недалеко* отъ города Лальска и въ 80 верстахъ отъ Устюга. Это показаніе однакожь не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію пустыни ни по картамъ, ни по списку. По картѣ Статистическаго Комитета Усть-Недумская пустынь дѣйствительно пока-

---

[1]) Ж. М. В. Д., 1844. Апр., ст. Нев., 442; Спис. нас. м. Вол. губ., № 11930.

[2]) Тамъ же и Сп. нас. м. Вол. г., № 10068.

[3]) Ж. М. Вн. Д., 1844, Іюль, 442; Сп. нас. м. Вол. г., № 10095.

зана на правомъ берегу р. Лузы, безъ означенія р. Недумки, и притомъ гораздо болѣе чѣмъ въ 10 верстахъ отъ города Лальска, даже по простому глазомѣру, точно также, какъ и по списку, она показана къ Устюгу гораздо ближе чѣмъ на 80 верстъ. По списку, этой пустыни соотвѣтствуетъ село Зеленики, иначе Облупа и Усть-Недумскій погостъ въ 57 верст. отъ Устюга; слѣдовательно, и отъ Лальска она будетъ не въ 10, а въ 23 верстахъ. Пустынь эта основана преподобнымъ Леонидомъ въ 1608 году. Іеромонахъ Леонидъ, родившійся въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ 1555 году, будучи уже 50 лѣтъ, послѣ пребыванія своего въ разныхъ обителяхъ, поселился на р. Лузѣ и поставилъ тамъ церковь Введенія во храмъ пр. Богородицы; но такъ какъ болота, окружавшія новую обитель, дѣлали ее неудобною для жительства, то онъ, прокопавъ на 900 саж. отъ Лузы рѣки протоку въ Черное озеро, назвалъ ее Недумой. Обитель однакожь была перенесена имъ въ послѣдствіи на другое мѣсто. По переписнымъ книгамъ 1678 года за монастыремъ считалось 17 половническихъ дворовъ [1]).

Пушма рѣчка названа въ Кн. Б. Ч., гдѣ говорится: „А въ Югъ рѣку пала рѣчка *Пушма*, между Кичменскою и Юсмовью; протоку 100 верстъ“. Положеніе этой рѣки между названными городками, очевидно, означено неправильно, такъ какъ внизъ по теченію р. Юга отъ Кичменскаго городка, на всѣхъ картахъ показана р. Юнтала, близъ устья которой стоитъ городокъ Сосновецъ, а за Юнталой, въ довольно значительномъ разстояніи показана по той же правой сторонѣ р. Юга, р. Пушма, а противъ нея на лѣвомъ берегу Юга городокъ Осиновецъ. Слѣдовательно, если и правильно будетъ сказать по Кн. Б. Ч. о положеніи р. Пушмы, то не между Кичменскимъ и Сосновцомъ, а между Сосновцомъ и Осиновцемъ, но и тогда въ Кн. Б. Ч. въ сущности правильнѣе бы было сказать: „въ Югу пала р. Пушма противъ Осиновца“. Теченіе р. Пушмы по Кн. Б. Ч. измѣряется въ 100 верстъ. Начало этой рѣчки въ юго-восточной части Устюжскаго уѣзда, и теченіе ея изчисляется въ 150 верстъ; конечно, это измѣреніе можно считать только при-

---

[1]) Ист. Цер. Іер., VI, I, 584; Свѣд. о Монаст. Ратш., 76; Спис. нас. м. Вол. губ., № 11618.

[2]) Кн. Б. Черт. Спасскаго, 202; Стат. описаніе Вол. губ., 132.

близительнымъ, и едва ли на немъ можно основать какое-либо вѣрное соображеніе относительно Чертежа [1]).

Сосновецъ городокъ показанъ въ 40 верстахъ отъ Кичменскаго и въ 50 верстахъ отъ Осиновца. На этомъ разстояніи можно указать на *Архангельскій городокъ* или Подгорье въ 116 верстахъ отъ города Никольска при р. Югѣ. По картѣ этому городку соотвѣтствуетъ *Архангельскій* погостъ, хотя онъ и означенъ не при самомъ Югѣ, а при рч. Юнталѣ, недалеко отъ впаденія ея въ р. Югъ [2]).

Никольскъ. При общемъ этнографическомъ обозрѣніи края замѣчено, что мѣстность Никольска, судя по остаткамъ чудскихъ могилищъ, найденныхъ близь города, вѣроятно, нѣкогда принадлежала Чуди. Исторически извѣстно, что на мѣстѣ города издавна существовали два села: Старое и Новое Никольское, служившія убѣжищемъ бѣглецовъ и выходцовъ съ разныхъ сторонъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ уже былъ извѣстенъ погостъ [3]).

M. Вычегда и ея протоки.

Объ Вычегдѣ, какъ и объ р. Двинѣ, хотя не разъ упоминается въ Кн. Б. Ч., но она нигдѣ не измѣряется по всему ея теченію. Гидрографическое ея значеніе извѣстно уже по превосходному, хотя краткому, описанію Н. И. Надеждина. Изъ этого описанія, между прочимъ видно, что Вычегда у Зырянъ называется Эж-ва (луговая вода). Названіе Вычегды соотвѣтственно извращеннымъ зырянскимъ словамъ Вучес-ва. Это названіе придавалось нѣкогда нижнему теченію рѣки и значило: вода, бѣгущая по кочкамъ. Всю длину ея теченія полагали прежде примѣрно до 700 верстъ, изъ коихъ 400 в. приходилось на Устьсысольскій и 300 в. на Яренскій и Сольвычегодскій уѣзды. Нынѣ, по свѣдѣніямъ, также только приблизительнымъ, теченіе этой рѣки считаютъ болѣе 1000 в. [1]). Въ Кн. Б. Ч. р. Вычегда упоминается при слѣдующихъ подробностяхъ:

Съ лѣвой стороны р. Вычегды: *Р. Малое Мылво*; *ниже его на той же сторонѣ Вымь*, имѣющая 470 верстъ и текущая „изгибью криво“,

---

[1]) Кн. Б. Черт. Спасскаго, 202; В. Стат. описаніе Вол. губ., 132.
[2]) Кн. Б. Черт. Спас. 201; Спис. нас. м. Вол. губ., № 6584.
[3]) Геогр. Слов. Семен., III, 473.
[4]) Энц. Лек. Плюш., XII, 248, 249. Геогр. Слов. Семен., I, 577.

(т. е. исключая изгибовъ) отъ верху до устья Нѣми 300 верстъ, а ниже Нѣми—р. *Сысола*, имѣющая въ длину 200 верстъ.

Р. *Малое Мылво*. Она подъ названіемъ Мылвы показана на всѣхъ картахъ, и составляя лѣвый притокъ Вычегды, вся протекаетъ въ предѣлахъ Устьсысольскаго уѣзда. Истокъ ея находится вблизи другой Мылвы, называемой Печерскою. Здѣсь между Мылвами нѣкогда существовалъ „волокъ" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е., переволока судовъ изъ одной Мылвы въ другую. Вѣроятно, переволока эта была извѣстна еще Зырянамъ, древнимъ обитателямъ этого края. Въ началѣ XV в., какъ въ своемъ мѣстѣ указано, этимъ путемъ шли войска Московскія на соединеніе съ кн. Ушатымъ передъ походомъ на Югру, „за Камень". Это старинное значеніе Мылвы Вычегодской и Печерской, безъ сомнѣнія, было причиной того, что она внесена въ Кн. Б. Ч. По этому же пути и въ настоящемъ столѣтіи производился сплавъ корабельныхъ лѣсовъ съ Печеры [1]).

Р. *Нѣмь* показана на картахъ подъ неправильнымъ названіемъ Усть-Немъ и составляетъ дѣйствительно лѣвый притокъ Вычегды. Она по Кн. Б. Ч. показана въ 200 в. отъ Сысолы, а все ея теченіе „изгибью, криво" измѣряется въ 470 верстъ. Въ современныхъ описаніяхъ теченіе ея измѣряется въ 300 верстъ. Рѣка съ обѣихъ сторонъ принимаетъ въ себя много небольшихъ рѣчекъ [2]).

Сысола упомянута въ Кн. Б. Ч съ обозначеніемъ ея теченія въ 200 верстъ. Но это измѣреніе, очевидно, не вѣрно, такъ какъ въ извѣстныхъ гидрографическихъ описаніяхъ Двинскаго бассейна длина Сысолы считается отъ 400 до 500 в., и притомъ до 350 верстъ судоходныхъ. Вытекая изъ Слободскаго уѣзда Вятской губерніи, рѣка эта течетъ по направленію къ сѣверо-востоку до впаденія ея въ Вычегду. Сысола имѣла древнее значеніе въ краѣ, судя по походу Новгородцевъ въ 1032 году къ Желѣзнымъ воротамъ. По зырянски Сысола называется Сиктымъ и была древнимъ мѣстомъ пребыванія Зырянъ. По спискамъ, на р. Сысолѣ, въ 60 в. отъ Устьсысольска, по рр. Вотчинкѣ или Ожогѣ была пустынь, основанная св. Стефаномъ Великопермскимъ, около 1390

[1]) Воен. Ст. Опис. Вол. губ., 69, 146.
[2]) Воен. Стат. Опис. Вол. г., 148.

года, съ цѣлію просвѣщенія Христовою вѣрой Зырянъ, обитавшихъ по р. Сысолѣ. Обитель эта, подъ названіемъ Стефановской, существовала до 1764 года, когда была упразднена. Нынѣ на мѣстѣ этой пустыни стоитъ только крестъ и часовня, приписанныя къ приходу села Вотча, которому академикъ Шегренъ придаетъ древнее значеніе [1]).

Съ *правой стороны* Вычегды по Кн. Б. Ч.: „отъ верху 200 верстъ езеро *Кадомо* (въ длину 40 в. и въ ширину 30 в.) и *иныя озера*, а противъ того озера (Кадомо) 20 верстъ вытекла рѣка *Весленая*", впадающая въ *Птицу Малую*, которая вытекаетъ изъ *горы изъ езера* и принимаетъ въ себя р. *Тетерю*. Теченіе ея (отъ горы до устья) 50 верстъ. Въ Тетерю пала р. *Птица Большая* въ 80 (?) верстахъ отъ истока Тетери. Эта рѣка (Птица Большая) потекла подъ градъ *Турей* или Турейской и отъ него (черезъ 100 верстъ) впала въ Вычегду, подъ градомъ *Старою Пермью*. Въ Птицу пала р. *Пожа* (теченія 70 верстъ).

При неясности и непослѣдовательности текста, удобнѣе будетъ начать объясненіе съ тѣхъ показаній Кн. Б. Ч. которыя въ приведенномъ указаніи представляютъ несомнѣнную точность. „А отъ тѣхъ рѣчекъ (Птицы Малой, Тетери, Весленой) *Птица* потекла подъ градъ Турей и изъ подъ града Турейскаго текла 100 верстъ и *пала въ Вычегду* подъ градомъ подъ Старою Перьмью". Здѣсь подъ именемъ Птицы Большой разумѣется несомнѣнно р. Вымь, которая впадаетъ въ Вычегду, при устьѣ своемъ имѣя съ лѣвой стороны селеніе Усть-Вымь, съ исторіей котораго связана и Старая Пермь. Прежде чѣмъ обратимся къ исторіи этой мѣстности, остановимся на пріуроченіи показанныхъ въ Кн. Б. Ч. притоковъ Выми или Птицы Большой. Извѣстно, что эта рѣка беретъ начало на границѣ Мезенскаго уѣзда съ Вологодскою губерніей и течетъ съ сѣвера на югъ. Она въ своемъ теченіи сопровождается многими притоками, среди которыхъ болѣе замѣчательны: *Елва* (по картѣ Юлва, Юла), Ветюга, Пожегъ, Чубъ—съ правой стороны,—Коинъ (по картѣ Ноинъ), а Веслена—съ лѣвой стороны.

Это вполнѣ точное перечисленіе протоковъ Выми раскрываетъ недомолвки и неточности Кн. Б. Ч., которыхъ здѣсь очень много.

---

[1]) Воен. Ст. Опис. Вол. г., 131; Hist.-Ethnol. Abhandl. v. Siogren, 298; Ист. Цер. Іер., IV, 1, 328; Спис. нас. м. Вол. г., № 10058.

Несомнѣнно то, что подъ названіемъ р. *Птицы Большой*, какъ замѣчено выше, надобно разумѣть Вымь. Но далѣе, за небольшими исключеніями, описаніе Кн. Б. Ч. въ этомъ мѣстѣ лишается точности не только въ правильномъ описаніи притоковъ Выми, но даже и въ томъ отношеніи, что здѣсь не соблюденъ общепринятый въ Кн. Б. Ч. порядокъ распредѣленія притоковъ по правой и лѣвой сторонѣ отъ общаго бассейна. Кромѣ того, запутанность текста здѣсь такъ велика, что теченіе Большой Птицы (Выми) совершенно смѣшано съ теченіемъ ея притоковъ. Такъ напримѣръ въ Кн. Б. Ч. говорится: „въ рѣку Малую Птицу пала р. Тетеря, а *въ Тетерю пала р. Птица* Большая". Такимъ образомъ Вымь, подъ названіемъ Птицы Большой, дѣлается притокомъ Птицы Малой.

Такъ какъ ни Птицы Малой, ни Тетери, на картахъ и въ географическихъ описаніяхъ нѣтъ, то къ объясненію этой запутанности можно прійдти только слѣдующимъ путемъ: въ числѣ притоковъ Выми (или Большой Птицы) съ правой стороны показана названная выше рѣка *Елва* (Юлва, Юла), у которой есть довольно значительный притокъ *Пегышъ* (Пыгышъ), вливающійся въ нее съ правой стороны. Названіе этихъ двухъ рѣчекъ, безъ сомнѣнія, дано Зырянами; первое изъ нихъ происходитъ отъ слова Іол или Іов, что значитъ молоко, и ва—вода, т. е. молочная, бѣлая вода; бѣловатый цвѣтъ воды ея зависитъ отъ того, что ложе рѣки покрыто бѣлымъ камнемъ. Какимъ образомъ эти древнія зырянскія названія и когда именно замѣнились русскими, какъ Вымь (Іем—ва игла вода)—Большая Птица, Елва—Малая Птица, и можетъ быть, Пегышъ—Тетеря? Можно предполагать, что всѣ эти русскія названія даны были означеннымъ рѣкамъ отъ изобилія на нихъ птицъ, такъ какъ и понынѣ этотъ край отличается птицеловствомъ. По указанію Кн. Б. Ч., р. Тетеря имѣетъ теченія 50 в.; этому измѣренію приблизительно соотвѣтствуетъ длина р. Пегыша [1]).

Далѣе по правому берегу указанъ градъ *Турей* или Турейской. По картѣ Оперм., XII, ему соотвѣтствуетъ село Турецкое, на правомъ берегу Выми. По списку это будетъ Турицкое или Турья, при той же рѣкѣ, въ 173 в. отъ Яренска. По списку Неволина этотъ городъ считается основаннымъ въ 1627 г. [2]).

[1]) Hist.-Ethnol. Abhandl., 297; Вол. губ. в. 1858, № 48; В.-ст. опис. Вол. губ., 155.
[2]) Ж. М. Вн. Д., 1844, Дек., 465; Спис. нас. м. Вол. г., № 12273.

„Выше града Турьева“ по Кн. Б. Ч. показана р. *Пожа.* Ей соотвѣтствуетъ по картамъ и описаніямъ р. Пожегъ. Длина ея теченія изчислена въ 70 в., что по сравненію съ картами не представляется точнымъ.

Изъ притоковъ лѣвой стороны Выми названа по Кн. Б. Ч. только р. *Весленая,* коей по картамъ соотвѣтствуетъ р. Веслена, съ исправленіемъ той же точности, что по Кн. Б. Ч. она названа притокомъ Малой Птицы, т. е., Елвы, вмѣсто Большой Птицы, т. е., Выми. Но относительно Весленой представляется еще другая запутанность: „съ правой стороны Вычегды (по Кн. Б. Ч.) отъ верху 200 верстъ езеро *Кадомо* и *иныя езера;* а вдоль того езера 40 верстъ, а впоперегъ 30 верстъ. *Противъ того* езера 20 верстъ *вытекла* р. *Весленая*“. Озеро Кадомо показано на картахъ большею частью подъ именемъ Донскаго. Только въ рукописномъ атласѣ Вологодской губерніи, принадлежащемъ Центр. Стат. Комитету, оно означено подъ настоящимъ названіемъ, *невдалекѣ* отъ праваго берега Вычегды, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ. Оно островисто и имѣетъ въ длину до 10 в., а въ ширину до 3 в. Положеніе этого озера такимъ образомъ не соотвѣтствуетъ описанію Чертежа, тѣмъ болѣе что р. Веслена, находящаяся въ Яренскомъ уѣздѣ, имѣетъ истокъ гораздо далѣе, чѣмъ 20 верстъ отъ него;—очевидная недомолвка въ Кн. Б. Ч. на этотъ разъ выясняется выраженіемъ: „езеро Кадомо и *иныя езера*“; именно въ числѣ этихъ *иныхъ* озеръ надобно искать и то озеро, которое находится въ связи съ Весленою. Этому требованію соотвѣтствуетъ значительное по величинѣ озеро Синдорское, находящееся на границѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ. По описанію, едва-ли вѣрному, длина его изчисляется только въ 8 верстъ, а ширина—въ 4 версты. Связь этого озера съ р. Весленою не подлежитъ сомнѣнію: изъ него вытекаетъ рч. Виса, впадающая въ Весленую [1]).

Уяснивъ себѣ по возможности положеніе Выми и ея притоковъ по Кн. Б. Ч., перейдемъ къ обзору мѣстностей по теченію Вычегды, имѣющихъ историческое значеніе.

По правому берегу Вычегды:

Сольвычегодскъ. Изъ рукописной исторіи этого города, составленной

[1]) Воен. Стат. Опис. Вол. г., 63, 179; Hist.-Ethnol. Abhandl., 297; Энц. Лекс. Плюш., XII, 229; Вол. г. вѣд. 1869, № 3 и сл.

въ 1779 году мѣстнымъ жителемъ Соснинымъ, видно, что мѣстность Сольвычегодска и его окрестностей, по общему мѣстному преданію, въ древнія времена была занята Чудью, подъ которою мѣстные жители разумѣютъ Пермяковъ. Новгородцы, чтобы завладѣть пермскою торговлею на р. Вычегдѣ, построили здѣсь городъ *Черниговъ*: полагаютъ, что этотъ городъ былъ одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ упоминается между 1224—1238 годами, при Юріѣ Всеволодовичѣ, основавшемъ, по лѣтописному сказанію, „грады многи". Это, по разказу Соснина, подтверждается и мѣстными преданіями. Жители Устюга, еще болѣе древняго, чѣмъ Черниговъ, были издавна соперниками Новгородцевъ въ сѣверной торговлѣ и имѣли свои колоніи въ Черниговѣ. Городъ этотъ находился въ 3-хъ верстахъ восточнѣе Сольвычегодска на мѣстѣ, называемомъ еще и теперь „городищемъ". Можетъ быть, отъ имени его получилъ названіе и Городищенскій погостъ, по спискамъ находящійся въ двухъ верстахъ отъ города. По однимъ извѣстіямъ, Черниговъ, стоявшій на мѣстѣ городища, былъ оставленъ отъ того, что р. Вычегда подмыла берегъ, и что жители перешли туда, гдѣ стоитъ Сольвычегодскъ, уже тогда извѣстный своими варницами и называвшійся нѣкоторое время *Усольскъ*. Сохранилось при этомъ извѣстіе, по которому основаніе города Сольвычегодска относится къ началу XV вѣка, когда посадскіе люди Калашниковы завели было соляныя варницы при рч. Боровой, выше села Боровскаго, въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ, а потомъ, по скудости этихъ промысловъ, въ 1430 году перешли на рч. Усолку, гдѣ образовалось вышеприведенное Усолье, ставшее городомъ Сольвычегодскомъ. По другимъ извѣстіямъ, городъ Черниговъ уничтоженъ пожаромъ въ 1546 году, и мѣсто его занялъ Сольвычегодскъ. Въ 1557 году изъ грамоты Московскаго митрополита Макарія Тарасу Игнатьеву на построеніе тамъ церкви во имя Константина и Елены извѣстно, что въ то время тамъ уже существовалъ *посадъ*. Дальнѣйшая судьба этого города связана съ появленіемъ тамъ Строгановыхъ. Для насъ достаточно того, что уже во второй половинѣ XVI вѣка это мѣсто извѣстно было подъ названіемъ *Соли Вычегодской* [1]).

---

[1]) Опис. Росс. Имп., Пушкарева, I, 108; В. Ст. Опис. Вол. г., 378; Hist.-Ethnol. Abhandl., 281; Вол. г. в. 1842, № 23; Спис. нас. м. Вол. губ., № 7208.

Сойгинскій монастырь, обыкновенно называемый Сойгинскій-Преображенскій или Спасская пустынь. Получивъ названіе отъ р. Сойги, впадающей въ Вычегду, тамъ, гдѣ нынѣ вблизи ея стоитъ село Бѣлопашенное или Сойга, въ 88 верстахъ отъ города. Въ приходской церкви этого села сохранилась грамота, изъ коей видно что монастырь основанъ въ 1540 году, съ построеніемъ тамъ церкви Спаса Преображенія Господня, игуменомъ Симономъ, постриженникомъ Корнильева Комельскаго монастыря, какъ сказано въ грамотѣ, „на усть рѣки Сылвы, на плесѣ Сольвычегодскомъ, въ дикомъ мѣстѣ“. Изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1632 года видно, что и въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Осипа Хлопова 136 и 137 (1629) года, записано, что „въ Яренскомъ городѣ и на Выми на посадѣ“—вотчинахъ Вологодскаго архіепископа Варлаама и *Спасо-Сойгинскаго* монастыря, тогда считалось 1963 двора крестьянскихъ (опричь Сысолы), 311 дворовъ бобыльскихъ, всего 2274 двора. Въ 1764 году, при упраздненіи монастыря собственно за нимъ считалось 140 дворовъ [1]).

Яренскъ. Время основанія его не извѣстно. Самый древній документъ, въ которомъ встрѣчается имя Яренска, относится къ 1613 году, въ перепискѣ кн. Пожарскаго съ воеводою Ѳедоромъ Осиповымъ Яновымъ. Академикъ Шегренъ думаетъ, что къ этому времени относится устройство въ Яренскѣ острога, и что Яренскъ тогда замѣнилъ Усть-Вымь; это подтверждаетъ онъ тѣмъ, что всѣ распоряженія, касавшіяся до Яренска, въ концѣ XVII в. были адресованы „на Вымь въ Яренскій городокъ“; однакоже писцовыя книги Василія Хлопова (1617 — 1629 г.) городокъ называютъ Вымскимъ, давая право думать, что не Яренскъ, а Усть-Вымь тогда былъ главнымъ городомъ. Яренскъ стоитъ теперь уже не на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде и откуда перенесенъ въ 1625 году, вслѣдствіе наводненія отъ Яренги и Вычегды, которая въ настоящее время находится въ 4 в. отъ города. Изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1632 г. на Вымь въ Яренскій городокъ и воеводѣ Минѣ Кирилову Грязеву видно, „что въ прошломъ (1631 году) писалъ къ намъ воевода, что въ прошломъ де 1624 году Вымь Яренскій городокъ весеннею боль-

[1]) Ист. Цер. Іер., VI, 1, 170; Акты Арх. Эксп., III, 204; Спис. нас. м. Вол. г., № 7188.

шою водою подмыло и свалило въ р. Вычегду острогу 20 сажень". Предполагалось затѣмъ выбрать новое болѣе удобное мѣсто, куда и перенести острогъ. Вообще, кажется, справедливо можно замѣтить, что городъ Яренскъ, появившись въ началѣ XVII в., относится къ числу тѣхъ городовъ, которые одновременно тогда строились во многихъ мѣстахъ Вологодской губерніи, по теченію Сухоны, Юга и другихъ рѣкъ [1]).

Старая Пермь. Если названіе р. Вымь есть извращенное зырянское названіе Ем-ва, то названіе Усть-Вымь есть также передѣлка зырянскаго слова Ем-динъ (т. е. устье р. Емвы). Эта мѣстность, нынѣ извѣстная подъ именемъ селенія Заручьевскаго или *Усть-Вымскаго* Архангельскаго погоста, въ 83½ верстахъ отъ Яренска, какъ по мѣстнымъ преданіямъ, такъ и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, справедливо считается мѣстомъ *Старой Перми*, о которой упоминается въ Кн. Б. Ч. Самая Кн. Б. Ч. даетъ нѣкоторыя средства удостовѣриться въ этомъ предположеніи. Въ текстѣ ея говорится: „а ниже Перьми 70 вер. на Вычегдѣ градъ Еренскъ (Яренскъ)". По списку, какъ мы замѣтили выше, между Усть-Вымскимъ погостомъ и Яренскомъ считается 83½ версты, слѣдовательно, разница съ показаніемъ Кн. Б. Ч. только на 13½ в., и она можетъ быть объяснена разностью путей, зимнихъ и лѣтнихъ: первый изъ нихъ, конечно, долженъ быть короче. Усть-Вымь считается по народному преданію самымъ священнымъ мѣстомъ Зырянской земли, гдѣ, какъ увидимъ ниже, было одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ идолопоклоннических ихъ сходбищъ. Можно предположить, что это древнее Зырянское поселеніе было нѣкогда и значительнымъ торговымъ пунктомъ. Если зырянское названіе этого мѣста (Емь-динъ) считать за признакъ того, что здѣсь нѣкогда жила Емь, то Зыряне здѣсь были не первыми обитателями; но къ какому времени относится ихъ поселеніе на мѣстѣ, принадлежавшемъ Ями? На это, конечно, нѣтъ отвѣта. Для насъ исторія Усть-Выми нѣсколько проясняется со временъ св. Стефана Великопермскаго. Извѣстно, что этотъ проповѣдникъ слова Божія между Зырянъ началъ свой апостольскій подвигъ съ селенія Котласъ, гдѣ, по розысканіямъ академика Шегрена, сохранились явные

---

[1]) Hist.-Ethnol. Abhandl., 260; Военно-ст. Опис. Вол. губ., 380.

слѣды пребыванія Ями. Въ Котласѣ св. Стефанъ крестилъ жителей и поставилъ первую въ Зырянской землѣ церковь, а потомъ, продолжая свой путь по р. Вычегдѣ, дошелъ до Усть-Выми. Здѣсь у Зырянъ въ его время предметомъ народнаго поклоненія была „Прокудливая береза", громадная по толщинѣ и высотѣ и стоявшая на возвышенномъ мѣстѣ. Сюда изъ разныхъ мѣстъ собирались Зыряне съ своею добычей звѣроловства, для принесенія жертвоприношеній. Св. Стефанъ срубилъ это дерево и построилъ на мѣстѣ его церковь въ честь архангела Михаила, около которой впослѣдствіи образовался монастырь, существовавшій до 1764 года. Деревянная монастырская церковь замѣнена каменною въ 1786 году. Св. же Стефанъ построилъ въ Усть-Выми церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, которая потомъ обратилась въ каѳедральный соборъ епархіи. Событія эти относятся ко второй половинѣ XIV в., когда (въ 1379 году) св. Стефанъ былъ посвященъ въ Москвѣ въ санъ іеромонаха и получилъ благословеніе на проповѣдь отъ Герасима, епископа Коломенскаго, правившаго Московскою митрополіей. Изъ событій этого времени не видно, чтобы Усть-Вымь тогда еще называлась Старою Пермью. Можно однакожь думать, что это названіе возникло въ то время, когда оказалось необходимымъ отличить отъ Старой Перми такъ называвшуюся Великую Пермь, которой главнымъ мѣстомъ была Чердынь Старая: развалины этой послѣдней находятся въ окрестностяхъ нынѣшняго города Чердыни, въ 25 вер. отъ Камы, и городъ Чердынь впервые упоминается въ актахъ не ранѣе 1472 г. [1]).

Спасо-Ульяновская пустынь, по описанію находящаяся на берегу р. Вычегды въ 155 в. отъ Усть-Сысольска, основана была въ концѣ XIV в. св. Стефаномъ Великопермскимъ, очевидно, въ землѣ Зырянской, и существовала до 1684 года. Нынѣ ей соотвѣтствуетъ селеніе Ульянова пустынь, въ 192 в. отъ уѣзднаго города, близъ озера Донскаго и устья р. Кельтьмы. На картахъ этой мѣстности не означено [2]).

---

[1]) Арх. Макарія, Сказанія о жизни и труд. св. Стеф., 14; Ист. Церк. Іер., VI, 567; Рус. Свят. Фил. Черн., Янв., 135—138; Вол. губ. В. 1839, № 20, 1850, № 9; Спис. нас. м. Вол. г., № 12288.

[2]) Ист. Цер. Іер., VI, 1, 467; Свѣд. о Мон. Ратш., 79; Спис. нас. м. Вол. губ., № 10209.

По лѣвому берегу Вычегды.

Цилибинская пустынь, по описанію, находилась въ 28 в. отъ Яренска, внизъ по теченію Вычегды на лѣвомъ берегу ея. Основаніе ея приписываютъ преподобному Дмитрію, котораго считаютъ однимъ изъ проповѣдниковъ Усть-Вымскихъ. Изъ преданій извѣстно только, что часовня и гробница его существовала еще въ 1666 году. По списку ей соотвѣтствуетъ Цилибинская или Цилиба, въ 30 верстахъ отъ Яренска. На картѣ ея собственно нѣтъ; но приблизительно ее можно помѣщать не вдалекѣ отъ с. Челмата, показаннаго по спискамъ и на картѣ.

Коряжемскій Николаевскій монастырь по описанію находился въ 15 в. отъ Сольвычегодска, близъ р. Коряжемки, впадающей въ Вычегду съ лѣвой стороны. Монастырь этотъ основанъ иноками Обнорскаго монастыря Лонгиномъ и Симономъ, которые въ 1535 году удалились на Вычегду и поставили тамъ церковь во имя Николая Чудотворца. Мощи перваго изъ нихъ тамъ и доселѣ почиваютъ подъ спудомъ. Въ одной изъ грамотъ царя Ѳеодора Іоанновича, 1589 года, перечисляются владѣнія этого монастыря: тамъ говорится: „А по писцовымъ книгамъ твоего письма Офонасьева да дьяка Ивана Григорьева 94 года... у *Соли* на посадѣ два собора *Николая Коряжемскаго* монастыря, а у Соли на посадѣ по вашему письму живущихъ черныхъ 334 двора, да пожни Коряжемскаго монастыря... на Усольскомъ острову... на Вычегдѣ... Захарьевская, Гондухина... въ Брянцовѣ наволокѣ Ермолинская, Суровцова... въ Коневскомъ острову Степановская... подлѣ Плоское озеро на Онтоновицѣ... Ѳедьковская, да Ивановская, Суровцовыхъ... Дворищная у Сверьчковскаго озера.. Павловская, Серебряная... всего пять пожень съ полтретью“. Монастырь послѣ 1764 года остался за штатомъ. По картамъ и по списку показанъ въ 15 верстахъ отъ города, въ р. Коряжемкѣ [1]).

Богородицкая Христофорова пустынь по описанію находилась въ 20 в. отъ Коряжемскаго монастыря. На этомъ разстояніи примѣрно, она показана на картѣ Ст. К., по р. Коряжемкѣ съ лѣвой стороны ея. По списку показана подъ названіемъ Христофоровой пустыни, въ

---

[1]) Ист. Цер. Іер., IV, 778, VI, 2, 649; Рус. Св. Ф. Ч. 4 Февр., 65; Ак. Ар. 2 к., I, 357; Спис. нас. м. Вол. губ., №№ 7654, 12162.

30 в. отъ города. Обитель основана преподобнымъ Христофоромъ, ученикомъ Лонгина, настоятеля Коряжемскаго монастыря, въ 1555 году. Названа Богородицкою во имя чудотворной иконы Божіей Матери, нарицаемой Одигитріи, которую Христофоръ принесъ съ собою на мѣсто обители. Въ 1764 году церковь этой обители обращена въ приходскую, Максимовской волости, Христофоровской деревни [1]).

Виледь рѣка находится подъ тѣмъ же названіемъ на всѣхъ картахъ, въ числѣ притоковъ Вычегды съ лѣвой стороны. Въ Кн. Б. Ч. о ней говорится: „въ Вычегду рѣку, выше Соли - Вычегодской 12 верстъ, пала р. Виледь (неправильно—Вихедь) съ лѣвыя стороны, протоку 130 верстъ". По гидрографическимъ описаніямъ длина Виледи считается до 300 в., а судоходна она только на 200 в. [2]).

Усть-Сысольскъ. Извѣстно, что берега Сысолы уже въ началѣ XI вѣка были заняты Зырянами, которые въ верховьяхъ ея имѣли укрѣпленное мѣсто Кариллъ или Желѣзныя Ворота, и мѣстность самого Устьсысольска, какъ правдоподобно полагаютъ, находилась въ ихъ же власти. Въ позднѣйшее время эти Зыряне, можетъ быть—съ примѣсью Новгородцевъ, уже являются подъ названіемъ Сысоличей. Въ 1484 году они, вмѣстѣ съ Вилежанами, принимали участіе въ походѣ на Югорскую землю. Нѣсколько позднѣе,—въ 1489 году, они принимали участіе въ походѣ въ Вятку, какъ о томъ сохранилось извѣстіе въ Архангельскомъ лѣтописцѣ, гдѣ сказано: „а Москвичи шли (на Вятку) коньми, а Устюжане, и Бѣлозерцы, и Воложане, и Вымичи и *Сысоличи* на судѣхъ". Въ 1609 году при сборѣ ратныхъ людей на защиту Москвы они также участвовали. На мѣстѣ Усть-Сысольска еще въ началѣ XVIII в. существовалъ Зырянскій погостъ, который въ 1780 году сдѣланъ городомъ [3]).

Н. Отъ устья Двины по зимнему берегу до р. Мезени.

Отъ устья рѣки Двины 60 верстъ пала въ море рѣка Мудюха (въ вар. Мудьюга). *Отъ Мудюхи 20 верстъ пала рѣчка Куя. Отъ*

---

[1]) Ист. Ц. Іер., VI, 2, 606; Спис. нас. м. Вол. г., № 7564.

[2]) Кн. Б. Чер. Спасс., 194; В. Ст. Опис. Вол. губ., 155.

[3]) Ист. Гос. Р. Кар., VI, пр. 312 и 461; Опис. Рос. Имп., Пушк., I, 118; Акты Арх. Эксп., III, 102.

Куи 20 верстъ пала рѣчка Козла (Козела). *Отъ Козлы 25 верстъ пала рѣчка Ергa. Отъ Ерги 30 верстъ пала рѣка Золотица* (въ Кн. Б. Чер. Золотница). *Отъ Золотицы 20 верстъ пала р. Посва. Отъ Посвы 20 верстъ пала рѣка Ница. Отъ Ницы 5 верстъ пала рѣчка Ручьи* (Ручи). *Отъ Ручьевъ 20 верстъ пала рѣчка Мегра. Отъ Мегры 30 верстъ пала рѣчка Кулуя* (въ Кн. Б. Чер. Кулой), *протоку рѣки тоя Кулуи 120 верстъ. Отъ Кулуи до устъ рѣки Мезени* (до Мезени) *25 верстъ* [1]).

Всѣ эти рѣки, или скорѣе, рѣчки почти сполна, подъ тѣми же названіями, есть на картахъ. Значительная часть ихъ имѣетъ туземныя, т. е. нерусскія названія. Изъ краткаго обзора историческихъ свѣдѣній мы видѣли, что въ 1545 году у Мезенскихъ Самоѣдовъ былъ споръ съ Пермяками за земли, лежащія около Мезени, которыми издавна владѣли Самоѣды. Это указаніе даетъ поводъ думать, что объясненіе туземныхъ названій рѣчекъ можно искать въ этихъ двухъ чудскихъ нарѣчіяхъ.

Замѣтимъ и здѣсь, какъ прежде, что по Кн. Б. Ч., показаны большею частью только разстоянія отъ устья одной рѣчки до другой, и рѣдко длина ихъ теченія. Первыя изъ нихъ, конечно, не могутъ быть ни чѣмъ провѣрены, какъ это случалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ при устьяхъ рѣчекъ оказались селенія, разстояніе между которыми еще можно было приводить въ извѣстность, соображаясь съ списками населенныхъ мѣстъ. За то карты—рукописная Ст. К. и Опермана, XI, въ размѣщеніи показанныхъ по зимнему пути рѣчекъ представляютъ здѣсь вполнѣ достаточное разъясненіе.

Такимъ образомъ р. *Мудюхъ* или правильнѣе, какъ въ варіантахъ—Мудьюгѣ, соотвѣтствуетъ рѣчка того же имени, изливающаяся въ одинъ изъ заливовъ Двинскихъ. За нею по Кн. Б. Ч. показана р. Куя, но прежде нея на картахъ есть рѣчка *Ница*, о которой говорено при началѣ обозрѣнія по Кн. Б. Ч. подъ именемъ Ницы, и которая въ этомъ мѣстѣ Кн. Б. Ч. не упомянута. За ней же слѣдуетъ *Куя* подъ тѣмъ же названіемъ, и на картахъ показанная вытекающею изъ озера; за Куей показана *Козла*; по картѣ Ст. К. ихъ двѣ, Большая и Малая; у Опермана только одна Козла. За Козлой на-

---

[1]) Кн. Б. Чер. Спасск., 182.

звана *Ерга*, являющаяся на картахъ подъ именемъ Юрги или Іорги; за Ергой слѣдуетъ р. *Золотица*, по картамъ показанная вытекающею изъ озера, и при довольно извилистомъ теченіи, довольно длинная. За Золотицей показана р. *Посва*. На картахъ между Золотицей и Ницей показаны двѣ рѣчки Ница и Това; послѣдняя, подъ тѣмъ же названіемъ, по картѣ Опермана показана вытекающею изъ озера Товскаго. Названіе Товы, кажется, правильнѣе; слово же Посва должно считать искаженіемъ переписчиковъ. Р. *Ница* остается при томъ же названіи. За Ницею слѣдуетъ рѣчка *Ручьи*, показанная на картахъ подъ названіемъ Ручьи (Ручья). За Ручьей названа р. *Мегра*. Она подъ тѣмъ же названіемъ показана и по картамъ. За Мегрой слѣдуетъ по Кн. Б. Ч. *Кулой*; но по картамъ между Мегрой и Кулоемъ есть еще р. Канда, о которой въ Кн. Б. Ч. не упомянуто. Всѣ эти рѣчки находятся въ предѣлахъ Архангельскаго уѣзда. Послѣднею въ сосѣдствѣ съ Мезенью упоминается рѣка Кулой, длина теченія которой означена въ Кн. Б. Ч. въ 120 верстъ. Эта рѣка, подъ названіемъ Сотки, беретъ начало въ Пинежскомъ уѣздѣ изъ озеръ и болотъ и течетъ большою частью къ сѣверу, впадая въ Мезенскомъ уѣздѣ въ заливъ р. Мезени. Длина рѣки Кулоя всего считается до 300 верстъ; слѣдовательно исчисленіе длины ея по тексту Чертежа относится только къ одной ея части [1]).

О. Отъ Мезени до р. Кары.

Для этого пространства по Кн. Б. Ч. встрѣчаются слѣдующія указанія:

Мезень рѣка. Хотя въ текстѣ Чертежа сказано, что Мезень рѣка „*писана особою статьей*,“ но ни въ изданіи г. Спасскаго, ни въ рукописномъ текстѣ Кн. Б. Ч., принадлежащемъ Импер. Геогр. Общ., особаго описанія р. Мезени нѣтъ. Послѣ упоминанія о р. Кулоѣ прямо начинаются слѣдующія подробности, относящіяся до береговъ Ледовитаго моря, начиная отъ Мезени къ востоку:

„*Отъ Мезени морскимъ берегомъ 20 верстъ рѣчка Пыка. Отъ Пыки 15 верстъ рѣка Семга. Отъ Семги 50 верстъ рѣчка Мгла. Отъ Мглы 20 верстъ рѣка Неса. Отъ Несы 30 верстъ рѣка Яжма. Отъ Яжмы 15 верстъ Яжма Пинежская. Отъ Яжмы Пинежской*

[1]) Геогр. Слов. Сем., 831.

13

(Пижнинскія) 30 верстъ рѣка Лажа. Отъ Лажи 45 верстъ рѣка Шамохша, противъ Шамохши на морѣ губа. Отъ Шамохшы 25 верстъ рѣчка Волосова. Отъ Волосовой 40 верстъ рѣчка Кія (Кая). Отъ Кіи 20 верстъ рѣчка Шейна. Отъ Шейны 20 верстъ рѣчка Становая. Отъ Становой 50 верстъ рѣчка Мытна. Отъ Мытны 10 верстъ рѣчка Торна. Отъ Торны 20 верстъ рѣчка Салница (Солница). Отъ Салницы 6 рѣчекъ пали въ море, не подписаны (безъ прозвища)".

„Отъ устья рѣки Мезени морскимъ берегомъ до конецъ (берега) горы Шамогодскаго камени (Шемолонскія земляныя горы) 350 верстъ. А по конецъ того камени поворотить 130 верстъ, да поворотить съ другой страны того же камени; а брегъ морской отъ того камени (отъ Тундрени) 50 верстъ (въ рук. спискѣ Геогр. Общ. „да поворотить въ другія страны тожъ камени: а брегъ морской 50 верстъ).

„Въ море пала рѣка Промой. Отъ Промоя 40 верстъ пала рѣчка Рыбная. Отъ Рыбныя пала рѣчка Жемчужная. Отъ Жемчужной 20 верстъ рѣчка (въ Атласѣ Вальберга подлѣ Жемчужной показана рѣчка Крестовая)... а межъ тѣхъ рѣчекъ на морѣ островъ."

„Отъ тѣхъ рѣчекъ двѣ рѣчки обѣ Двойники. Отъ Двойниковъ 20 верстъ рѣчка Костылиха. Отъ Костылихи 20 верстъ (25 вер.) рѣчка Губистая. А отъ Губистыя губа морская. Отъ Губистыя 20 верстъ рѣчка Тундрена. Отъ Тундрени (Тундрены) 11 верстъ рѣчка Собачья. Отъ Собачьи 40 верстъ рѣчка Чоша. Отъ Чоши 15 верстъ рѣчка Голубница. Отъ Голубницы 15 верстъ рѣчка Перепускъ (Переспускъ). Отъ Перепуска 20 верстъ рѣчка Висяжъ (Висажъ, Вижасъ). Отъ Висяжи 27 верстъ рѣчка Вама. Отъ Вамы 10 верстъ 2 рѣчки обѣ Снапницы. Отъ Снапницъ 30 верстъ рѣчка Пеша. Въ Пешу пала изъ горы изъ Большаго камени рѣка Пояса (А въ Пешу пала рѣка Теша). Большаго камени вдоль до моря 230 верстъ. Отъ устъ рѣки Пеши, морскимъ брегомъ 25 верстъ рѣка Малая Пеша. Отъ Малой Пеши рѣчка Рѣшительница. Отъ Рѣшительница 30 верстъ рѣчка Лонга. Отъ Лонги 30 верстъ рѣка Сая. А отъ Саи 30 верстъ рѣчка Черная. Отъ Черной 30 верстъ рѣка Васильева. А на устьи тоя рѣки, горы (гора) Большой Камень, прилегли къ морю. А на другой странѣ того Камени пала въ море рѣчка. А отъ той рѣчки 20 верстъ рѣка

Индеіа (Илдега, Индага). *А Индега течетъ поперегъ Камени горы, Меньшаго Камени: протоку тоя рѣки 170 верстъ. А отъ тоя рѣки 20 верстъ рѣчка Желѣзная. Отъ Желѣзныя рѣчки, рѣчка Горностай. А промежъ тѣхъ рѣчекъ на морѣ островъ Святой Носъ, вдоль по тому острову 30 верстъ. А противъ того острова Святаго Носу на морѣ островъ Калгуевъ* (Гургуевъ, Кургуевъ); *а до Калгуева острова отъ морского берегу 120 верстъ, а отъ Калгуева острова текутъ въ море три рѣки: Бугрянка, да рѣки Вялимка* (Багрянка да рѣка Велпкая) *да рѣка* (да третія безъ прозвища)... *А вдоль по тому острову 100 верстъ, а поперегъ 50 верстъ. Отъ рѣчки Горностая морскимъ брегомъ 50 верстъ, рѣка Велтъ* (Вентъ), *а отъ Велта 60 верстъ Колоколкова* (Колоконкова). *А отъ Колколковы 20 верстъ рѣчка Пещеница* (Пещаница), *а противъ ея избочь 40 верстъ на морѣ губа. А отъ губы той къ устью рѣки Печеры, а рѣка Печера протекла въ море въ нощь, пятью устьми, на 50 верстахъ. А ни р. на Печерѣ на правомъ берегу, отъ моря 40 верстъ градъ Пустоезеро стоитъ на острову, обошло къ рѣкѣ езеро. Отъ Пустоезера 70 верстъ губа Болвановская, а въ тое губу въ морскую приливу пала рѣчка; прозвище той рѣчки въ старомъ Чертежѣ не написано. А отъ той губы 20 верстъ, рѣка Черная, да рѣка Великая. А отъ рѣки Великія 60 верстъ Пещаная Бурлова, а отъ Пещаныя 25 верстъ рѣка Мѣдянской Заворотъ* (Меденской Заворотъ). *А отъ Мѣдянскаго Заворотy 40 верстъ рѣка Ханбара, отъ Ханбары рѣки Коротаева. Отъ Коротаевы 70 верстъ рѣка Кара. А промежъ рѣки Коротаевы и рѣки Кары, на морѣ островъ Вайгачъ, отъ берега островъ 10 верстъ*" [1]).

Далѣе слѣдуетъ по берегу Ледоваго моря перечисленіе рѣчекъ, находящихся въ Азіятской Россіи, и снова описаніе возвращается къ Печерѣ:

„*Рѣка Печера, а на ней на правомъ брегу градъ Пустоезеро, отъ моря 40 верстъ, а отъ Меньшаго Камени отъ горы 150 верстъ, а отъ Болвановской губы 80 верстъ* (50 верстъ). *А отъ Пустозера 150 верстъ пала въ Печеру рѣка Чилма* (Цылма), *а течетъ Чилма отъ рѣки Мезени изъ езера: протоку Чилмы 270 верстъ* (170 верстъ). *А въ Чилму рѣку съ лѣвыя страны, пала рѣчка*

1) Кн. Бол. Черт. Спасск., 183—187.

Чирка (Чилка)*: протоку ея 130 верстъ. А въ Чирку пала рѣчка Рубиха; а выше Чилмы рѣки пала въ Печеру рѣка Ижма. А выше Ижмы 40 верстъ рѣчка Пижма: протоку Ижмы 220 верстъ* (120 верстъ), *а Пижмы 350 верстъ. А на усть Чилмы, съ правыя стороны Печеры рѣки посадъ, на посадѣ погостъ Николая Чудотворца* (на усть Чилмы, на Печерѣ). *А выше Ижмы рѣки съ правыя страны 70 верстъ пала въ Печеру рѣка Уса, а вытекла Уса отъ верху Кары рѣки, отъ моря 70 верстъ. А въ Усу рѣку сверху изъ горы пала рѣка Соба: протоку Собы рѣки 150 верстъ. А въ Собу рѣку пала рѣчка Волочанка: протоку ея 30 верстъ, а рѣки Усы протоку 550 верстъ. А отъ верху Усы рѣки до верху горы Князьковой 150 верстъ, а промежъ тѣхъ рѣкъ и рѣки Оби и рѣки Пузги Самоедь кочевая.*"

„*А ниже Собы рѣки 150 верстъ пала въ рѣку Усу рѣка Левма: протоку Левмы 220 верстъ. А съ лѣвыя страны, выше Усы рѣки 10 верстъ, пала въ рѣку Печеру рѣка Посва* (Пасва)*: протоку Посвы 150 верстъ, а отъ усть Ижмы рѣки 200 верстъ. Съ правыя страны выше Усы рѣки 150 верстъ пала въ Печеру Счюгоръ* (Чугуръ, Чугоръ) *рѣка, а въ Счюгоръ рѣку пала Пыженецъ* (Выжанецъ) *рѣка. Обѣ вытекли изъ одной горы, а промежъ ихъ верьховей горою Каменемъ 200 верстъ. А отъ Пыженецъ рѣки отъ верху, до верху же Левмы рѣки 230 верстъ. А Счюгора рѣки протоку 325 верстъ. А противу Счюгора рѣки, съ лѣвыя страны, отъ Счюгора въ 10 верстъ пала рѣка Лемша* (Лешма)*, течетъ отъ Посвы рѣки изъ лѣсовъ: протоку 200 верстъ.*"

„*А отъ Лемши вверхъ 100 верстъ, пала въ Печеру Велва рѣка, а вытекла отъ верху Вычегды. А отъ Велвы 80 верстъ пала въ Печеру рѣка Мыло Большое. А отъ Мыла рѣки 250 верстъ* (150) *вытекла изъ горы рѣка Печера, а рѣка Большое Мыло течетъ изъ рѣки Меньшаго Мыла. А рѣка Меньшое Мыло течетъ въ посивъ съ рѣкою Вычегдою и пала въ Вычегду*".

Предварительно обзора выписанныхъ нами указаній, необходимо сдѣлать то общее замѣчаніе, что въ размѣщеніи этихъ указаній по картѣ мы будемъ слѣдовать рукописному атласу Ст. К., такъ какъ карты Опермана и Шуберна, начиная отъ Мезени хотя и представляютъ очеркъ Ледовитаго моря почти до Печеры, но небольшія рѣчки,

особенно на полуостровѣ Канинскомъ, оставлены большею частію безъ означенія ихъ названій.

Мезень, рѣка и городъ. Рѣка эта, какъ и Двина, не имѣетъ въ Кн. Б. Ч. отдѣльнаго описанія, и даже полное ея теченіе не обозначено. Эта рѣка, какъ извѣстно, беретъ начало изъ болотистыхъ возвышенностей, составляющихъ водораздѣлъ ея съ Печерою, на границѣ Мезенскаго уѣзда съ Яренскимъ Вологодской губерніи, и пройдя извилистымъ теченіемъ весь Мезенскій уѣздъ, изливается въ море. Длину ея теченія считаютъ до 700 верстъ, что очень близко къ истинѣ по обширному протяженію Мезенскаго уѣзда съ сѣвера на югъ и извилистому теченію рѣки. Мезень, какъ и Печера, въ періодъ поселенія Новгородцевъ на сѣверо-востокѣ въ верхнемъ своемъ теченіи, вѣроятно, принадлежала Пермякамъ, тогда какъ нижнее ея теченіе находилось во владѣніи Самоѣдовъ. Неупоминаніе о Мезени въ лѣтописяхъ и актахъ отчасти можетъ, кажется, быть объяснено тѣмъ, что первыя поселенія на мѣстѣ нынѣшняго города Мезени не принадлежали Новгороду, а находились въ частномъ владѣніи выходцевъ Новгородскихъ—Окладниковыхъ. Р. Мезень, какъ видно изъ актовъ, была обычнымъ путемъ плаванія, предпринимаемаго въ Ледовитое море. Въ одномъ изъ актовъ 1600 года говорится: „Пожаловалъ (царь Борисъ Годуновъ)... Двинскаго уѣзда Пинежанъ и Мезенцевъ... чтобъ имъ велѣти *ѣздити промышляти и торговати въ Мунгазею, моремъ и Обью рѣкою на Тазъ и на Туръ и на Енисей* и съ Самоѣдами, которые живутъ на тѣхъ рѣкахъ... и десятинную пошлину изъ соболей, куницъ, лисицъ, бобровъ, песцовъ... давать на Мезени въ Окладниковой слободкѣ... и опричь (той слободы) нигдѣ не давати“ [1]). Эта слободка упоминается нѣсколько ранѣе, въ 1545 году, въ несудимой грамотѣ царя Ивана Васильевича Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ; но когда она возникла—о томъ едва ли можно найдти свѣдѣнія. Ея позднѣйшее существованіе связано съ исторіей города Мезени. Мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ этотъ городъ, было во владѣніи Самоѣдовъ Канинской тундры. Еще въ 1825 году, въ 20 верстахъ отъ города, на зимней дорогѣ, ведущей въ тундру, на такъ называемомъ Козминомъ перешейкѣ, были найдены мис-

[1]) Hydrogr. d. R. R., v. Stukenberg, II, 237; Акты Истор., II, 30.

сіонерами остатки одного изъ главныхъ сборищъ Самоѣдовъ для совершенія идольскихъ жертвоприношеній. По описанію миссіонеровъ, это была роща за рѣчкой Пьей, между городомъ и Семженскимъ селеніемъ, гдѣ стояло до 100 деревянныхъ идоловъ разной величины и разнаго вида. Вокругъ нихъ на деревьяхъ было развѣшено множество разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, звѣриныхъ шкуръ, пуговицъ и разныхъ мѣдныхъ бляшекъ. Идолы эти въ 1825 году, по обращеніи Самоѣдовъ въ христіанство, были сожжены, и на мѣстѣ, гдѣ они стояли, поставленъ освященный крестъ. По упомянутому выше преданію, первые поселенцы этого мѣста были Новгородцы Окладниковы. Они (вѣроятно — для удобства своихъ промышленныхъ цѣлей) построили первую слободку, названную Окладниковою, а потомъ близь нея образовалась и другая, извѣстная подъ названіемъ Кузнецовой. Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ Мезенскихъ присутственныхъ мѣстъ, извѣстно, что въ 1700 году Окладникова слободка, вмѣстѣ съ прочими селеніями по берегамъ р. Мезени, составляла отдѣльный *Мезенскій уѣздъ* и была управляема земскимъ бургомистромъ, избираемымъ изъ сословія крестьянъ; это управленіе было подчинено Кевролькой воеводской канцеляріи, находившейся въ Пинежскомъ уѣздѣ, а эта послѣдняя состояла въ вѣдѣніи Архангельской губернской канцеляріи. Въ 1739 году открыта была особая воеводская канцелярія въ Окладниковой слободкѣ, въ вѣдѣніи которой находился весь Мезенскій уѣздъ. Канцелярія эта существовала до 1780 года, когда на мѣстѣ слободы Окладниковой и деревни Кузнецовой былъ учрежденъ городъ, названный по имени р. Мезени [1]).

Притоки Мезени съ правой стороны *Пеза*, а съ лѣвой—*Щелья* и *Важка* въ Кн. Б. Ч. не упоминаются. Первая изъ нихъ р. Пеза, по весьма правдоподобному объясненію Лерберга, какъ о томъ было уже упомянуто выше, принадлежала къ числу тѣхъ, „многихъ рѣкъ", которыми въ 1501 году Московскіе воеводы пробирались изъ р. Мезени въ Печеру, направляясь въ походъ противъ Югровъ „за Каменемъ". Рѣка Важка упоминается въ Двинскихъ

[1]) Акты Арх. Эксп., 204; Ж. М. Вн. Д., 1844, ч. I, 259; В. Г. Общ., 1855, XIV, 125.

грамотахъ 1471 года, какъ исконное владѣніе Московскихъ князей; въ одной изъ этихъ грамотъ говорится: „А что Важка, то исконное владѣніе великаго князя". Рѣка Важка беретъ начало у самой границы Яренскаго уѣзда съ Сольвычегодскимъ изъ болотъ, давшихъ начало р. Яренгѣ, затѣмъ большую часть своего теченія (до 300 в.) совершаетъ въ предѣлахъ Вологодской губерніи и изливается въ р. Мезень. Всего ея теченія до 400 верстъ. Какъ „исконное" владѣніе великаго князя и по длинѣ своего теченія, эта рѣка могла бы имѣть мѣсто на Чертежѣ; а отсутствіе ея въ текстѣ Чертежа объясняется тѣмъ, что описаніе р. Мезени съ ея притоками, можетъ быть, не дошло до насъ [1]).

Относительно историческаго значенія р. *Щельи*, упомянутой въ числѣ притоковъ Мезени, можно только замѣтить, что при устьѣ ея была пустынь, называемая *Ущельскою*. Отъ нея, послѣ упраздненія монастырей, въ 1764 году осталась только приходская церковь. Эта пустынь находилась тамъ, гдѣ по спискамъ показано село *Усть-щельское* въ 141 верстѣ отъ города Мезени. По картѣ Опермана эта пустынь неправильно названа Усть-Шенска [2]).

На лѣвомъ берегу р. Мезени, въ 51 верстѣ отъ г. Мезени, по спискамъ показана *Чирцова пустынь*, церковь коей нынѣ обращена въ приходскую. Основателями ея были иноки Созонтъ, Іоилъ, Павелъ и Евсей. Она возникла до 1620 года, а съ этого времени была приписана къ Сійскому монастырю [3]).

По правой сторонѣ р. Мезени, въ 17 верстахъ отъ города, есть древнее поселеніе—*Лампожня*, по спискамъ и картамъ—деревня Лампоженская. Это поселеніе упоминается въ жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича въ 1545 году, данной Самоѣдамъ Канинскимъ и Тіунскимъ, гдѣ сказано: „да тѣ же Самоѣды пріѣзжали на Лампожню торговати съ Русскими и ставися на Усть-Мезени". Такимъ образомъ уже во второй половинѣ XVI в. Лампожня является мѣстомъ торговаго сборища или ярмарки [4]).

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 94; Военно-Ст. Опис. Вол. губ., 174; Геогр. Слов. Сем., I, 384.

[2]) Ист. Цер. Іер., VI, 1, 592; Спис. нас. м. Арх. губ., № 557.

[3]) Ист. Цер. Іер., VI, 2, 709; Спис. нас. м. Арх. г., № 597.

[4]) Акты Арх. Эксп., I, 204; Вѣстн. Геогр. Общ., 1855, XIV, 105, 106.

Перейдемъ къ описанію морскаго берега отъ устья Мезени къ Востоку.

За 20 в. отъ Мезени (то есть, отъ устья) въ Кн. Б. Ч. названа р. *Пыка.* Ни на картѣ Опермана, ни на рукописной картѣ Ст. Ком. ея нѣтъ, но она оказалась на почтовой картѣ, изданной въ 1850 году топографическимъ депо, подъ искаженнымъ названіемъ *Пыги.* Она изливается въ устье Мезени съ правой стороны, ниже рч. Семжи, какъ слѣдуетъ и по Кн. Б. Ч. Отъ Пыки, по тексту Чертежа, показана въ 15 в. рч. *Семжа,* изображенная на всѣхъ картахъ. За Семжей въ 50 в., по восточному берегу слѣдуетъ указанная въ Кн. Б. Ч. *Мгла,* изливающаяся въ Мезенскій заливъ особою губой, какъ показано на картахъ: на картѣ 1850 года подъ названіемъ Мглы показаны двѣ рѣчки — Большая Мгла и Малая Мгла. Въ 20 верстахъ отъ Мглы слѣдуетъ р. *Несь;* по картѣ Ст. К. эта рѣчка показана впадающею въ Мезенскій заливъ особою губой, называемою Кокушкиною.

Здѣсь замѣтимъ, что въ дальнѣйшемъ осмотрѣ морскаго берега можетъ служить пособіемъ только атласъ Ст. Ком., такъ какъ карта Опермана за 66° с. ш. уже оканчивается: весь берегъ Ледовитаго моря съ низовьемъ Печеры не вошелъ въ нее.

Черезъ 30 верстъ отъ Неси—рч. *Яжма.* Этой рѣчки въ атласѣ Ст. К. нѣтъ, но она показана на почтовой картѣ 1850 г. подъ названіемъ *Ямжы,* очевидно — искаженнымъ. Эту рѣчку можно считать первою, которая принадлежитъ къ Канинскому полуострову.

На Канинскомъ полуостровѣ, по всѣмъ тремъ его берегамъ, въ текстѣ Чертежа названы слѣдующія рѣчки: Въ 15 верстахъ отъ Яжмы — *Яжма Пинежская* (въ варіантахъ *Пижнильская,* что, можетъ быть, правильнѣе); ея на картахъ однакожь нѣтъ. Въ 30 верстахъ отъ нея — рч. *Лажа;* подъ этимъ названіемъ рѣчки на означенномъ разстояніи по картамъ нѣтъ; но ей по положенію своему соотвѣтствуетъ рч. *Чижа,* которой названіе, можетъ быть, вѣрнѣе, чѣмъ въ Кн. Б. Ч. За Лажей (Чижей) въ 15 верстахъ—*Шамохша,* по картѣ названная Шамогной. Отъ нея черезъ 25 верстъ—рч. *Волосова,* находящаяся подъ тѣмъ же названіемъ на картѣ Ст. Ком. За Волосовой, въ 40 верстахъ, р. *Кія,* на картѣ Ст. К.—Коя. За нею въ 20 верстахъ—*Шейна:* ей по картѣ Ст. К. соотвѣтствуетъ *Шокша;* которое изъ этихъ названій

правильнѣе—трудно дать заключеніе. За Шейной въ 20 верстахъ показана *Становая*; ея по картѣ не означено. Потомъ по Кн. Б. Ч. слѣдуетъ, въ 50 верстахъ, р. *Мытна*: ей по картѣ соотвѣтствуетъ р. *Мясна*; но которое изъ названій правильнѣе—трудно утверждать. За Мытною въ 10 верстахъ р. *Торна*—подъ тѣмъ же названіемъ и на картѣ Ст. Ком. За Торною въ 20 верстахъ р. *Сальница*, показанная подъ тѣмъ же названіемъ и на картѣ. За Сальницей, между нею и рч. Промоемъ, по Кн. Б. Ч. указано „*шесть рѣчекъ* пали въ море—не подписаны"; по картѣ Стат. К. на этомъ пространствѣ есть дѣйствительно нѣсколько рѣчекъ съ названіями, каковы: Брусеница Большая и Малая, Казариха, Крынка, двѣ Москвиныхъ, Манъ, Канбалица и Ростова; но за ними прямо слѣдуетъ рч. *Рыбная*, показанная по Кн. Б. Ч. въ 40 верстахъ отъ Промоя; въ рукописномъ текстѣ Чертежа, принадлежащемъ Императорскому Географическому Обществу, на листѣ 152, также ничего болѣе не сказано объ этихъ *шести рѣчкахъ*. Видимо, что въ этомъ мѣстѣ описаніе Чертежа осталось не полно, какъ прямо указываетъ выраженіе: „пали въ море—*не подписаны*", то есть, на самомъ Чертежѣ не было надписей. Слѣдующая за неизвѣстною Промоей рѣчка *Рыбная* почти подъ тѣмъ же названіемъ (Рыбна) показана на картѣ Стат. К. За нею, безъ означенія разстоянія, названа по Кн. Б. Ч. рч. *Жемчужная*, подъ тѣмъ же названіемъ находящаяся на картѣ; замѣчательно названіе рѣчки, указывающее, вѣроятно, на существованіе здѣсь когда-то жемчужнаго промысла. Въ 20 верстахъ отъ р. Жемчужной по Кн. Б. Ч. указана *рѣчка* (безъ названія). Г. Спасскій указываетъ здѣсь по атласу Вильберга на Крестовую. Но на картѣ Ст. К. такой рѣчки нѣтъ, а равно и *острова* противъ рѣчки *на морѣ* (то есть, въ Чесской губѣ) также нѣтъ. Далѣе по Кн. Б. Ч. слѣдуютъ двѣ рѣчки, обѣ—*Двойники;* по картѣ есть только одна рѣчка, названная Двойникъ. За нею въ 20 верстахъ -рч. *Костылиха*, подъ тѣмъ же названіемъ находящаяся на картѣ. За Костылихой черезъ 20 верстъ (въ варіантахъ: 25 верстъ)—рч. *Губистая*, по картѣ Ст. К.—Губиста. За нею черезъ 20 верстъ по Кн. Б. Ч. названы: *Тундрена* и черезъ 11 верстъ—рч. *Собачья*. Тундрены на картѣ нѣтъ, а рѣчкѣ Собачьей по картѣ соотвѣтствуетъ рч. Собака. Черезъ 40 верстъ отъ нея рч. *Чеша*, которой на картѣ Ст. К. нѣтъ.

За нею черезъ 15 верстъ—рч. *Голубница*, на картѣ—Голубица. За нею черезъ 15 верстъ рч. *Перепускъ*, подъ тѣмъ же названіемъ показанная и на картѣ. За нею черезъ 20 верстъ рч. *Висяжъ* (въ варіантахъ: Висажъ, Вижась), подъ тѣмъ же названіемъ и на картѣ Ст. К. За Висяжью слѣдуютъ рѣчки, лежащія внѣ Канинскаго полуострова, по южному берегу Чесской губы и далѣе. Въ предѣлахъ Канинскаго полуострова, по тексту Чертежа, названъ *Шамагодскій камень* (варіантъ: Шемолондскія земляныя горы), длиной въ 350 верстъ. Ему по картѣ Ст. К. соотвѣтствуютъ, конечно, Шемоховскія земляныя горы, проходящія по срединѣ Канинской земли или Канинскаго полуострова на всемъ его протяженіи съ с. на ю., которое отъ Океана до р. Пезы, какъ южной границы Канинской земли, изчисляется примѣрно въ 500 верстъ; сѣверная часть Канинскихъ горъ извѣстна подъ особымъ названіемъ *Канинскаго камня*, который начинается отъ мыса Канина и идетъ поперекъ полуострова до мыса Микулина. Продолженіемъ Канинскихъ горъ, прерванныхъ Чесскою губою, считаютъ Чайцинъ камень, лежащій вдоль Тименскаго берега. Шамогодскій камень, упоминаемый въ Кн. Б. Ч., составляютъ такъ называемыя собственно Шомоговскія горы, кои, начинаясь у береговъ Бѣлаго моря отъ Кокушкина носа, входятъ внутрь Канинской земли, и образуя собою полукругъ, выходятъ къ р. Шамохтѣ, которой и дали названіе [1]). За Висяжью, о которой упоминается выше, по Кн. Б. Ч. названы слѣдующія рѣчки, впадающія въ Чесскую губу: Въ 27 верстахъ отъ Висяжи—рч. *Вама*: она на картѣ Ст. К. названа Омицей. За нею въ 10 верстахъ слѣдуютъ двѣ рѣчки, обѣ—*Снапицы*, по картѣ имъ соотвѣтствуетъ *одна* р. Снопа. За Снапицами черезъ 30 верстъ—р. *Пеша* съ ея притокомъ рч. *Поясою*, вытекающею изъ „Большаго Камени“; рѣчка Пеша на картѣ показана почти подъ тѣмъ же названіемъ (Піоша), а притока ея, рч. Поясы, на картѣ нѣтъ. Черезъ 20 верстъ за р. Пешей по Кн. Б. Ч. показана р. *Пеша Малая*; ея на картѣ нѣтъ. За Малою Пешей слѣдуетъ рч. *Рѣшительница*, а отъ нея 30 верстъ, по берегу же Чесской губы, рч. *Лонга*; на картѣ нѣтъ рч. Рѣшительницы, а прямо показана р. *Голонга*, близко подходящая по названію къ р. Лонгѣ, показан-

---

[1]) Вѣстн. Г. Общ., 1865, ст. Арх. Веніамина, 80.

ной въ Кн. Б. Ч. Говоря о рѣчкѣ Рѣшительницѣ и слѣдующихъ за нею, можно привести перечисленіе ихъ, сообщенное въ описаніи берега Ледовитаго моря, помѣщенномъ въ статьѣ архимандрита Веніамина. Это перечисленіе, въ сравненіи съ другими, многое выясняетъ въ Книгѣ Б. Чертежа:

Кн. Б. Ч.	Веніаминъ.	Карта Ст. К.
Пеша.	Пеша.	Піоша.
Рѣшительница.	Прещеженица.	Піювица.
—	Безужма.	Безумна.
Песчанка.	—	Пещанка.
Лонга.	Волонга.	Голонга.
Соя.	—	—
Черная.	Черна.	Черная.
Васильева.	Васкина.	Васкина.
рѣчка (безъ названія).	—	Лемца.
Индега.	Индега.	Индега.
Желѣзная.	—	Желѣзная.
Горностай.	Горностай б. „ м.	Ерныжма б. „ м.
Святой Носъ.	Бол. и м. Ярыжа.	Св. Носъ.

Изъ этого перечня видно, что одной только рѣки (Сои), показанной въ Кн. Б. Ч., не нашлось на картѣ.

Выше было упомянуто, что р. Пояса вытекаетъ, по указанію Кн. Б. Ч., изъ горы „Большаго Камени“, имѣющаго „вдоль до моря 230 верстъ“. Здѣсь подъ именемъ „Большаго Камени“, очевидно, разумѣется такъ называемый Чайцинъ камень, идущій по лѣвому берегу Печеры, пересѣкающій Тиманскую тундру съ с. на ю. и извѣстный уже въ XIV в. своими рудными богатствами [1]).

По Кн. Б. Черт., „*противъ острова Святого носу на морѣ островъ Колгуевъ* (Кургуевъ, Гургуевъ), *а до Колгуева острова отъ морскаго брегу 120 верстъ. А вдоль по тому острову 100 верстъ, и поперегъ 50 верстъ*“. По современному описанію, островъ этотъ имѣетъ самую большую длину 79 верстъ, а наибольшую ширину 60 верстъ. Въ Кн. Б. Ч. говорится: „*а изъ Колгуева острова текутъ въ море три рѣки: Бугрянка да Валимка* (варіантъ: Бурайка да р. Великая; Багрянка да Вилима) *да рѣка*“. Въ описаніяхъ на островѣ Колгу-

[1]) Вѣстн. Г. Общ., 1855, ст. арх. Веніам., 84; Ист. Г. Росс. Кар., VI, пр. 360.

евѣ названы рѣчки: Гусиная, Васькина, Пушная, Кривая и *Великая.* Этотъ островъ былъ посѣщаемъ промышленниками съ давнихъ временъ; и по нынѣ они занимаются тамъ ловлею звѣрей и птицъ. Островъ особенно извѣстенъ добываніемъ гагачьяго пуху, который въ обиліи оставляютъ тамъ гагары при своемъ линяніи [1]).

Послѣ Колгуева острова въ Кн. Б. Черт., по берегу Ледовитаго моря до р. Печеры, названы двѣ рѣчки: *Велтъ* (Ветль) и *Колоколкова* (Колоконкова, Колоколва). Обѣ эти рѣчки показаны на картѣ Ст. Ком., одна—подъ названіемъ Велти, а другая—подъ названіемъ Коловицы. Велть по самоѣдски называется Ерзехтыяга; она вытекаетъ изъ озеръ тундры. Но между ними по картѣ показаны еще рѣчки Безштанная, Юровата, Черная и Пятичиха, о коихъ, конечно, въ Кн. Б. Ч. не упоминается. За Печерой, о коей будетъ упомянуто вмѣстѣ съ ея притоками, въ Кн. Б. Ч. названы приморскія рѣчки и губы, перечень коихъ мы здѣсь предлагаемъ для ясности въ сравненіи съ показаніями, найденными на картахъ и въ описаніяхъ:

Кн. Б. Ч.	Веніаминъ.	Карта Ст. К.
Печера.	Печера.	Печера.
—	Притоки ея справа	Куя. Артина.
Болванная губа.	—	Болванская губа.
Рѣчка (безъ названія).	Песчаница.	Песчаница.
		ея притоки:
		Ковалева.
		Островская.
		Мелкая.
		Песчаница.
		Рѣчки, впадающія въ море:
		Топорка.
—	Іевка.	Невка.
		Серебрянка.
		Двойникъ.
		Ростянка.
		Костянка.
		Алексѣева.

[1]) Годъ на С. Макс., I, 222; Путеш. Лепех., IV, 193; Геогр. Слов. Сем., II, 687; Ж. М. В. Д., 1861, Іюнь, Печер. кр. гр. Кейзерлинга, 450.

Черная.	Черная.	Черная.
—	Варандѣй.	—
Великая.	—	—
Песчаная-Бурлова.	Бурловая.	—
	Песчаная.	—
Рѣки, впадающія въ Хампутырскую губу:		
	Завортска.	Заостровка.
		Навылъ.
		Серна.
		Лобачанья.
		Содьяга.
Ханбара.	—	—
—	Хампутыръ.	Хампутыръ.
Коротаева.	Каратаиха.	Каратаиха.
—	Ојо.	Ојо.
островъ Вайгачъ (между Карой и Каратаевой).	—	Вайгачъ.

Если считать вѣрнымъ, хотя приблизительно, приводимое здѣсь перечисленіе рѣкъ по картѣ Ст. К., то очевидно, что описаніе Кн. Б. Ч. на этомъ пространствѣ не только не полно, но едва ли даже приблизительно вѣрно, какъ относительно многихъ названій, такъ и относительно разстояній рѣкъ между собою.

Начнемъ съ того, что если за рч. Горностай, указанную въ Кн. Б. Ч. (Большой или Малый), принять Ерныжму (Большую или Малую), то отъ Горностая до Велти по Кн. Б. Ч. считается 50 верстъ, а отъ Велти до Колоколковой (Коловицы по картамъ) 60 верстъ. По картамъ отъ Ерныжмы до Вельти едва ли есть болѣе 10 верстъ, тогда какъ отъ Вельти до Коловицы непремѣнно должно быть болѣе 60 верстъ. Мы отчасти имѣемъ возможность подтвердить это повѣркою разстояній, пользуясь путешествіемъ графа Кейзерлинга и капитана Крузенштерна, совершеннымъ въ 1840 и 1844 годахъ въ Печерскій край [1]). Приведемъ здѣсь для того указаніе Кн. Б. Ч. параллельно съ указаніемъ почтенныхъ путешественниковъ.

---

[1]) Печерск. край, Ж. М. Вн. Д., 1851, Іюнь, 449—455.

По Кн. Б. Ч.	Гр. Кейзерлингъ.
отъ Висяжи до Вамы 27 в.	$50^{1}/_{2}$ в.
до Снапицы 10 в.	$13^{1}/_{2}$ в. (въ томъ числѣ отъ Омы до Омицы $2^{1}/_{2}$, до Крупной 4 в., до Снопы $9^{1}/_{2}$ в., до Снопицы $5^{1}/_{2}$ в.)
до Пеши 30.	30 вер. (въ томъ числѣ отъ Снопицы до Грабежной $17^{1}/_{2}$ в., до Пöши $12^{1}/_{2}$),
до Малой Пеши 25.	до Пошицы $7^{1}/_{2}$ вер.
отъ Индеги до Желѣзной 20,	$13^{1}/_{2}$ в.
до Горностая (не показано),	до Горностая $12^{1}/_{2}$.
до Велти 50,	46 в. (въ томъ числѣ: отъ Горностая до Шумовки 14 в., отъ Шумовки до Ярыжской $11^{3}/_{4}$, отъ Ярыжской до Вельти $20^{1}/_{4}$ в.)
до Колоколковой.	85 в. (въ т. числѣ отъ Вельти до Крестовой $24^{1}/_{2}$ в., до Сенгъ 35 в., до Колоколовой $25^{1}/_{2}$ в.)

Изчисленіе гр. Кейзерлинга, конечно, вѣрнѣе и ясно обнаруживаетъ неточность, неполноту показаній Кн. Б. Ч. Здѣсь умѣстно замѣтить, что по указанію путешественниковъ р. *Индега* (по самоѣдски Паяга), вытекающая изъ озеръ тундры Паягандо, повсемѣстно судоходна.

За рч. Колоколковой по Кн. Б. Ч. показана въ 20 верстахъ *рѣчка Пещеница* (варіантъ: Пещаница), а противъ нея *избочь* (этого слова въ варіантахъ нѣтъ) 40 верстъ на морѣ *губа*. По Кейзерлингу отъ Колоколковой до Песчанки считается 43 в. (въ томъ числѣ отъ Пошицы до Пришатенокъ 11 в., до Пришетинецъ 4 в., до Волонга $9^{1}/_{2}$, до Песчанки 18 в.). По картѣ Ст. К. съ боку Коловицы,

то есть, съ правой ея стороны, показаны *двѣ губы:* Кузнецкая и Захребетная.

Далѣе по берегу Ледовитаго моря уже за Печерой показана *губа Болвановская* съ безымянною рѣчкой: „прозвище той рѣчки въ старомъ чертежѣ не написано“. Губа эта получила названіе отъ мыса Болванскаго, ограничивающаго западную оконечность ея. Его, безъ сомнѣнія, не должно смѣшивать съ мысомъ Болванскимъ, находящимся на южной оконечности острова Вайгача. Что касается до *рѣчки* (безымянной), то къ ней, съ полною вѣроятностію, можно пріурочить одну изъ Песчаницъ, именно ту, которая впадаетъ въ Болвановскую губу съ юго-восточной стороны [1]). За рѣчкой Песчанкой, послѣ многихъ рѣчекъ, показанныхъ на картѣ, встрѣчается рѣчка *Черная*, упоминаемая въ Кн. Б. Ч. Рѣки *Великой* ни на картѣ, ни въ описаніяхъ нѣтъ, если ей не соотвѣтствуетъ проливъ между островомъ Варандѣемъ и материкомъ, упоминаемый въ путешествіи графа Ѳ. П. Литке [2]).

Затѣмъ слѣдуетъ по Кн. Б. Ч. рч. *Песчаная-Бурлова:* на картѣ ея нѣтъ; но по описаніямъ вмѣсто нея показаны двѣ рѣчки: *Бурловая* и *Песчанка.* Послѣднее кажется вѣрнѣе показанія Кн. Б. Ч., которое, при описаніи этихъ отдаленныхъ мѣстностей, не отличается точностію. На рч. Песчанку за островомъ Варандѣемъ указывается и въ путешествіи гр. Ѳ. П. Литке, по замѣчанію котораго она отстоитъ отъ острова Варандѣя въ 8½ миляхъ [3]).

Отъ Песчаной-Бурловой по Кн. Б. Ч. въ 25 верстахъ къ востоку показанъ *Мѣдянскій Заворотъ* (варіантъ: Меденскій Заворотъ). Это водное сообщеніе составляетъ морское теченіе водъ между островомъ Долгимъ и материкомъ и въ путешествіяхъ называется *Мединскимъ Заворотомъ.* Здѣсь считаемъ умѣстнымъ привести преданіе, относящееся къ острову Долгому или собственно къ одному становищу, называемому *Сибирскимъ становьемъ.* По преданію, записанному въ 1824 году, лѣтъ за 90 назадъ ходили въ ладьѣ по р. Оби въ Соловецкій монастырь, по обѣщанію, богомольцы въ числѣ 70 человѣкъ. Возвращаясь тѣмъ же путемъ на родину, въ позднюю осень, они, подходя къ острову Вайгачу, встрѣ-

[1]) Вѣс. Геог. Об., 1855, ст. Арх. Веніамина, 87.
[2]) Чет. Пут. Ѳ. П. Литке. Печерск. Эксп., VII, 220.
[3]) Чет. Путеш. Гр. Ѳ. П. Литке. Печерск. Эксп., VII, стр. 222.

тили непроходимые льды, почему рѣшились пристать къ острову Долгому и тамъ перезимовать. У сѣверной его оконечности они нашли безопасную гавань; но неготовые на зимовку, отъ недостатка во всемъ всѣ до одного человѣка померли; они похоронены на мысу, называемомъ Сибирскимъ кладбищемъ [1]). Это преданіе указываетъ на давнюю привычку поморовъ въ утлыхъ ладьяхъ совершать плаванія на такое далекое пространство по Ледовитому морю, какъ отъ береговъ Оби до Соловецкаго монастыря, но едва ли подаетъ поводъ возвращаться къ мысли о возможности плаванія къ баснословнымъ „Желѣзнымъ воротамъ".

За Мѣдянскимъ Заворотомъ по Кн. Б. Ч. слѣдуютъ рѣчки: *Ханбара* и *Коротаева*. Первой изъ нихъ ни на картахъ, ни въ описаніяхъ нѣтъ, если за нее не принимать рч. Хампутырь, показанную на картѣ Архангельской губерніи. Можетъ быть, не на нее ли указывается въ путешествіи Кейзерлинга подъ названіемъ Ха-и-Пыдаря, которая вытекаетъ изъ возвышенности Салидей. Что касается до рч. Коротаевой, то она по картамъ извѣстна болѣе подъ названіемъ *Коротаихи* (по самоѣдски Еде-яга) и означена впадающею въ море особою губой. Она вытекаетъ изъ многихъ озеръ, лежащихъ на горномъ хребтѣ Хуанцеѣ. За нею по описаніямъ и картамъ слѣдуютъ: не упоминаемые въ Кн. Б. Ч. притоки Ледовитаго моря, рч. Оіо, и Карскаго моря—рч. Мидеса, Хайдеса, Тальса, и наконецъ, *Кара*, упоминаемая въ Кн. Б. Ч. Эта послѣдняя, составляя границу уѣздовъ Мезенскаго и Березовскаго (Тобольской губерніи), по Кн. Б. Ч. упомянута безъ обозначенія длины ея теченія; Кара (Хара-Яга) имѣетъ длину приблизительно до 250 верстъ [2]).

Упоминается, какъ выше указано, въ Книгѣ Большаго Чертежа и островъ *Вайгачь*. Но это упоминаніе ограничивается однимъ названіемъ. Съ своей стороны и мы упомянемъ только о тѣхъ, касающихся его, историческихъ фактахъ, которые имѣютъ этнографическое значеніе. Островъ Вайгачь, у Самоѣдовъ называющійся Хаюдеп-я, отдѣляется отъ материка Югорскимъ Шаромъ, а отъ Новой Земли — Карскимъ проливомъ, называемымъ „Карскими воротами", пользовавшимися

---

[1]) Чет. Пут. Гр. Ѳ. П. Литке, Печерск. Эксп., VII, 224.

[2]) Печерскій край, Ж. М. Вн. Д., 1851, Іюнь, 448.

еще названіемъ „Желѣзныхъ воротъ". Площадь его занимаетъ до 2.892 кв. верстъ. Вайгачь, какъ видно, издревле принадлежалъ Самоѣдамъ. Южная оконечность этого острова оканчивается мысомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Болванскаго. Этотъ мысъ былъ главнымъ мѣстомъ идольскихъ мольбищъ Самоѣдовъ. Тамъ стоялъ главный идолъ ихъ, называвшійся Весакъ (старикъ). Еще въ XVI столѣтіи (въ 1556 году) мореплаватель Борро видѣлъ тамъ до 300 идоловъ, изображавшихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, весьма грубой работы и большею частію съ окровавленными глазами и ртами. Иные изъ идоловъ этихъ были простыя палки съ двумя или тремя зарубками. Эту олицетворенную самоѣдскую демонологію видѣлъ въ томъ же видѣ въ 1824 году штурманъ Ивановъ [1]).

Объ островѣ *Новой Землѣ* въ Кн. Б. Ч. совершенно не упоминается, какъ бы въ подтвержденіе того, что по мѣрѣ удаленія къ сѣверо-востоку описаніе Чертежа не отличалось, и едва ли могло отличаться, полнотой.

Заключимъ описаніе этого края по Кн. Б. Ч. упоминаніемъ о *Печерѣ и ея притокахъ*. Для ясности обзора приведемъ здѣсь перечень указаній Кн. Б. Ч. по отношенію къ Печерѣ и ея притокамъ, замѣтивъ притомъ, что по Кн. Б. Ч. даже не вездѣ возможно указать для притоковъ Печеры лѣвую и правую сторону рѣки. Придержимся однакожь, съ пособіемъ карты, этого дѣленія, слѣдуя отъ устья Печеры:

По правой сторонѣ:	*По лѣвой сторонѣ.*
Езеро.	а) Уса.
Градъ Пустозеро.	Соба съ прав. ст. Усы.
Притоки:	Волочанка (пр. Собы).
а) Чилма.	Пузга-Самоедь.
Чирка (притокъ Чилмы съ л. ст.).	Левма (притокъ Усы).
Рубиха (притокъ Чирки).	б) Посва.
б) Ижма.	в) Счюгоръ.
в) Пижма.	Пыженецъ (пр. Счюгора)

---

[1]) Вѣстн. Г. Общ., 1855, ст. арх. Веніамина, 123 — 125; Чет. пут. Ѳ. П. Литке, стр. 68; Геогр. Сл. Сем., I, 384—385.

Погостъ Николая Чудотворца. г) Лемпа.

г) Велва.

д) Мыло большое.

Для точнаго объясненія этихъ указаній Кн. Б. Ч. относительно рѣчной сѣти р. Печеры можно воспользоваться едва ли не единственнымъ гидрографическимъ описаніемъ этого края, находящимся въ запискахъ гр. Кейзерлинга о путешествіи его въ Печерскій край въ 1843 году, въ сопутствіи капитана Крузенштерна. Этотъ гидрографическій обзоръ для насъ важенъ именно въ томъ отношеніи, что онъ отвѣчаетъ на тѣ самые вопросы, которые въ Печерскомъ краѣ необходимо имѣть въ виду при обзорѣ Книги Большаго Чертежа, то-есть, на вопросы о положеніи притоковъ р. Печеры, длинѣ ихъ теченія и развѣтвленіяхъ.

Параллельно приведенному выше перечню указаній Кн. Б. Ч. здѣсь прежде всего необходимо имѣть общій перечень рѣкъ, входящихъ въ систему Печеры и расположенныхъ по отношенію къ ея берегамъ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самой Печерѣ. Историческое значеніе этой рѣки, въ главнѣйшихъ чертахъ, уже выяснено намъ при общемъ этнографическомъ обзорѣ Архангельской и Вологодской губерній. Обитаемость ея береговъ Зырянами почти фактически дѣлается извѣстною ранѣе X вѣка. Связь Печерской системы съ системою рѣкъ Сѣверной Двины посредствомъ волоковъ не разъ, какъ уже было замѣчено въ своемъ мѣстѣ, наводитъ изслѣдователя на прямые пути движенія Славянъ въ земляхъ инородцевъ, особенно въ концѣ XV вѣка, когда Москва вступила во владѣніе вотчинами Новгородскими въ этомъ краѣ. Этимъ, конечно, можно объяснить и тѣ довольно подробныя указанія о Печерскомъ краѣ, какія находимъ въ Кн. Б. Ч., хотя эти указанія и не всегда точны.

Полное теченіе Печеры, не опредѣленное въ Кн. Б. Ч., считаютъ до 1650 верстъ, въ томъ числѣ: отъ истока до р. Волошицы 400 в., отсюда до устья Мылвы 200 в., отъ нея до устья Щугора 280 верстъ, отъ него до устья Усы 230 в., оттуда до устья Цильмы 250 в. и отъ нея до устья Куя 290 верстъ. Отъ истока Печеры (изъ Уральскаго хребта, на границахъ Тобольской губерніи) до села Троицкаго, имѣющаго нѣкоторое историческое значеніе, какъ о томъ будетъ упомянуто ниже, на разстояніи 600 верстъ (при устьѣ

Мылвы Печерской), Печера шириной не превышаетъ 200 саж.; но затѣмъ, мало по малу расширяясь, предъ впаденіемъ въ нее р. Усы, имѣетъ ширины до 1¼ вер. Уса рѣка при впаденіи въ Печеру шире ея. По мѣрѣ увеличенія ширины, Печера дѣлается островиста и принимаетъ много притоковъ, коихъ число постоянно возрастаетъ [1]).

Обратимся къ перечню ея притоковъ по указанію гр. Кейзерлинга, отмѣтивъ между ними всѣ тѣ, кои упомянуты въ Кн. Б. Ч.:

Съ правой стороны:

Пыжегъ.
Тибья (теч. около 100 вер.)
Шоръ-Ляга (до 40 вер.)
Тишболъ.
Езовоголъ.
Пиджъ (дл. т. до 60 вер.)
Сиджъ-Пиджъ.
Пылымъ (теч. ок. 20 вер. съ притоками).
Маткиню.
Вуктылъ (до 70 вер.)
Подчерье (дл. до 100 вер.)
Щугоръ (до 200 вер.) съ притоками.
Березовка.
Переборъ.
Саласная (до 50 в.)
Верхній.
Оранецъ (до 50 в.)
Курейный.
Малый Оранецъ (до 20 в.)
Уса (до 503 в.) съ притоками.
Андрюшиха 1-я.
Андрюшиха 2-я.
Лая.

Съ лѣвой стороны:

Унья.
Волосница.
Досмерь.
Илычь (теч. до 314 в. съ множествомъ притоковъ, имѣющихъ Зырянскія названія).
Иджедъ-Легя (дл. до 100 в.)
Мылва Печерская (съ притоками).
Коснодьолъ.
Ягіолъ.
Кедровка.
Кодачь (до 100 вер.)
Вельва (съ притоками).
Нефтіалъ.
Шердинею.
Сойю.
Лемъ (дл. до 150 в.) съ притоками.
Гудырья Висъ.
Козла.
Иджидволъ.
Малая Соплеса.
Большая Соплеса.
Воя.
Сидоровка.

---

[1]) Геогр. Слов. Сем., IV, 106; Ж. М. Вн. Д. 1851, Іюль, Печерскій Край, путешествіе гр. Кейзерлинга и капитана Крузенштерна, 22—24.

Петрушиха (Песчанка).
Денисовка.
Лебяжья.
Мутная.
Дурга-Чорка.
Первый Двойникъ.
Второй Двойникъ.
Чулей.
Волма.
Ижма (дл. до 500 в.)
Пута.
Хабариха.
Сосоя.
Сосва.
Шапкина.
Куя.
Патумбой.
Ортина.

Позориха.
Худой.
Малая Кожва (до 20 в.)
Красны-ю.
Большая Кожва (до 200 вер.) съ притоками.
Лыжа.
Кпрючая.
Кысаросъ-ю.
Боровая.
Нерица (дл. до 200 в.)
Нижма (до 200 вер.) съ притоками.
Цыльма (дл. до 300 в. съ притоками, въ числѣ которыхъ съ лѣвой стороны показана *Чирка* (упоминаемая въ Кн. Б. Ч.) съ притокомъ сей послѣдней—*Рочугою* (м. б. Рыбихою, о которой упоминается въ Кн. Б. Ч.).
Шелина.
Лабовка.
Чапца.
Юнье.
Мыла.
Сула (съ притоками).
Виски (до 40 в. дл.)
Садуяла.
Хангарей.
Яигутей.
Кузнецкая.

Прежде, чѣмъ дѣлать повѣрку указаній Кн. Б. Ч., здѣсь не излишне замѣтить, что *по длинѣ теченія* не всѣ значительные притоки Печеры вошли въ Кн. Б. Чертежа. Такимъ образомъ въ ней не означены: съ правой стороны: *Тибья* (до 100 вер. дл.), *Подчерье* (до 100 вер. дл.); съ лѣвой стороны: *Илычъ* (до 315 вер.), *Иджегъ-*

Лега (до 100 вер.), *Кодачъ* (до 100 вер.), *Большая-Ковжа* (до 200 вер.), *Нерица* (до 200 вер.).

Изъ притоковъ р. Печеры, считая внизъ по теченію ея (т. е. на оборотъ тому порядку, какой принятъ въ описаніи Чертежа), названы:

а) Съ лѣвой стороны:

„А отъ Велвы 80 верстъ пала въ Печеру рѣка *Мыло Большое.* А отъ усть Мыла рѣки 250 верстъ (въ варіантахъ: 150 верстъ) вытекла изъ горы рѣка Печера, а рѣка Большое Мыло течетъ *изъ рѣки* Меньшаго Мыла. А рѣка Меньшое Мыло течетъ въ посивъ (въ посикъ—въ варіантахъ) съ рѣкою Вычегдою и *пала въ Вычегду*".

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о запутанности показаній относительно *Мыла Большаго* и *Мыла Меньшаго.* Въ Кн. Б. Ч. сказано, что Мыло Большое *течетъ изъ рѣки* Мыла Меньшаго. Можетъ быть, это надобно считать простою опиской, искаженіемъ переписчиковъ, а слѣдовало бы сказать, что р. Мыло Большое *вытекаетъ близъ* (истока) *рѣки Мыла Меньшаго.* Тогда бы это было вѣрно. Истоки *Мыла Большаго* или такъ называемой Мылвы (Печерской) Сѣверной и *Мыла Меньшаго*, т. е. Мылвы Южной (Вычегодской), дѣйствительно находятся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, и пространство, раздѣляющее ихъ, издревле извѣстно подъ именемъ „волока", упомянутаго нами въ своемъ мѣстѣ и служившаго въ древности соединительнымъ путемъ для торговаго движенія и даже для движенія московскихъ дружинъ въ 1499 году.

Опредѣленіе разстоянія въ Кн. Б. Ч. истока рѣки Печеры, изъ горъ въ 250 верстъ отъ Мыла Большаго, едва ли объяснимо, и всѣ эти опредѣленія имѣютъ видъ искаженія, повидимому намекающаго на длину теченія Мылвы сѣверной. Длина теченія ея исчисляется въ 300 верстъ. Она вытекаетъ изъ большаго болота Медармывнюръ, въ 15 верстахъ ниже волока, идущаго съ Уктуля, и имѣетъ много притоковъ съ правой стороны (Ягю, Дзолямщимья, Иджещимья, Вылылкомыха, Комьская, Лопка, Инадня-Дзеболъ) и съ лѣвой (Вилесъ, Содволъ, Кристазолъ, Ичетъ-Нальдегъ и Сойва съ притоками) [1]).

[1]) Ж. М. Вн. Д., 1851, Іюль, ст. Кейзерлинга, 89—91.

Что касается до указанія Кн. Б. Ч., что „*отъ устья* рѣки Меньшаго Мыла до устья рѣки Большаго Мыла 290 верстъ“,—то этого опредѣленія нельзя объяснить ни чѣмъ: даже если представить себѣ, что здѣсь измѣряется теченіе *обѣихъ рѣкъ вмѣстѣ*, то и тогда не будетъ вѣрно. Мылва Печерская имѣетъ длины 300 в., а Мылва Вычегодская до 100 верстъ, слѣдовательно, вмѣстѣ гораздо болѣе, чѣмъ показано въ Кн. Б. Ч. [1]).

Отъ Мыла Большаго по Кн. Б. Ч. названа въ 80 верстахъ р. *Велва*: „А отъ Лемши въ верхъ 100 верстъ пала въ Печеру Велва рѣка, а вытекла отъ верху рѣки Вычегды“ (этой фразы во многихъ варіантахъ нѣтъ). Разстояніе ея отъ Мыла Большаго (80 в.) или отъ Мылвы, по указанію Кейзерлинга, составляетъ только 56 верстъ (отъ Мылвы до Котодьола 4½ в., отъ нея до Тимьяла 3½, отъ нея до Ягіола 3 в., отъ нея до Езовоіола ½ в., отъ нея до Пиджи 12 в., отъ нея до Сидеръ-Пиджи 11 верстъ, отъ нея до Кедровки 1 в., отъ нея до Кобача 16½ верстъ, отъ него до Вельвы 4 версты). Велва нынѣ называется Вельвой, а по зырянски Ел-ва. Она вытекаетъ изъ болотъ съ сѣверо-запада и имѣетъ съ правой стороны нѣсколько притоковъ (Ленавошъ, Ичеттобунъ, Иджеттебукъ и Кодачь). Длина ея теченія, не означенная въ Кн. Б. Ч., простирается до 200 верстъ. По показанію Кн. Б. Ч., Вельва находится въ 100 верстахъ отъ р. *Лемши* (въ варіантахъ: Лешма) „противу Счюгора рѣки, съ лѣвыя страны отъ Счюгора съ 10 верстъ“. На этомъ разстояніи приблизительно, по описанію Кейзерлинга, указывается рѣка *Лемъ;* она находится въ 108 вер. отъ Вельвы (считая отъ этой послѣдней до Нефтіала 32 в., до Шердинаго 33 в., до Кылыма 21, до Сойю 24 в. и до Лемвы 8 верстъ). Рѣка Лемша течетъ, по указанію Кн. Б. Ч., „отъ Посвы изъ лѣсовъ (этихъ словъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Кн. Б. Ч. нѣтъ), протоку 200 верстъ“. Она дѣйствительно выходитъ съ сѣверо-запада изъ лѣсистыхъ болотъ и имѣетъ много притоковъ. Длина ея теченія измѣряется въ 150 верстъ [2]).

Между Лемшей и Усою изъ всѣхъ притоковъ названы только рр. Щугора и Посва. Что же касается до отмѣтки въ Кн. Б. Ч. „въ 10 верстахъ отъ Щугора пала рѣка *Лемша*“, т. е., р. Лема,

[1]) Ж. М. Вн. Д., 1851, Іюль, 29 и Сентябрь, 373.

[2]) Ж. М. Вн. Д., 1851, Іюль, 93–96.

то вѣроятно, 10 верстъ разстоянія между Щугоромъ и Лемшой— ошибка или описка, такъ какъ отъ Щугора до Лемы считается до 62 верстъ. „Съ правыя стороны выше Усы рѣки 150 верстъ пала въ Печеру *Счюгоръ* (въ варіантахъ: Чугоръ, Чугуръ, Счегуръ, Счарагулъ) рѣка. А Счюгора рѣки протоку 325 верстъ". На всѣхъ атласахъ и картахъ и въ описаніи графа Кейзерлинга показана рѣка Щугоръ; но устье ея отъ устья Усы гораздо далѣе, чѣмъ показано въ Кн. Б. Ч.: оно въ 238½ верстахъ (считая отъ Щугора до р. Малаго Соплеса 5 в., отъ нея до Большаго Соплеса 9 в., до Воя 18 в., до Березовки 14 в., до Сидоровки 4 в., до Позорихи 4 в., до Перебора 15 в., до Саласной 5½ в., до Верхней 4 в., до Оранца 1½ в., до Худой 3 в., до Курейной 4 в., до Малаго Оранца 10 в., до Малой Ковжи ½ в., до Красны-ю 14 в., до Большой Ковжи 32 в., до Лыжи 60 вер. и отъ нея до Усы 33 версты). Рѣка эта вытекаетъ изъ Уральскаго хребта у границъ Тобольской губерніи, близъ горнаго гребня Корка-изъ; длина всего ея теченія, по описанію, изчисляется только въ 200 верстъ, тогда какъ въ Кн. Б. Ч. длина ея опредѣлена въ 325 верстъ. Мы довѣряемся въ этомъ случаѣ Кейзерлингу.

Обратимся снова къ Кн. Б. Ч.: „а въ Счюгоръ рѣку пала *Пыженецъ* (въ варіантахъ: Выженецъ) рѣка. Обѣ (т. е. Счюгоръ и Пыженецъ) вытекли *изъ одной горы*, а промежъ ихъ верьховей горою Каменемъ 200 верстъ". У Кейзерлинга среди притоковъ Щугора нѣтъ рѣки, называемой Пыженецъ: тамъ названы—Волоковка Торговый, Родникъ, Дурней, Глубникъ, Толкасъ, Ичетъ-Патекъ и Ыджебъ-Патекъ, и только онъ одинъ имѣетъ длины до 80 верстъ, а всѣ остальные не превышаютъ 20 верстъ. Что касается до *горы*, изъ которой вытекаютъ рр. Щугоръ и Пыженецъ, которой и длина по Кн. Б. Ч. приблизительно выясняется, то можетъ быть, это—горный гребень Корка-Изъ, названный у Кейзерлинга.

Посва въ Кн. Б. Ч. упоминается два раза; сначала сказано: „А съ лѣвыя страны выше Усы рѣки 10 верстъ пала въ рѣку Печеру рѣка *Посва* (въ варіантахъ: Писва): протоку Посвы 150 верстъ, а отъ устья Ижмы рѣки 200 верстъ", и ниже, въ другомъ мѣстѣ, поясняется: „Лемша течетъ отъ *Посвы* рѣки изъ лѣсовъ". Слѣдовательно, она должна быть съ той же стороны, гдѣ впадаетъ Лемша, т. е. внизъ по теченію съ правой стороны (а по Кн. Б. Ч. вверхъ по

теченію съ лѣвой). На разстояніяхъ, опредѣляемыхъ въ Кн. Б. Ч., ни на картахъ, ни въ описаніяхъ нѣтъ рѣки подъ именемъ Посвы. По описанію Кейзерлинга, *ниже Усы*, въ 19 верст., показана первая и притомъ незначительная р. *Андрюшиная*, а выше Усы (по Кн. Б. Ч. ниже) извѣстна р. Лыжа. Обратимся въ другому указанію Кн. Б. Ч. о той же рѣкѣ: „Посва (пала въ Печеру) отъ устья Ижмы рѣки 200 верстъ". Но отъ р. Ижмы только за 248 в., выше р. Лыжи, есть рѣка Ковжа Большая, имѣющая до 200 верстъ теченія и притомъ, какъ замѣчено выше, пропущенная въ Кн. Б. Ч. Если эта Ковжа по небрежности переписчиковъ обратилась въ Посву, то предполагаемое тожество этихъ рѣкъ устраняется несходствомъ въ исчисленіи разстояній, приведенныхъ выше. Но есть еще рѣка, уже составляющая притокъ Усы, а не Печеры (какъ сказано въ Кн. Б. Ч.): это р. *Колва*, по разстоянію ея, опредѣляемому въ Кн. Б. Ч. („отъ Усы 10 верстъ"), ближе всего подходящая къ искомой Посвѣ. Рѣка *Колва*, составляющая правый притокъ Усы, вливается въ Усу въ 15½ верст. отъ устья самой Усы. Разница въ разстояніяхъ не весьма значительна; но необходимо для отожествленія Посвы съ Колвой допустить искаженіе при перепискѣ. Колва (по самоѣдски Точьяга) составляетъ самый большой притокъ Усы и притомъ судоходный. На лѣвомъ берегу ея, въ 3 верст. выше впаденія ея въ Усу, находится единственная во всей Большеземельной тундрѣ самоѣдская деревня. Здѣсь же и миссіонерская церковь для всѣхъ христіанъ-Самоѣдовъ этой тундры [1]). Мы указываемъ на эти обстоятельства, какъ на примѣту болѣе или менѣе давней извѣстности этого притока Усы, можетъ быть, занесеннаго и въ Кн. Б. Ч.

Затѣмъ по Кн. Б. Ч. слѣдуетъ р. Уса (съ притоками ея Лемвой и Собой): „А выше Ижмы рѣки съ правыя страны 70 верстъ пала въ Печеру рѣка *Уса*, а вытекла Уса отъ верху Кары рѣки, отъ моря 70 верстъ. А въ Усу рѣку съ верху изъ горы пала рѣка *Соба:* протоку Собы рѣки 150 верстъ. А въ Собу рѣку, изъ горы, пала рѣчка *Волочанка:* протоку ея 30 верстъ, а рѣки Усы протоку 550 верстъ. А отъ верху Усы рѣки до верху горы *Князьковой* 150 верстъ; а промежъ тѣхъ рѣкъ и рѣки Оби и рѣки *Пузги—Самоедь кочевая.* А

---

1) Ж. М. Вн. Д., 1858 г., Ноябрь, стр. 101, Августъ, стр. 240.

ниже Соба рѣки (въ варіантахъ: Саба) 150 верстъ пала въ рѣку Усу рѣка *Левма*: (въ варіантахъ: Лемва), протоку Левмы 200 верстъ". Эти указанія, уже приведенныя выше, сочтено необходимымъ здѣсь повторить по разнообразному значенію ихъ при обозрѣніи.

Р. *Уса* есть на всѣхъ картахъ и во всѣхъ описаніяхъ. Рѣка эта (по самоѣдски Сабреяга) вытекаетъ изъ Уральскаго хребта двумя рукавами: лѣвый выходитъ изъ озера Юпоенто, а правый на западъ отъ горы Гыты, не далеко отъ истоковъ Кары; слѣдовательно, указаніе Кн. Б. Ч. „течетъ отъ верху рѣки Кары"— вѣрно.

До впаденія въ Усу рѣки Ельца, длина Усы, по словамъ туземцевъ, около 200 верстъ. Отъ впаденія Ельца, по картѣ инженеръ-полковника Попова, снятой въ 1807 году, до устья считается 403 в., слѣдовательно, всего 603 версты. Разница съ показаніемъ Кн. Б. Ч. не очень значительна, и можетъ быть, это показаніе близко къ истинѣ, если принять во вниманіе, что отъ истока Усы до впаденія въ нее Ельца измѣреніе извѣстно намъ приблизительно. Уса весьма богата притоками: съ *правой стороны:* Войда, Хусморъ (до 300 верстъ длины), Хырморъ (до 300 вер. дл.) съ притоками Макариха, Колва; съ *лѣвой стороны:* Тонзо, Елецъ съ притоками, Воркота, Кочпель, Ленва съ притоками, Харута, Кочмосъ, Костя, Адокъ, Сынья.

Изъ всѣхъ притоковъ Усы не упомянуто въ Кн. Б. Ч. два значительныхъ: Хусморъ и Хырморъ, и названы только *Колва*, принимаемая нами за Посву, и *Лемва*, и вовсе въ числѣ притоковъ Усы нѣтъ рѣки *Собы* съ *Волочанкой*.

Левма или *Лемва* по Кн. Б. Ч. соотвѣтствуетъ притоку Усы, р. *Ленвѣ*, впадающей въ Усу съ лѣвой стороны. Рѣка эта довольно значительна, вытекаетъ съ Уральскаго хребта, изъ горы Харуты. Судоходная на протяженіи 150 в., эта рѣка имѣетъ нѣсколько притоковъ [1]).

Что касается до *Собы*, показанной въ числѣ притоковъ Усы по Кн. Б. Ч., то подъ нею, вѣроятно, надобно разумѣть рѣку *Собь*, лѣвый притокъ Оби. Она течетъ въ Березовскомъ округѣ Тобольской губерніи и беретъ начало изъ небольшаго озера на склонѣ

[1]) Ж. М. Вн. Д., 1851, Авг., Печер. край, 234—337.

сѣверной части Уральскаго хребта и впадаетъ въ Малую Обь, рукавъ р. Оби. Длина ея теченія измѣряется въ 120 верстъ [1]).

О притокѣ Соби, *Волочанкѣ* не упоминается въ описаніяхъ. Но нельзя не обратить вниманія на самое названіе рѣчки, которое указываетъ на существованіе „волока" между Усой и Обью; можетъ быть, потому этотъ незначительный притокъ Усы и названъ въ Кн. Б. Ч., что онъ лежалъ на пути къ р. Оби, волокомъ.

Упоминаемой въ Кн. Б. Ч. рч. Пузги въ описаніяхъ не встрѣтилось, но по всей вѣроятности, она составляетъ одинъ изъ притоковъ Оби. Что касается до „Самоеди кочевой", упомянутой въ Кн. Б. Ч., то о ней уже замѣчено въ обозрѣніи.

Перейдемъ теперь къ притокамъ нижняго теченія Печеры. О нихъ въ Кн. Б. Ч. сказано: „отъ Пуста-езера 150 верстъ пала въ Печеру рѣка *Чилма* (въ варіантахъ: Цылма), а течетъ Чилма отъ рѣки Мезени изъ *езера*: протоку Чилмы 270 верстъ (въ варіантахъ: 170 верстъ). А въ Чилму рѣку съ лѣвыя страны пала рѣчка Чирка (въ варіантахъ: Чилка): протоку ея 130 верстъ. А въ Чирку пала рѣчка *Рубиха*. А выше Чилмы рѣки пала въ Печеру рѣка *Ижма*. А выше *Ижмы 40 верстъ* — рѣка *Пижма*: протоку Ижмы 220 верстъ (въ варіантахъ: 120 в.), а Пижмы протоку 350 верстъ" (въ варіантахъ: 220 в.).

Чилма или, какъ правильнѣе въ варіантахъ, *Цыльма*, составляетъ лѣвый притокъ Печеры. Это большая судоходная рѣка, имѣющая до 300 верстъ длины, слѣдовательно, близко къ тому размѣру (270 в.), какой указанъ въ Кн. Б. Ч. Она вытекаетъ изъ Тиманскаго камня *недалеко* отъ Ямъ-озера (вѣроятно, того самого безименнаго „езера", о которомъ упомянуто въ Кн. Б. Ч.). Цыльма имѣетъ много притоковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что рѣка эта, какъ судоходная, ведущая въ Печеру, была извѣстна Славянамъ и въ новгородскій періодъ владѣнія Придвинскимъ краемъ; вскорѣ же послѣ паденія Новгорода она прямо упоминается въ лѣтописяхъ и актахъ. Такъ въ 1491 году она упоминается въ Двинскомъ лѣтописцѣ, когда великій князь Иванъ Васильевичъ посылалъ на Печеру искать руду, и

---

[1]) Геог. Сл. Сем., IV., 661.

когда посланные воротились и сказали, „что они нашли руду мѣдную на рѣцѣ *Шилмъ*“ [1]).

Въ 1499 году, когда Югорская земля была окончательно покорена подъ власть Москвы, походъ въ этотъ край московскихъ воеводъ совершался, кромѣ многихъ рѣкъ, и по рр. Чилмѣ и Чиркѣ, ея притоку. Чилма упоминается и въ концѣ XVII в. по поводу розысковъ серебряной и золотой руды въ Пустозерскомъ уѣздѣ [2]).

Длина *Чирки*, по указанію Кн. Б. Ч., 130 верстъ, что едва ли не преувеличено, судя по указанію о длинѣ ея въ изслѣдованіи Кейзерлинга [3]). Рѣчки *Рубихи* въ описаніяхъ не встрѣтилось.

Слѣдующія за Цыльмой, по Кн. Б. Ч., рѣки Ижма и Пижма; слѣдовало бы по принятому въ Кн. Б. Ч. порядку поставить наоборотъ. Затѣмъ разстояніе этихъ рѣкъ между собою и отъ Цыльмы опредѣлено только между Ижмой и Цыльмой. И эта неточность, кажется, ближе къ истинѣ. По описанію Кейзерлинга р. Пижма, въ строгомъ смыслѣ слова, не есть прямой притокъ Печеры, потому что впадаетъ собственно въ Цыльму, на 50 сажень выше впаденія сей послѣдней въ Печеру. Этимъ и слѣдуетъ объяснить, что въ Кн. Б. Ч. *ошибочно* означено разстояніе между Пижмой и Цыльмой, *а не между Ижмой и Цыльмой*, какъ бы слѣдовало, судя по разстоянію этихъ двухъ рѣкъ между собою ($36^{1}/_{2}$ верстъ), подходящему близко къ показанію Кн. Б. Ч. (40 верстъ).

Пижма беретъ начало изъ Ямъ-озера, и судоходное ея протяженіе считается въ 200 верстъ. По Кн. Б. Ч. протоку Пижмы 220 верстъ.

Ижма, впадающая съ лѣвой стороны въ Печеру,—по длинѣ теченія (до 500 верстъ) самый большой притокъ Печеры. Она имѣетъ много притоковъ. По Кн. Б. Ч. протяженіе ея означено неправильно (220 верстъ, а въ варіантахъ даже 120 верстъ).

Закончимъ наше описаніе Печерскаго края упоминаніемъ объ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя упомянуты въ Кн. Б. Ч. или вообще имѣютъ историческое значеніе.

---

[1]) Четырекр. пут. Ѳ. П. Литке, стр. 10.

[2]) Доп. къ Ак. Ист., IV, 135.

[3]) Ж. М. Вн. Д., 1861, Августъ 247.

Въ Кн. Б. Ч. говорится: „А на р. Печерѣ на правомъ берегу, отъ моря 40 верстъ, *градъ Пусто-езеро*, стоитъ на острову, обошло къ рѣкѣ езеро“.

„*Градъ Пусто-езеро*“ расположенъ на полуостровѣ Пустаго или Городецкаго озера, которое прежде соединялось мелководною протокою съ р. Печерой. Отъ устья Печеры онъ отстоитъ на 100 верстъ (въ Кн. Б. Ч. сказано отъ моря 40 верстъ). Во время похода на Югру князья Курбскій и Ушатый, въ 1499 году, здѣсь поставили острогъ, и это поселеніе съ названіемъ „Пустозерскаго острога“ оставалось почти до конца XVII в., какъ видно изъ различныхъ актовъ того времени [1]).

Пустозерскъ сталъ особенно извѣстенъ какъ мѣсто заточенія боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева и потомъ другихъ вельможъ. Что касается до названія его въ Кн. Б. Ч. „градомъ“, то оно, конечно, не могло явиться ранѣе построенія острога, или укрѣпленія, то есть ранѣе XV вѣка.

Въ Кн. Б. Ч. говорится (послѣ описанія нижнихъ притоковъ Печеры): „А на усть Чилмы, съ правыя страны Печеры рѣки, *посадъ*, на посадѣ *погостъ* Николая Чудотворца“ (въ варіантахъ просто: посадъ Николая Чудотворца). *Посадъ на усть Цылмѣ*—это нынѣшнее селеніе *Усть - Цыльма*, возникшее въ первой половинѣ XVI вѣка. Изъ актовъ 1647 года видно, что оно называлось тогда *Устьцылемскою слободкой* [2]). Основаніе Усть-Цыльмы приписываютъ Новгородцамъ, приводя къ тому грамоты Ивана Васильевича Грознаго [3]).

Остается еще упомянуть о двухъ мѣстностяхъ исторически извѣстныхъ: *о городѣ Усташѣ* и *Троицко-Печерскомъ монастырѣ*.

Объ г. Усташѣ было уже упомянуто при этнографическомъ обзорѣ сѣверо-востока, когда говорилось о походѣ Московскихъ воеводъ на Югру „за Камень“, и когда они сходились на р. Щугорѣ, ожидая зимняго пути.

Что касается до *Печерской пустыни*, то она находилась на правой сторонѣ р. Щугора, при впаденіи ея въ Печеру, гдѣ нынѣ

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., I, 266, III, 19, IV, 13, VI, 24; Арх. Г. В. 1848 г. Черныш., 135—137; Геогр. Сл. Сем. IV, 248.

[2]) Доп. къ Акт, Истор., III, 19.

[3]) Зап. Геогр. Общ., IV, 2; Дн. Зап. Лепехина, IV, 279.

деревня Щугорская, въ 630 в. отъ Устьсысольска. Она основана была въ XV в. сподвижниками св. епископа Стефана Великопермскаго для распространенія христіанской вѣры среди Зырянъ [1]).

При обзорѣ Мурманскаго и Терскаго береговъ, между прочимъ высказано было, что текстъ Кн. Б. Ч. сложился неодновременно, и что самая древняя его редакція можетъ быть отнесена къ XV вѣку, т. е. къ временамъ Іоанна III, въ особенности по отношенію къ пространству, лежащему за р. Навдемой, къ западу до р. Тенуя. Этотъ періодъ времени можетъ быть примѣнимъ отчасти и ко всей Архангельской и Вологодской губерніямъ съ тою оговоркой, что на этомъ пространствѣ первоначальный текстъ Кн. Б. Ч. могъ быть составленъ хотя также въ XV вѣкѣ, но едва ли не въ самомъ концѣ его, послѣ 1471 года, такъ какъ только съ паденіемъ Новгорода московская власть могла безпрепятственно дѣйствовать на устройство края и приступить къ такой мѣрѣ, какъ составленіе Чертежа. Но и въ этомъ смыслѣ текстъ Чертежа, конечно, не могъ распространяться такъ рано на весь сѣверо-востокъ Европейской Россіи, даже потому что Пріуральская его часть могла быть окончательно закрѣплена за Москвой только послѣ походовъ 1499 и 1501 годовъ, когда московскія войска проникли за Уралъ и взяли тамъ 33 города, уничтоживъ такимъ образомъ самобытное значеніе такъ называемой Югорской земли.

Если при обозрѣніи Мурманскаго и Терскаго береговъ мы имѣли случай убѣдиться, что нѣкоторыя монастырскія грамоты (какъ напримѣръ, грамоты Печенскаго монастыря, относящіяся къ XVI вѣку) и другіе историческіе акты могли служить непосредственнымъ источникомъ Кн. Б. Ч., то это объясняется тѣмъ, что Лопская земля хотя и принадлежала издавна Новгороду, но не входила въ составъ пятинъ. Это мнѣніе профессора Неволина [2]) совершенно вѣрно, если оно относится собственно къ новгородскому періоду владѣнія Лопскою землей. По замѣчанію Неволина, при покореніи Новгорода, Іоаннъ III изъявилъ Новгородцамъ по ихъ просьбѣ свою волю—не посылать къ нимъ своихъ писцовъ и данщиковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они не утаивали слѣдовавшей въ казну великокняже-

---

[1]) Ист. Цер. Іер., V, 550; Сп. нас. м. Волог. г., № 10,277.
[2]) З. Г. Общ., VIII, 11, 55.

ской дани. Но вѣроятно онъ увидѣлъ, что это условіе не исполнялось, такъ какъ въ 1491 и 1492 годахъ уже начато было описаніе земель новгородскихъ великокняжескими писцами. Самыя древнія писцовыя книги относятся къ концу XV вѣка; въ числѣ такихъ книгъ извѣстны: книга *Вотской* пятины, писанная Дмитріемъ Китаевымъ и Никитою Губою Семеновымъ сыномъ Маклакова въ 1499 и 1500 годахъ, и книга *Обонежской* пятины, писанная Юріемъ Сабуровымъ въ 1496 году. Въ этихъ книгахъ, конечно, уже были матеріалы пригодные для Кн. Б. Ч.

Что касается собственно до Лопской земли, то для нея писцовыя книги становятся извѣстными подъ именемъ *Кольскихъ* книгъ только съ XVII вѣка, судя по упоминанію о нихъ въ актахъ 1666 года, о чемъ было уже сказано. Эти книги, конечно, обнимали всю тогдашнюю Лопскую землю.

Такимъ образомъ 1496 годъ можно считать самымъ отдаленнымъ періодомъ времени, когда подъ рукой правительства могли быть впервые точные матеріалы для составленія Чертежа, обнимавшіе извѣстныя пространства земель въ общей связи. Очевидно, они относились къ области Вотской и Обонежской пятинъ и далеко не обнимали всего пространства сѣверо-востока, такъ какъ въ нынѣшнемъ Кемскомъ уѣздѣ самая дальняя сѣверная граница Вотской пятины не заходила сѣвернѣе Ковды, а описаніе Обонежской пятины къ востоку оканчивается въ восточной части Архангельскаго уѣзда, близь рч. Неменги. Мы не имѣли случая пользоваться писцовыми книгами относительно мѣстностей, лежащихъ къ востоку отъ Неменги, и драгоцѣнное изданіе ихъ Географическимъ Обществомъ еще не коснулось сѣверо-востока; а потому и не можемъ дать заключенія о томъ, когда именно за предѣлами Обонежской пятины появились древнѣйшіе и точные матеріалы для Кн. Б. Ч. и въ этомъ отношеніи можемъ остановиться только на 1678 годѣ, подъ которымъ при описаніи нѣкоторыхъ мѣстностей встрѣчаются упоминанія о писцовыхъ книгахъ этого года. Такъ напримѣръ, при описаніи *Верховажскаго посада, Вельскаго посада и Сырьянской пустыни*, находившейся на правомъ берегу Онеги, въ южной части Онежскаго уѣзда. Къ Вельскому же посаду относится упоминаніе въ писцовыхъ книгахъ 1613 года. При описаніи *Карельскаго монастыря* встрѣчается упоминаніе о писцовой книгѣ 1622 года письма Ми-

рона Вельяминова. Неволинъ въ своемъ изслѣдованіи упоминаетъ, что именно въ 1678 и 1679 годахъ составлены были переписныя книги крестьянамъ и дворовымъ людямъ *по всему государству, также какъ и прежде*, съ цѣлію раскладки податей и повинностей. На сколько это удобарастяжимое выраженіе можетъ относиться къ тому пространству сѣверо-востока, которое лежало за предѣлами Обонежской пятины, для насъ не ясно. Но если и *прежде 1678 года* производились переписи съ цѣлію раскладки податей и повинностей *по всему государству*, то можно предполагать, что и XVI вѣкъ оставилъ намъ матеріалы для древней географіи также въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ.

Если возводить данныя Кн. Б. Ч. относительно сѣверо-востока къ XV вѣку, то естественно прійдти къ тому заключенію, что Придвинскій край, не входившій въ Новгородскія пятины, могъ имѣть для Кн. Б. Ч. основаніемъ, независимо отъ такихъ актовъ, какъ Двинскія грамоты 1471 года, только акты этого же вѣка или позднѣйшіе. Самый текстъ Кн. Б. Ч. на этомъ пространствѣ иногда представляетъ такія неточности, кои не могутъ быть объясняемы простымъ пропускомъ, зависѣвшимъ отъ небреженія переписчиковъ, и даютъ право думать, что первоначальный текстъ Кн. Б. Ч. здѣсь составлялся *не на основаніи писцовыхъ книгъ*, кои какъ документы, необходимые для правительства, не могли представить рѣзкихъ пропусковъ и искаженій. Въ подтвержденіе этого мы приведемъ нѣсколько фактовъ.

Въ текстѣ Кн. Б. Ч. упоминается *Унская губа*, рѣчка *Луда* и *рѣчка* безъ названія (въ варіантахъ: *Уна*). Берега этихъ рѣкъ извѣстны были уже до 1398 года; позднѣе, въ 1471 году, *Унское* селеніе упоминается въ числѣ великокняжескихъ вотчинъ. Селеніе Луда, подъ названіемъ *Лудскаго усолья*, не разъ упоминается въ грамотахъ Соловецкаго монастыря. Въ значеніи *погостовъ* эти селенія, конечно, уже могли быть извѣстны и занесены въ писцовыя книги, еслибъ они существовали въ ранній періодъ составленія Кн. Б. Ч. Не упомянутъ въ текстѣ его и *Пертоминскій монастырь*, существовавшій съ 1599 года, въ 28 верстахъ отъ Унскаго усолья. Пропущенъ *погостъ* на р. Нюхчѣ, который упоминается въ писцовыхъ книгахъ 1582 года: въ немъ были тогда двѣ церкви—Николая Чудотворца и Климента папы Римскаго. Пропущена въ Кн.

Б. Ч. волость Унижма, упоминаемая въ актахъ 1553 года, а въ 1582 году указанная въ писцовыхъ книгахъ. Могла бы быть упомянута въ Книгѣ Б. Ч. и *волость Пинежская*, встрѣчаемая въ значеніи селенія *Великокняжескаго* въ 1471 году и стоящая на мѣстѣ нынѣшняго города Пинеги. Она имѣла нѣкогда важное значеніе, какъ одинъ изъ отдаленныхъ пунктовъ администраціи на востокъ отъ Двины. Не говорится о *Кевролѣ*, который въ значеніи погоста упоминается въ началѣ XIV вѣка подъ названіемъ *погостъ Кевродьскій волокъ*. Въ 1471 году Кевроль является уже въ значеніи *Кевродьскаго городка*. Въ послѣдствіи онъ дѣлается центромъ мѣстной администраціи: въ немъ жили воеводы до 1780 года, когда управленіе было перенесено въ Пинегу. Если, какъ видно изъ Кн. Б. Ч., въ него вносились тщательно всѣ погосты, то могъ бы быть названъ и *погостъ Терпиловъ*, упоминаемый въ 1411 году и имѣвшій тогда по земельнымъ владѣніямъ своимъ особенное значеніе. Могъ бы быть упомянутъ въ Кн. Б. Ч. и городъ *Орлецъ*, построенный въ 1342 году; хотя онъ и уничтоженъ въ 1398 году, но упоминается подъ именемъ *города* (вѣроятно, городища) въ 1646 году: городища въ Кн. Б. Ч. также иногда встрѣчаются. Нельзя здѣсь не упомянуть и о неполномъ описаніи относительно Емцы: въ Кн. Б. Ч. о ней упоминается весьма кратко, только какъ о рѣкѣ; между тѣмъ Емца составляла давнишнее достояніе Новгорода, и вѣроятно, была уже населена при ея устьѣ уже въ XII вѣкѣ, судя по упоминаніи о ней при основаніи *Михайлова* монастыря (что въ Архангельскѣ), котораго начало относится къ промежутку времени между 1110—1165 годами. Этотъ монастырь, какъ извѣстно, построенъ по настоянію жителей всего Придвинскаго края „отъ Емцы до моря", очевидно—упоминаемой не въ смыслѣ только рѣки, но и населеннаго мѣста. Поселеніе на Емцѣ, подъ названіемъ *Усть-Емцы*, упоминается въ 1138 году и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ позднѣйшихъ упоминаній, въ 1471 году положительно извѣстно въ значеніи *Емецкаго погоста*, принадлежавшаго къ надѣлу князя Константина Владиміровича Ростовскаго. Мѣстность эта не оставалась безъизвѣстною по историческимъ актамъ и впослѣдствіи; слѣдовательно умолчаніе о ней въ текстѣ Чертежа составляетъ очевидный пропускъ. Еще болѣе замѣчателенъ пропускъ въ Кн. Б. Ч. о рѣкѣ *Вели* и ея древнемъ населеніи.

Извѣстность рѣки Вели, по актамъ восходящая до 1138 года, даетъ право думать, что выраженіе „у Вели", употребленное въ грамотѣ князя Олега Святославича, указываетъ на поселеніе, которое, какъ справедливо думаютъ, принадлежало Новгороду, въ XII вѣкѣ и было главнымъ мѣстомъ Вельской волости, гдѣ, вѣроятно, и послѣ 1138 года сосредоточивалось управленіе и жили владычные волостели. Говоря даже собственно о р. Вели, нельзя не замѣтить здѣсь пропуска въ Кн. Б. Ч. всѣхъ ея притоковъ, тщательно описанныхъ въ Двинскихъ грамотахъ 1471 года, и очевидно, тяготѣвшихъ къ волости и погосту Вельскому, впослѣдствіи обратившемуся въ *посадъ*, а потомъ сдѣлавшемуся *городомъ*. Говоря о волости Вели, упоминаемой въ писцовыхъ книгахъ 1618 г., и о Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ, названномъ въ писцовыхъ книгахъ 1622 года, можно замѣтить, что Вельскій погостъ не былъ внесенъ и послѣ 1613 года, а Корельскій монастырь, извѣстный съ начала XV вѣка, также оставался не внесеннымъ до 1622 года. Достойно вниманія по своей неясности въ Кн. Б. Ч. также описаніе рѣки Выми. Она въ Кн. Б. Ч. является подъ загадочнымъ названіемъ „Большой Птицы", не только не встрѣчаемымъ на картахъ, но даже неизвѣстнымъ въ мѣстномъ употребленіи, какъ можно заключить изъ того, что академикъ Шегренъ, бывшій на мѣстѣ, отъ туземныхъ жителей ничего не могъ узнать объ употребленіи названія „Большой Птицы" и „Тетери" (притока Выми, извѣстнаго на мѣстѣ подъ особымъ туземнымъ названіемъ). А между тѣмъ отъ р. Выми получило свое названіе одно изъ древнѣйшихъ поселеній—Усть-Вымь. Селеніе это считается исконнымъ мѣстожительствомъ Зырянъ и Пермяковъ, и при св. Стефанѣ Великопермскомъ оно имѣло особенное значеніе въ исторіи христіанской проповѣди у Зырянъ.

Здѣсь приведены только главнѣйшія указанія на неточность Кн. Б. Ч. Всѣ остальныя изчерпываются при самомъ разсмотрѣніи текста его и приведены въ своемъ мѣстѣ,—но изчерпываются, можетъ быть, не во всей полнотѣ, такъ какъ мы не пользовались при нашемъ трудѣ писцовыми книгами, во многомъ могущими разъяснить пробѣлы нашего изслѣдованія.

Какъ бы то ни было, разлагая текстъ Кн. Б. Ч. по разновременнымъ его редакціямъ, въ предѣлахъ Архангельской и Вологодской

губерній, за исключеніемъ Лопской земли, нами уже разсмотрѣнной, слѣдуетъ остановиться на томъ, что для первоначальнаго текста Чертежа, въ предѣлахъ Обонежской и Вотской пятинъ, нельзя заходить далѣе 1496 года. Это предположеніе не будетъ находиться въ противорѣчіи съ тѣмъ, что было высказано при обозрѣніи Мурманскаго и Терскаго береговъ по отношенію къ пространству отъ р. Навдемы къ западу до р. Тенуя, описаніе котораго мы признали отрывкомъ самаго древняго первоначальнаго текста Чертежа, такъ какъ къ тому же 1496 году относится и плаваніе дьяка царскаго Истомы въ Датскую землю и походъ Русскихъ въ Каянію, событія едва-ли не бывшія причиной, почему *впервые* предѣлы наши въ Лопской землѣ расширились до береговъ р. Тенуя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Кн. Б. Ч. Собственно о пространствѣ Архангельской губерніи, находящемся въ предѣлахъ пятинъ, необходимо замѣтить, что очевидная скудость свѣдѣній для Кн. Б. Ч. XV вѣка, какъ до р. Сумы, такъ и къ западу по берегамъ Онежской губы, объясняется отчасти тѣмъ, высказаннымъ въ своемъ мѣстѣ, замѣчаніемъ, что обитель Соловецкая, возникшая около половины XIV вѣка, какъ главная владѣтельница Поморья, застала по бѣломорскому берегу еще недавніе зачатки русскаго населенія и промышленности съ рѣдкими часовнями. Что же касается до тѣхъ принадлежавшихъ монастырю мѣстностей, кои существовали уже въ началѣ XIV вѣка, то они не вошли въ описаніе пятинъ, какъ мѣстности, изъятыя отъ правительственнаго контроля. За предѣлами пятинъ, къ востоку, при неимѣніи писцовыхъ книгъ, матеріалы для первоначальнаго текста Чертежа, являются только по такъ называемому „лѣтнему берегу“ Архангельскаго уѣзда и могли быть заимствованы только изъ различныхъ упоминаній въ актахъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XV вѣка въ Чертежъ могли войдти только слѣдующія указанія, отмѣченныя здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ:

послѣ	1147	года	Вологда.
„	1216	„	Устюгъ.
„	1251	„	Каменный монастырь.
„	1355	„	Холмогоры.
„	1379	„	Старая Пермь.

после 1410 года К рельскій монастырь.
„ 1419 „ Ненокса, посадъ.
„ 1450 „ Соловецкій монастырь.
„ 1450 „ Кемь, погостъ.
„ 1499 „ Сороки, погостъ.
„ — „ Тотьма.

Перечень этотъ можно бы пополнить значительнымъ количествомъ указаній на рѣки, лежащія въ раіонѣ того пространства, которое обнимаютъ собою названныя выше мѣстности, могшія войдти въ Чертежъ XV вѣка, такъ какъ всѣ эти рѣки,— Онега, Двина, Мезень, съ большею частію ихъ притоковъ, упоминаются уже въ грамотахъ 1471 года. Но и все это вмѣстѣ могло бы дать географическую карту на столько необильную указаніями, что естественно было бы задать себѣ вопросъ: какая же была надобность въ такомъ скудномъ очеркѣ мѣстностей по отношенію къ сѣверо-востоку? Но правильнѣе будетъ удержаться отъ такого заключенія, покуда не изчерпаны матеріалы, пригодные для опредѣленія первоначальнаго текста Чертежа на всемъ его пространствѣ. На сколько давность упоминаній объ рѣкахъ въ текстѣ Чертежа можетъ имѣть рѣзкія недомолвки, достаточно указать на одинъ примѣръ: въ 1499 году, какъ объяснено выше, походъ московскихъ воеводъ въ Югорскую землю совершается по рѣкамъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Пинеги надобно было перебираться въ Мезень и въ Печеру, описаніе похода ограничивается только тѣмъ, что изъ Пинеги и ея притоковъ... „пошли... *на многія рѣки*“, очевидно, тогда неизвѣстныя Москвѣ, между тѣмъ въ Кн. Б. Ч. рѣки Мезень и Печера, хотя и не со всѣми своими притоками, упоминаются. Изъ этого съ правдоподобіемъ можно заключать, что текстъ Чертежа, по отношенію къ этому пространству, едва ли могъ явиться даже въ началѣ XVI вѣка. Употребленіе въ Кн. Б. Ч. русскихъ названій для р. Выми и ея притоковъ (Большая Птица, Малая Птица, Тетеря) въ такомъ краѣ, который издревле былъ занятъ инородцами, по моему мнѣнію, даетъ право предполагать, что эти названія позднѣйшія и притомъ не народныя, такъ какъ на мѣстѣ о нихъ не сохранилось памяти.

При изслѣдованіи Мурманскаго и Терскаго береговъ для второй редакціи Кн. Б. Ч. обозначенъ былъ періодъ отъ 1532 до 1590 года.

Этотъ же періодъ можетъ быть принятъ для второй редакціи Кн. Б. Ч. и по всей Архангельской и Вологодской губерніямъ, гдѣ для XVI вѣка представляются слѣдующія указанія, приводимыя здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ:

до	1536	г.	Турчасовъ градъ.
„	1545	„	Окладникова слобода.
„	1548	„	Колижма, погостъ.
„	1552	„	Верховажье градъ.
„	—	„	Великая слобода.
„	1557	„	Сольвычегодскъ.
„	1561	„	Яренскій погостъ.
„	1582	„	Сумскій острогъ.
послѣ	1582	„	Архангельскій городъ.
до	1590	„	Ковда, погостъ.

Къ этимъ немногимъ мѣстностямъ, имѣвшимъ мѣсто во второй редакціи Кн. Б. Ч., могутъ быть прибавлены различныя рѣчки; но и затѣмъ скудость матеріаловъ, какъ для перваго, такъ и для втораго періода, по видимому, оказывается весьма очевидною, если не принимать въ соображеніе, что значительная часть мѣстностей, исторически извѣстныхъ до XVII вѣка и имѣвшихъ болѣе или менѣе важное значеніе, не могла войдти въ Кн. Б. Ч. по характеру ея спеціальной задачи.

XVII вѣкъ, относительно матеріаловъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кн. Б. Ч., также не обиленъ указаніями. Независимо отъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, каковы Пурьема, Лемца, къ этому періоду относятся:

до 1629 г., *Шенкурскій* городъ, который по мѣстности своей извѣстенъ гораздо древнѣе, но въ значеніи города упоминается только въ этомъ году;

до 1641 г., *Пустозерскій острогъ*, хотя историческое значеніе его мѣстности древнѣе.

Къ этому же періоду, безъ сомнѣнія, должны быть отнесены всѣ Сухонскіе, Югскіе и Лужскіе городки, которые Неволинъ въ перечнѣ историческихъ мѣстностей относитъ большею частію къ 1627 году. Нѣкоторые изъ нихъ становятся исторически извѣстны нѣсколько ранѣе, какъ о томъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Городокъ *Кичменскій* относится даже къ 1597 году, какъ о томъ есть упоминаніе у Щекатова, который говоритъ о сохранившейся на

одной изъ башенъ этого городка надписи, что „лѣта 105 ставленъ городъ Кичменской при царѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи и при намѣстникѣ Устюжскомъ князѣ Серебряномъ“ [1]).

Относительно этихъ городковъ можно здѣсь указать на особенное ихъ въ извѣстную эпоху значеніе. Изъ Кн. Б. Ч. видно, что они лежали на дорогѣ въ „Сибирскіе грады“, а потому и самое устройство ихъ представляется весьма вѣроятнымъ послѣ смутныхъ событій междуцарствія. Дорога въ Сибирскіе грады, по описанію Кн. Б. Ч., шла отъ Москвы на Троице-Сергіевъ монастырь, оттуда—на Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, а оттуда по теченію Сухоны на городки Шуйскій, Тотьму, Брусенецъ, Городищный, Бобровскъ, Стрѣльный до Устюга Великаго. Дальнѣйшаго описанія дороги въ Сибирскіе грады въ Кн. Б. Ч. не имѣется, но очевидно, она шла на Сольвычегодскъ и Яренскъ по р. Вычегдѣ, на Усть-Вымъ, Устьсысольскъ, на сообщеніе съ Печерой, и по притокамъ послѣдней на р. Щугоръ, старый путь за Камень. Рѣки Щугоръ и Илышъ, какъ извѣстно, сквозь выемки Каменнаго Пояса примыкаютъ своими верховьями къ рр. Сосвѣ и Тавдѣ [2]).

Другой путь въ Сибирь шелъ на Устьсысольскъ, оттуда вверхъ по Вычегдѣ, посредствомъ двухъ Кельтмъ и волока, между ними бывшаго, въ Каму на Чердынь городъ (Великую Пермь), гоего основаніе относятъ по крайней мѣрѣ къ началу XV вѣка, если не ранѣе.

Есть еще група городковъ на рѣкахъ Югѣ и Лузѣ, которые въ Кн. Б. Ч. прямо называются „Устюжскими“, какъ бы въ подтвержденіе того, что назначеніе ихъ было обезпечивать водный путь къ Устюгу съ двухъ сторонъ—съ юго-запада и юго-востока.

Собранными здѣсь историческими данными, какъ кажется, изчерпывается текстъ третьяго дополненія Кн. Б. Ч., относящагося къ началу XVII вѣка, когда въ разныхъ актахъ встрѣчаются упоминанія о писцовыхъ книгахъ 1608, 1613 и 1622 годовъ.

Какъ извѣстно, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1680 г. сдѣлано было дополненіе къ Кн. Б. Ч. По отношенію къ предѣламъ Архан-

---

[1]) Кн. Б. Ч. пр. 213.

[2]) Энцикл. Слов., XII, Вологда Надеждина, 409.

гельской и Вологодской губерній оно могло быть основано на переписныхъ книгахъ 1678 и 1679 годовъ, о которыхъ впрочемъ извѣстно пока только по одному упоминанію, приведенному въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ хронологически объясненныя пополненія Кн. Б. Ч. въ разныя эпохи его исправленія должны и здѣсь остаться тѣ же самыя, какія мы приняли при разложеніи текста въ Лопской землѣ; но и здѣсь эти выводы мы считаемъ не окончательными, хотя впрочемъ въ извѣстной степени доказанными. На остальномъ пространствѣ Россіи, въ объемѣ Кн. Б. Ч., конечно, могутъ представиться новые факты, относящіеся къ вопросу о повременности образованія текста ея, которые могутъ измѣнить и дополнить сдѣланные выводы.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ объ измѣреніи разстояній, которыми такъ богата Кн. Б. Ч. Оно для насъ имѣетъ, по различнымъ мѣстностямъ, различное значеніе, въ прямой зависимости отъ котораго находится повѣрка изложенія и самое разрѣшеніе вопроса о томъ, какая мѣра, или проще сказать, какая верста употреблялась въ Кн. Б. Ч.

Большая часть этихъ измѣреній относится къ опредѣленію разстояній *между устьями рѣкъ*. Эти измѣренія ускользаютъ отъ всякой положительной повѣрки, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, когда приходится говорить о рѣкахъ, устья коихъ заселены, и разстоянія между коими приводятся по какимъ-либо причинамъ въ извѣстность, какъ то видно изъ Списковъ населенныхъ мѣстъ. Но и въ этомъ случаѣ показанія Кн. Б. Ч. относительно разстояній часто не сходятся съ показаніями полицейскими, принятыми въ Спискахъ, частію по ихъ гадательности, а частію потому, что направленіе путей, можетъ быть, измѣнялось и отклонялось отъ тѣхъ линій, которыя были приняты въ Кн. Б. Ч. Кромѣ того, разстоянія эти, какъ не разъ было уже замѣчено, представляютъ разницу и отъ того, будутъ ли они приводимы въ извѣстность по зимнему или по лѣтнему пути отъ одной мѣстности до другой. Такимъ образомъ значительная часть измѣреній между устьями рѣкъ, при настоящихъ средствахъ повѣрки, не окажетъ помощи при оцѣнкѣ измѣреній Кн. Б. Ч.

Другой родъ измѣреній относится къ *длинѣ теченія рѣкъ*. Такихъ измѣреній также много; но даже по отношенію къ

главнѣйшимъ рѣкамъ трудно прійдти къ разрѣшенію вопроса объ ихъ измѣреніи, такъ какъ длина рѣкъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ краѣ, въ разныхъ монографіяхъ и гидрографическихъ очеркахъ опредѣляется приблизительно; напримѣръ, длина Онеги по Кн. Б. Ч. 730 верстъ (въ варіантахъ— 430 верстъ), а по описаніямъ эта рѣка имѣетъ примѣрно до 400 верстъ [1]); теченіе Двины до устья Юга занимаетъ по Кн. Б. Ч. отъ устья до Архангельска 60 в., или какъ въ варіантахъ— 30 в., отъ Архангельска до Холмогоръ— 50 в., отъ Холмогоръ до Устюга Великаго — 460 в., всего 570 верстъ; въ описаніяхъ же длина Двины измѣряется въ 672 версты. Измѣреніе нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ напримѣръ, Сухоны, Юга, Ваги и другихъ, хотя и можетъ быть усчитано по Кн. Б. Ч., но не вполнѣ, такъ какъ верховья рѣкъ большею частію остаются по Кн. Б. Ч. безъ измѣренія. Вообще къ измѣренію рѣкъ иногда приходится примѣнить то же замѣчаніе, какое высказано относительно измѣренія между устьями рѣкъ, съ тою только разницею, что здѣсь могли измѣняться самыя русла рѣкъ, а потому и сравненіе измѣреній старинныхъ съ современными не всегда даетъ средства для успѣшной повѣрки разстояній, принятыхъ въ Кн. Б. Ч.

Остается еще третій родъ измѣреній, встрѣчающійся въ Кн. Б. Ч., именно относительно разстояній между населенными мѣстностями, и притомъ только такихъ измѣреній, которыя можно повѣрять или Списками населенныхъ мѣстъ, или почтовыми дорожниками.

Приведемъ здѣсь нѣсколько удобосравнимыхъ примѣровъ:

	По Кн. Б. Ч.	По списку.	По Дорожнику.
отъ Сумы до Колижмы . . .	20 в.	22 в.	—
„ Неменги до Усть-Онеги .	20 „	32 „	—
„ Онеги до Турчасова .	70		
„ „ „ моря . . .	60		
	130 „	122½ „	—
„ Неноксы до Солзы . .	20		
„ „ „ Кудьмы .	20		
„ „ „ Двины .	20		
	60 „	72½ „	—

[1]) Геогр. Слов. Сем., I, 21; Кн. Б. Черт., 161, 192.

отъ Архангельска до Холмогоръ 50			
„ Архангельска до моря . 30			
	80 в.	—	70½ в.
„ Яренги до губы Уны . 20			
„ „ „ Чухи. . . . 5			
„ „ „ Сюзы . . . 10			
„ „ „ Неноксы. . 15			
„ „ „ Солзы . . . 20			
„ „ „ Кудьмы . . 20			
„ „ „ Двины . . 20			
„ Устьями Двины 50			
	160 „	143 „	— „
„ Яренска до Усть-Выми (Старой Перьми)	78 „	83½ „	— „
Дорога въ Сибирскіе грады:			
Отъ Москвы до Троицко-Сергіева монастыря.	60 „	—	69¾ „
„ Москвы до Переяславля .	60 „	—	60¾ „
„ „ „ Ростова . . .	60 „	—	62 „
„ „ „ Вологды . . .	200 „	до Данилова 66 в. „ Грязовца 71¼ „ „ Вологды 42½ „	185½ „
„ „ „ Тотьмы . . .	130 „	136 в.	— „
„ Устюга до Стрѣльнаго. .	50 „	43½ „	— „
„ „ „ Орлова. . . .	40 „	53 „	— „
„ „ „ Ратмирова . .	50 „	52 „	— „
„ „ „ Лальска . . .	90 „	79 „	— „

Очевидно изъ приведенныхъ примѣровъ, что измѣреніе въ верстахъ, принятое въ Кн. Б. Ч., большею частію *близко къ нынѣшнему.* Но едва ли было бы правильно, судя по приведеннымъ даннымъ, относящимся къ двумъ губерніямъ, заключать объ остальной Россіи, тѣмъ болѣе, что при оцѣнкѣ способовъ измѣренія, принятыхъ въ Кн. Б. Ч., безъ сомнѣнія, прійдется имѣть въ виду и разновременные періоды ея дополненія и исправленія, которые покуда нельзя считать вполнѣ опредѣленными.

Бутковъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи „о старинныхъ русскихъ мѣрахъ" хотя и положительно утверждаетъ, что русская верста издревле заключала въ себѣ 500 сажень, и приводитъ для того многіе убѣдительные примѣры, но самъ же указываетъ на то, что длина версты должна была зависѣть отъ длины сажени, которая измѣнялась—сначала была трехлокотною, а потомъ сдѣлалась трехаршинною и въ этомъ размѣрѣ является въ первый разъ въ 1534 году, въ писцовомъ наказѣ, гдѣ названа „царскою", а потомъ называлась „печатною". Къ этому Бутковъ прибавляетъ, что, не смотря на установленіе трехаршинной сажени, даже до второй половины XVII вѣка эта мѣра не была въ народномъ употребленіи, гдѣ сажень оставалась *маховая* или *косая*. Эта сажень называлась „старою", а въ XIV вѣкѣ въ лѣтописяхъ встрѣчается подъ именемъ: „сажень человѣча" [1]). Все это наводитъ на мысль, что измѣреніе могло быть не одинаково въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ. При этомъ условіи разъясненіе вопроса о мѣрахъ, употребленныхъ въ Кн. Б. Ч., можетъ быть примѣнено и къ уясненію различныхъ періодовъ составленія; но все это можетъ быть изложено только при изученіи текста на всемъ его пространствѣ.

Въ заключеніе необходимо прибавить нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, въ какой степени берега Ледовитаго моря на пространствѣ, нами нынѣ пройденномъ (отъ Лопской земли до Карскаго моря), были извѣстны иностраннымъ мореплавателямъ. Всѣ путешествія ихъ, какъ извѣстно, имѣли цѣлію открытіе сѣверо-восточнаго пути въ Индію. Слѣдуя, преимущественно хронологическому перечню путешествій, приводимому въ общеизвѣстномъ почтенномъ трудѣ графа Ѳ. П. Литке и вполнѣ достаточному для нашей цѣли, мы приведемъ здѣсь извѣстія иностранныя, начиная съ того мѣста, гдѣ мы остановились при описаніи Мурманскаго и Терскаго береговъ. При этомъ прежде всего остановимся на картѣ Гюйена (Huyen) 1594 и 1595 годовъ, описаніе которой, составленное академикомъ Гамелемъ, хранится въ корректурныхъ листахъ въ библіотекѣ Географическаго общества.

а) *Отъ сѣверо-восточной оконечности Кандалакскаго залива до*

---

1) Ж. М. Вн. Д., 1844, іюнь, 254, 255.

рѣки Сумы. На картѣ Гюйена находится значительная часть указаній по этой мѣстности, особенно по восточному берегу Кандалакской губы; таковы слѣдующія указанія Гюйена на листахъ 14 и 16: *Kofda* (Ковда р.), *Keretti* (Кереть р.), *Suya* (можетъ быть, Чумза), *Kynsesma* (Кузомень), *Souloski* (Соловки, Соловецкіе острова), *Kousca* (Кузовы острова).

б) *Онежская губа и ея берега*, очевидно, не могли войдти въ описаніе карты Гюйена (какъ и другихъ иностранныхъ мореплавателей); а потому и описаніе карты Гюйена начинается только въ предѣлахъ Архангельскаго уѣзда, по такъ называемому Лѣтнему берегу, не вдалекѣ отъ Неноксы. Здѣсь показаны у Гюйена нѣкоторыя мѣстности, которыхъ мы на современныхъ и старыхъ картахъ не могли отыскать; таковы: *Oskaria goeba* (Оскарская губа?), *Testia*, *Usma*; затѣмъ слѣдуетъ *Nenoousa*, т. е. Ненокса; противъ нея показанъ вдающійся въ берегъ заливъ (вѣроятно, Ненокская губа) съ подписью *Ozera* (озера?); за нею *Tosticberg* (Толстый берегъ?), потомъ *Sooltza* (Сольца рч.), *Codima* (Кудьма рч.); по берегу надпись: *Leetna strona* (т. е. Лѣтняя сторона или Лѣтній берегъ), затѣмъ слѣдуетъ *Monasterium Corelska* (Корельскій Николаевскій монастырь), *Corelska* (Корельская губа или правильнѣе Корельскій рукавъ Двины), *Padosemsoi* (Пудожемскій рукавъ), *Mormaskoi* (Мурманскій рукавъ); далѣе, съ правой стороны Двинскаго устья, *T'casteel Archangeli* (Архангельская крѣпость или острогъ). Здѣсь неизлишне замѣтить, что эта надпись поставлена на листѣ № 14, а на листѣ № 16 (изображеніе того же берега) вмѣсто нея надписано: *Michael*, т. е. собственно Михайловъ монастырь. Такъ какъ обѣ эти надписи принадлежатъ къ исходу XVI вѣка, то слѣдовательно, относятся къ новому тогда городу Архангельску, въ чертѣ котораго находился и Михайловъ монастырь.

в) Дальнѣйшее пространство, *отъ устья Двины до береговъ Мезени*, у Гюйена очерчено такъ неправильно, что едва можно узнать только общій характеръ берега, такъ называемаго Зимняго. Противъ него на морѣ показанъ *Mosrouetz* (островъ Моржовецъ, упоминаемый и въ путешествіи Бурро въ 1556 году), а по самому берегу названы *Gorigorscoi noos* (?) и *Couloja*, т. е., р. Кулой, а потомъ *Slaboda* (на другомъ листѣ *Slavoda*), вѣроятно—Окладникова слобода. За Мезенью, по картѣ Гюйена, часть тундры на-

звана *Condora*, а за нею *Samojeden lond* или *Neue Holland*. Названіе этого печальнаго края Новою Голландіей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дорожили иностранные мореплаватели своими открытіями.

г) Встрѣчаются на картѣ Гюйена и указанія, относящіяся до Канинскаго полуострова, каковы: *Zeizra;* если подъ этимъ названіемъ должно разумѣть какую-либо рѣчку, то ничего подобнаго мы не нашли на современныхъ картахъ. За нею слѣдуетъ рч. *Malgaja* (вѣроятно, Мгла), *Nees* (Ниса), *Tista* (можетъ быть, искаженное названіе рч. Чижи), *Polosana* (вѣроятно, рч. Волосова), *Kia* (Кія), *Toina* (вѣроятно, Шейна), *Canni noos* (Канинскій носъ). Въ путешествіи Ная въ 1594 году онъ названъ *Twisthoek*, т. е. Спорный мысъ; затѣмъ слѣдуютъ: *Orinca*, *Maskuica*, *Zicopa*, *Promoi*, *Tostai* (всѣхъ этихъ названій, если они относятся къ рѣчкамъ восточнаго берега Канинской земли, на современныхъ картахъ нѣтъ: только *Promoi* и *Tosta* звучатъ русскими названіями: Промой и Толстой). Далѣе снова по порядку слѣдуютъ: *Goloebinsta* (Голубица), *Otma* (вѣроятно, Ома или Вома), *Ostmiste* (можетъ быть, Омица), *Pessa* (Пеша), *Pessista* (Пешица или Пеша малая), *Volonga* (Волонга), *Nidega* (Индега), *Garnostael* (Горностая), *Beelt* (Велть), *Sveto noos* (Святой носъ). Въ путешествіи Ная (1594 года) за Святымъ Носомъ къ востоку показанъ какой-то островъ подъ названіемъ *T'Eylant Toxar*. За Святымъ Носомъ по берегу слѣдуетъ: *Colcolcova* (Колоколова), *Pitzanica* (вѣроятно, губа рч. Песчанки); эта же губа или рѣчка въ путешествіи Ная (1594 г.) названа *Pitzano*, *Petserscoi savoroot* (Печерскій заворотъ). Далѣе *Dolgoi ostrof* (Долгій островъ), въ путешествіи Ная названъ островомъ *св. Маврикія*; *Soechoe more* (Сухое море—заливъ передъ устьемъ Печеры), *Petchora riviere* (Печера рѣка); съ лѣвой стороны ея *Petzora* (городъ—вѣроятно, острогъ Пустозерскій); *Bolvenscaja goeva*, т. е. Болванская губа; здѣсь на мысѣ Болванскомъ въ путешествіи Ная упоминается найденное имъ идольское мольбище Самоѣдовъ, которое у него называется *Afgodenboeck*. За Печерой у Гюйена названы *Tserneia* (рч. Черная), *Mesei Barandey* и *Bolsoi Barandey*, т. е. Малая и Большая Варандея, по картамъ современнымъ безразлично названныя рч. Варандеемъ. Далѣе слѣдуютъ: *Petssanca*, *Borlonajca* (Песчанка и Бурлова), *Corotaeva reca* и *Corotaeva goeba*,

т. е. рч. Коротаева и Коротаевская губа, и наконецъ *Kara* (Кара) [1].

Изъ предыдущаго видно, что по всему этому пространству главнымъ источникомъ для сравненія географическихъ указаній можетъ служить только карта Гюйена: остальныя же путешествія мало даютъ матеріаловъ. И вообще надобно замѣтить, что свѣдѣнія эти не прибавляютъ ничего особеннаго для знакомства съ Кн. Б. Ч., выясняя только то обстоятельство, что путешествія иностранцевъ, не касаясь во многихъ мѣстахъ береговъ, вообще страдаютъ нерѣдкими неточностями и неполнотой, въ которыхъ только Книга Б. Ч. можетъ служить единственнымъ полнымъ указателемъ.

Что касается до упоминанія иностранными мореплавателями нѣкоторыхъ острововъ Ледовитаго моря, то по этому случаю необходимо еще разъ обратиться къ тексту Большаго Чертежа. Въ немъ названъ остр. *Вайгачь*, при чемъ въ текстѣ прибавлено: „отъ брега (т. е. отъ материка) островъ 10 верстъ“. Островъ этотъ, какъ извѣстно, находится между материкомъ и Новою Землей, отдѣляясь отъ перваго проливомъ, называемымъ Югорскимъ шаромъ, а отъ второй—проливомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Карскихъ воротъ. Сѣверную оконечность его составляетъ Болванскій носъ. Островъ имѣетъ длины отъ сѣверо-запада къ юго-востоку до 102 верстъ, а ширины—до 40 верстъ. Островъ этотъ, обильный пушнымъ звѣремъ и птицей, издавна привлекаетъ къ себѣ промышленниковъ (Самоѣдовъ, Зырянъ и Русскихъ). Очевидно, что самыми давними обитателями Вайгача слѣдуетъ считать Самоѣдовъ, какъ племя старѣйшее въ этомъ краѣ; на Болванскомъ мысѣ у нихъ было мольбище, гдѣ стоялъ идолъ. Изъ иностранныхъ мореплавателей островъ Вайгачь извѣстенъ слѣдующимъ, посѣщавшимъ его: въ 1556 г.—Бурро, въ 1580—Пешу и Джокману, въ 1594—Наю, у котораго островъ этотъ названъ *Эйкгейзенскимъ;* у Гюйена онъ называется *Weygatz.* Иностранцы слово Вайгачь производятъ отъ голландскихъ словъ wauien—дуть и gat—ворота, т. е., ворота, въ которые дуетъ съ большою силою вѣтеръ; но такимъ образомъ это названіе скорѣе могло бы относиться къ проливу, чѣмъ къ острову. Какъ кажется, правильнѣе будетъ замѣчаніе Витзена, который говоритъ, что слово

---

[1]) Корректурные листы карты Гюйена, № 14 и 16; Четырекратн. путеш Адм. графа Ѳ. П. Литке, 1828, стр. 13–41.

Вайгачь производится отъ прозвища русскаго промышленника Ивана Вайгача. Самоѣды островъ Вайгачь называютъ Хаюдей-я [1]).

Новая земля, отдѣляемая отъ Вайгача проливомъ, въ Кн. Б. Ч. не упомянута. Открытіе Новой земли приписываютъ Новгородцамъ и относятъ къ весьма отдаленной эпохѣ; но при пересмотрѣ историческихъ указаній мы имѣли случай убѣдиться, что въ отдаленный періодъ походовъ Новгородцевъ въ такъ называемую Югорскую землю, едва ли могли они не только открыть Новую землю, но даже и знать что-либо опредѣлительнѣе о ней, въ особенности отъ туземцовъ, таившихъ къ нимъ постоянно враждебныя отношенія. Движеніе промышленности въ этомъ краѣ, какъ замѣчено выше, могло безопасно установиться только въ концѣ XV вѣка, съ паденіемъ власти Новгородской. Нельзя, конечно, отвергать, что промышленники, особенно Зыряне, проникали на Вайгачь и Новую землю и ранѣе XV в. Самые первые иностранные мореплаватели говорятъ о Новой землѣ, какъ объ островѣ, уже *прежде извѣстномъ*. На сѣверныхъ берегахъ его они находили кресты съ славянскими надписями. Но эти извѣстія принимаются только за доказательство того, что въ половинѣ XVI вѣка берега Сѣвернаго Океана и острова эти уже были заняты Русскими. Первое опредѣлительное извѣстіе объ открытіи Новой земли сообщаетъ Италіанецъ Мавро Урбини въ началѣ XVI вѣка: онъ говоритъ, что Русскіе изъ Біарміи, плававшіе по Сѣверному морю около 107 лѣтъ назадъ (т. е., въ началѣ XV в.), открыли этотъ островъ, дотолѣ неизвѣстный. Иностранные мореплаватели, съ половины XVI вѣка часто посѣщавшіе этотъ край, оставили въ своихъ путешествіяхъ различныя указанія, относящіяся до береговъ Новой земли, особенно южной оконечности ея. Всѣ эти указанія относятся преимущественно къ 1594 году; въ путешествіяхъ Баренса, Ная и Гюйена она названа *Nova Zemla* [2]).

---

[1]) Четырекр. путеш. Графа Ѳ. П. Литке, 239; Географ. Слов. Семен., I, 385.

[2]) Черекратн. путеш. Графа Ѳ. П. Литке, 1828, ст. 13—31; Геогр. Слов. Сем., II, 481 и слѣд.

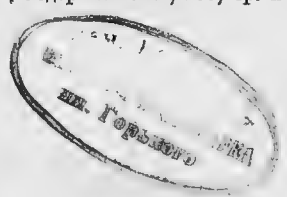
Въ заключеніе мы должны упомянуть, что нами изготовлена, въ дополненіе къ настоящей статьѣ, карта сѣверо-восточной Россіи въ разсмотрѣнныхъ предѣлахъ и съ написаніемъ на ней всѣхъ соотвѣтствующихъ показаній Кн. Б. Ч. Карта эта составлена въ размѣрѣ маршрутной карты полковника Скалона, изданной въ 1851 и пополненной къ 1859 году Генеральнымъ Штабомъ; она имѣетъ 25 верстъ въ англ. дюймѣ. Размѣръ этотъ почтенъ нами необходимымъ въ виду множества географическихъ указаній, которыя привелось наносить на карту; многія же и затѣмъ все-таки не могли быть помѣщены. Какъ это обстоятельство, такъ и дороговизна изданія карты, сдѣлали затруднительнымъ приложеніе ея къ настоящему изслѣдованію. Притомъ должно сказать, что за неимѣніемъ современной карты, на которой берега Ледовитаго моря отъ Мезени до Кары были бы сполна очерчены, и на нашей картѣ за рѣкой Мезенью вошла въ составъ ея только южная часть Канинской земли и Чесской губы, а все дальнѣйшее, со включеніемъ теченія Печеры, осталось на карту не нанесеннымъ. Описаніе этого пространства мы заимствовали изъ рукописнаго атласа Архангельской губерніи, принадлежащаго Центральному Статистическому Комитету: безъ этого картографическаго пособія, имѣющаго неоцѣнимое достоинство для нашей работы, многое изъ показаній Кн. Б. Ч. нельзя было бы совершенно пріурочить къ современнымъ географическимъ даннымъ.

Алфавитный указатель

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СТАТЬѢ.

Примѣчаніе. Цифры при названіяхъ означаютъ страницы. Названія, относящіяся къ исправленному тексту Книги Большого Чертежа, напечатаны курсивомъ.

*


им. Горьк